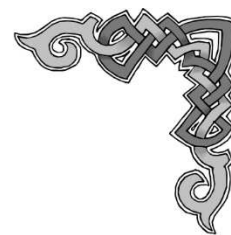

ООО «Наука и образование»

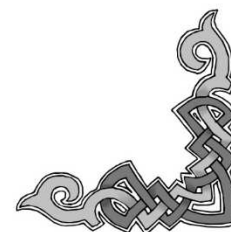
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

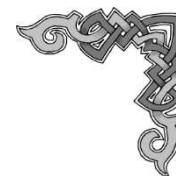

**№ 2
2022**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2022, № 2

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета:

Осипов Геннадий Васильевич, академик Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Заместители председателя редакционного совета по работе со студентами, магистрантами, аспирантами:

Хунагов Рашид Думаличевич, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института комплексных проблем Адыгейского государственного университета;

Гугуева Дарья Александровна, (по работе со студентами, магистрантами, аспирантами), кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета, Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения учебно-образовательного центра Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Эссентукского института управления, бизнеса и права;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Gennady V. Osipov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Deputy Chairman of the Editorial Board for Work with Students, Masters, Graduate Students:

Rashid D. Hunagov, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of the Adygea State University;

Darya Gugueva, (for work with students, undergraduates, postgraduates), Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Branch and Applied Sociology of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State University of Economics, Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification of the Educational Center of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Vladimir N. Grishay, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of General Humanitarian and Natural Sciences of the Essentuki Institute of Management, Business and Law;

Alexander Viktorovich Dyatlov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Regional Management of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный юрист Кубани, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики Кубанского государственного университета;

Каропова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, руководитель Отдела оперативных исследований, заместитель руководителя Центра социологии и экономики знания Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент) Киргизско-Российского славянского университета. г.Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимательства;

Куемжиева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Zelensky V. Dmitriyevich, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of Kuban, Head of Master's degree programs of the Faculty of Law of Kuban Agrarian University;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociology, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism of Kuban State University;

Svetlana G. Karepova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Operational Research Department, Deputy Head of the Center for Sociology and Economics of Knowledge of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Aynura A. Kocherbayeva, Doctor of Economics, Professor, Head of the PLO «Economics and Management of the National Economy» (management) Kyrgyz-Russian Slavic University. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovalov, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Professor of the Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurship;

Svetlana A. Kuemzhieva, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Private Law and Business Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Svetlana A. Markova-Murasheva, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory, History of State and Law of Kuban State University;

Sergei A. Nevsky, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Scientific Work, Head of the Research Center № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации;

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия;

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАЕН, профессор, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, курс-лидер по направлению уголовное право Югорского государственного университета;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и конституционного права Краснодарского университета МВД России;

Narbut N. Petrovich, Doctor of Sociology, Professor, First Deputy Dean, Head of the Department of Sociology of the Peoples' Friendship University of Russia;

Konstantin V. Obrazhiyev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Mr. Dawei, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences. People's Republic of China;

Yury E. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice;

Vitaly S. Pusko, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor;

Anna I. Romanova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Management in Urban Economy of Kazan State University of Architecture and Civil Engineering;

Irina N. Rykova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Industrial Economics of the Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Sergey I. Samygin, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Personnel Management and Sociology of Rostov State University of Economics;

Anatoly N. Silin, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the West Siberian Branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences;

Irina V. Snimschikova, Honored Scientist of Kuban, Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Financial Management of the Kuban State Technological University named after I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, Doctor of Law, Professor, Course Leader in Criminal Law at Ugra State University doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university;

Andrey R. Tuzikov, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration of Kazan National Research Technological University;

Ivan V. Uporov, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Administrative and Constitutional Law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, руководитель Центра международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик Российской академии наук, доктор социологических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Insur Z. Farkhutdinov, Doctor of Law, Head of the Center for International Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «Eurasian Legal Journal»;

Evgeny M. Kharitonov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Director of the All-Russian Rice Research Institute.

СОДЕРЖАНИЕ:

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверин А.Н., Понеделков А.В., Яланский А.П., Омельченко И.В. Обеспечение занятости на российском рынке труда	15
Вакула И.М., Лугинина А.Г., Власова В.Н. Девiantное поведение российской молодежи: обзор научно-исследовательских работ	20
Вахрушева Е.Ю., Мезинова Г.Н. Актуальные проблемы политической социологии	25
Вислогузов П.А. Принципы создания социального механизма стимулирования труда военнослужащих	30
Голубева К.А. Типология финансовой культуры	33
Дмитриева И.С., Копылов С.И. Проблема идентификации новейших социальных изменений, происходящих на национальных рынках труда	36
Коновалова Т.В., Шевцов Ю.Д., Надирян С.Л., Миронова М.П. Влияние пандемии на трансформацию педагогических технологий в инженерном образовании	40
Коркия Э.Д., Мамедов А.К. Ценности публичной культуры: визуализация и социальные маркеры	45
Кортелева А.В. Гендерная дискриминация на рынке труда в современном Китае	51
Куксёнок А.Р. Анализ факторов, влияющих на принятие решений в сфере здравоохранения	53
Куликов С.В., Курбатов В.И., Папа О.М. Виртуальная идентичность в формате самоконструирования: информационные ресурсы и информационная субъектность	60
Лукашевская Д.А. Мотивация трудовой деятельности с позиций современной социологии управления	68
Павлюкевич К. Социальный механизм экспорта образовательных услуг как дефиниция научного анализа	72
Попов М.Ю., Бугаенко Ю.Ю. Рискогенный потенциал коррупции в постсоветском трансформирующемся социуме	76
Прохоренко Ю.И., Лях П.П. Институциональные аспекты социального прогнозирования	83
Туркулец С.Е., Фетисова Е.А. Проблема концептуализации волонтерства в междисциплинарных исследованиях	90
Хорошкевич Н.Г. Изучение политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих в современной России с социологических позиций: постановка проблемы	98
Чимаров С.Ю., Алексеев А.А., Паншина С.В. Социальный аспект нравственно-патриотического воспитания личности сотрудника органов внутренних дел в контексте философских воззрений В.В. Розанова	104

Шефель С.В., Захарова В.А. Реализация концепции социокультурного синтеза в Республике Крым как условие социальной адаптации молодых крымчан	107
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Вишневецкий К.В., Ахмедов М.Б. Становление виктимологии как науки	113
Воронкова Л.С. Юридическая лингвистика: к вопросу о взаимовлиянии и взаимоусилении языка и права как сопутствующих наук	119
Жарких Е.А., Максимов А.М., Собин Д.В. Дифференциация ответственности и пенализация незаконной добычи и оборота особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов (ст. 258.1 УК РФ): вопросы обоснованности и целесообразности	122
Журавлева А.В. Современные проблемы определения правосубъектности искусственного интеллекта	128
Заслонов Я.А. Генезис законодательного регулирования ответственности за незаконную охоту в постсоветский исторический период	132
Зыков Д.А., Семенов С.А. Привилегированные преступления против собственности: опыт зарубежных стран и перспективы развития отечественного уголовного законодательства	135
Иванова П.В., Козгова С.И., Макаревич А.И. О современных проблемах содержания, реализации и защиты личных прав в России	138
Коголовский И.Р. Понятие «презумпция» в уголовно-правовой науке	142
Козгова С.И., Макаревич А.И., Лобзов Г.П. Особенности применения государственного финансового контроля в Российской Федерации	145
Ковелина Т.А., Собянин А.В., Марухно В.М. К вопросу о правовом регулировании применения искусственного интеллекта в медицине	148
Кuemжиева С.А., Корчагин А.Ю. К вопросу о построении судебных версий	152
Леонова Т.В. К вопросу об определении задач международного сотрудничества для доказательственной деятельности в сфере уголовного судопроизводства	155
Лобзов Г.П., Козгова С.И., Макаревич А.И. Условия правомерности причинения вреда при обоснованном риске, характеризующие цель и меру вредоносности рискованных действий	158
Макаревич А.И. Актуальные проблемы защиты прав участников договорных обязательств	162
Мельниченко Н.Н. Квалифицированные виды посягательств на сохранность объектов археологического наследия: направления оптимизации их системы	166
Николаева М.И., Рябчиков В.В. Проблемы квалификации хищений средств с банковской карты	170
Прошин В.М. Криминалистический и процессуальный аспекты установления события преступления	174
Рыбалко А.А. Структурный анализ криминалистической характеристики преступлений, направленных на побуждение несовершеннолетнего к совершению самоубийства	177
Савенков Д.А. Психологические аргументы в теории права Н.М. Коркунова	181

Савенков Д.А. Психологическая концепция права Л.И. Петражицкого	185
Савин А.А., Цветкова Е.В. О хулиганстве в российском законодательстве	189
Степаненко А.С., Барашева Е.В., Шипицина П.А. История развития избирательного процесса в России	192
Тушев А.А., Куемжиева С.А. Некоторые проблемы, возникающие при перемещении лиц, содержащихся в местах содержания под стражей	196
Чимаров С.Ю., Тонышев А.В., Косолапов А.Д. Вопросы обеспечения прав человека в контексте нормативных положений зарубежного законодательства о пробации	199
Шеховцов В.А., Козгова С.И. Актуальные вопросы процессуальной деятельности Конституционного суда Российской Федерации	203
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Аверин А.Н., Понеделков А.В., Кондратенко Е.Н., Батов А.Т. Уровень денежных доходов населения в условиях пандемии коронавируса	211
Мамедова Э.Ф., Янкина И.А. Алгоритм управления операционными рисками банка в условиях цифровой трансформации	217
Новоселов И.А. Досрочное погашение ипотечного покрытия облигаций с поручительством Дом.рф и спреда ОФЗ	224
Пастухов М.А. Оценка экономического потенциала АПК Краснодарского края на основе дифференциального зонирования факторов рентообразования	228
Польская С.И. Кластеры как форма предпринимательской сети	233
Сандлер Д.Г. Обеспечение конкурентоспособности вуза за счет совершенствования организации и управления процессами верхнего уровня	237
Таранов П.В., Басенко А.М. Инновационные технологии в мировой экономике XXI века	244

CONTENTS:

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Alexander N. Averin, Aleksandr V. Ponedelkov, Alexander P. Yalansky, Igor V. Omelchenko Ensuring employment in the Russian labor market	15
Ivan M. Vakula, Anna G. Luginina, Victoria N. Vlasova Deviant behavior of russian youth: review of research papers	20
Elena Yu. Vakhrusheva, Galina N. Mezinova Actual problems of political sociology	25
Peter A. Visloguzov Rinciples of creating a social mechanism for stimulating the work of military personnel	30
Ksenia A. Golubeva Typology of financial culture	33
Irina S. Dmitrieva, Sergey I. Kopylov The problem of identifying the latest social changes in national labor markets	36
Tatyana V. Konovalova, Yuri D. Shevtsov, Sofia L. Nadiryan, Maria P. Mironova The impact of the pandemic on the transformation of pedagogical technologies in engineering education	40
Eka D. Korkiya, Agamali K. Mamedov Public culture values: visualization and social markers	45
Anna V. Korteleva Gender discrimination in the labor market in modern China	51
Anastasia R. Kuksenok Analysis of factors influencing decision-making in the field of healthcare	53
Sergey V. Kulikov, Vladimir I. Kurbatov, Olesya M. Papa Virtual identity in the format of self-construction: information resources and information subjectivit	60
Daria A. Lukashevskaja Motivation of work from the position of modern sociology of management	68
Kristina Pavlyukevich The social mechanism of export of educational services as a definition of scientific analysis	72
Mikhail Yu. Popov, Yulia Yu. Bugaenko Risk potential of corruption in a in the post-soviet transforming society	76
Iurii I. Prokhorenko, Pavel P. Lyakh Institutional aspects of social forecasting	83
Svetlana E. Turkulets, Elena A. Fetisova The problem of conceptualization of volunteerism in interdisciplinary research	90
Natalya G. Horoshkevich Study of the political culture of state civil servants and municipal employees in modern Russia from sociological positions: problem setting	98
Sergey Yu. Chimarov, Alexey A. Alekseev, Svetlana V. Panshina The social aspect of moral and patriotic education personality of an employee of the internal affairs bodies in the context philosophical views of V.V. Rozanova	104

Sergey V. Shefel, Vera A. Zakharova Implementation of the concept of socio-cultural synthesis in the Republic of Crimea as a condition for the social adaptation of young Crimeans	107

JURISPRUDENCE

Kirill V. Vishnevetsky, Mahir B. Akhmedov The formation of victimology as a science	113
Lyudmila S. Voronkova Legal linguistics: to the question of mutual influence and mutual reinforcement of language and law as related sciences	119
Ekaterina A. Zharkikh, Afet M. Maximov, Dmitry V. Sobin Differentiation of liability and penalization of illegal extraction and trafficking of highly valuable wild animal and water biological resources (Art. 258.1 of the criminal code of the Russian Federation): questions of justification and expediency	122
Elena V. Zhuravleva Modern problems of definition legal personality of artificial intelligence	128
Yaroslav A. Zaslono Genesis of legislative regulation of responsibility for illegal hunting in the post-soviet historical period	132
Daniil A. Zykov, Sergei A. Semenov Privileged crimes against property: the experience of foreign countries and prospects for the development of domestic criminal legislation	135
Polina V. Ivanova, Svetlana I. Kozgova, Alexey I. Makarevich About modern problems of the content, implementation and protection of personal rights in Russia	138
Ivan R. Kogolovsky The concept of presumption in criminal law science	142
Svetlana I. Kozgova, Alexey I. Makarevich, Gleb P. Lobzov Features of the application of state financial control in the Russian Federation	145
Tatiana A. Kovelina, Andrei V. Sobianin, Vasilisa M. Marukhno To the question of legal regulation of the use of artificial intelligence in medicine	148
Svetlana A. Kuemzhieva, Alexander Yu. Korchagin On the question of building judicial versions	152
Tatyana V. Leonova On the issue of defining the tasks of international cooperation for evidence-based activities in the field of criminal justice	155
Gleb P. Lobzov, Svetlana I. Kozgova, Alexey I. Makarevich Conditions for the legality of causing harm at a reasonable risk, characterizing the purpose and the degree of harmfulness of risky actions	158
Alexey I. Makarevich Actual problems of protecting the rights of participants in contractual obligations	162
Nikolay N. Melnichenko Qualified types of crimes encroaching on the safety of archaeological heritage sites: directions for optimizing their system	166
Marina I. Nikolaeva, Vadim V. Ryabchikov Problems of qualification of embezzlement of funds from a bank card	170
Vladimir M. Proshin Forensic and procedural aspects of establishing a crime event	174
Anastasia A. Rybalko Structural analysis of the criminalistic characteristics of crimes aimed at inducing a minor to commit suicide	177
Dmitry A. Savenkov Psychological arguments in N.M. Korkunov's theory of law	181
Dmitry A. Savenkov Psychological concept of law by L.I. Petrazhitsky	185

Andrey A. Savin, Elena V. Tsvetkova About hooliganism in Russian legislation	189
Alexey S. Stepanenko, Eleva V. Barasheva, Polina A. Shipitsina The history of the development of the electoral process in Russia	192
Alexander A. Tushev, Svetlana A. Kuemzhieva Some problems that arise when moving persons held in places of detention	196
Sergey Yu. Chimarov, Alexander V. Tonyshev, Alexey D. Kosolapov Issues of ensuring human rights in the context of normative provisions of foreign law on probation	199
Viktor A. Shekhovtsov, Svetlana I. Kozgova Current issues of proceeding activities of the constitutional court of the Russian Federation	203
ECONOMIC SCIENCES	
Alexander N. Averin, Aleksandr V. Ponedelkov, Evgenia N. Kondratenko, Alim T. Batov The level of monetary income of the population in the context of the coronavirus pandemic	211
Elmira F. Mamedova, Irina A. Yankina Operational risk management algorithm for banks in the context of digital transformation	217
Ivan A. Novoselov Analysis of regional structure of registers of mortgage collateral of MBS covered by Dom.rf mortgage agency	224
Maksim A. Pastukhov Assessment of the economic potential of the agro-industrial complex of the Krasnodar territory on the basis of differential zoning of rent formation factors	228
Svetlana I. Polskaya Clusters as a form of an entrepreneurial network	233
Daniil G. Sandler Ensuring the competitiveness of the university by improving the organization and management of top-level processes	237
Petr V. Taranov, Alexander M. Basenko Innovative technologies in the world economy XXI century	244

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
Институт права и национальной
безопасности,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
anaverin1947@mail.ru

Понеделков Александр Васильевич

доктор политических наук,
профессор,
заведующий лабораторией,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Яланский Александр Павлович

кандидат экономических наук,
доцент,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Омельченко Игорь Владимирович

магистрант факультета политологии,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
igorom111@yandex.ru

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАНЯТОСТИ
НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА**

Аннотация. Пандемия коронавируса изменила состояние занятости на российском рынке труда. Произошло сокращение численности занятых работников, часть сотрудников была занята в режиме удаленной работы, увеличилась безработица, принимаются меры государственной поддержки занятости. В статье рассматриваются изменения, происшедшие в состоянии занятости, в результате мер, предпринятых государством в направлении преодоления безработицы, сохранения рабочих мест, программы субсидирования найма, пособий по безработице, трудоустройства выпускников, единой цифровой платформы «Работа в России».

Alexander N. Averin

Doctor of Philosophy,
Professor,
Institute of Law
and National Law Security,
Russian Academy of Folk
Economy and Public Service
President of the Russian Federation
anaverin1947@mail.ru

Aleksandr V. Ponedelkov

Doctor of Political Science,
Professor,
Head of Laboratory,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of the National Economy
and Public Service
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Alexander P. Yalansky

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of the National Economy
and Public Service
President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Igor V. Omelchenko

Master of Political Science,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of the National Economy
and Public Service
President of the Russian Federation
igorom111@yandex.ru

**ENSURING EMPLOYMENT
IN THE RUSSIAN LABOR MARKET**

Annotation. The coronavirus pandemic has changed the state of employment in the Russian labor market. There was a reduction in the number of employed workers, some employees were employed in the mode of remote work, unemployment increased, measures of state support for employment are being taken. The article deals with changes in the state of employment, overcoming unemployment, measures of state support for employment – job preservation, employment subsidy program, unemployment benefits, employment of graduates. unified digital platform «Work in Russia».

Ключевые слова: безработный, выпускник, государственная поддержка занятости, занятость, пособие по безработице, программа субсидирования найма, цифровая платформа.

Keywords: unemployed, graduate, state employment support, employment, unemployment benefits, employment subsidy program, digital platform.

О значительном изменении занятости в России в условиях пандемии коронавируса свидетельствуют статистические данные. Так, в 2020 году насчитывалось 70 млн 601 тыс. занятых работников, в том числе, 65 млн 833 тыс. чел. работали по найму и 4 млн 768 тыс. чел. работали не по найму, уровень занятости составил 58,4 %. Было 4 млн 321 тыс. безработных, 2 млн 371 тыс. зарегистрированных безработных, уровень безработицы – 5,8 %, уровень зарегистрированной безработицы – 3,2 %. По отношению к 2019 году процент занятых составил 98,1 %, безработных – 124,7 %, зарегистрированных безработных – 323,5 %. Средний возраст занятых – 41,6 лет, безработных – 36,4 года.

3 млн 384 тыс. (78,3 %) безработных ранее имели работу, в том числе, 856 тыс. чел. (19,8 %) оставили прежнее место работы в связи с высвобождением, сокращением штатов, ликвидацией предприятия, собственного дела, 1 млн 215 тыс. чел. (28,1 %) – в связи с увольнением по собственному желанию, 937 тыс. чел. (21,7 %) ранее не имели работы. У безработных был высокий образовательный уровень. Так, 24 % имели высшее образование, 21 % – среднее профессиональное по программе подготовки специалистов среднего звена, 18,9 % – по программе подготовки квалифицированных рабочих, служащих. 26,8 % – среднее общее, 8,7 % – основное общее, 0,7 % не имели основного общего образования.

Заявленная потребность в работниках составляла 1 млн 736,5 тыс. чел., нагрузка незанятого населения на одну заявленную вакансию – 1,7. Обратились в органы службы занятости населения по вопросу трудоустройства 7 млн 395,7 тыс. человек, трудоустроено 2 млн 411 тыс. чел. (32,6 %). Назначено пособие по безработице 1 млн 292,8 тыс. чел. В неформальном секторе экономики в 2020 году были заняты 14 млн 122 тыс. чел., в том числе, 13 млн 207 тыс. чел. заняты только в неформальном секторе, 915 тыс. чел. – в неформальном и формальном секторах, из них, 21 тыс. имели основную работу в неформальном секторе, 894 тыс. чел. – дополнительную работу в неформальном секторе, 8 млн 817 тыс. чел. (62,4 %) работали по найму, 5 млн 305 тыс. чел. (37,6 %) работали не по найму [1].

В результате принятых мер во втором полугодии 2020 года число людей, работающих в неформальном секторе, увеличилось на 828 тыс. человек. Затем их численность сократилась. Основные причины – принятые меры по легализации занятости, реализации государственных программ поддержки занятости, увеличение размера пособия по безработице, проведение обучения безработных, выплата субсидий работодателям при трудоустройстве безработных, падение спроса на теневые услуги, 8 млн человек (10 % в трудоспособном возрасте) являются самозанятыми [2].

В 2022 году численность занятого населения превышает 72 млн человек. В условиях пандемии коронавируса удалось сохранить 9,5 млн рабочих мест. В 2020–2021 годы на сохранение рабочих мест было направлено 91,1 млрд рублей. Небольшие компании, которые сохранили не менее 90 % штатных работников, получили субсидии в размере минимального размера оплаты труда на одного работника – сохранено около 4 млн рабочих мест. 205 млрд рублей было направлено на помощь безработным. В 2020 году средний размер пособия по безработице во время поиска работы в среднем 2,5 месяца составил 29,7 тыс. рублей. Мерами поддержки охвачено 15 млн. человек и 1,6 млн организаций [3]. Уровень безработицы снижался. Если в августе 2020 года он был равен 6,4 %, численность безработных составила 4,3 млн человек, то в 2021 году: в июле – 4,5 %, безработных – 3,4 млн, зарегистрированных безработных – 1,1 млн чел., в августе – 4,7 %, сентябре – 4,3 %. Получила развитие работа на удалении – около 3 млн человек трудились в таком режиме, до пандемии дистанционно работали 30 тыс. чел. [3; 4; 5; 6]. Увеличены размеры минимального и максимального пособия по безработице.

В 2022 году установлена его минимальная величина в размере 1,5 тыс. рублей, максимальная – 12792 в первые три месяца периода выплаты пособия и 5 тыс. в следующие три месяца периода выплаты. Для безработных людей предпенсионного возраста минимальная величина равна 1,5 тыс. руб., максимальная – 12792 руб. [7].

В 2021 году существовал дефицит рабочих профессий. Не хватало дальнбойщиков, грузчиков, кладовщиков на складах, машинистов, работников сельского хозяйства, кафе и ресторанов, фитнес-клубов, 600 тыс. рабочих на стройках. Летом и осенью не хватало 2,2 млн сотрудников. Основные причины – 1,5 млн мигрантов не смогли вернуться на работу в Россию, работодатели не исполняют обязательства по оплате труда, на рынок труда выходит мало молодежи [8]. В некоторых отраслях при наличии вакансий трудно найти профессиональных специалистов с новыми компетенциями, например, в информационных технологиях, страховании, консультировании, в автобизнесе, медицине и фармацевтике, банках.

Государственная поддержка занятости включает программу субсидирования найма, предназначенную для стимулирующих выплат работодателям, которые трудоустраивают безработных через центры занятости. Субсидии предоставляются на каждого оформленного по трудовому договору работника и имеют три минимальных размера оплаты труда, увеличенных на районный коэффициент, сумму страховых взносов. Первую часть субсидии работодатели получали через месяц после заключения с работником

трудового договора, вторую часть – после трех месяцев работы нового сотрудника, третью часть – через полгода. Средний размер субсидии – около 50 тыс. рублей на одного работника. В федеральном бюджете на содействие найму было предусмотрено 12 млрд. рублей. Программа также распространяется на выпускников вузов и колледжей, если они зарегистрированы в качестве безработных в центрах занятости. В июне было зарегистрировано 150 тыс. безработных моложе 25 лет [9].

В июне 2021 года 71,7 млн человек были заняты экономической деятельностью, уровень занятости – 59,4 %, доля женщин среди занятых – 48,7 %, доля занятых сельских жителей – 53,4%, городских жителей – 61,4 %. Уровень безработицы был равен 3,6 %. В январе – июне закрыто 545,8 тыс. индивидуальных предприятий. Средний возраст безработных – 37,2 года. Среди безработных до 25 лет – 19,3 %, в возрасте 50 лет – 20,9 %, работников без опыта работы – 24,4 % [10].

Во втором квартале 2021 года в федеральных кругах и регионах уровень безработицы различный. В стране насчитывалось 3 млн 720,4 тыс. безработных, 4,9 % к рабочей силе, 1 млн 182,2 тыс. чел. зарегистрировано в органах службы занятости. Наивысший уровень безработицы был в Южном федеральном округе (13 %), в Калмыкии (31,1 %), наименьший – в Центральном федеральном округе (3,6 %), в Севастополе (2,2 %), в Ямало-Ненецком автономном округе (2,2 %) [11].

В Москве сокращается уровень безработицы. В 2020 году он был равен 3 %, зарегистрированных безработных насчитывалось 224 тыс. чел., 2021-м – 2,7 %, 2022-м – 0,48%, зарегистрированных безработных – 35,4 тыс. чел. Число предложений в базе службы занятости составило 400 тыс. вакансий. В программах переобучения участвовали 18 тыс. человек. За счет городского бюджета создана программа повышения квалификации для инвалидов. Программу организуют некоммерческие организации. Для их поддержки через конкурс грантов «Москва – добрый город» ежегодно выделяется 400 млн рублей [12].

Важной проблемой является сохранение занятости работников предпенсионного возраста, многие из которых при сокращении боятся не найти новую работу. В рамках национального проекта «Демография» можно бесплатно пройти повышение квалификации и освоить новую профессию. В Москве в Центре занятости населения «Моя работа» действует программа по обучению людей предпенсионного возраста по 50 направлениям. В программе можно повысить компьютерную грамотность, освоить бухгалтерский учет, кадровый менеджмент, получить профессию садовника, повара, массажиста, эксперта по перевозке грузов. Выдается документ о профессиональной переподготовке [13].

Трудоустройством инвалидов, пенсионеров, молодых женщин в декрете, многодетных родите-

лей и семей, которые находятся в трудной ситуации, занимается государственный центр занятости «Моя карьера». Предлагаются вакансии, даются консультации по развитию универсальных личных качеств. В центре существует 240 обучающих программ. За два года более 70 тыс. человек стали участниками 2,5 тыс. тренингов и вебинаров. Он также является городским волонтерским центром для помощи людям старшего возраста и людям с хроническими заболеваниями [14].

Весьма актуальной задачей государственной поддержки занятости является трудоустройство молодежи. В 2020 году уровень безработицы среди молодежи до 24 лет составил 17 %. Экономически неактивными были 60 % молодых людей. Каждый молодой человек до 24 лет не учился, не работал и не искал работу. Многие выпускники не могут трудоустроиться. В 2021 году выделено 30 млрд руб. на программы обучения в системе среднего профессионального образования, которые соответствуют новым запросам рынка труда. 60 % школьников выбирают для обучения техникумы и колледжи [15].

Представляет несомненный интерес общероссийское репрезентативное комплексное социологическое исследование в 41 регионе с использованием массовых и экспертных анкет, которое провел в 2021 году Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН. Методом персонального интервью опрошены:

– 4002 молодых специалиста на 2007 предприятиях, в том числе 214 – на момент опроса безработных;

– в 202 вузах – руководители служб трудоустройства выпускников; на 204 предприятиях и в учреждениях – руководители служб управления персоналом;

– 41 руководитель территориальных (муниципальных) центров занятости населения.

Исследование показало, что дефицитными являются вакансии, существует переизобилие дипломов. В вузах стало больше факультетов гуманитарного профиля. Среди выпускников университетов 44,9 % обучались социально-гуманитарным наукам, 24,5 % – техническим, 3,4 % – естественным, 11,2 % – в сфере образования, 6,7 % – IT-технологии, электроники, связи, фототехники, 5,2 % – медицины и фармации, 4,1 % – сельского, лесного, водного хозяйства и ветеринарии. 47% жаловались на сложности с трудоустройством, четвертая часть опрошенных ошиблись с выбором профессии и считают, что надо ее менять, каждый пятый не пошел работать по своей специальности, поскольку за этот труд слишком мало платят. В соответствии с полученным дипломом, находят вакансии 91 % медиков, 82 % работников системы образования, 79 % IT-сферы, от 76 % до 78% специалистов в области транспорта, энергетики, сельского хозяйства, строительства, 37 % легкой промышленности, 25 % экологии. 37 % предприятий испытывают дефицит специалистов. Более 40 %

молодых специалистов, которые устраиваются на предприятия сразу после выпуска, нуждаются в переобучении или повышении квалификации. Это относится, прежде всего, к таким сферам, как транспорт и энергетика, медицина и образование, металлургия, гуманитарно-социальные направления. Спрос на вакансии со стороны выпускников вузов в 3,7 раза превышает предложение от работодателей. Выпускники колледжей на рынке труда должны выдержать конкурс в 2,3 человека на одно рабочее место, на выпускников лицеев спрос в 2,2 раза выше предложения, вакансий вспомогательного персонала в 3,4 раза больше числа желающих их занять. Запросы для работы от предприятий получает примерно каждый пятый выпускник. Сразу после окончания вуза работу находят 69 % выпускников. 32 % безработных молодых специалистов отметили, что с выбором специальности ошиблись. 28 % удалось найти место по основной специальности, 30 % – нечто среднее, 42 % – в совершенно другой сфере. 35 % молодых специалистов столкнулись с отсутствием вакансий, 12 % – с тем, что их профессия не нужна. Руководители и кадровики 60 % предприятий счита-

ют, что молодые специалисты не очень стремятся к саморазвитию [16].

Следует подчеркнуть, что вузам необходимо учитывать запросы рынка труда и гибко на них реагировать, должна быть постоянная работа государства, работодателей, высших и средних профессиональных образовательных организаций в данном направлении.

Государственная поддержка занятости предусматривает работу портала «Работа в России», который является единой цифровой платформой для центров занятости [17]. Портал имеет доступ к общей базе вакансий в стране, услуги предоставляются в электронном виде. Работодатели, у которых среднесписочная численность работников свыше 25 человек, обязаны размещать на единой цифровой платформе информацию о потребностях в работниках, условиях их привлечения, наличии вакансий и специальных рабочих мест для инвалидов. Граждане могут заполнить анкету и заявление, выслать резюме, получить статус безработного, оформить пособие по безработице. Центры занятости предоставляют услуги в электронном виде по поиску работы.

Литература:

1. Труд и занятость в России. 2021. Статистический сборник. URL : https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2021.pdf
2. *Выжutowич В.* Неформальная занятость отсутствует / В. Выжutowич // Российская газета. 2021. 02 июля.
3. *Манукиян Е.* Чем заняться / Е. Манукиян // Российская газета. 2022. 20 января.
4. *Дуэль А.* В центре занятости / А. Дуэль // Российская газета. 2021. 02 августа.
5. *Кузьмин В.* Кабинет с видом на COVID-19 / В. Кузьмин // Российская газета. 2022. 24 января.
6. *Игнатова О.* Сожительство предлагать / О. Игнатова // Российская газета. 2021. 29 сентября.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 ноября 2021 года № 1940 «О размере минимальной и максимальной величины пособия по безработице на 2022 год» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 47. Ст. 7847.
8. *Дуэль А.* Не вошли в кадры / А. Дуэль, О. Игнатова, О. Капранов // Российская газета. 2021. 17 декабря.
9. *Манукиян Е.* Бонус к сотруднику / Е. Манукиян // Российская газета. 2021. 30 июня.
10. Нештатные кадры // Российская газета. 2021. 18 августа.
11. Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Феде-

Literature:

1. Labor and employment in Russia. 2021. Statistical collection. URL : https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2021.pdf
2. *Vyzhutovich V.* Informal employment is absent / V. Vyzhutovich // Rossiyskaya Gazeta. 2021. July 02.
3. *Manukiyani E.* What to do / E. Manukiyani // Rossiyskaya Gazeta. 2022. January 20.
4. *Duel A.* In the employment center / A. Duel // Rossiyskaya Gazeta. 2021. August 02.
5. *Kuzmin V.* Cabinet with a view of COVID-19 / V. Kuzmin // Rossiyskaya Gazeta. 2022. January 24.
6. *Ignatova O.* To offer cohabitation / O. Ignatova // Rossiyskaya gazeta. 2021. September 29.
7. Resolution of the Government of the Russian Federation № 1940 of November 15, 2021 «On the amount of the minimum and maximum amount of unemployment benefits for 2022» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. № 47. Art. 7847.
8. *Duel A.* Not included in the frames / A. Duel, O. Ignatova, O. Kapranov // Rossiyskaya Gazeta. 2021. December 17.
9. *Manukiyani E.* Employee Bonus / E. Manukiyani // Rossiyskaya Gazeta. 2021. June 30.
10. Non-standard personnel // Rossiyskaya Gazeta. 2021. August 18.
11. The main indicators of the socio-economic situation of the subjects of the Russian Federation in the

рации в I полугодии 2021 года // Российская газета. 2021. 10 сентября.

12. *Пятилетова Л.* И белые, и синие воротнички / Л. Пятилетова // Российская газета. 2022. 19 января.

13. *Мамонова Е.* Снова за парту / Е. Мамонова // Российская газета. 2021. 15 июня.

14. *Зеленькова А.* Каждому – по труду / А. Зеленькова // Российская газета. 2021. 24 июня.

15. *Герейханова А.* Ответить на запрос / А. Герейханова // Российская газета. 2021. 16 августа.

16. *Четверикова А.* Трудное устройство / А. Четверикова // Российская газета. 2022. 20 января.

17. *Манукиян Е.* Россиянам стали доступны вакансии по всей стране / Е. Манукиян // Российская газета. 2021. 02 июля.

first half of 2021 // Rossiyskaya Gazeta. 2021. September 10.

12. *Pyatietova L.* Both white and blue collars / L. Pyatietova // Rossiyskaya Gazeta. 2022. January 19.

13. *Mamonova E.* Back at the desk / E. Mamonova // Rossiyskaya Gazeta. 2021. June 15.

14. *Zelenkova A.* To each – according to labor / A. Zelenkova // Rossiyskaya Gazeta. 2021. June 24.

15. *Gereikhanova A.* Answer the request / A. Gereikhanova // Rossiyskaya Gazeta. 2021. August 16.

16. *Chetverikova A.* Difficult device / A. Chetverikova // Rossiyskaya Gazeta. 2022. January 20.

17. *Manukiyan E.* Vacancies have become available to Russians all over the country / E. Manukiyan // Rossiyskaya Gazeta. 2021. July 02.

Вакула Иван Михайлович

доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Ростовский юридический институт
МВД России
imvakula@mail.ru

Лугинина Анна Григорьевна

кандидат философских наук,
доцент,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
luginina.anna8@mail.ru

Власова Виктория Николаевна

доктор философских наук,
доцент,
Ростовский государственный
медицинский университет
oip08@mail.ru

**ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ОБЗОР
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ
РАБОТ**

■ ■ ■

Аннотация. Авторы статьи указывают на то, что неопределенность и рискованная среда социального пространства повлияла на то, что произошли изменения в традиционном понимании девиантного поведения. В настоящее время мы наблюдаем за ростом девиаций в молодежной среде на фоне неопределенности институционально-нормативной системы. В связи с этим, многие ученые проводят активные исследования данного процесса. В рамках данной работы авторы обращаются к рассмотрению научно-исследовательских работ, посвященных данной проблематике, и описанию основных направлений исследований по выделенному проблемному полю.

Ключевые слова: общество, российское общество, молодежь, социальные установки, социальное поведение, девиации, девиантное поведение, отклонение, нормы.

■ ■ ■

В современном мире, который наполнен рисками и неопределенностями, очень значимой и актуальной проблемой становится тема реакций населения на существующую повседневность, формирование социальных установок и социального поведения всех групп российских граждан, особенно молодого населения [1; 2]. Поскольку в российском социальном пространстве, как и в любом другом, существует

Ivan M. Vakula

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Humanities
and socio-economic disciplines,
Rostov Law Institute
Ministry of Internal Affairs of Russia
imvakula@mail.ru

Anna G. Luginina

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Kuban State Agrarian
I.T. Trubilin University
luginina.anna8@mail.ru

Victoria N. Vlasova

Doctor of Philosophy,
Associate Professor,
Rostov State
Medical University
oip08@mail.ru

**DEVIANT BEHAVIOR
OF RUSSIAN YOUTH:
REVIEW OF RESEARCH PAPERS**

■ ■ ■

Annotation. The authors of the article point out that the uncertainty and risky environment of the social space influenced the fact that there were changes in the traditional understanding of deviant behavior. Currently, we are observing an increase in deviations among young people against the background of the uncertainty of the institutional and regulatory system. In this regard, many scientists are actively researching this process. Within the framework of this work, the authors turn to the consideration of research papers devoted to this problem and the description of the main directions of research on the selected problem field.

Keywords: society, Russian society, youth, social attitudes, social behavior, deviations, deviant behavior, deviation, norms.

■ ■ ■

огромное количество рисков, важным вопросом при обращении к данной проблематике является выявление стратегий адаптации к рискам социальных изменений [3]. Как указывает в своем исследовании А.В. Мозговая: «Одной из крайне негативных адаптационных стратегий становится девиация на фоне неопределенности институционально-нормативной системы. Самоотчуждение от социальной реальности снижает качествен-

ные показатели человеческого потенциала общества» [3, с. 27].

В настоящее время мы видим особый интерес со стороны социологов, психологов, специалистов в области криминологии, психопатологии к вопросам девиантного поведения (ДП). Исследователи активно обращаются к изучению девиантного поведения населения России, отмечая среди распространенных девиаций такие, как практики употребления алкоголя и наркотиков, проявление молодежного экстремизма и радикализма [4]. В связи с активными изменениями социальной реальности происходит трансформация существовавших ранее представлений о норме в поведении [5; 6], что, в свою очередь, делает сегодня проблему девиантного поведения в молодежной среде наиболее актуальной и социально значимой. Исходя из этого, в рамках данной статьи мы обращаемся к рассмотрению научно-исследовательских работ, посвященных данной проблематике, и описываем основные направления, исследуемые в последние годы по выделенному нами проблемному полю.

В настоящее время многие исследователи обращаются к изучению теоретико-методологических основ изучения ДП молодежи [7; 8]. Рассматривая данный вопрос, ученые, чаще всего, выделяют два основных подхода в исследовании девиаций: биологический и социальный.

В качестве стратегий ДП молодежи, чаще всего, рассматривается аддиктивное и саморазрушающее поведение. Первое является одним из типов отклоняющегося поведения. Так, согласно эмпирическим данным, аддиктивное поведение является основной предпочитаемой стратегией в среде современной молодежи (ее выбрали почти 50 % респондентов) [9].

Саморазрушающее поведение интерпретируется как всевозможные самодеструктивные формы поведения молодежи, ведущие к социальной, психологической и физической дезадаптации, а также деградации личности [9].

Большое количество научно-исследовательских работ начала 2000-х годов посвящено проблемам алкогольной и наркотической зависимости молодежи [10]. Проблемы наркомании и алкоголизма молодежи особо остро стояли в то время, когда у страны был переходный, кризисный период, а молодежь находилась в группе риска и остро реагировала на происходящие изменения, подвергаясь деструктивному влиянию извне, быстро подхватывая негативные настроения. Нельзя не отметить, что данные девиации в молодежной среде в настоящее время также встречаются и активно исследуются со стороны научных школ [11]. Отметим, что такие девиации, как алкоголизм, наркомания подталкивают людей на совершение преступных действий. На сайте МВД РФ в краткой характеристике состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2021 года указано, что такие преступления совершаются в настоящее время, но их количество сокращается: «Количество уголовно наказуемых деяний с участием несовер-

шеннолетних сократилось на 15,6 %, совершенных гражданами в состоянии алкогольного опьянения – на 8,3 %, в состоянии наркотического опьянения – на 5 %» [12]. Сегодня очень злободневной является тема вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков [13]. В настоящее время данный незаконный бизнес стал иметь преступную схему, состоящую из активного внедрения и распространения наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов среди населения, включая несовершеннолетних, посредством использования информационно-коммуникационной сети Интернет, а также теневого интернета [13, с. 285].

В настоящее время девиантное поведение часто переходит в делинквентное. Интернет и цифровое влияние способствуют распространению различных девиаций и криминальных деяний. Сегодня многие отклоняющиеся от нормы деяния совершаются с применением IT-технологий. По данным МВД, которые содержатся на официальном сайте подразделения, указано, что за январь-декабрь 2021 года таких преступлений было зарегистрировано на 1,4 % больше, чем год назад. Как отмечают специалисты МВД, темп роста зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, замедлился.

Исследовательский интерес устремлен к факторам девиантного поведения молодежи. Ученые стремятся выяснить, что вызывает отклонение от норм поведения в молодежной среде. Одним из факторов ученые называют активную цифровизацию, в том числе, и цифровизацию института образования, что влияет на распространение девиаций в молодежной среде [14], формирует социокультурные риски (усиливает внутривролевые и межролевые противоречия, увеличивает неравенство возможностей различных групп молодежи для социальной интеграции) и пр. [15].

Существующие цифровые технологии позволяют молодым людям создавать собственные онлайн-каналы в социальных сетях и на видеохостингах для трансляции видео- и аудиоконтента, который очень часто связан с теми событиями, которые происходят на мировой арене. Отметим, что посты в социальных сетях могут быть провокационными и разжигать ненависть, содержать в себе радикальные взгляды, что приводит к нарастанию психологического напряжения и тревожности. Исследователи Томской научной школы отмечают, что в настоящее время остро стоит проблема онлайн-радикализации молодежи в социальных сетях [16]. В связи с тем, что молодежь в силу своего возраста и жизненного опыта обладает менее устойчивой психикой, она более подвержена деструктивному информационно-психологическому воздействию со стороны ультрарадикальных сообщений социальных сетей и видеохостингов [16; 17].

Поскольку современная молодежь является одним из основных потребителей и трансляторов медиаконтента, то ученые с интересом обраща-

ются к такому вопросу, как связь между психологическими характеристиками пользователей социальной сети «ВКонтакте» с подписками на сообщества с девиантным контентом [18]. В рамках исследования Г.Н. Сербиной, В.В. Мацуца, В.Л. Гойко отмечено, что: «Обнаружены значимые связи экстраверсии, доброжелательности, сознательности, открытости опыту, нейротизма, депрессии, тревожности, стресса и агрессивности (с разным уровнем выраженности) с подписками на сообщества с опасным и вредным контентом и временем активности в социальной сети» [18, с. 167]. Данные исследователи подчеркивают, что молодые люди с высоким уровнем тревожности более склонны к информационному потреблению цифрового контента, содержащего различные формы агрессии. Агрессивный цифровой контент может повлиять не только на трансформацию социальных установок молодежи, но и вызывать изменение социального поведения молодых людей. Нельзя не согласиться с точкой зрения, которую в своих исследованиях выражают А.Ю. Карпова и Н.Г. Максимова: «Интернет как «теневой модератор» кипучей активности ультрарадикальных сообществ в российских социальных сетях (как, впрочем, и в других) открывает неограниченные возможности использования цифровых технологий для продвижения в молодежной среде идеи о том, что достижение цели возможно только через насилие» [19]. Многие молодые люди так и считают, не видя другого выхода, пытаются насильем отстоять свою точку зрения. Печальными примерами могут послужить трагедии, случившиеся в России совсем недавно: массовые

убийства в учебных заведениях в Керчи, Казани, Перми.

Цифровизация и возможность совершать покупки онлайн привели молодое население еще к большему потреблению различных товаров и услуг, усугубили проблему чрезмерного и безрассудного шопоголизма.

Анализ научно-исследовательских работ по проблемам девиации молодежи показывает, что данная проблема является весьма социально значимой и актуальной. Отметим, что в настоящее время происходит смещение фокуса ученых с изучения традиционного девиантного поведения, на специфическое девиантное поведение молодежи. Интерес современных российских исследователей сосредоточен не только на алкоголизации и наркотизации молодежи, но и устремлен к новым проблемам: цифровому мошенничеству, онлайн-радикализму, скулшутингу, шопоголизму.

Безусловно, новые формы девиаций порождают потребность в новых мерах профилактики и борьбы с девиантным поведением в молодежной среде [20]. Профилактика девиантного поведения среди молодежи предполагает систему общих и специальных мероприятий на различных уровнях: макросоциальном: общегосударственном, общественном – с учетом правового регулирования; мезосоциальном: региональном – с учетом социально-экономического пространства регионального сообщества; микросоциальном: индивидуально-групповом – с учетом социально-психологического, нравственного состояния индивида/группы.

Литература:

1. *Артамонова Я.В.* Молодежь Ростовской области в условиях изменяющейся реальности: особенности социальных установок и социального поведения / Я.В. Артамонова, Н.К. Бинеева, А.Н. Дьяченко // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 4. С. 181–187.
2. *Зубок Ю.А.* Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности / Ю.А. Зубок // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3(157). С. 4–12.
3. *Мозговая А.В.* Адаптация к рискам трансформационных процессов в российском обществе : автореф. дис. ... д-р. соц. наук / А.В. Мозговая // Официальный портал ФНИСЦ РАН [веб-сайт]. 2020. URL : <http://www.isras.ru/publ.html?id=7818>
4. Девиантное поведение в современной России: алкоголь, наркотики, молодежный экстремизм (концепции и исследования) / Т.А. Хагуров, М.Е. Позднякова [и др.]. М. : ИС РАН, 2014. 200 с.
5. *Власова В.Н.* Социокультурные основания формирования правового сознания молодежи / В.Н. Власова // Философия права. 2020. № 2(93). С. 69–75.

Literature:

1. *Artamonova Ya.V.* Youth of the Rostov region in a changing reality: features of social attitudes and social behavior / Ya.V. Artamonova, N.K. Bineeva, A.N. Dyachenko // State and municipal management. Scientific notes. 2019. № 4. P. 181–187.
2. *Zubok Yu.A.* Youth: life strategies in the new reality / Yu.A. Zubok // Public opinion monitoring: economic and social changes. 2020. № 3(157). P. 4–12.
3. *Mozgovaya A.V.* Adaptation to the risks of transformational processes in Russian society : abstract dis. ... doctor of social sciences / A.V. Mozgovaya // Official portal of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences [website]. 2020. URL : <http://www.isras.ru/publ.html?id=7818>
4. Deviant behavior in modern Russia: alcohol, drugs, youth extremism (concepts and studies) / T.A. Khagurov, M.E. Pozdnyakova [et al.]. M. : Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2014. 200 p.
5. *Vlasova V.N.* Sociocultural foundations for the formation of youth legal consciousness / V.N. Vlasova // Philosophy of Law. 2020. № 2(93). P. 69–75.

6. *Маслова Л.П.* Девиантное поведение в студенческом сообществе: представления и социальные практики : автореферат дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2021. 21 с.
7. *Крайнов В.И.* Теоретические подходы к проблеме девиантного поведения и девиации молодежи / В.И. Крайнов // Образование и право. 2019. № 5.
8. Формирование установки на здоровый образ жизни как мера профилактики девиантного поведения среди молодежи / Г.А. Воробьев [и др.] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 10. С. 54–58.
9. *Вакула И.М.* Модели девиантного поведения молодежи и его профилактика: социально-правовой аспект / И.М. Вакула // Философия права. 2019. № 1(88). С. 42–46.
10. *Березина Е.Б.* Алкоголизм и наркомания в обыденных представлениях молодежи / Е.Б. Березина, И.Б. Бовина // Вестник РУДН. 2010. № 3.
11. *Нахимова Я.Н.* Социальные установки молодежи на употребление наркотиков и профилактика наркомании / Я.Н. Нахимова, Г.Ф. Ромашкина // Образование и наука. 2017. № 6.
12. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2021 года. URL : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/>
13. *Кузина Л.С.* «Сетевой наркомаркетинг» как один из факторов вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков / Л.С. Кузина // Вестник ВИ МВД России. 2020. № 4.
14. *Смирнов В.В.* Цифровизация как фактор формирования девиантного противоправного поведения у учащейся молодежи / В.В. Смирнов // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2021. № 2(42).
15. *Гафиатулина Н.Х.* Институт образования: социокультурные риски в сфере офлайн- и онлайн-образования молодежи / Н.Х. Гафиатулина, А.Г. Лугинина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 9. С. 21–25.
16. Изучение процесса онлайн-радикализации молодежи в социальных медиа (междисциплинарный подход) / А.Ю. Карпова [и др.] // Мониторинг. 2020. № 3(157).
17. Интернет-механизмы вовлечения в экстремистские сообщества / Ю.Р. Тагильцева [и др.] // Российский психологический журнал. 2019. № 1.
18. *Сербина Г.Н.* Анализ связи психологических характеристик пользователей социальной сети «ВКонтакте» с подписками на сообщества с девиантным контентом / Г.Н. Сербина, В.В. Мацута,
6. *Maslova L.P.* Deviant behavior in the student community: ideas and social practices : abstract dis. ... cand. of social sciences. Kazan, 2021. 21 p.
7. *Krainov V.I.* Theoretical approaches to the problem of deviant behavior and deviation of youth / V.I. Krainov // Education and law. 2019. № 5.
8. Formation of an attitude towards a healthy lifestyle as a measure for the prevention of deviant behavior among young people / G.A. Vorobyov [et al.] // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. № 10. P. 54–58.
9. *Vakula I.M.* Models of deviant behavior of youth and its prevention: social and legal aspect / I.M. Vakula, D.S. Zagutin // Philosophy of Law. 2019. № 1(88). P. 42–46.
10. *Berezina E.B.* Alcoholism and drug addiction in the everyday ideas of youth / E.B. Berezina, I.B. Bovina // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy. 2010. № 3.
11. *Nakhimova Ya.N.* Social attitudes of youth towards drug use and prevention of drug addiction / Ya.N. Nakhimova, G.F. Romashkina // Education and Science. 2017. № 6.
12. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January-December 2021. URL : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/>
13. *Kuzina L.S.* «Network drug marketing» as one of the factors of involving minors in drug trafficking / L.S. Kuzina // Bulletin of the VI Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 4.
14. *Smirnov V.V.* Digitalization as a factor in the formation of deviant illegal behavior among students / V.V. Smirnov // Vocational education in Russia and abroad. 2021. № 2(42).
15. *Gafiatulina N.Kh.* Institute of Education: Sociocultural Risks in the Sphere of Offline and Online Education of Youth / N.Kh. Gafiatulina, A.G. Lugina // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2021. № 9. P. 21–25.
16. Studying the process of online radicalization of youth in social media (interdisciplinary approach) A.Yu. Karpova [et al.] // Monitoring. 2020. № 3(157).
17. Internet mechanisms of involvement in extremist communities / Yu.R. Tagiltseva [et al.] // Russian psychological journal. 2019. № 1.
18. *Serbina G.N.* Analysis of the connection of psychological characteristics of users of the Vkontakte social network with subscriptions to communities with deviant content / G.N. Serbina, V.V. Matsuta,

В.Л. Гойко // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 467. С. 164–169.

19. *Карпова А.Ю.* Скулшутинг в России: что имеет значение? / А.Ю. Карпова, Н.Г. Максимова // *Власть*. 2021. № 1.

20. High level of legal awareness formation in medical students. way from competencies to competence / N.A. Ageeva, G.N. Shapoval, V.N. Vlasova [et al.] // *Espacios*. 2019. Vol. 40. № 9. P. 11.

V.L. Gaiko // *Bulletin of Tomsk State University*. 2021. № 467. P. 164–169.

19. *Karpova A.Yu.* Schoolshooting in Russia: what matters? / A.Yu. Karpova, N.G. Maksimova // *Power*. 2021. № 1.

20. High level of legal awareness formation in medical students. way from competencies to competence / N.A. Ageeva, G.N. Shapoval, V.N. Vlasova [et al.] // *Espacios*. 2019. Vol. 40. № 9. P. 11.

Вахрушева Елена Юрьевна

кандидат философских наук,
доцент,
доцент кафедры социальной работы,
Донской государственной
технической университет
ktyf1555@yandex.ru

Мезинова Галина Николаевна

кандидат философских наук,
доцент,
доцент кафедры социальной работы,
Донской государственной
технической университет
mezinoff.sergei@yandex.ru

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ**

Аннотация. Одно из важных мест в политической социологии занимает проблематика отношений между гражданами и властью. И в связи с этим в статье, рассматриваются такие проблемы как место политической системы общества, её связь с другими сферами общественной жизни, и, наконец, с внешним миром; политика и власть; политика и социальная стратификация; определение и достижение легитимности политической властью; социальная роль и смысл, социальные последствия при разделении политической власти на исполнительную, законодательную, судебную; политическая культура как часть социальной, и её роль как ценностно-нормативной системы в обеспечении функционирования общества, его сохранении и интеграции в единое целое.

Ключевые слова: проблематика отношений, лидерство как предмет изучения, социальная природа лидерства, политика в социальной сфере, традиционное лидерство, бюрократическое лидерство, харизматическое лидерство, интересы и потребности общества.

Одно из важных мест в политической социологии занимает проблематика отношений между гражданами и властью. Результативная политическая деятельность и реформы возможны только тогда, когда они учитывают закономерности общественного развития и тенденции, интересы и потребности общества, в целом, социальных групп, личности, уровень культуры, состояние общественного, группового и индивидуального сознания.

В связи с важностью обозначенной темы можно определить следующие проблемы:

- роль и место политической системы общества, её связь с другими сферами общественной

Elena Yu. Vakhrusheva

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Social Work,
Don State Technical University
ktyf1555@yandex.ru

Galina N. Mezinova

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Social Work,
Don State Technical University
mezinoff.sergei@yandex.ru

**ACTUAL PROBLEMS
OF POLITICAL SOCIOLOGY**

Annotation. One of the important places in political sociology is occupied by the problems of relations between citizens and the authorities. And in this regard, the article examines such problems as the place of the political system of society, its connection with other spheres of public life, and finally with the outside world; politics and power; politics and social stratification; determination and achievement of legitimacy by political power; social role and meaning, social consequences in the division of political power into executive, legislative, judicial; political culture as a part of social culture, and its role as a value-normative system in ensuring the functioning of society, its preservation and integration into a single whole.

Keywords: problems of relations, leadership as a subject of study, the social nature of leadership, social policy, traditional leadership, bureaucratic leadership, charismatic leadership, interests and needs of society.

жизни такими, как социальной, экономической, духовно-идеологической, и, наконец, с внешним миром, другими государствами, транснациональными объединениями, сохранения окружающей природы;

- политика и власть;
- политика и социальная стратификация;
- определение и достижение легитимности политической властью;
- социальная роль и смысл, социальные последствия при разделении политической власти на исполнительную, законодательную, судебную;

- политическая культура как часть социальной, и ее роль как ценностно-нормативной системы в обеспечении функционирования общества, его сохранении и интеграции в единое целое.

Теории политической социологии поднимают вопросы о природе, роли и месте политики в обществе, её сущности и границах. Например, К. Маркс рассматривал политическую сферу как вторичную производную, как защитное выражение интересов экономически господствующего класса.

Э. Дюркгейм, напротив, считал, что государство выступает главным обладателем общественного сознания, которое является основой в социальной жизни. Современный французский политолог и социолог Раймон Арон отдавал приоритет политики над экономикой. В рамках своей концепции, он отмечает, что при всей общности экономических основ индустриального, тоталитарного и демократического обществ, их социальное бытие, как и образ жизни человека, кардинально отличаются через призму политических систем.

Как показывает опыт, расширенная зона политики в социальной сфере способна сделать общество авторитаристским и тоталитаристским. Необходимо отметить, что общество, смутно представляет себе место и роль политикой власти перед наступлением угрозы анархии. Еще одним из блоков проблем является вероятность социологического анализа политической системы и механизмов ее действия.

Проведенный анализ показывает, что данная система исследуется не столько с точки зрения изучения внутреннего взаимодействия ее структур, а сколько в плане обнаружения влияния на нее, и ее функции социальных закономерностей общественного развития. Социальная роль политической системы не возможна только в деятельности государства, она включает в себя также политические партии, общественные организации и движения. А также, формирующуюся в обществе систему голосования, с помощью которой более или менее широкие массы народа принимают добровольное участие в политике [10].

Качественное преобразование политической системы, ее компонентов, всех видов общественных отношений невозможно без своей основы – глубоких изменений в сознании и деятельности масс, политических лидеров. Исследование лидерства является предметом изучения ряда наук – социологии, политологии, философии, социальной политологии. Прежде всего, нас интересует политическое лидерство. В политологии лидерство рассматривается как один из механизмов управления отношениями людей, социальных групп, институтов и общества, в целом [14]. Сущность политического лидерства заключается в отношениях доминантности и подчинения, влияния и следования.

Необходимым моментом в освещении этого вопроса является выявление природы лидерства.

Существует несколько подходов в природе лидерства.

В начале XX века сложилась натуралистическая концепция обоснования лидерства. Согласно этой концепции, в великих исторических событиях решающую роль играют личности, имеющие врожденные способности к лидерству. Современный неотрейдизм несколько изменил этот подход. Неотрейдизм разделяет людей на нормальных и маньяков. Нормальный человек не способен к лидерству. В разряд маньяков фрейдисты определяют людей, стремящихся стать политическими лидерами. То есть лидерство рассматривается как определенная аномалия психики. С таким рассмотрением природы лидерства трудно согласиться, поскольку, в данном случае, абсолютизируются биологические качества личности и совсем утрачивают своё назначение социальные характеристики человека.

Существует теория «черт лидера». Странники этой теории видят лидерство как социопсихологическое явление. В политике лидером может быть индивид, обладающий комплексом определенных психологических черт. Среди которых выделяют способность концептуально мыслить, принимать и исполнять решения, привлекать к себе внимание. Существенный недостаток «теории черт» состоит в том, что она воспринимает лидерство, как обособленный феномен, который можно растолковать из его самого. Странники этой теории игнорируют социальную природу лидерства, то есть те социальные условия, в которых только и могут проявиться определенные психологические черты.

Приверженцы ситуационной теории считают, что те или иные черты, качества лидера изменяются в зависимости от ситуации. На наш взгляд, такой подход занижает активность лидера. Упускается из виду тот факт, что лидер может не только овладеть ситуацией, но и сам может оказывать на нее влияние. Например, если созрела ситуация для Наполеона, то и Наполеон созрел для нее [1]. Выдающийся лидер контролирует ситуацию и знает, как позволить ей развиваться до точки, когда он может ее использовать [9].

Интересна ещё одна теория, определяющая роли последователей. В этой теории передается анализу не сам лидер, а его последователи и сторонники, их социальные интересы. Природа лидерства в теории, указывающей на роли последователей, рассматривается через призму осмысления взаимоотношений «лидера» и «ведомых». Согласно определяющей роли ведомых, группа сама выбирает себе лидера, который устраивает её [6]. То есть, лидер строит свое поведение, ориентируясь на интересы группы. Странники данной теории отмечают, что определяющая роль ведомых оказывает на лидера неблагоприятное влияние, поскольку позиция лидера ослабляется, и он действует в качестве марионетки [1].

Проанализировав различные подходы к природе лидерства, обратимся к его типологии. Одна из первых типичных классификаций лидерства и

наиболее влиятельная, до настоящего времени, была предложена немецким социологом М. Вебером. В её основе лежит авторитет лиц, исполняющих власть [3]. Понимая под лидерством умение отдавать приказы и вызывать повиновение, Вебер различал:

1) традиционное лидерство основано на вере в святость традиции (например, старший сын монарха после его смерти сам «законно» становится монархом);

2) бюрократическое лидерство построено на вере в законность существующего порядка и его «разумность» (в нем лидер-чиновник выступает не как индивид, от которого исходит власть, а как агент определенной государственной функции, рациональной с точки зрения целостности системы);

3) харизматическое лидерство организовано на вере в сверхъестественные способности вождя, на культе его личности.

Авторитет лидера, согласно Веберу, выстраивается [4] на многовековом опыте. Человек обладает правом на лидерство в результате возникновения – принадлежности к элите [3]. Такой типаж лидерства присущ для «доиндустриального» общества.

Бюрократическое лидерство относится к «индустриальному» типу общества. Оно возникает в том случае, когда лидирующим субъектом становятся не в силу каких-то особых качеств, а с помощью законных бюрократических процедур [5].

Третий тип называется харизматическим лидерством. Понятие «харизма» взято Вебером из раннехристианской литературы и означает божественность. Этот термин применяется им к индивиду, который выделяется из сферы обычных людей и считается наделенным сверхчеловеческим талантом [12].

Харизматический политический лидер возникает в поворотной ситуации. В условиях кризиса растут полномочия властей, коллективность сводится к минимуму, и лидер один решает важные задачи общества [15]. В конце концов, демократические установления становятся формальностью. Управленческий аппарат замыкается на сильной личности. Контроль снизу исключается. Демократические институты вместо того, чтобы делегировать и контролировать власть своих представителей, сами попадают под их контроль. Первопричиной персонализации власти является противоборство классов, социальных групп, конфликт их интересов, стремление укрепить свою власть.

Средства массовой информации способствуют усилению персонализации политической власти. Доверие граждан в отношении руководителя выдвигает его в ряд выдающихся личностей. Средства массовой информации позволяют эмоционально связать граждан с определенным политическим деятелем. Такой эмоциональный контакт приводит к возникновению визуальной

демократии, которая заменяет собой систему контроля со стороны демократических институтов.

Понятно, что визуальная демократия далека от подлинной подотчетности лиц избравшему их народу, потому что ему должна быть гарантирована возможность не только созерцать на экране политического лидера, но и реально контролировать его действия.

Часто массовые средства коммуникации создают вокруг государственных и партийных лидеров ореол непогрешимости. Используя имеющийся и созданный средствами массовой информации личный престиж, политические лидеры выходят из-под контроля представительных институтов. Возникает политическая харизма.

Главным условием изначального успеха харизматического лидера является его отстраненность от ранее господствовавших в обществе и уронивших себя в глазах народа сил. Например, победа Соареса в Испании была предопределена тем, что будущий премьер не входил в окружение Франко.

Не меньшее значение имеет и другое. Вперед вырываются представители тех партий и блоков, которых отличает максимальная политическая и идейная поливалентность, позволяющее людям, даже в условиях всеобщей дезориентации и разброда, находить в их программах и предложениях что-либо близкое для себя. Основной средой, которая генерирует из себя политическую харизму, является сегодня социалдемократия.

Наконец, сама общественная почва, на которой возрастает наделенный согражданами чертами политической особенности лидер, бывает не редко отработана трудами другого политического деятеля. Успеху политической деятельности И. Ганди способствовала работа, проделанная Д.Неру.

Итоги господства харизматических лидеров оказываются, как правило, двойственными. Главное, что им удается – это укрепить общественный консенсус и повысить социальный оптимизм в своих странах в наиболее острый и чреватый непредсказуемыми потрясениями момент.

Исчерпав свою историческую роль центра сплочения атомизируемых в процессе структурной ломки масс, харизма рано или поздно начинает вырождаться. Ее обладателю остаются два пути:

1) следовать общим для всех правилам политического соперничества;

2) удерживать силой исключительное положение в системе власти.

Таким образом, в периоды кризисов, наблюдается возбуждение массового сознания. Оно начинает возлагать надежды на политическое чудо, способное одновременно решить все проблемы бытия. На авансцену общественной жизни поднимаются политические деятели, которые наде-

ляются чертами политической избранности. Через посредство такого рода деятелей между основной массой населения и областью принятия решений устанавливаются упрощенные, но действенные каналы политических и эмоциональных связей. Знания заменяются верой.

В процессе перехода от тоталитаризма к демократии часто в политике имеет место популизм. Он ориентируется на массовые настроения людей, на чувства масс, на их податливость к простому уяснению сложных проблем. Популизм достаточно разнообразен. Он может быть консервативным, милитаристским и антивоенным, национальным. Современный российский популизм носит антибюрократический характер, поскольку направлен против мафии, взяток, олигархии.

Популизм базируется на недовольстве тех или иных социальных слоев. Политический лидер выдвигается, солидаризируясь с недовольством масс. Исходной основой популизма является обличение, которое никогда не носит конструктивного характера. Популизм поддерживается привлекательностью простых решений.

Хотелось бы выделить и еще один тип лидерства – лжелидерство. Лжелидер – это политический лидер поневоле, профессионально слабо подготовленный. Встречаются и даже часто лидеры – авантюристы, лидеры – экстремисты, готовые идти на уничтожение своих политических соперников.

Деятели политического экстремизма обычно обращаются к предрассудкам и мифам, которые наиболее успешно процветают в среде полуграмотных слоев. В содержании этих мифов расовые, национальные и другие иллюзии переплетаются с идеями политической независимости от власти и бюрократии.

Лидерство может быть классифицировано так же по содержанию, стилю и характеру деятельности лидера [8].

По содержанию деятельности различают:

1) лидеров-вдохновителей, которые помогают реализовать программу действий;

Литература:

1. Горбунов Ю.В. Региональные политические элиты в современной России: институционализация и позиционирование ГОУВПО «Ставропольский государственный университет». Ставрополь, 2004. 180 с.
2. Корх А.С. Политическая психология. 2005.
3. Печенкин П.А. Феномен лидерства: социокультурный концепт и актуальные культурные модели : дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Челябинск, 2006. 199 с.
4. Учаев А.Н. К вопросу о формировании позитивного образа политического лидера Саратов-

2) лидеров-исполнителей, являющихся организаторами исполнения уже предложенной программы;

3) лидеров, которые являются одновременно и инициаторами, и организаторами выполнения сформулированных задач.

По стилю деятельности лидеры делятся на:

- 1) авторитарных;
- 2) демократических;
- 3) «невмешивающихся».

Авторитарный лидер требуется без конкурентной власти. Он самостоятельно формулирует и определяет цели, а также способы их достижения. Связи между членами группы сведены практически до минимума и проходят через лидера или под его контролем. Авторитарный лидер старается максимально повысить активность подчиненных управленческими методами. Его одним из сильных влиянием является – требовательность, угрозы, наказание, страх [13].

Демократический лидер обычно проявляет тактичность, уважительность, объективность в общении с подчиненными. Такой лидер создает максимально активное участие в деятельности группы, не возлагает ответственность на одного человека, и старается распределить ее среди всех членов группы, создавая атмосферу сотрудничества [11].

«Невмешивающийся» лидер [7] по возможности [2] старается уйти от ответственности, перекладывая ее на подчиненных. Поведение такого лидера – по возможности незаметное нахождение в стороне [13]. «Невмешивающийся» лидер самоустраняется от разбора конфликтных ситуаций и избегает их, старается не вмешиваться в ход взаимодействия группы.

В современных условиях преобладающим становится демократический стиль лидерства. Выдвижение этого стиля объясняется общей деперсонализацией власти. Она все больше принадлежит не какому-то лицу, а социальным группам.

Literature:

1. Gorbunov Yu.V. Regional political elites in modern Rossi: institutionalization and positioning of the GOUVPO «Stavropol State University». Stavropol, 2004. 180 p.
2. Korkh.A.S. Political psychology. 2005.
3. Pechenkin P.A. The phenomenon of leadership: socio-cultural ny concept and current cultural models: dis. ... cand. of cultural studies: 24.00.01. Chelyabinsk, 2006. 199 p.
4. Uchaev A.N. To the question of the formation of a positive image political leader of the Saratov gov-

ских губернаторов в средствах массовой информации. Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова. М., 2013. 60–67 с.

5. *Котляров И.В.* Социология лидерства: теоретические, методологические и аксиологические аспекты : монография. Мн. : Беларуская наука, 2013. 481 с.

6. *Джойнер Р.* Лидер, менеджер и пять принципов успеха. М., 1997.

7. *Яхонтова Е.С.* Эффективность управленческого лидерства. М. : Приор, 2010. 288 с.

8. *Журавлев А.Л.* Эмпирические и прикладные исследования Б.Д. Парыгина: историко-психологический аспект / А.Л. Журавлев, И.А. МIRONENKO. Институт психологии РАН, 2019. 189–198 с.

9. *Мухаев Р.Т.* Политология : в 2 томах. 5-е изд., пер. и доп. Учебник для академического бакалавриата. 2014.

10. *Понарин А.С.* Философия политики. М, 1996.

11. *Мухаев Р.Т.* Политология. М., 2008.

12. *Блинов О.А.* Искусство управления персоналом : учебник для вузов / О.А. Блинов. М. : Гелан, 2011. 411 с.

13. *Милованов Ю.Е.* Политическое лидерство: властный аспект. Ростов/Дон, 1992.

14. *Пугачев В.* Субъекты политики: личность, элиты, лидерство. М., 1991.

15. *Блондель Ж.* Политическое лидерство. М., 1992.

errors in the funds mass media. Russian Economic University. G.V. Plekhanov. M., 2013. 60–67 p.

5. *Kotlyarov I.V.* Sociology of leadership: theoretical, methodological and axiological aspects : monograph. Mn. : Belarusian science, 2013. 481 p.

6. *Joyner R.* Leader, manager and five principles of success. M., 1997.

7. *Yakhontova E.S.* Effectiveness of managerial leadership. M. : Prior, 2010. 288 p.

8. *Zhuravlev A.L.* Empirical and applied studies of B.D. Parygin: historical and psychological aspect / A.L. Zhuravlev, I.A. Mironenko. Institute of Psychology RAS, 2019. 189–198 p.

9. *Mukhaev R.T.* Political science : in 2 vol. 5th edition. Transl. and supplement. Textbook for academic bachelor studies, 2014.

10. *Ponarin A.S.* Philosophy of politics. M, 1996.

11. *Mukhaev R.T.* Political science. M., 2008.

12. *Blinov O.A.* The art of personnel management: a textbook for universities / O.A. Blinov. M. : Gelan, 2011. 411 p.

13. *Milovanov Yu.E.* Political leadership: the power aspect. Rostov/Don, 1992.

14. *Pugachev V.* Subjects of politics: personality, elites, leadership. M., 1991.

15. *Blondel Zh.* Political leadership. M., 1992.

Вислогузов Петр Алексеевич

старший преподаватель
кафедры тактики служебно-боевого
применения подразделений,
Саратовский военный ордена Жукова
краснознаменный институт
войск национальной гвардии
Российской Федерации
olimpwwp80@yandex.ru

Peter A. Visloguzov

Senior Lecturer of the Department
of Tactics of Service
and Combat Use of Units,
Saratov Military Order of
Zhukov Red Banner Institute
of the National Guard o
f the Russian Federation
olimpwwp80@yandex.ru

**Принципы создания
социального механизма
стимулирования
труда военнослужащих**

**PRINCIPLES OF CREATING A SOCIAL
MECHANISM FOR STIMULATING
THE WORK OF MILITARY PERSONNEL**

Аннотация. Система материального стимулирования – это, прежде всего, система оплаты труда, дающая возможность работникам повысить свои доходы, благодаря более качественному и эффективному труду. Стимулирование труда военнослужащих – одна из составляющих управления личным составом, так как включает в себя такие многоплановые процессы, как привлечение на службу, подготовку и переподготовку кадров, повышение их квалификации. В статье рассматриваются способы и приемы социальных и экономических принципов, влияющих на мотивацию военнослужащих в трудовой (профессиональной) деятельности как в социальном процессе.

Ключевые слова: мотивация, поощрение, стимул, денежное довольствие, льготы, военная служба.

Annotation. The system of material mulling is, first of all, a system of remuneration that enables employees to increase their incomes, thanks to better and more efficient work. Stimulating the work of military personnel is one of the components of personnel management, as it includes such multifaceted processes as recruitment, training and retraining of personnel, and improving their qualifications. The article discusses the methods and techniques of social and economic principles that affect the motivation of military personnel in labor (professional) activity as a social process.

Keywords: motivation, encouragement, incentive, monetary allowance, benefits, military service.

По мнению большинства исследователей, система материального стимулирования – это, прежде всего, система оплаты труда, дающая возможность работникам повысить свои доходы, благодаря более качественному и эффективному труду. Все давно осознали экономическую ценность стимулов. При этом никто не считает материальное стимулирование единственным путем повышения качества труда. Как показывает опыт, моральное стимулирование имеет не менее важное значение, чем материальное. То, что помимо денег существует немало иных факторов, влияющих на эффективность управления подчиненными – общеизвестная истина. «Людам нужны деньги, – замечает, например, А. Морита, – но они хотят получать удовольствие от своей работы и гордиться ею» [2, с. 149].

Эффективность и качество работы во многом зависят от морально-психологического климата в подразделении, от настроения военнослужащих, от их заряженности на хорошую работу. Кроме того, уровень боевой готовности войск характеризуется обученностью и моральным состояни-

ем личного состава, технической готовностью вооружения и военной техники, бытовым устройством войск. «Мало еще обучить солдата стрельбе и ружейным приемам, нужно еще воспитать его любовь к Родине. Нужно показать ему, что он защитник Отечества, иначе он будет как автомат, который не может проявить ни личной инициативы, которая так нужна в современной войне, ни силы воли, без которой нигде и ни в чем нет успеха. Если же это будет человек убежденный, тогда он не пощадит своей жизни на благо Родины» [4, с. 23]. И здесь у командиров и начальников арсенал мер морально-психологического стимулирования достаточно обширен. Одни военнослужащие в качестве нормы воспринимают благодарность в их адрес со стороны командования, другие более знакомы с мерами негативного стимулирования, такими как выговор, строгий выговор и т.д. Основные права поощрению и наказанию военнослужащих определены дисциплинарным уставом ВС РФ, в зависимости от ранга командира (начальника) и категории подчиненного личного состава [3, с. 258].

По нашему мнению, необходим разумный баланс между материальным и моральным стимулированием, перекос в этом деле недопустим. В настоящее время в войсках, где продолжается реформирование, как и во всей стране, идет активный поиск новых путей и методов морального и материального стимулирования. Наиболее перспективное направление – это комбинированные методы, сочетающие в себе как элементы материального, так и морального стимулирования.

Традиционная система стимулирования труда предусматривает, что вознаграждение, получаемое работником за свой труд, складывается из неизменного оклада и льгот, таких как медицинское страхование, страхование жизни, пенсионные планы, льготное питание, оплата проезда, материальная помощь, отдых в санаториях и другие дополнительные блага, повышающие жизненный уровень.

Если денежные стимулы, в первую очередь относящиеся к денежному довольствию, в целом, остаются основным мотивационным фактором стимулирования труда работников. То, в последние годы во всем мире возрос интерес к материальным, а не нематериальным стимулам (льготное предоставление путевок на отдых и лечение, предоставление жилья, возможность устройства детей в детские дошкольные учреждения, скидки при покупке товаров, бесплатное медицинское обеспечение, питание, и т.п.). Все что является бесплатным для сотрудников или оплачивается ими частично, для организации, имеет вполне реальную (полную) стоимость. В данном случае, организация частично или полностью берет эти расходы на себя. Эта группа стимулов связана, в основном с воспроизводством рабочей силы. Но, как показывает опыт оплаты труда в силовых структурах и ведомствах западных государств, эти льготы в последнее время превратились в важнейшую составляющую эффективного воздействия на стимулирование военной службы. Если характеризовать систему стимулирования военной или государственной службы в иностранных армиях и ведомствах, эти стимулы можно отнести к косвенным. Не увеличивая напрямую доходов военнослужащих, они позволяют сокращать их расходы, повышая тем самым их жизненный уровень и делая службу в войсках правопорядка более привлекательной.

Большинство государств устанавливает для военнослужащих систему различных льгот и привилегий, которых обычно лишены государственные служащие. Эти льготы в основном не связаны с выплатой наличных денег военнослужащим – отдельные виды услуг предоставляются или бесплатно, или за символическую плату, или со значительной скидкой.

Принимая нормативно-правовые акты о льготах и распространяя их действие, в том или ином объеме, на различные категории военнослужащих, государство, тем самым, регулирует их участие в отправлении воинской обязанности.

Льготы обусловлены объективными трудностями, с которыми неизбежно сопряжена военная служба. К их числу относятся:

- необходимость постоянного поддержания высокой боевой готовности, строгого соблюдения воинской дисциплины;
- необходимость эксплуатации сложной боевой техники;
- отрыв от семей, а членов семей от места постоянной работы;
- относительная частая, связанная с перемещениями по службе смена мест жительства, климатических районов и т.д.

Особенность несения военной службы состоит и в том, что военнослужащие, в ряде случаев, ограничиваются в гражданских, личных, социально-экономических и политических правах. Учитывая особый характер исполнения обязанностей военной службы, международные пакты о правах человека предусматривают такую возможность ограничения некоторых прав в отношении военнослужащих. Именно в силу этих причин государство устанавливает для военнослужащих наряду с различными моральными стимулами целый комплекс льгот и компенсаций.

Одно из общепринятых требований к любой системе стимулирования труда, в том числе и воинского, это гибкость. Гибкая система стимулирования позволяет с одной стороны гарантировать военнослужащему определенную оплату за его труд, в соответствии с его опытом и профессиональными знаниями, а с другой – поставить оплату труда в зависимость от его личных показателей в служебной деятельности.

Гибкие системы стимулирования получили широкое распространение на сегодняшний день в зарубежных странах с развитой экономикой. Причем, даже гибкость непосредственно в оплате труда проявляется не только в виде дополнительных индивидуальных доплат к заработной плате. Спектр гибких выплат достаточно широк. Это и индивидуальные надбавки за стаж, опыт, уровень образования и т.д.

Таким образом, мнения как социологов, так и специалистов в области стимулирования труда, сходятся в том, что перечень стимулов должен быть более разнообразным и учитывать специфику социальных потребностей данной группы работников, прежде всего их возраст, квалификацию, образование. Да, и, по сути своей, невозможно правильное стимулирование работников без учета их трудовых мотиваций, социального и должностного статуса.

Вместе с тем, потребности работника не остаются постоянными. Они формируются в соответствии с его развитием и профессиональным ростом, изменяющимися ценностями в обществе и конкретно складывающейся ситуацией. Их приоритеты также меняются, что следует учитывать при мотивации самого труда и стимулировании профессионального развития.

Для правильного выбора и использования тех или иных стимулов, определения приоритетных направлений вложения и распределения имеющихся материально-финансовых средств необходим мониторинг потребностей и мотивов военнослужащих. Консерватизм в вопросах стимулирования труда ведет к снижению интереса работника в повышении своего профессионального уровня, к пассивности и равнодушию в служебной деятельности.

Стимулирование труда военнослужащих - одна из составляющих управления личным составом, так как включает в себя такие многоплановые процессы, как привлечение на службу, подготовку и переподготовку кадров, повышение их квалификации [1, с. 76].

Автор считает, что совершенствование системы денежного довольствия должно происходить в соответствии с основными направлениями ре-

Литература:

1. *Горгола Е.В.* Механизм удовлетворения социально-экономических потребностей военнослужащих и его развитие в условиях перехода страны к рыночной экономике : дис. ... канд. экон. наук. Ярославль, 1992. 187 с.
2. *Кричевский Р.Л.* Психологические факторы эффективности руководства первичным коллективом / Р.Л. Кричевский, А.В. Маржине. Кишинев : 1991. 149 с.
3. *Общевойсковые уставы Вооруженных Сил Российской Федерации.* Ростов-н/Д. : Феникс, 2021. 750 с.
4. *Павлюткин В.Н.* Вот так и живем / В.Н. Павлюткин // Красная звезда. 2000. № 99.

формирования войск и обеспечить решение следующих задач:

1. Стимулирование качественных показателей боевой готовности и профессиональной подготовленности войск.
2. Рост профессиональной подготовки военнослужащих всех степеней.
3. Привлекательность войск для комплектования на контрактной основе.

Принятие за основу предложенных методов формирования и совершенствования системы стимулирования воинского труда, по мнению автора, поможет разрешить часть противоречий, которые сложились в настоящее время в оплате и стимулировании профессиональной деятельности военнослужащих.

Literature:

1. *Gorgola E.V.* The mechanism of satisfying the socio-economic needs of military personnel and its development in the conditions of the country's transition to a market economy : dis. ... cand. of economic sciences. Yaroslavl, 1992. 187 p.
2. *Krichevsky P.* Psychological factors of the effectiveness of primary team management / P.L. Krichevsky, A.V. Margin. Chisinau : 1991. 149 p.
3. *General military regulations of the Armed Forces of the Russian Federation.* Rostov-on/D. : Phoenix, 2021. 750 p.
4. *Pavlyutkin V.N.* That's how we live / V.N. Pavlyutkin // Krasnaya Zvezda. 2000. № 99.

Голубева Ксения Александровна
аспирантка департамента социологии,
Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации
kseniaklepa@mail.ru

ТИПОЛОГИЯ ФИНАНСОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-методологические вопросы типологизации финансовой культуры как части экономической культуры. На основе проведенного авторского исследования среди студентов Финансового университета составлен портрет финансово-культурного человека с личностными качествами, которые помогают в достижении финансового благополучия, дана оценка сформированности ценностей для выявления мотивов. На основе корреляционного анализа сформированных групп ценностей, личностных качеств и финансовой активности дифференцированы различные типы финансовой культуры, представляющие сложные теоретические конструкции.

Ключевые слова: финансовая культура; финансовое поведение; культура; ценности; типология финансовой культуры.

Наиболее популярным определением того, какое значение культурные ценности, нормы и отношение к деньгам влияют на принятие финансовых решений и активность, в зарубежных исследованиях является «Money culture». Адаптируя термин к российской науке, можно говорить о финансовой культуре [2, с. 27], как культуре, определяемой ценностями, нормами и убеждениями, которыми руководствуется индивид при принятии финансовых решений. Сформировались множество теоретических подходов к исследованию культуры, которые можно применить и к исследованию финансовой культуры: функциональный, деятельностный, нормативный, поведенческий, аксиологический и т.д. В соответствии с аксиологическим подходом, финансовая культура базируется на понимании ценностей, лежащих в основе отношения к деньгам, механизме принятия финансовых решений, финансовой активности.

Однако стоит отметить, что финансовая культура, как и финансовое поведение, являются частью экономической культуры, а не частью общей культуры, поскольку сама сфера финансов является частью экономической науки в соответствии с делением сфер общества.

Анализ различных сторон финансовой культуры встречается в различных исследованиях: финан-

Ksenia A. Golubeva
Postgraduate Student
of the Department of Sociology,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
kseniaklepa@mail.ru

TYPOLOGY OF FINANCIAL CULTURE

Annotation. The article deals with theoretical and methodological issues of typologization of financial culture as part of economic culture. Based on the author's research among students of the Financial University, a portrait of a financially cultured person with personal qualities that help in achieving financial well-being is compiled, an assessment of the formation of values is given to identify motives. Based on the correlation analysis of the formed groups of values, personal qualities and financial activity, various types of financial culture representing complex theoretical constructions are differentiated.

Keywords: financial culture; financial behavior; culture; values; typology of financial culture.

сового поведения (Г.Г. Силласте [8], А.В. Александрова [1], В.В. Радаев [7], Л.Н. Овчарова [6] и др.), финансовой грамотности (О.Е. Кузина [4], Д.Х. Ибрагимов [5], Н.И. Киселева [3] и др.). В данных исследованиях исследуются лишь определенные структурные компоненты без системного анализа всего явления.

Попытки типологизировать финансовую культуру еще не предпринимались ввиду отсутствия общепринятой модели данного явления. Аналогично типологии общей культуры, финансовую культуру дифференцировать по различным критериям: по уровню организации, по степени гомогенности, историческому развитию, пространственно-географическому и т.д. В соответствии с аксиологическим подходом, предпринята попытка заложить в основу типологии финансовой культуры сформированные ценности, разделяемые и поддерживаемые её членами.

В основе эмпирического анализа финансовой культуры лежат данные авторского комплексного исследования, состоящего из анкетного опроса, тестирования и фокус-групп, проведенного в 2019 году (объект – студенты Финансового университета, n=200) с целью уточнения личностных качеств и ценностей, лежащих в сознании студентов, которые образуют и ограничивают финансовое поведение, влияют на каждое ре-

шение, принимаемое в отношении заработка, сбережений и вкладов.

Для выявления идеального образа финансово культурного человека студентам предложено написать ключевые качества и ценности, которые помогают человеку в достижении финансового благополучия. Получился следующий портрет (от наиболее к наименее упоминаемым):

- бережливость,
- организованность,
- амбициозность,
- дисциплинированность,
- рациональность,
- лояльность,
- обдуманность,
- ответственность,
- уверенность в себе,
- предприимчивость,
- доверчивость,
- общительность,
- сдержанность.

Для выявления сформированных групп ценностей среди студентов проведено тестирование студентов по методике диагностики полимотивационных тенденций в «Я-концепции» личности (С.М. Петрова), благодаря которому составлен рейтинг мотивационной обусловленности.

Анализ выявленных мотивов показал, поведение молодёжи полимотивированным. Где ведущими мотивами является эгоцентризм, превосходство и материализм. Так для большинства (73 % опрошенных) студентов ведущим мотивом социальной активности является стремление удовлетворить свои личные интересы и потребности, при этом если мнение других не является социально значимым. Для 70 % опрошенных студентов выражено стремление достижения совершенства. Более половины опрошенных (69 %) в своей деятельности руководствуются принципом достижения в жизни материального благополучия, также более половины опрошенных (67 %) оптимистичны в своих действиях и представлениях, верят и надеются на лучшее. В наименьшей степени у студентов развита мотивация первенства (7 %), а также мотивация бескорыстной заботы о благополучии других (альтруистическая мотивация) (8 %). Также лишь только у каждого десятого сформирована мотивация избегания неприятностей (10 %).

В целях сокращения числа ценностей проведен корреляционный анализ, который показал, что составленные группы ценностей между собой не имеют прямой и обратной зависимости, поэтому можно считать, что каждый тип ценностей, явля-

ется самостоятельным типом финансовой культуры.

Именно поэтому четыре группы наиболее сформированных групп ценностей респондентов легли в основу дальнейшей типологизации и моделирования, а именно эгоцентрическая мотивация, губристическая мотивация, материальная и оптимистическая мотивация.

Выделенные ведущие ценности среди студентов Финансового университета позволяют предложить следующие типы финансовой культуры: эгоцентрическая; достижительная; материальная; оптимистическая.

Однако для формирования моделей финансовой культуры этого недостаточно, поэтому для их дополнения в выборке студентов с этими ценностями проведена корреляция с личностными качествами, которые студенты указали обязательными для финансового благополучия, и некоторыми элементами финансового поведения. Проведенный анализ позволил выделить следующие четыре типа финансовой культуры.

I. Эгоцентрическая финансовая культура – финансовую ориентацию на себя, желание действовать без ущерба для себя.

У студентов, относящимся к данному типу финансовой культуры, обнаружены самые многочисленные значимые корреляции на уровне всех представленных качеств, особенно для них характерна бережливость, дисциплинированность, обдуманность, сдержанность, именно этот тип стремится к активному потреблению финансовых продуктов (кредиты, счета, онлайн банкинг и др.), пристально оценивает степень надёжности и безопасности банковской системы. А также для этого типа выявлено:

- чем более ответственны и организованы студенты, тем выше уровень сберегательного поведения;
- чем более сдержанны, доверчивы и дисциплинированнее, тем выше уровень материального положения;
- чем выше уровень лояльности, тем выше сберегательное поведение.

II. Достижительная финансовая культура – стремление к совершенству; отражает ориентацию на развитие, потребность в достижении, самоопределении.

Исходя из полученных данных, можно заключить, что в целом финансовое поведение такого типа людей сочетается с дисциплинированностью, рациональностью, организованностью и предприимчивостью. Доверие формируется только при высоком уровне информированности о финансовых услугах, а ответственность обратно связана с готовностью взять кредит. Также стоит отметить:

- чем чаще сравнивают условия предоставления финансовых услуг, тем более уверены в надёжности и безопасности банковской системы;

- чем выше уровень сберегательного поведения, тем чаще оплачивают покупки безналичным расчетом.

III. Материальная финансовая культура – означает особую значимость для человека финансового благополучия, стремление к деньгам как общей ориентации на благополучие. Результаты показывают, что для данного типа материальное положение имеет обратную связь с уверенностью к себе, низкую доверчивость, нелояльность к сбережениям. Сдержанность в характере имеет положительную связь с надежностью и безопасностью банковской системы.

IV. Оптимистическая финансовая культура – вера в лучшее в жизни, наличие пассивного ожидания благополучия/неблагополучия в жизни (фатализм). У данного типа сберегательное по-

ведение сочетается с обдуманностью, сдержанностью, а также с надежностью и безопасностью банковской системы. Обдуманность напрямую связана с готовностью взять кредит, а общительность с текущим уровнем материального положения.

Таким образом, финансовая культура, как часть экономической культуры, является социально-экономическим явлением и представляет собой комплекс характеристик, определённый набор качеств, установок и паттернов поведения, которые определяют тип финансовой культуры. Понимание типов финансовой культуры позволяет оценить как определенные типы финансовой культуры влияют на финансовые достижения и более точно исследователям прогнозировать развитие финансовой сферы.

Литература:

1. *Александрова О.А.* Влияние экономических ожиданий на финансовое поведение российского населения. Вопросы статистики / О.А. Александрова, А.В. Ярашева. 2016. № 5. С. 70–79.
2. *Дудина О.М.* Монетарная культура молодых москвичей в условиях экономического кризиса / О.М. Дудина, П.В. Разов // Полис. 2021. № 3. С. 25–36.
3. *Киселева Н.И.* Методологические подходы к оценке финансовой грамотности населения России / Н.И. Киселева, А.В. Новиков // Экономика. Бизнес. Банки. 2019. № 11. С. 8–20.
4. *Кузина О.Е.* Финансовая грамотность молодежи / О.Е. Кузина // Мониторинг. 2009. № 4(92).
5. *Кузина О.Е.* Проблемы измерения и пути повышения финансовой грамотности населения России / О.Е. Кузина, Д.Х. Ибрагимов // Мониторинг. 2008. № 4(88).
6. *Овчарова Л.Н.* Российские домохозяйства накануне финансового кризиса: доходы и финансовое поведение / Л.Н. Овчарова, О.В. Синявская, Д.Х. Ибрагимов; Отв. ред.: Л.Н. Овчарова. М. : НИСП, 2008.
7. *Радаев В.В.* Уроки «Финансовых пирамид», или что может сказать экономическая социология о массовом финансовом поведении / В.В. Радаев // Мир России. Социология. Этнология. 2002. № 2. С. 39–69.
8. *Силласте Г.Г.* Изменения социальной мобильности и экономического поведения женщин / Г.Г. Силласте // Социологические исследования. 2000. № 5. С. 25–34.

Literature:

1. *Alexandrova O.A.* The influence of economic expectations on the financial behavior of the Russian population. Questions of statistics / O.A. Alexandrova, A.V. Yarasheva. 2016. № 5. P. 70–79.
2. *Dudin O.M.* Monetary culture of young Muscovites in the conditions of economic crisis / O.M. Dudin, P.V. Home // Polis. 2021. № 3. P. 25–36.
3. *Kiseleva N.I.* Methodological approaches to assessing the financial literacy of the population of Russia / N.I. Kiseleva, A.V. Novikov // Economics. Business. Banks, 2019. № 11. P. 8–20.
4. *Kuzina O.E.* Financial literacy of young people / O.E. Kuzina // Monitoring. 2009. № 4(92).
5. *Kuzina O.E.* Problems of measuring and ways to increase financial literacy of the Russian population / O.E. Kuzina, D.H. Ibragimov // Monitoring. 2008. № 4(88).
6. *Ovcharova L.N.* Russian households on the eve of the financial crisis: income and financial behavior / L.N. Ovcharova, O.V. Sinyavskaya, D.H. Ibragimov; Ed. edited by: L.N. Ovcharova. M. : INEC, 2008.
7. *Radaev V.V.* The lessons of the «pyramid schemes», or to say economic sociology of mass financial behavior / V.V. Radaev // The world of Russia. Sociology. Ethnology. 2002. № 2. P. 39–69.
8. *Sillaste G.G.* Changes in social mobility and economic behavior of women / G.G. Sillaste // Sociological research. 2000. № 5. P. 25–34.

Дмитриева Ирина Сергеевна

кандидат социологических наук
доцент кафедры
менеджмента и маркетинга,
Волгоградский филиал Российского
экономического университета
имени Г.В. Плеханова
popov-52@mail.ru

Копылов Сергей Иванович

кандидат социологических наук,
доцент кафедры
менеджмента и маркетинга,
Волгоградский филиал Российского
экономического университета
имени Г.В. Плеханова
popov-52@mail.ru

**ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ
НОВЕЙШИХ СОЦИАЛЬНЫХ
ИЗМЕНЕНИЙ, ПРОИСХОДЯЩИХ НА
НАЦИОНАЛЬНЫХ РЫНКАХ ТРУДА**

Аннотация. В статье представлена аргументация научной значимости разработки инновационных диагностических и прогностических исследовательских стратегий, связанных с задачами идентификации противоречий социальных изменений, происходящих на национальных рынках труда. Авторами проанализированы научные подходы к исследованию проблем безработицы и занятости трудоспособного населения. Сделан вывод о том, что сегодня ведется интенсивный научный поиск в направлении осмысления противоречий качественных изменений общественной организации труда.

Ключевые слова: труд, рынок труда, безработица, занятость, социальное неравенство, социальная защита, социальная справедливость, социальная политика.

Введение.

В новых условиях усиления экономической глобализации и революционных технологических изменений на национальных рынках труда происходит формирование новых способов организации трудовых практик трудоспособного населения.

Очевидно, что сейчас ученых уже не могут удовлетворить классические взгляды на работу как на «вечное условие существования человека» (К. Маркс) и основополагающий ресурс социальной интеграции и производственной кооперации функционально автономных работников (Э. Дюркгейм). В современных глобализованных эко-

Irina S. Dmitrieva

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Management and Marketing,
Volgograd branch of the Russian
University of Economics
named after G.V. Plekhanov
popov-52@mail.ru

Sergey I. Kopylov

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Management and Marketing,
Volgograd branch of the Russian
University of Economics
named after G.V. Plekhanov
popov-52@mail.ru

**THE PROBLEM OF IDENTIFYING
THE LATEST SOCIAL CHANGES
IN NATIONAL LABOR MARKETS**

Annotation. The article presents the argumentation of the scientific significance of the development of innovative diagnostic and prognostic research strategies related to the tasks of identifying the contradictions of social changes in national labor markets. Scientific approaches to the study of the problems of unemployment and employment of the able-bodied population are analyzed. It is concluded that today there is an intensive scientific search in the direction of understanding the contradictions of qualitative changes in the social organization of labor.

Keywords: labor, labor market, unemployment, employment, social inequality, social protection, social justice, social policy.

номиках национальных государств противоречивым образом сочетаются различные виды труда как специализированные системы производственной интеракции с комплексными системами определенных видов работ, как институционально регламентированных социальных запросов на эту работу [1]. Однако такое сочетание, в целом, не способствует преодолению таких хорошо известных феноменов трудовых практик, как отчуждение труда, эксплуатация и узурпация результатов труда [2]. Именно эти феномены изучаются и анализируются учеными как перманентные источники воспроизведения и углубления социальных противоречий в процессах организации современных трудовых практик на глобальном и национальных рынках труда.

Результаты исследования.

Очевидно, что за последние десятилетия российский рынок труда качественно изменился. Реформирование практически всех сфер российского общества вызвало глубокие институциональные изменения прежней планово-административной экономической системы, при которой провозглашенные социалистические идеалы патерналистской социальной защиты, социальных гарантий на труд, образование, отдых, медицинское обслуживание и пенсионное обеспечение специфическим образом сочетались со способом распределения материальных благ «от каждого по способностям – каждому по труду».

Однако важно учитывать, что этот принцип, как считал, например, Дж. Ролз, специфическим образом отражает самоорганизационный потенциал капиталистических обществ с рыночной экономикой. В фундаментальном труде «Теория справедливости» [3] ученый подчеркивает, что, благодаря действию самоорганизационных механизмов рынка труда, неравные люди устанавливают определенное равновесие в своих взаимодействиях. «Поэтому несомненно и вполне естественно сделать некое важное предположение относительно того, каким образом большинство людей могут реально уравнивать свои отношения» [3, с. 37]. По мнению Дж. Ролза, капиталистический рынок труда является наглядным примером обеспечения «дистрибутивной справедливости» - то есть, неровного, однако, легитимно гарантированного оптимального распределения материальных благ для каждого участника рынка труда [3, с. 277–280].

Такую точку зрения нельзя считать принципиально новой. Так, еще в начале 1960-х годов Т. Парсонс пытался доказать, что процессы усиления дифференциации практик взаимодействий людей в различных сферах их жизни способствуют усилению уровня стабильности общества как социальной системы. Усиление стабильности рынка труда в обществах индустриального типа, как считал ученый, обеспечивается растущим функциональным влиянием трех дифференциальных институциональных механизмов: «...конкуренция между потенциальными работодателями, способы самозащиты групп наемных работников, например, заключение трудового договора, а также установление и охрана нормативного порядка «более высоким» авторитетом, например, государственными органами» [4, с. 711]. Важно учитывать, что рынок труда Парсонс понимал не только как систему предложений для занятых работниками вакантных должностей, но и как систему гарантий защиты работников от принятия ими невыгодных предложений. Именно поэтому фундаментальным целевым приоритетом благоприятных функциональных изменений рынка труда, как считал американский социолог, является его эффективность в решении двух проблем:

- 1) преодоление безработицы;
- 2) обеспечение занятости трудоспособного населения.

Подчеркнем, что научные взгляды западных ученых в начале XXI века на новые трудовые процессы, саму работу и на феномены безработицы и занятости существенно отличаются от концептуальных интерпретаций этих феноменов в 50–70 годах прошлого века.

Во-первых, целесообразно указать на то что сам феномен безработицы сейчас нельзя считать исключительно дисфункциональным явлением общественной жизни, которое необходимо обязательно преодолеть посредством создания системы полной занятости и институциональных гарантий такой занятости как необходимого условия развития системы потребления. Важно учитывать, что в современных обществах состояние безработицы на национальных рынках труда зависит от объема и эффективности инвестиций как решающих стимулов экономического роста. Однако, важно признать, что инвестиционная активность реально может быть как фактором преодоления, так и усиления безработицы (как следствие вынужденного увольнения людей из-за роста производительности труда) [5].

Таким образом, для современных национальных рынков труда характерна ситуация неопределенности социальных последствий инвестиционной политики различных агентов экономической деятельности. Именно поэтому эффективность административных действий по снижению текущего уровня безработицы зависит от научно обоснованных прогнозных оценок возможных положительных или отрицательных последствий инвестиционной активности.

Во-вторых, необходимо указать на то, что сам процесс восстановления безработицы как явления общественной жизни свидетельствует о наличии двух разных типов безработицы – постоянной и временной. Продолжающаяся во времени постоянная безработица может приводить к деструктивным драматическим последствиям. Так, в течение последних двух десятилетий продолжающийся рост безработицы в ведущем центре автомобилестроения США в г. Детройте сегодня фактически привел к его обезлюдению, обвалу рынка недвижимости, к росту уголовной преступности, расовым конфликтам и упадку муниципальной инфраструктуры.

Очевидно, следует согласиться с мнением Н. Грановеттера о том, что «безработица, которая вызвана закрытием градообразующих предприятий, приводит к более серьезным потерям, чем временные сокращения в большом городе» [6, с. 64]. Ученый доказывает, что ситуацию временной безработицы вполне возможно улучшить путем совершенствования институциональных механизмов занятости. Однако, как считает Грановеттер, важно понимать противоречивый характер взаимосвязи феноменов безопасности и занятости как «двух полюсов» рынка труда. Феномен занятости является специфическим объектом социологического анализа, поскольку этот феномен отражает определенные шансы трудовой мобильности рабочей силы. С одной стороны, занятость представляет собой рутинную уло-

ренность работника в деятельность определенного предприятия или учреждения и является отражением его устоявшихся мотивов, желаний, потребностей и целей своей успешной трудовой адаптации и карьерного роста. С другой стороны, занятость, в отношении процесса трудовой активности различных категорий трудящихся, является релятивным феноменом, с которым эти работники всегда критически оценивают свои возможности попадания в ряды безработных [6].

В-третьих, необходимо констатировать, что сейчас довольно радикально меняются взгляды на человека как субъект труда. Современный человек в экономически развитых обществах воспроизводит свою жизнедеятельность уже не в режиме тотальной зависимости от потребности вынужденно вступать в определенные производственные отношения с целью получения необходимых для своего выживания доходов от труда. Стоит напомнить, что новейшие дискуссии относительно стратегий социальной политики во многих европейских странах (в частности, в Швейцарии, Финляндии, Норвегии, Дании, Швеции) ведутся вокруг вопроса введения гарантированного нетрудового дохода как источника полноценного существования человека вне труда [7].

Именно поэтому в «индивидуализированном обществе», по мнению З. Баумана, уже сейчас можно серьезно говорить о «пользе бедности», поскольку нехватка для жизни ресурсов может быть компенсирована человеку за счет специализированных фондов социальной поддержки. Такая поддержка, по мнению ученого, является

Литература:

1. *Кокорева Е.А.* Глобальный рынок труда: особенности и задачи / Е.А. Кокорева, А.А. Колесникова, М.И. Цапусова // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2020. № 5(7). С. 41–52.
2. *Столярчук Я.* Современная сегментация и ключевые тенденции развития мирового рынка труда / Я. Столярчук, С. Поручник // Аспекты труда. 2015. № 7. С. 12–17.
3. *Ролз Дж.* Теория справедливости / Дж. Ролз; Пер. с англ.; Науч. ред. и предисл. В.В. Целищева. 2-е. изд. М. : Издательство ЛКИ, 2010. 536 с.
4. *Парсонс Т.* Функциональная теория изменения / Парсонс Т. // О структуре социального действия. М. : Академический Проект, 2000. С. 699–729.
5. *Майкл Спенс.* Следующая конвергенция. Будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. 336 с.
6. *Грановеттер М.* Социологические и экономические подходы к анализу рынка труда: социоструктурный взгляд / М. Грановеттер // Экономическая социология. 2011. Т. 12. № 2. С. 49–79.

важным стимулом развития деловых качеств человека и фундаментом социальной стабильности в отличие от стихийного и конкурентного характера развития трудовых отношений без надежных гарантий достойной оплаты за выполненную работу [8, с. 31]. Однако с такой позицией известного социолога-постмодерниста вряд ли можно согласиться.

В данной связи можно принять во внимание критические аргументы Дж. Стиглица, который считает, что осуществление государственными институтами административными средствами перераспределения доходов национальных бюджетов в пользу бедных и безработных слоев населения, по сути, обходит вопрос источников данных доходов [9, с. 48].

Выводы.

Проведенный авторами анализ, в целом, подтверждает актуальность и научную значимость разработки инновационных исследовательских стратегий, направленных на идентификацию противоречий социальных изменений, происходящих на национальных рынках труда. В условиях прогрессирующего глобального кризиса труда и занятости учеными ведется интенсивный научный поиск в направлении осмысления противоречий качественных изменений общественной организации труда, его интегративного статуса, а также изменений в образе жизни людей «вне труда» - то есть, тех людей, которые имеют реальные возможности самореализации потенциала своей агентности на основе селективного использования определенных приобретенных активов.

Literature:

1. *Kokoreva E.A.* Global labor market: features and challenges / E.A. Kokoreva // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2020. № 5(7). P. 41–52.
2. *Stolyarchuk Ya.* Modern segmentation and key trends in the development of the global labor market / Ya. Stolyarchuk, S. Poruchnik // Aspects of Labor. 2015. № 7. P. 12–17.
3. *Rawls J.* Theory of Justice / J. Rawls; Per. from English; Nauch. ed. and foreword. V.V. Tselishcheva. Ed. 2nd. M. : LKI Publishing House, 2010. 536 p.
4. *Parsons T.* Functional theory of change / T. Parsons // Parsons T. On the structure of social action. M. : Academic Project, 2000. P. 699–729.
5. *Michael Spence.* The next convergence. The future of economic growth in a world living at different speeds. M. : Publishing House of Institute of Gaidar, 2012. 336 p.
6. *Granovetter M.* Sociological and economic approaches to the analysis of the labor market: a sociostructural view / M. Granovetter // Economic sociology. 2011. Vol. 12. № 2. P. 49–79.

7. *Квашнин Ю.Д.* Базовый доход для европейских стран: от теории к практике / Ю.Д. Квашнин // Современная Европа. 2019. № 3. С. 171–181.

8. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2002. 390 с.

9. *Стиглиц Дж.Е.* Цена неравенства. Чем расхождение общества грозит нашему будущему. М. : Эксмо, 2017. 512 с.

7. *Kvashnin Yu.D.* Basic income for European countries: from theory to practice / Yu.D. Kvashnin // Modern Europe. 2019. № 3. P. 171–181.

8. *Bauman Z.* Individualized society. M. : Logos, 2002. 390 p.

9. *Stiglitz J.E.* The price of inequality. What stratification of society threatens our future. M. : Eksmo, 2017. 512 p.

Коновалова Татьяна Вячеславовна

кандидат экономических наук,
заведующая кафедрой
транспортных процессов
и технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Шевцов Юрий Дмитриевич

доктор технических наук,
профессор кафедры
транспортных процессов
и технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Надирян София Левоновна

старший преподаватель
кафедры транспортных
процессов и технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Миронова Мария Петровна

ассистентка кафедры
транспортных процессов
и технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

**Влияние пандемии
на трансформацию
педагогических технологий
в инженерном образовании**

■ ■ ■

Аннотация. В данной статье авторами рассмотрено влияние пандемии на трансформацию педагогических технологий в инженерном образовании. При переходе вузов на дистанционную форму обучения многие вузы, в особенности прикладные (технические, медицинские) столкнулись с рядом сложностей в образовательном процессе, основными из которых являются: отсутствие опыта и практики массового внедрения технологий удаленного доступа к получению образовательных услуг; отсутствие цифровых инструментов инфраструктуры многих университетов для организации онлайн обучения; принципиальное изменение процесса обучения.

■ ■ ■

Ключевые слова: пандемия, педагогические технологии, образование, учебный процесс.

Tatyana V. Konovalova

Candidate of Economic Sciences,
Head of Department
Transport Processes
and Technological Complexes,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

Yuri D. Shevtsov

Doctor of Technical Sciences,
Professor of the Department
of Transport Processes
and Technological Complexes,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

Sofia L. Nadiryan

Senior Lecturer
Departments of Transport
Processes and Technological Complexes,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

Maria P. Mironova

Assistant Department
of Transport Processes and
Technological Complexes,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

**THE IMPACT OF THE PANDEMIC
ON THE TRANSFORMATION
OF PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES
IN ENGINEERING EDUCATION**

■ ■ ■

Annotation. In this article, the authors consider the impact of the pandemic on the transformation of pedagogical technologies in engineering education. During the transition of universities to distance learning, many universities, especially applied (technical, medical), faced a number of difficulties in the educational process, the main of which are: lack of experience and practice of mass introduction of remote access technologies to receive educational services; lack of digital infrastructure tools for many universities to organize online learning; fundamental change in the learning process.

■ ■ ■

Keywords: pandemic, pedagogical technologies, education, educational process.

Высшее образование претерпело существенные изменения во время пандемии COVID-19. Под натиском COVID-19 в весеннем семестре 2020 года студенты отправились домой, где они могли использовать новые или обновленные платформы для онлайн-обучения. В осеннем семестре 2020 года уже появились какие-то ответы. Одни вузы полностью вернулись на очную форму, другие остались полностью на онлайн-обучении, а третьи совмещали оба формата в разной степени.

В декабре 2020 года WeWork вместе с компанией по стратегии и исследованиям brightspot strategy провела анонимный опрос более 400 студентов из США для целостной оценки их опыта обучения во время осеннего семестра 2020 года. Результаты опроса, проведенного в декабре 2020 года, показали самую низкую оценку студентами своего опыта обучения с момента первого проведения опроса в 2018 году.

Общая удовлетворенность студентов снизилась на 27 % осенью 2020 года в сравнении с весной 2020 года (начало COVID-19).

Студенты, находящиеся на полном онлайн-обучении, удовлетворены вдвое меньше тех, кто учится полностью очно (35 % против 69 % удовлетворенных).

По оценкам учащихся, уровень их академических знаний, саморазвития и социального взаимодействия снизился в среднем на 14–21 % в период с весны до осени 2020 года. В частности, указывается снижение на 23 % «чувства вовлеченности в процесс обучения» и на 20 % – «работы над долгосрочными проектами».

В среднем, студенты предпочитают выделять большую часть стоимости обучения (59 процентов) на внеклассные расходы (включая доступ к технологиям и помещениям кампуса), а меньшую часть (41 процент) – на уроки.

Осенью 2020 года примерно 44 % учебных заведений планировали открыться преимущественно или полностью в онлайн-формате, 21 % прогнозировали гибридную модель, а 27 % планировали работать большую часть времени или полностью очно.

Опыт очного посещения занятий больше всего повлиял на удовлетворенность студентов. Онлайн-обучение сильно сказалось на студенческой жизни и, следовательно, на опыте обучения в вузе в целом. Виртуальные курсы усложняют социальное взаимодействие и общение с единомышленниками. Опрошенные студенты хотели бы, чтобы вузы нашли места, где можно было бы безопасно взаимодействовать и общаться. Студенты также надеются, что преподаватели будут стараться создать подобие социальной среды на виртуальных занятиях.

Онлайн-обучение на то, как студенты общаются друг с другом, и усложнило естественное взаимодействие, которое дают занятия в классе и общие интересы. Общаться с одногруппниками на онлайн-уроках достаточно сложно, и студенты

отводят особую роль своим преподавателям в создании социальной среды на виртуальных занятиях.

Существуют такие специальности в разных областях человеческой деятельности, которые невозможно освоить виртуально. Например, в энергетике это монтажники, электромонтажники, мотористы, в медицине это хирурги, в транспортной сфере машинисты, водители, механики, в авиации летчики, техники, обслуживающие самолёты, в автосервисе, механики, диагносты, автоэлектрики и т.д.

Вопросы, связанные с освоением учебных дисциплин в технических науках во время пандемии COVID-19, т.е., при онлайн-обучении, внесли существенные изменения в методику обучения при проведении практических и лабораторных занятий. Преподаватели столкнулись с трудностями, которые возникли при проведении практических занятий, связанных с расчетами, с изучением техники и особенно при проведении лабораторных работ.

В связи с введением карантинных мероприятий ввиду распространения COVID-19 высшее образование претерпело существенные изменения. В период первой волны распространения коронавирусной инфекции 2020 года студенты были вынуждены перейти на дистанционный формат обучения, используя при этом новые или обновленные платформы для онлайн-обучения.

При переходе вузов на дистанционную форму обучения многие вузы, в особенности прикладные (технические, медицинские) столкнулись с рядом сложностей в образовательном процессе, основными из которых являются:

- отсутствие опыта и практики массового внедрения технологий удаленного доступа к получению образовательных услуг;
- отсутствие цифровых инструментов инфраструктуры многих университетов для организации онлайн обучения;
- принципиальное изменение процесса обучения.

По данным социологического исследования, проведенного Институтом образования НИУ ВШЭ, удовлетворенность обучающихся в дистанционном формате составила более 50 %, подробные данные представлены на рисунке 1.

Однако есть такие специальности в разных областях человеческой деятельности, которые невозможно освоить виртуально. Например, в энергетике – это монтажники, электромонтажники, мотористы, в медицине это хирурги, в транспортной сфере машинисты, водители, механики, в авиации летчики, техники, обслуживающие самолёты, в автосервисе, механики, диагносты, автоэлектрики и т.д. [1–2].

В настоящее время современные цифровые технологии для повышения эффективности обучения позволяют создавать различные образцы

наглядных пособий. К ним можно отнести презентации для лекций и практических занятий, электронные имитационные лабораторные установки, испытательные стенды, анимационные лекции, видеофильмы (имитационные, демонстрационные, обучающие) и т.д. Вышеперечисленные технологии существенно повышают эффективность обучения и усвояемость даваемого преподавателем материала. Однако эффективность усвоения и понимания изучаемых тем в технических науках будет высокой в том случае,

если инновационные технологии будут использоваться в сочетании с работой на реальных образцах техники, а действия, связанные с получением навыков при освоении специальности, будут осуществляться только на реальных образцах техники. Конечно, при отсутствии такой техники, для проведения занятий приходится пользоваться только видеофильмами, имитационными виртуальными моделями и.д., что существенно снижает уровень и качество освоения специальности.

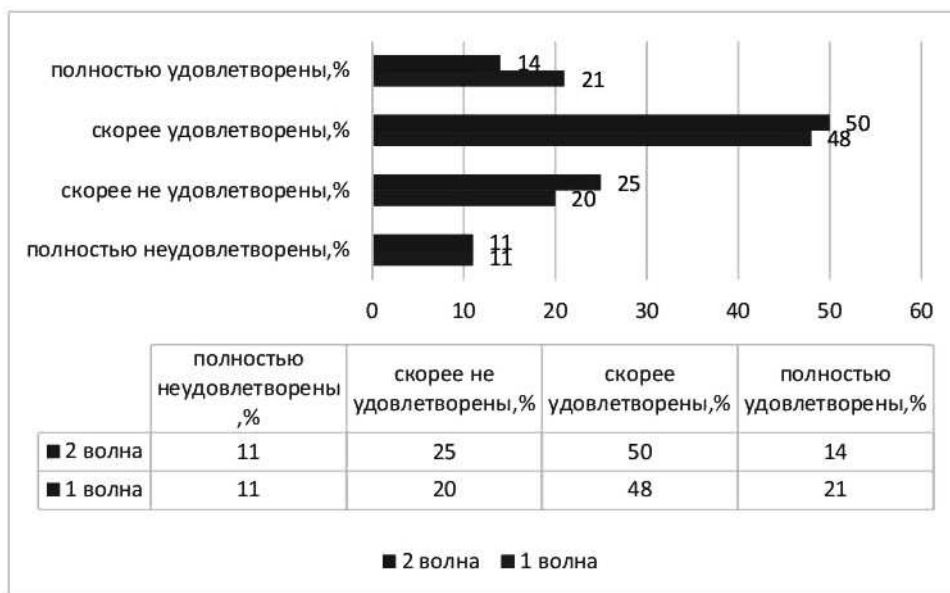

Рисунок 1 – Удовлетворенность организацией обучения в дистанционном формате

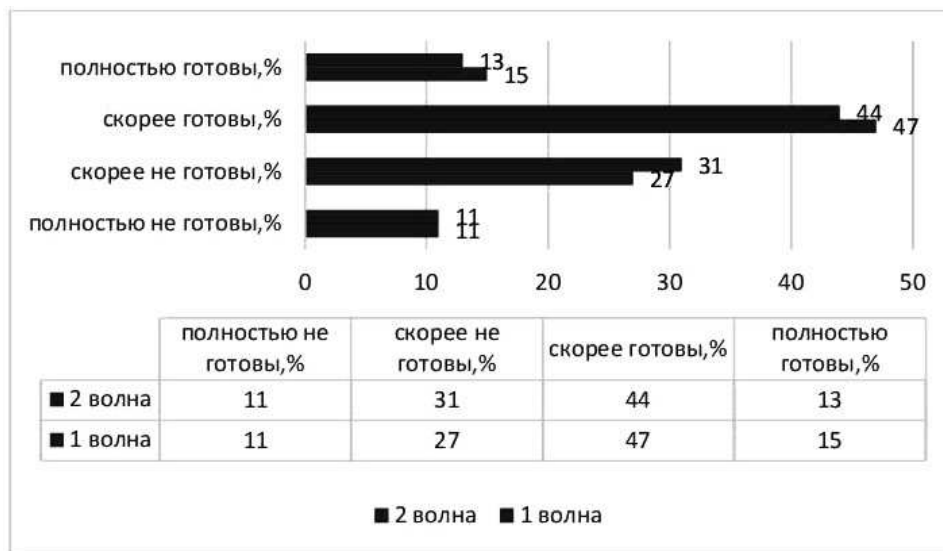

Рисунок 2 – Готовность преподавательского состава к переходу на дистанционный формат обучения

Практические занятия с проведением расчетов, курсовые работы и проекты направлены на то, чтобы при их выполнении было достигнуто более глубокое понимание физической сущности рассчитываемых и выбираемых величин, оценки правильности полученных параметров, изменения, при необходимости, этих величин с пониманием сущности этих изменений. Перечисленные

особенности могут быть доведены до понимания студентов только при проведении очных занятий. Преподаватель на занятии в очном общении сразу видит степень понимания студента. Студент может задать уточняющие вопросы, сразу же выяснить непонятые ему моменты. Преподаватель, в свою очередь может остановиться на непонятном вопросе, более тщательно и более

углубленно объяснить это одному студенту, а если вопрос общий, акцентировать внимание на объяснении этого вопроса для всей аудитории. При очном занятии существует быстрая обратная связь за счет тесного контакта студента с преподавателем. При первом занятии и начале

выполнения расчетов преподаватель может контролировать работу всей аудитории, оперативно реагировать на любые нюансы, происходящие на занятии, т.е., управлять процессом познания изучаемого вопроса [1].

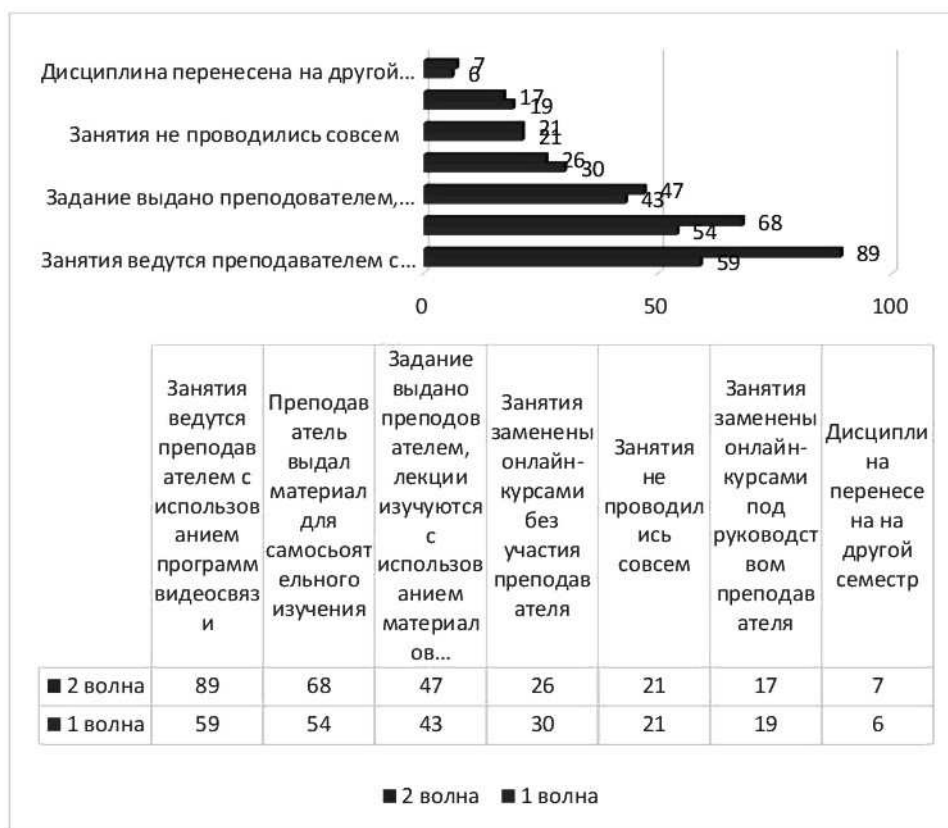

Рисунок 3 – Оценка уровня проведения занятий в дистанционном формате

При онлайн-работе управление учебным занятием существенно ухудшается. Обратная связь становится очень зыбкой и неоднозначной.

Во-первых, не исключены технические сбои («плохой интернет», не качественный звук, сбой программ из-за перегрузки и т.д.).

Во-вторых, проверка ошибок в расчете может быть осуществлена только после пересылки работы по электронной почте с учетом необходимости разъяснения сути ошибки индивидуально и того, что это разъяснение может понято не сразу, время усвоения будет затянуто.

В-третьих, не факт, что даже после исправления ошибок материал будет усвоен и правильно понят, т.е, возможность правильной объективной оценки усвоения студентами рассматриваемого материала у преподавателя существенно снижается по сравнению с очными занятиями.

Таким образом, анализ перечисленных факторов позволяет сделать вывод о существенном ухудшении качества освоении учебного материала студентами при онлайн-занятиях и снижении возможности объективной оценки уровня знаний студентов преподавателем. Вынужденный характер перехода на дистанционный формат обу-

чения естественным образом сказалась на эффективности обучения в целом.

Ограничения, связанные с пандемией COVID-19, не только выявили все описанные проблемы, но и явились катализатором трансформации университетов в области цифровизации, педагогических технологий. Трансформация будет эффективной при правильном целеполагании и прогнозировании ключевых характеристик преподавателя и обучающегося, которые будут востребованы на рынке образовательных услуг в ближайшие годы (табл. 1).

Трансформацию преподавателя можно определить так:

Сегодня – преподаватель-лектор.

Завтра – преподаватель-практик, эксперт, цифровой навигатор.

Применение современных педагогических технологий преподавателями, обладающими профессиональными компетенциями, практическим опытом и ключевыми характеристиками, описанными в таблице 1, позволит университетам достигать глобальной конкурентоспособности на рынке образовательных услуг.

Прогноз ключевых характеристик преподавателя и обучающегося инженерных направлений подготовки

Преподаватель	Обучающийся
Обладает глубокими знаниями по предмету. Ориентируется в современных научных и образовательных тенденциях, глобальных вызовах и актуальных задачах. Ведет активную исследовательскую деятельность и интегрирует ее в образование. Является профессионалом, создает уникальный контент по своей дисциплине/предмету, активно использует актуальные методы и технологии обучения. Способствует становлению студента как профессионала, поддерживает его интерес к новому и развивает способность мыслить. Помогает студенту выстраивать и корректировать свой образовательный трек. Регулярно повышает квалификацию в мировых научно-образовательных центрах. Включен в профессиональное сообщество. Способен работать в полиязычной, мультикультурной среде. Формирует команды и сообщества. Способен ставить задачи и создавать новое. Эмоционально устойчив, умеет разрешать конфликты и способен к эмпатии	Ценит свободу выбора образовательной и профессиональной траектории. Чувствует ответственность за качество результатов своей деятельности. Составляет собственную образовательную траекторию. Не ограничивается получением одной специализации, получает дополнительные компетенции. Делится знанием, выполняя роль (со)преподавателя. Мобилен в виртуальном и физическом пространстве. Заинтересован в получении глубоких знаний. Быстро воспринимает информацию и эффективно работает с разными источниками. Аналитически и глобально мыслит. Готов к рискованным изменениям. Развивает коммуникационные, управленческие и другие компетенции. Обучается индивидуально и в составе команд, способен организовывать работу в команде

Литература:

1. Коновалова Т.В. Опыт разработки тестовых баз и проведения тестирования как формы оценивания уровня и качества подготовки студентов направления технология транспортных процессов / Т.В. Коновалова, Н.В. Магзумова, Л.М. Малука // Вестник Донецкой академии автомобильного транспорта. 2016. № 4. С. 22.
2. Исследование результатов реализации электронного обучения и дистанционных образовательных технологий в фгбоу во «КУБГТУ» / Т.В. Коновалова [и т.д.] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 10. С. 73–75.

Literature:

1. Konovalova T.V. Experience in developing test bases and conducting testing as a form of assessing the level and quality of training of students in the direction of technology of transport processes / T.V. Konovalova, N.V. Magzumova, L.M. Maluka // Bulletin of the Donetsk Academy of Motor Transport. 2016. № 4. P. 22.
2. Research of the results of the implementation of e-learning and distance learning technologies in the FSBEI he «KUBSTU» / T.V. Konovalova [et al.] // Humanities, socio-economic and social sciences. 2016. № 10. P. 73–75.

Коркия Эка Демуриевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры
социологии коммуникативных
систем социологического факультета,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
ekakorkiya@mail.ru

Мамедов Агамали Куламович

доктор социологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой
социологии коммуникативных
систем социологического факультета,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
akmnauka@yandex.ru

Ценности публичной культуры: визуализация и социальные маркеры

Аннотация. Представленная статья посвящена актуализации социальных принципов и механизмов формирования визуальной публичной культуры в целях трансформации когнитивных процессов. Современная визуальная культура рассматривается как основной инструмент формирования социальной реальности, создания пространственно-временного континуума, т.е., социальной среды, включающей в себя предметы культурного пространства, к которым, в первую очередь, относятся моральные ценности. Авторы подчеркивают, что данные ценностные принципы являются маркерами новой среды, проводниками ее ментальности; отражают ее идеологию, являясь ее чистыми формами. С позиции социальной реальности/действительности авторами проанализированы функциональные роли участников визуальной культуры публичности. Тем самым, механизмы публичности метафорически рассмотрены как настройки управления изображением на этапе внедрения телевидения.

Ключевые слова: визуальная публичная культура, общество, ценности, жизненный мир, личность, медийное пространство, клиповость, социальная реальность.

Исследователи, описывая моральное состояние эпохи, выражали мнения, кажущиеся сегодня слишком актуальными и очевидными. Эти мысли отражали сакральную человеческую природу, затерявшуюся в современном популярном научном изложении, в традиции нагромождения слов и определений окружающей реаль-

Eka D. Korkiya

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
Sociology Communicative
Systems of the Sociological Faculty,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
ekakorkiya@mail.ru

Agamali K. Mamedov

Doctor of Sociology,
Professor,
Head of Department
Sociology of Communicative
Systems of the Faculty of Sociology,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
akmnauka@yandex.ru

PUBLIC CULTURE VALUES: VISUALIZATION AND SOCIAL MARKERS

Annotation. The presented article is devoted to the actualization of social principles and mechanisms for the formation of visual public culture in order to transform cognitive processes. Modern visual culture is considered as the main tool for the formation of social reality, the creation of a space-time continuum, i.e. social environment, which includes objects of cultural space, which, first of all, include moral values. The authors emphasize that these value principles are markers of a new environment, conductors of its mentality; reflect its ideology, being its pure forms. From the position of social reality/reality, the authors analyzed the functional roles of participants in the visual culture of publicity. Thus, the mechanisms of publicity are metaphorically considered as image control settings at the stage of television introduction.

Keywords: visual public culture, society, values, life world, personality, media space, clips, social reality.

ности, в попытке поиска «геометрического места символической выразительности, свойственной данному обществу и данной эпохе» [8]. Постичь глубину понимания природы действия человека, его историческую и социальную сущность можно буквально положив в основу рассуждений выводы, которые стали достоянием еще наших вели-

ких предшественников – мыслителей прошлых веков: «Целью каждого индивидуума является его личное благополучие. Правила, которые он применяет в погоне за этим благополучием, являются системой действий, почти каждое из которых основано на власти, т.е. на получении влияния через доверие, данное одному или нескольким лицам, а не через доказательство» [5].

В пространство социальной реальности втянуты самые разнообразные их носители, обладающие несхожими правами и возможностями. Исполнители «сознают производимое ими впечатление, а также располагают разрушительной информацией». «Разрушительность» этой информации заключается в том, что она дает понимание того, как создается визуализация, как создается нужное впечатление, куда ведет воздействие на визуальную культуру. Публичная визуальная культура «знает только то, что ей дозволено понимать в нем, ибо она ограничена информацией, добываемой неофициально, пристальным наблюдением» [4].

Высокий уровень статуса при низком уровне информационного контроля сегодня представлен ролями инвестора или партнера-субподрядчика. До тех пор, пока они выполняют свои обязательства, у них остается право на получение некоторых дивидендов за свое участие. При этом их участие, тем более, желательно, чем менее они претендуют на расширение своего вовлечения в проект. В любом случае, они не разделяют «риск, вину или удовлетворенность» [1] от того, что будет, по сути, прибавочной стоимостью исполнителей или других благополучателей организованного действия.

Высокий статус при высокой информированности может быть обеспечен как положением в индустрии, так и близостью к данному проекту. Так, у обучающего специалиста, как и эксперта, формируется набор особенных критериев оценки той сферы деятельности, в которую он погружен. Если доверенное лицо (конфидент) получает «разрушительную» информацию от исполнителей (она всегда инсайдерская), то обучающий специалист или эксперт получают информацию, в том числе и благодаря своим особым профессиональным качествам.

Набор параметров оценочных суждений профессионала, облеченного функционалом «противоречивой роли», столь же отличен от мнения рафинированного внешнего наблюдателя, как и от исполняющего базовые роли участника, в качестве исполнителя или зрителя [3]. Потому же, визуальная культура публичности в такой малой степени достигла осмысления в настоящем. Изолированность сторон, принимающих участие в визуальной постановке событий затрудняет понимание их взаимодействий, принципов настройки отдельных фреймов, но развивает интуитивный режиссерский подход и внедряет принцип жесткого отбора успешности.

Безусловно, «визуальная культура» заняла ведущую роль в повседневной жизни общества. Этот факт объясняется тем, что в онтологиче-

ском развитии мышления [9] и первая – «наглядно-действенная», и вторая – «наглядно-образная» стадии формируют человека как интерпретатора стимулов, значительная часть которых сопровождается визуальной природой. На третьей стадии «вербально-логической» мышление обрастает прочными связями между образами и понятиями, которые стоят за ними в культурном плане, находят символическое воплощение в вербальных, визуальных и иных формах отображения реальности (объективной, субъективной, социальной). Вербально-логическое мышление не действует в отрыве от онтологического опыта, поэтому в нем происходит апелляция к образам, усвоенным прежде. То, что определяет современный этап социально-культурного развития, основано на онтологическом векторе развития мышления в соотношении с продуктами прогресса в возможностях информационного обмена [7].

Публичность начинает играть доминирующую роль в визуальной культуре, тесня «иное» общественной жизни, представленные визуальным контентом. Новостные поводы, политические дискуссии успешно формируют дискурсы при условии включения содержания жизни публичных персон. «Официальные лица государства начинают работать со своим имиджем в тех самых новомодных жанрах, в каких работают рядовые граждане со своими, делая селфи периодически или даже хронически, в процессе повседневной деятельности. Наступает очередная волна жанрового размывания границ официальной и неофициальной культуры, мира частных развлечений и мира большой политики, поскольку все и вся стремится реализовать себя во взаимодействии с новейшими технологиями масс-медиа. В нынешней культурной ситуации бывает совершенно невозможно определить, какое явление оказывает влияние, а какое находится под влиянием, поскольку культура в целом развивается как некий бескрайний микс взаимовлияний» [6].

Визуальная культура публичности может быть представлена как искусство создания и презентации образного контента, демонстрирующего уникальные черты индивидуальности субъекта, преобразующего их в социально значимые примеры образа жизни и способа действия. Такая «фабрика смысла» занимается производством объектов подражания или, напротив, отторжения в рамках визуальной культуры (т.е., символических или реальных образов) в интересах социальной общности, образованной единым медиaprостранством, сходными целевыми установками и социально-культурными ценностями [2].

Западный исследователь П. Вацлавик констатирует, что не существует единственной реальности, есть лишь различные версии реальности, которые могут даже противоречить друг другу. Предлагаемый им психотерапевтический метод «Будь спонтанным!» означает призыв к игре с реальностью, к мягкой взаимной подгонке к окружающему миру, к сотворению себя и мира с целью лучшей адаптации к нему.

Свою конструктивистскую теорию коммуникации Ватцлавик построил на следующих аксиомах:

1. Невозможно не коммуницировать. Поведенческий акт (моральный, в первую очередь) влечет за собой коммуникацию.

2. Всякая коммуникация имеет два аспекта: содержание и отношение (манера, код передачи). Причем, второй аспект, «снимающий», есть метакоммуникация (главное, как нам говорят).

3. Природа отношения (утверждение, оппозиция, отрицание) зависит от расстановки пауз в последовательности актов коммуникации между партнерами. Для установления гармонических отношений следует находить средства для возобновления отношений. Самое невыносимое – быть игнорируемым.

4. Человеческие существа используют два способа коммуникации: цифровой (сложный логический синтаксис при недостатке семантики) и аналоговый (использование образов, персонифицированных историй, игры слов, цитат, переформулировок с богатой семантикой).

5. Всякий коммуникативный обмен является симметричным или дополнительным, смотря по тому, базируется ли он на равенстве или различии.

В последнее время особенный характер приобретает и общеполитическое единство этого медиапространства. Включение публичных фигур в эту сферу, наблюдаемое на примере политического представительства, свидетельствует не о профанации, а: «разумеется, всему причиной – предвыборная борьба; девять десятых кровопролитных столкновений, позорящих наш город, порождены соперничеством, злобой и завистью, вызванными к жизни этими проклятыми выборами» [6].

Универсальные ценности и не менее универсальные методы их обретения сохранили свою популярность и в современную эпоху, охарактеризованную как «цивилизация образа» [10]. Мы все больше узнаем о границах антропной вселенной и все больше ограничиваем свое представление в ней же: от «образа мира» в философии, культурологии и психологии до «мира образов» в fashion-индустрии. Для описания настоящего момента на извилистом пространственно-временном пути человеческой цивилизации социальные исследователи все чаще употребляют термин «иконический поворот», уже третий по счету за только последнее XX столетие.

Учитывая то, что визуальная культура как социально-коммуникативный феномен распространения ценностных идеалов служит процессу аккультурации, можно предположить, что в ней можно угадать черты общества будущего в не меньшей степени, чем в трансформации политических или экономических отношений. Что следует считать культурой, а что – нет, стало уделом частных мнений, в чем, конечно, значитель-

ный просчет всей системы просвещения. Следует понимать аккультурацию как сведение объекта повседневной публичности с ее источником, в самом общем смысле – с архетипом. Аккультурация невозможна без воспроизводства достижений, сохраненных в культурном коде как наиболее значимые для цивилизации. Аккультурация обеспечивает связь времен посредством атрибуции результата культурного поиска значимых символов.

«Вся суть современности ... состоит именно в процессах взаимопроникновения, обретения новых и выявления прежде незаметных связей, созвучий и ассоциативных рядов. Электронно-медийный бум и глобализм создают мир, где все со всем взаимосвязано, где активизированы различные коммуникационные процессы. И эти процессы превращают жизненное пространство в тотальную медийную среду» [7].

Сближение визуальной культуры публичности с образом жизни отдельного индивида обусловлено производством иллюзорной действительности, природа которой медийна. «Говоря о производстве пространства (и времени), мы подходим к ним не как к неким «предметам» или «вещам», изготовленным вручную или машинами, но как к важнейшим аспектам вторичной природы, результата воздействия общества на природу «первичную» – на чувственные параметры, материю и все виды энергии. ... «разбитые на участки» пространство и время обмениваются, продаются и покупаются точно так же, как любые «вещи» и предметы!» [4].

Существенная характеристика современной визуальной культуры – клиповость как форма подачи информационного контента. Инструменты для обработки контента такого типа есть и в сознании, и в мышлении. По мере пространственных завоеваний визуальности, роль этих инструментов также возрастает. Сознание само по себе системный продукт отражения реальности, но мышление в процессе реализации функции отражения уходит от непосредственности к символизму, абстрактности, временной отсроченности. Воздействие на сознание это, прежде всего, воздействие на восприятие, а воздействие на мышление – воздействие на убеждения, на образ жизни. Хотя клиповость в обоих случаях инструмент изменения состояния публики, но в случае с изменением способов мышления, оно подразумевает долговременное влияние на образ жизни и поведение с целью замещения причинно-следственных связей (возникающих на более совершенном уровне развития сознания) на базовые (более примитивные) стимул-реактивные.

Еще совсем недавно не было понятно, как регресс способа мышления может вести к развитию цивилизации, в целом: «По утверждениям учителей, школьники последних поколений уже давно с трудом понимают читаемый текст, утрачивая способность к самостоятельной репрезентации «...» на смену словам, как считали фотографы, режиссеры немого кино, пропагандисты и публицисты начала XX века, должны прийти

изображения, воспринимаемые быстрее; сегодня этим изображениям сменять уже нечего, и число зрительно неграмотных, дислексиков зрения, растет день ото дня» [5]. Сегодня, ответ на это способна дать социологическая оптика – развитию общества в процессе совершенствования визуальной культуры публичности способствует объединение реальных и визуализированных пространств через отражение образов публичных персон, унификацию образов жизни и атрибутов успешности.

Легитимацией превосходящего по роскоши [2] и безнаказанности образа жизни становится институт экспертного сообщества. Его составляют «иконы стиля» и прочие публичные персоны, занимающие высокопоставленные позиции, подразумевающие наличие морального права диктовать, а точнее продвигать свой образ жизни. Тот образ жизни, который укрепляет информационный и пространственный разрыв между публикой и исполнителями. Несмотря на то, какой именно природы экспертное сообщество, подразумевается его существование. Сегодня, даже если оно существует в виде персоны продюсера, рискованного скромной суммой вложения в презентуемого персонажа, обоснование значимости этого персонажа подается как выверенная конкурентоспособная уникальность, завизированная достаточно авторитетной группой разбирающихся в этом людей [8]. Поэтому публичность воспринимается как благополучие, прошедшее экспертизу и отображающая лучшее, что может содержаться в сфере деятельности, которую эта публичность представляет. Обратимся к некоторым инструментам создания презентации публичности.

Современные исследования подтверждают общую, архетипически-универсальную основу реагирования на цвета [9], и, по-видимому, глобализационно-аккультурационные процессы будут только упрочивать такое положение дел. Социальные практики таких специальностей как маркетинг, дизайн, имиджмейкинг, брендинг, актуализированные в условиях материального перепроизводства и высоко конкурентной среды необходимы формировать спрос перед тем, как его «удовлетворить», активно пользуются достижениями теории цвета, оперируя дихотомией хроматического и ахроматического, моно- и полихромного.

Мировоззрение индивидуализма, являющееся идеологическим стержнем капиталистической общественной формации и демократического политического режима в современном пост- (того, и другого) обществе трансформировалось в социальный миф, толкующий «безличность как социальное зло» [6], что приводит к стремлению исключить безличность из социальных отношений. Этот миф, помимо прочих следующих из него управленческих выгод, в качестве социально-психологического инструмента стал частью процесса «оцифровки» социума, бенефициаром которого выступают сторонники техногенного вектора цивилизационного прогресса [1].

«Боясь пустоты, люди задумываются о политической сфере как о среде, где личность отчетливо проявляет себя. Затем они становятся пассивными зрителями политического персонажа, который предлагает им не столько свои поступки, сколько свои намерения и чувства» [3]. Для публичной сферы в целом справедливо, что «Современный харизматический лидер упраздняет дистанцию между собственными чувствами и импульсами, и чувствами своей аудитории, и поэтому, сосредоточивая последователей на своей мотивации, отвлекает их от оценки поступков. Такие взаимоотношения между политиком и его последователями возникли в середине XIX века, когда представитель одного класса руководил другим; сегодня оно удовлетворяет нуждам новой классовой ситуации, в условиях которой лидер должен оградить себя от обсуждения со стороны тех, кого он представляет. Радио и телевидение играют в этом решающую роль, подробно освещая частную жизнь лидера и как-то забывая о необходимости бросить свет и на его деятельность в той или иной политической структуре» [8].

Инженерная коннотация устоявшихся фразеологизмов «освещение в СМИ», «бросить свет на ...» представляется логичной для эпохи технического прогресса. Глубже раскрывая природу этих метафор можно обозначить социальные механизмы функционирования визуальной культуры публичности через исследование меню ее «настроек» аналогичных (т.е. в равной ценности значения) инженерным.

Управление вниманием начинается с разделения на «главное» (важное, значимое, определяющее) и «второстепенное». В визуальной подаче материала за это отвечает контрастность. Перцептивная деятельность сама по себе уже является когнитивным механизмом, формой понимания. «Наличие порогов контрастной чувствительности, пространственной и временной разрешающей способности приводит к квантованию изображения» [4]. Первым уровнем величин, строящихся в восприятии любого типа информации, являются фигура и фон. Отделение фигуры от фона относится к базовой биологической необходимости оперирования объектами, а потому считается наиболее близкой к физиологическим свойствам восприятия. У нас просто не остается другого выбора: «Сам факт наличия перцептивно определенного размера и расстояния показывает, что перцептивная система при отсутствии ясной информации принимает искусственную оценку, отказываясь от альтернативы – оставить объект вообще вне шкалы оценок» [10].

В социо-семантическом анализе категории фона и фигуры описываются через свойства континуальности и дискретности. Их различение – часть сознательной работы по структурированию информационного «шума» – обусловлено способом реализации когнитивных функций, включенных в системные образования, направленные на формирование целостного отражения глубинных свойств реальности, подчеркивающих их семантическую основу.

Являясь частью одной большой реальности, различаемые только ментально, фигура и фон взаимопределяемы. «Фигура – это обычно устойчивая к изменению параметров значимая целостность, которая исчезает при изменении структуры связей между ее частями и существует только в соотношении с окружающей средой – фоном» [5]. Фон – всегда семантический контекст восприятия фигуры, определяющий ее характеристики или выводящий на первый план ту или иную фигуру (смысл). Мультиустойчивость данной диады открывает простор для языковой игры, построенной на многозначности интерпретаций смысла. В современном медийном пространстве это, прежде всего, юмористическая деятельность, выступающая «органической составной частью и инструментом культурной антропологии постмодерна» [6]. Другой наглядный пример – видео- и киноиндустрия, когда восприятие смысла зависит от последовательности монтажа кадров. Можно с уверенностью утверждать, что перцептивная неоднозначность, заключающаяся в рассеивании внимания для стимулирования системы организации смысла восприятия индивида, стала одним из наиболее действенных приемов медийного воздействия в условиях информационной избыточности, побуждая разрешать неопределенность (каузального детерминизма), тем самым, фокусируя внимание на предлагаемой ментальной конструкции.

Некое меню настроек задается для того, чтобы коммуникант мог соотнести себя с объектом или фоном. Так, результаты экспериментов в области психологии восприятия показывают, что:

«1) зона преимущественного выбора лежит в окрестности наиболее гармоничного объекта;

2) установка на «выразительность» сдвигает максимум частоты выбора в сторону более контрастных (по сравнению с наиболее гармоничными) объектов, установка на «приятное», наоборот – в сторону менее контрастных объектов» [9].

В вопросе контрастности кроется архетипическое различие визуального потока на добро и

Литература:

1. Бурдые П. О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», М., 2002.
2. Ефимочкина Н.Б. Роскошь в культурных контекстах: вариативность развития : монография / Н.Б. Ефимочкина, Э.Д. Коркия, А.К. Мамедов. М., 2020.
3. Ефимочкина Н.Б. Чистота в системе культурных ценностей: динамика формирования / Н.Б. Ефимочкина, Э.Д. Коркия, А.К. Мамедов. М., 2021.
4. Иванов Д.В. Глэм-капитализм. 2015.
5. Лefebvre А. Производство пространства. М., 2000.

зло, на желаемое или отвергаемое. Этот пункт в наибольшей степени задает аудитории саму программу, которой надо следовать или от которой требуется уклоняться.

Интенсификация освещения европейских столиц (18 в.) свидетельствовала не только о росте благосостояния городских учреждений и новых элит – новых буржуа, но и об их стремлении к демонстрации этого благосостояния, умножаемому посредством яркого света, «не приглушаемому абажуром, а, наоборот, усиливаемому игрой зеркал, которые умножают свет до бесконечности и оказываются уже не просто зеркалами, но ослепительными рефлекторами...» [7]. «Этот искусственный свет сам по себе является зрелищем, которое быстро становится общедоступным; возникает публичное освещение, свет демократизируется, его призвание теперь – пустить пыль в глаза каждому» [4]. Развитием настройки «яркости» стала ее монетизация, концептуированная как социокультурный феномен бренда – идола высокоэффективной самореализации в социуме.

Современное состояние визуальной культуры в обществе предопределено ее историческими этапами развития театрального и кинематографического искусства. А ее массовая презентация, зародившаяся в эру фотографии, получила полноценное развитие только в эпоху массовой презентации визуального контента – телевидения.

Таким образом, хотя метафоры, использованные в статье, имеют прямую отсылку к эпохе первых цветных телевизоров, где основными регулирующими настройками визуального представления были, яркость, цветность и контрастность, современные настройки включают управление и более тонкими параметрами презентуемых пространств: гламурность, степень изолированности, информационная полнота. Будущее визуальной культуры в поисках новых контентом и мультимодальности их презентаций включает в себя вечную совершенствующуюся форму социальной практики.

Literature:

1. Bourdieu P. On television and journalism. M.: Fund for scientific research «cultural Pragmatics». M., 2002.
2. Efimochkin N.B. Luxury in cultural contexts: variability of development : monograph / N.B. Efimochkina, E.D. Korkia, A.K. Mammadov. M., 2020.
3. Efimochkin N.B. Cleanliness in the system of cultural values: the dynamics of the formation / N.B. Efimochkin, E.D. Korkiya, A.K. Mamedov. M., 2021.
4. Ivanov D.V. Glam-capitalism. 2015.
5. Lefebvre A. Space production. M., 2000.

6. Мамедов А.К. Логика социального познания (Поппер vs Маркс) / А.К. Мамедов // Социология. М., 2016. № 3.

7. Сальникова Е.В. Визуальная культура в медиасреде. Современные тенденции и исторические экскурсы. М., 2017.

8. Сеннет Р. Падение публичного человека. М., 2002.

9. Черниговская Т. Человек растерянный «Homo Confusus». URL : https://www.youtube.com/watch?v=4FrKm5cM6U&ab_channel=AndreyKovalenko (дата обращения 20.02.2022).

10. Korkiya E.D. The social space of contemporary inequality: vectors and field / E.D. Korkiya, A.K. Mamedov // East European Science Journal. 2016. № 10.

6. Mamedov A. K. the Logic of social cognition (Popper vs Marx) / A. Mamedov // Sociology. M., 2016. № 3.

7. Salnikova E.V. Visual culture in the media environment. Modern trends and historical excursions. M., 2017.

8. Sennet R. The fall of a public person. M., 2002.

9. Chernigovskaya T. A confused man «Homo Confusus». URL : https://www.youtube.com/watch?v=4FrKm5cM6U&ab_channel=AndreyKovalenko (date of application 20.02.2022).

10. Korkiya E.D. The social space of contemporary inequality: vectors and field / E.D. Korkiya, A.K. Mamedov // East European Science Journal. 2016. № 10.

Кортелева Анна Валентиновна
кандидат социологических наук,
доцент Высшей школы международных
исследований и дипломатии,
Институт социально-политических
технологий и коммуникаций
Тихоокеанского
государственного университета
003788@pnu.edu.ru

ГЕНДЕРНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Аннотация. Поколения китайских мужчин и женщин выросли с постулатом, что «женщины держат половину неба», и на сегодняшний день Китай имеет один из самых высоких показателей участия женщин в рабочей силе в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Гендерное неравенство на рынке труда является острой проблемой для многих стран мира. На данный момент в КНР, под воздействием патриархальной идеологии, женщины подвергаются дискриминации при найме на работу, оплате труда и продвижении по службе. В статье приводится анализ гендерной дискриминации в сфере трудовых отношений современного Китая.

Ключевые слова: Гендерное неравенство, рынок труда, дискриминация, «стеклянный потолок», патриархальная идеология.

Поколения китайских мужчин и женщин выросли с постулатом, что «женщины держат половину неба», и на сегодняшний день Китай имеет один из самых высоких показателей участия женщин в рабочей силе в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако уровень участия женщин в КНР в рабочей силе неизменно снижается с 90-х гг. XX в. – с 73,2 % в 1990 г. до 60,5 % в 2019 г. Для сравнения, в 2019 г. в составе рабочей силы участвовало 75,3 % мужчин. Такая тенденция спровоцирована различными факторами, одним из которых является ослабление государственного контроля над рынком труда, что дает фирмам частного сектора и даже государственным предприятиям больше свободы в конкурентной экономической среде для дискриминации женщин при оплате труда. Кроме того, число учреждений по уходу за детьми, поддерживаемых государством, сократилось и это легло бременем на женщин, ищущих работу [1]. Согласно официальным данным, женщины посвящают уходу за детьми в три раза больше времени, чем мужчины [2].

Несмотря на то, что китайское законодательство запрещает дискриминацию по признаку пола при

Anna V. Korteleva
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Higher School
of International Studies and Diplomacy,
Institute of Social and Political Affairs
Technologies and Communications
Pacific State University
003788@pnu.edu.ru

GENDER DISCRIMINATION IN THE LABOR MARKET IN MODERN CHINA

Annotation. Generations of Chinese men and women have grown up with the postulate that «women hold half the sky» and China today has one of the highest rates of female labor force participation in the Asia-Pacific region. Gender inequality in the labor market is an acute problem for many countries of the world. At the moment, in the PRC, under the influence of patriarchal ideology, women are discriminated against in hiring, remuneration and promotion. The article provides an analysis of gender discrimination in the sphere of labor relations in modern China.

Keywords: Gender inequality, labor market, discrimination, glass ceiling, patriarchal ideology.

приеме на работу, многие работодатели открыто заявляют в своих объявлениях о приеме на работу исключительно мужчин. Согласно исследованию Human Rights Watch, почти пятая часть вакансий на государственной гражданской службе Китая в 2020 г. указывала на предпочтение кандидатов-мужчин перед женщинами [3]. Другое исследование, проведенное Всекитайской федерацией женщин, показало, что более 80 % женщин-выпускников университетов в Китае столкнулись с той или иной формой гендерной дискриминации при поиске работы, независимо от типа работодателя.

Увеличение гендерного разрыва в доходах между мужчинами и женщинами еще более значительно. В то время как многие страны приблизились к паритету, Китай в настоящее время занимает 106-е место в глобальном рейтинге гендерного разрыва среди 153 стран, опустившись с 63-го места в 2006 г. по данным Всемирного экономического форума [4].

Яо Тан и Ребекка Скотт отмечают, что непропорционально большая доля женщин удерживается в низкооплачиваемых профессиях, явление,

которое они назвали эффектом «липкого пола». Кроме того, они отмечают наличие эффекта «стеклянного потолка», когда женщины, получающие более высокие доходы, сталкиваются с большей дискриминацией по признаку пола в повседневной жизни [5]. Исследование, проведенное китайским приложением-рекрутером BOSS Zhipin [6], выявило, что, в среднем, женщина в КНР в 2019 г. заработала примерно на 1/5 меньше, чем ее коллеги-мужчины.

Как и большинство других стран, Китай создал программы и организации, направленные на защиту интересов женщин, повышения их социального статуса. Однако цели, поставленные Коммунистической партией Китая для выравнивания статуса женщин и мужчин, далеки от достижения. Как утверждает Джудит Г. Стейси, почетный профессор Нью-Йоркского университета «...социалистическая революция в Китае также была патриархальной революцией – радикальной трансформацией сельского патриархального семейного способа производства. Конфуциан-

ский патриархат был заменен сначала новым демократическим патриархатом, а затем патриархальным социализмом» [7].

Китайская экономика замедляется, и сокращение рабочей силы является одним из многих факторов. В будущем, старение населения и непрерывное сокращение рабочей силы, вероятно, станут еще большим тормозом для экономического роста Поднебесной. Однако развитие гендерного равенства в китайском современном обществе может противостоять этому торможению. Устранение многих проявлений половой дискриминации в рабочем секторе повысит эффективность китайского рынка труда, тем самым стимулируя рост экономики государства. Это потребует более активного политического вмешательства, предусматривающего целенаправленную поддержку женщин и более строгое соблюдение антидискриминационных законов. В конце концов, стабилизация экономических условий на работе принесла бы пользу не только китайским женщинам, но и всей экономике КНР.

Литература:

1. Rachel Connelly, Xiao-yuan Dong, Joyce Jacobsen & Yaohui Zhao. The Care Economy in Post-Reform China: Feminist Research on Unpaid and Paid Work and Well-Being, *Feminist Economics*, 24:2, 1–30.
2. Бюллетень национального обследования использования времени // Бюро национальной статистики. URL : http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201901/t20190125_1646796.html
3. Китай как источник глобальной угрозы права человека // Всемирный доклад. URL : <https://www.hrw.org/ru/world-report/2020>
4. Global Gender Gap Report 2020 // World Economic Forum. 2020.
5. Yao Tang, Rebecca Scott. «Glass Ceiling» or «Sticky Floor»: Evidence from the Chinese Labor Market // *Advances in Economics and Business*. 2017. Vol. 5. № 10. P. 531–538.
6. Официальный сайт People's Daily China Economic Weekly. URL : <http://www.ceweekly.cn/2020/0305/288828.shtml>
7. Stacey, Judith. 1983. *Patriarchy and Socialist Revolution in China*. Berkeley : University of California Press. P. 253.

Literature:

1. Rachel Connelly, Xiao-yuan Dong, Joyce Jacobsen & Yaohui Zhao. The Care Economy in Post-Reform China: Feminist Research on Unpaid and Paid Work and Well-Being, *Feminist Economics*, 24:2, 1-30.
2. Бюллетень национального обследования использования времени // Бюро национальной статистики. URL : http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201901/t20190125_1646796.html
3. Китай как источник глобальной угрозы права человека // Всемирный доклад. URL : <https://www.hrw.org/ru/world-report/2020>
4. Global Gender Gap Report 2020 // World Economic Forum. 2020.
5. Yao Tang, Rebecca Scott. «Glass Ceiling» or «Sticky Floor»: Evidence from the Chinese Labor Market // *Advances in Economics and Business*. 2017. Vol. 5. № 10. P. 531–538.
6. Официальный сайт People's Daily China Economic Weekly. URL : <http://www.ceweekly.cn/2020/0305/288828.shtml>
7. Stacey, Judith. 1983. *Patriarchy and Socialist Revolution in China*. Berkeley : University of California Press. p. 253.

Куксёнок Анастасия Руслановна
аспирантка департамента математики,
Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации
kuksenokar@gmail.com

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Аннотация. В статье проведен анализ факторов, влияющих на принятие решений в сфере здравоохранения, а именно, по включению технологий здравоохранения в перечни государственного лекарственного обеспечения. В результате выявлено отсутствие зависимости между оцениваемыми критериями при рассмотрении предложений технологий здравоохранения и принятием решений при включении данных технологий в Перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных средств. Определена необходимость дальнейшего совершенствования процесса принятия решений в сфере здравоохранения.

Ключевые слова: оценка технологий здравоохранения, Перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов, регрессионный анализ.

Введение. Оценка технологий здравоохранения была внедрена в России в 2014 г., когда было опубликовано Постановление Правительства РФ № 871 (Постановление № 871) [1]. В данном документе были введены интегральные шкалы комплексной оценки лекарственных препаратов, предлагаемых к включению в Перечень жизненно необходимых важнейших лекарственных средств (Перечень ЖНВЛП), и лекарственных препаратов, предназначенных для лечения высокочувствительных нозологий (Перечень ВЗН). На основе шкал осуществляется оценка клинических исследований лекарственного препарата, его эффективности и безопасности, дополнительной терапевтической ценности, стоимости курса лечения, дополнительных данных, а также результатов клинико-экономического исследования и анализа влияния на бюджет.

Процесс включения в Перечень ЖНВЛП и/или Перечень ВЗН (Перечни) инициируется заявителем, которым, чаще всего, является держатель или владелец регистрационного удостоверения лекарственного препарата, посредством направления предложения о включении лекарственного препарата в Перечни согласно форме, утвержденной Постановлением № 871 [1].

Anastasia R. Kuksenok
Graduate Student
of the Department of Mathematics,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
kuksenokar@gmail.com

ANALYSIS OF FACTORS INFLUENCING DECISION-MAKING IN THE FIELD OF HEALTHCARE

Annotation. The article analyzes the factors influencing decision-making in the field of healthcare, namely, the inclusion of healthcare technologies in the lists of state drug provision. As a result, no relationship was found between the criteria assessed when considering health technology proposals and decision-making when including these technologies in the Essential Drug List. The need for further improvement of the decision-making process in the healthcare sector was identified.

Keywords: health technology assessment, Essential drug list, regression analysis.

Поступившее в Министерство Здравоохранения Российской Федерации предложение проходит документальную экспертизу, а также комплексную оценку ФГБУ «Центром экспертизы и контроля качества медицинской помощи» (ЦЭККМП), экспертной организацией и главным внештатным специалистом (ГВС). В рамках комплексной оценки предложение о включении лекарственного препарата в Перечни получает баллы согласно шкалам, указанным выше, и выносится на рассмотрение комиссии. По результатам обсуждения члены комиссии голосуют «за» или «против» включения технологии здравоохранения в Перечни, и большинством голосов принимается решение, которое впоследствии направляется в Правительство РФ. В свою очередь Правительство РФ выносит окончательное решение и публикует изменение в распоряжение Правительства Российской Федерации № 2406-р [2].

Несмотря на подробно оцениваемые характеристики технологий здравоохранения для принятия решений о включении в Перечни, часто поднимается вопрос об отсутствии зависимости между набираемыми лекарственным препаратом баллами и заключением комиссии, а также о необходимости повышения прозрачности и объективности процесса обсуждения на комиссии.

Таким образом, является актуальным проведение анализа факторов влияющих на принятие решений в сфере здравоохранения.

Анализ протоколов заседаний комиссии по включению лекарственных препаратов в Перечни.

На первом этапе данного исследования был проведен анализ Протоколов заседаний комиссии Министерства здравоохранения РФ по формированию перечней лекарственных препаратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи с 18.07.2019 по 29.10.2021 [3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16]. Данный период был выбран, поскольку более ранние Протоколы заседаний комиссий не содержали информации по набраным баллам лекарственных препаратов согласно различным шкалам, а Протокол заседания комиссии от 29.10.2021 на момент проведения исследования является последним опубликованным.

В ходе анализа было выявлено, что с 18.07.2019 по 29.10.2021 на заседаниях комиссии было представлено 102 предложения о включении лекарственных препаратов в Перечень ЖНВЛП, которые включали в себя 93 лекарственных пре-

парата (4 лекарственных препарата рассматривались дважды на разных комиссиях и еще по 5 лекарственным препаратам было по 2 заявителя). На включение в Перечень ВЗН было представлено 33 предложения по 27 лекарственным препаратам.

Дальнейший анализ был проведен только относительно предложений о включении лекарственных препаратов в Перечень ЖНВЛП в силу следующих факторов. При наличии предложения по одновременному включению и в Перечень ЖНВЛП и Перечень ВЗН в случае отрицательного заключения комиссии по включению лекарственного препарата в Перечень ЖНВЛП, рассмотрение о включении в Перечень ВЗН не проводилось, что может подействовать на качество анализа факторов, влияющих на принятие решения. Кроме того, выборка данных по включению в Перечень ЖНВЛП больше, что способствует большей достоверности полученных результатов.

За указанный период на включение в Перечень ЖНВЛП предлагались лекарственные препараты 47 различных компаний. Компании, лекарственные препараты которых чаще всего рассматривались на комиссии для включения в Перечень ЖНВЛП представлены в таблице ниже.

Таблица 1

Количество рассматриваемых лекарственных препаратов на включение в Перечень ЖНВЛП на комиссиях с 18.07.2019 по 29.10.2021

Заявитель	Количество лекарственных препаратов
АО «Р-Фарм»	8
АО Фармстандарт	8
ООО «ПФАЙЗЕР ИННОВАЦИИ»	7
ООО «Эли Лилли Восток С.А.»	7
АО «Санофи Россия»	6
ООО «АстраЗенека Фармасьютикалз»	6
ООО Новартис Фарма	6
ООО «МСД Фармасьютикалс»	5
АО «Рош-Москва»	4
ООО «Джонсон&Джонсон»	4
ООО «ЭббВи»	4
ЗАО «Биокад»	3
ООО «Сведиш Орфан Биовитрум»	3
АО «Астеллас Фарма»	2
ООО «Гилеад Сайенсиз Раша»	2
ООО «Мерк»	2

Предложение о включении лекарственного препарата в Перечень ЖНВЛП проходило оценку в 26 экспертных организациях. При этом лидером по количеству рассмотренных предложений является Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования (18 предложений). Заключение о целесообразности включения ЛП в Перечень ЖНВЛП составляли 32 ГВС, при этом Иван Сократович Стилиди оценил наибольшее количество предложений (17 предложений).

В итоге, по 73 рассматриваемым на комиссии предложениям было принято положительное решение о включении в Перечень ЖНВЛП. Среди них на 12 лекарственных препаратов заявитель во время комиссии предложил снизить цену

в среднем на 18 % (минимальное снижение – 5 %, максимальное – 50 %).

Анализ влияния факторов на принятие решений о включении в Перечень ЖНВЛП.

Для определения степени влияния факторов на принятие решений в сфере здравоохранения была построена эконометрическая модель. Степень влияния определялась на основании решений комиссий о включении лекарственных препаратов в Перечень ЖНВЛП за период с 18.07.2019 по 29.10.2021.

В качестве факторов влияния на принятие решений в сфере здравоохранения были использованы следующие показатели:

1. Статус орфанного лекарственного препарата.
2. Снижение цены во время комиссии.
3. Данные о локализации на территории России.
4. Методологическое качество клинико-экономического исследования.
5. Методологическое качество анализа влияния на бюджет.
6. Балл за клинико-экономический анализ.
7. Балл за анализ влияния на бюджет.
8. Сумма баллов за клинико-экономический анализ и анализ влияния на бюджет.
9. Качество клинического исследования лекарственного препарата.
10. Эффективность лекарственного препарата.
11. Безопасность лекарственного препарата.
12. Дополнительная терапевтическая ценность лекарственного препарата.
13. Прочие данные лекарственного препарата.
14. Оценка ЦЭКМП.
15. Наличие лекарственного препарата в стандартах оказания медицинской помощи.
16. Наличие лекарственного препарата в клинических рекомендациях.
17. Итоговая сумма набранных баллов.
18. Заключение ГВС о наличии целесообразности включения в Перечень ЖНВЛП.

Алгоритм пошаговой регрессии.

Для построения модели для выявления факторов, влияющих на принятие решений в сфере здравоохранения, был применен алгоритм пошаговой регрессии. Проверку значимости полученных коэффициентов из результирующего уравнения можно выполнить несколькими способами: по критерию Стьюдента, а также согласно

выполнению неравенства $P(t < t_{j, \text{факт}}) \leq \alpha, j = \overline{(1,4)}, \alpha = 0,05$.

В результате пошагового исключения незначимых коэффициентов была построена пятифакторная линейная модель (рис. 1).

$$Y_1 = -5,13 + 14,17X_1 + 2,38X_2 - 0,27X_3 + 0,35X_4 + 8,30X_5 \quad (R^2 = 0,47), \quad (1)$$

где Y – количество голосов за включение МНН в Перечень ЖНВЛП, ед.; X_1 – снижение цены во время комиссии ЖНВЛП, %; X_2 – методологическое качество анализа влияния на бюджет, ед.; X_3 – баллы за качество клинического исследования лекарственного препарата, ед.; X_4 – итоговая сумма набранных баллов, ед.; X_5 – заключение ГВС о наличии целесообразности включения в Перечень ЖНВЛП.

С помощью статистического F- критерия Фишера была определена значимость уравнения множественной регрессии.

$$F_{\text{факт}} = 3,76 * 10^{-12}$$

Поскольку выполняется условие $P(F < F_{\text{факт}}) \leq \alpha, (3,76 * 10^{-12} < 0,05)$, пятифакторное уравнение регрессии значимо с надежностью не менее 95 %.

Анализируя показатель $P(t < t_{j, \text{факт}})$ в столбце «Р-значение» отчета функции «Регрессии» можно сделать вывод, что они удовлетворяют условию $P(t < t_{j, \text{факт}}) \leq \alpha, j = \overline{2;6}, \alpha = 0,05$. Следовательно, все коэффициенты модели статистически значимы.

Также, было получено значение средней относительной ошибки аппроксимации двухфакторной модели $A = 63$ %. Так как условие $63 \% < 7$ % не выполняется, то качество модели было определено как плохое. По значению коэффициента детерминации $R^2 = 0,47$ можно сделать вывод о том, что полученное уравнение регрессии объясняет колебания результирующего признака Y_1 на 47,3 %, а остальные 52,7 % приходится на факторы, неучтенные в модели. Следовательно, построенную модель нельзя использовать для дальнейшего прогноза.

Вывод итогов								
Регрессионная статистика								
Множественный R		0,6880						
R-квадрат		0,4733						
Нормированный R-квадрат		0,4459						
Стандартная ошибка		4,4279						
Наблюдения		102						
Дисперсионный анализ								
		df	SS	MS	F	Значимость F		
Регрессия		5	1 691,73	338,35	17,26	3,76E-12		
Остаток		96	1 882,23	19,61				
Итого		101	3 573,96					
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение	Нижние 95%	Верхние 95%	Нижние 95,0%	Верхние 95,0%
У-пересечение	-5,13	2,841	-1,805	0,074	-10,769	0,511	-10,769	0,511
Переменная X 1	-14,17	5,901	-2,401	0,018	-25,884	-2,458	-25,884	-2,458
Переменная X 2	2,38	0,954	2,489	0,015	0,481	4,270	0,481	4,270
Переменная X 3	-0,27	0,119	-2,264	0,026	-0,504	-0,033	-0,504	-0,033
Переменная X 4	0,35	0,062	5,589	0,000	0,224	0,470	0,224	0,470
Переменная X 5	8,30	1,922	4,319	0,000	4,487	12,119	4,487	12,119

Рисунок 1 – Отчет функции «регрессия»

Проверка наличия мультиколлинеарности.

Для проверки мультиколлинеарности в массиве данных были выполнены расчеты (рис. 2), а также найдены табличные значения соответствующих критериев.

		X1	X2	X3	X4	X5		
	X1	1	-0,063	-0,056	0,004	0,078		
	X2	-0,063	1	0,123	0,263	0,130		
r=	X3	-0,056	0,123	1	0,602	0,199		
	X4	0,004	0,263	0,602	1	0,164		
	X5	0,078	0,130	0,199	0,164	1		
	det r=	0,55		1,02	0,08	0,11	-0,08	-0,10
				0,08	1,09	0,09	-0,32	-0,11
X^2расч=	58,80		C=	0,11	0,09	1,61	-0,96	-0,18
X^2табл=	18,31			-0,08	-0,32	-0,96	1,67	-0,03
				-0,10	-0,11	-0,18	-0,03	1,06
	F1=	0,47		t12=	0,62			
	F2=	2,28		t13=	0,55			
	F3=	14,86		t14=	0,04			
	F4=	16,28		t15=	0,77			
	F5=	1,56		t23=	1,22			
				t24=	2,69			
	Fтабл=	2,31		t25=	1,29			
				t34=	7,43			
				t35=	2,00			
				t45=	1,64			
				tтабл=	1,98			

Рисунок 2 – Организация данных и расчетов по алгоритму Фаррара-Глобера

На основании проведенных расчетов можно сделать следующие выводы:

1. Так как $\chi_{\text{факт}}^2 > \chi_{\text{табл}}^2$ ($58,80 > 18,31$) то в массиве переменных x существует мультиколлинеарность.
2. Условие $F_{\text{факт}} > F_{\text{табл}}$ ($F_{\text{табл}}=2,31$) выполняется для статистик F3 и F4, следовательно они имеют тесную линейную зависимость.
3. Так как условие $t_{\text{факт}} > t_{\text{табл}}$ ($t_{\text{табл}} = 1,98$) выполняется только для статистик $t_{24} = 2,69$, $t_{34}=7,43$ и $t_{35} = 2,00$ следовательно, между показателями методологического качества анализа «влияния на бюджет» и итоговой суммой баллов, между показателем качества клинического исследования и итоговой суммой баллов, а также между показателем качества клинического исследования и заключения ГВС о целесообразности включения в Перечень ЖНВЛП существует тесная линейная зависимость.

Для того, чтобы уменьшить влияние мультиколлинеарности на оценки параметров модели, была исключена переменная итоговой суммы баллов X_4 из модели (так как $F_4 > F_3$).

Используя функцию «Регрессия» оценены параметры четырехфакторной модели. Поскольку после данной оценки для критерия X_3 не было

выполнено условие $P(t < t_{3,\text{факт}}) \leq \alpha, \alpha = 0,05$, данный критерий также был исключен из дальнейшей модели. После этого было проверено, удалось ли избавиться от мультиколлинеарности в трехфакторной модели (рис. 3).

Оценка влияния факторов, полученных в результате анализа на принятие решений в сфере здравоохранения.

На основании значений параметров модели было получено уравнение трехфакторной модели:

$$Y_1 = 2,54 + 15,64X_1 + 3,75X_2 + 9,04X_3 \quad (R^2 = 0,29), \quad (2)$$

где, Y – количество голосов за включение МНН в Перечень ЖНВЛП, ед.;

X_1 – снижение цены во время комиссии ЖНВЛП, %;

X_2 – методологическое качество анализа влияния на бюджет, ед.;

X_3 – заключение ГВС о наличии целесообразности включения в Перечень ЖНВЛП.

Так как $\chi_{\text{факт}}^2 < \chi_{\text{табл}}^2$ ($2,83 < 7,81$), то в массиве переменных x мультиколлинеарность отсутствует.

Вывод итогов								
Регрессионная статистика								
Множественный R	0,542							
R-квадрат	0,293							
Нормированный R-квадрат	0,272							
Стандартная ошибка	5,077							
Наблюдения	102							
Дисперсионный анализ								
	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>Значимость F</i>			
Регрессия	3	1 048,18	349,39	13,56	1,81E-07			
Остаток	98	2 525,78	25,77					
Итого	101	3 573,96						
Коэффициенты								
	<i>Коэффициенты</i>	<i>Стандартная ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-значение</i>	<i>Нижние 95%</i>	<i>Верхние 95%</i>	<i>Нижние 95,0%</i>	<i>Верхние 95,0%</i>
Y-пересечение	2,541	2,080	1,222	0,225	-1,587	6,669	-1,587	6,669
Переменная X 1	15,636	6,739	2,320	0,022	2,262	29,009	2,262	29,009
Переменная X 2	3,754	1,058	3,548	0,001	1,654	5,854	1,654	5,854
Переменная X 3	9,044	2,163	4,181	0,000	4,752	13,336	4,752	13,336

	X1	X2	X3			
	X1	1	-0,063	0,078		
<i>r</i> =	X2	-0,063	1	0,130		
	X3	0,078	0,130	1		
<i>det r</i> =	0,97			1,01	0,07	-0,09
			<i>C</i> =	0,07	1,02	-0,14
$X^2_{расч}$ =	2,83			-0,09	-0,14	1,02
$X^2_{табл}$ =	7,81					
	<i>F</i> 1=	0,57		<i>t</i> 12=	0,63	
	<i>F</i> 2=	1,13		<i>t</i> 13=	0,77	
	<i>F</i> 3=	1,23		<i>t</i> 23=	1,31	
	<i>F</i> табл=	2,70		<i>t</i> табл=	1,98	

Рисунок 3 – Отчет функции «Регрессия» по трехфакторной модели и проверка мультиколлинеарности объясняющих факторов

В итоге, при увеличении скидки на цену лекарственного препарата на 1 % (при условии неизменности остальных факторов) количество голосов за включение МНН в Перечень ЖНВЛП увеличится на 15,6 голосов. При увеличении методологического качества анализа «влияния на бюджет» с низкого на высокое (при условии неизменности остальных факторов) количество голосов за включение МНН в Перечень ЖНВЛП увеличится на 3,7 голосов, а при смене заключения ГВС с отсутствие целесообразности на наличие целесообразности (при условии неизменности остальных факторов) количество голосов за включение МНН в Перечень ЖНВЛП увеличится на 9,0 голосов.

Однако в результате было получено значение средней относительной ошибки аппроксимации двухфакторной модели $A = 71\%$. Так как условие $71\% < 7\%$ не выполняется, то качество модели является плохим. Более того коэффициент детерминации на данном шаге уменьшился на 18 % и составил 29,3 % из чего можно сделать вывод о том, что полученное уравнение регрессии объясняет колебания результативного признака Y_1 на 29,3 %, а остальные 70,7 % приходится на факторы, неучтенные в модели.

Следовательно, рассматриваемые факторы не влияют на принятие решения комиссии при включении лекарственных препаратов в Перечень ЖНВЛП, и построенную модель нельзя использовать для прогноза возможности включения лекарственного препарата в Перечень ЖНВЛП.

Заключение.

С каждым годом все более актуальным становится прозрачность и объективизация процесса при принятии решений в сфере здравоохранения. Однако согласно полученным результатам анализа на данном этапе отсутствует какая-либо зависимость между оцениваемыми критериями при рассмотрении предложений технологий здравоохранения и принятием решений при включении данных технологий в Перечень ЖНВЛП. Исследование показало необходимость дальнейшего совершенствования процесса принятия решений о включении технологий здравоохранения в Перечни и, возможно, внесения изменений в текущие нормативно-правовые акты.

Литература:

1. Постановление Правительства РФ от 28.08.2014 № 871 (ред. от 03.12.2020) «Об утверждении Правил формирования перечней лекарственных препаратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи».
2. Распоряжение Правительства РФ от 12.10.2019 № 2406-р (ред. от 23.12.2021) «Об утверждении перечня жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов, а также перечней лекарственных препаратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи».
3. Протокол заседания комиссии Министерства здравоохранения Российской Федерации по формированию перечней лекарственных препаратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи от 18.07.2019.
4. Протокол заседания комиссии Министерства здравоохранения Российской Федерации по формированию перечней лекарственных препаратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи от 19.07.2019.
5. Протокол заседания комиссии Министерства здравоохранения Российской Федерации по формированию перечней лекарственных препаратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи от 22.07.2019.
6. Протокол заседания комиссии Министерства здравоохранения Российской Федерации по формированию перечней лекарственных препаратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи от 23.07.2019.
7. Протокол заседания комиссии Министерства здравоохранения Российской Федерации по формированию перечней лекарственных препаратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи от 07.11.2019.
8. Протокол заседания комиссии Министерства здравоохранения Российской Федерации по формированию перечней лекарственных препаратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи от 06.02.2020.
9. Протокол заседания комиссии Министерства здравоохранения Российской Федерации по формированию перечней лекарственных препаратов

Literature:

1. Decree of the Government of the Russian Federation of August 28, 2014 № 871 (as amended on December 3, 2020) «On approval of the Rules for the formation of lists of drugs for medical use and the minimum range of drugs necessary for the provision of medical care».
2. Decree of the Government of the Russian Federation of October 12, 2019 № 2406-r (as amended on December 23, 2021) «On approval of the essential drug list, the lists of medicines for medical use and the minimum range of medicines necessary for providing medical help».
3. Minutes of the meeting of the commission of the Ministry of Health of the Russian Federation on the formation of lists of drugs for medical use and the minimum range of drugs required for the provision of medical care dated 18.07.2019.
4. Minutes of the meeting of the commission of the Ministry of Health of the Russian Federation on the formation of lists of drugs for medical use and the minimum range of drugs required for the provision of medical care dated 19.07.2019.
5. Minutes of the meeting of the commission of the Ministry of Health of the Russian Federation on the formation of lists of medicinal products for medical use and the minimum range of medicinal products necessary for the provision of medical care dated 07.22.2019.
6. Minutes of the meeting of the commission of the Ministry of Health of the Russian Federation on the formation of lists of medicinal products for medical use and the minimum range of medicinal products necessary for the provision of medical care dated 07.23.2019.
7. Minutes of the meeting of the commission of the Ministry of Health of the Russian Federation on the formation of lists of medicinal products for medical use and the minimum range of medicinal products necessary for the provision of medical care dated 07.11.2019.
8. Minutes of the meeting of the commission of the Ministry of Health of the Russian Federation on the formation of lists of medicinal products for medical use and the minimum range of medicinal products necessary for the provision of medical care dated 02.06.2020.
9. Minutes of the meeting of the commission of the Ministry of Health of the Russian Federation on the formation of lists of medicinal products for medical

ратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи от 03.08.2020.

10. Протокол заседания комиссии Министерства здравоохранения Российской Федерации по формированию перечней лекарственных препаратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи от 04.08.2020.

11. Протокол заседания комиссии Министерства здравоохранения Российской Федерации по формированию перечней лекарственных препаратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи от 05.08.2020.

12. Протокол заседания комиссии Министерства здравоохранения Российской Федерации по формированию перечней лекарственных препаратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи от 05.02.2021.

13. Протокол заседания комиссии Министерства здравоохранения Российской Федерации по формированию перечней лекарственных препаратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи от 04.08.2021.

14. Протокол заседания комиссии Министерства здравоохранения Российской Федерации по формированию перечней лекарственных препаратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи от 05.08.2021.

15. Протокол заседания комиссии Министерства здравоохранения Российской Федерации по формированию перечней лекарственных препаратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи от 22.04.2021.

16. Протокол заседания комиссии Министерства здравоохранения Российской Федерации по формированию перечней лекарственных препаратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи от 29.10.2021.

17. *Соловьев В.И.* Анализ данных в экономике. Теория вероятностей, прикладная статистика, обработка и визуализация данных в Microsoft Excel : учебник. М. : КНОРУС, 2018. 500 с.

use and the minimum range of medicinal products necessary for the provision of medical care dated 03.08.2020.

10. Minutes of the meeting of the commission of the Ministry of Health of the Russian Federation on the formation of lists of medicinal products for medical use and the minimum range of medicinal products necessary for the provision of medical care dated 08.04.2020.

11. Minutes of the meeting of the commission of the Ministry of Health of the Russian Federation on the formation of lists of drugs for medical use and the minimum range of drugs required for the provision of medical care dated 05.08.2020.

12. Minutes of the meeting of the commission of the Ministry of Health of the Russian Federation on the formation of lists of medicinal products for medical use and the minimum range of medicinal products necessary for the provision of medical care dated 05.02.2021.

13. Minutes of the meeting of the commission of the Ministry of Health of the Russian Federation on the formation of lists of medicinal products for medical use and the minimum range of medicinal products necessary for the provision of medical care dated 08.04.2021.

14. Minutes of the meeting of the commission of the Ministry of Health of the Russian Federation on the formation of lists of drugs for medical use and the minimum range of drugs required for the provision of medical care dated 05.08.2021.

15. Minutes of the meeting of the commission of the Ministry of Health of the Russian Federation on the formation of lists of medicinal products for medical use and the minimum range of medicinal products necessary for the provision of medical care dated 04.22.2021.

16. Minutes of the meeting of the commission of the Ministry of Health of the Russian Federation on the formation of lists of medicinal products for medical use and the minimum range of medicinal products necessary for the provision of medical care dated 10.29.2021.

17. *Soloviev V.I.* Data analysis in economics. Probability theory, applied statistics, data processing and visualization in Microsoft Excel : textbook. M. : KNORUS, 2018. 500 p.

Куликов Сергей Владимирович
кандидат философских наук,
доцент филологического факультета,
Российский университет дружбы народов
kulikov_sv@pfur.ru

Курбатов Владимир Иванович
доктор философских наук,
профессор,
главный научный сотрудник,
Южно-Российский филиал Федерального
научно-исследовательского
социологического центра
Российской академии наук
kurbashy@list.ru

Папа Олеся Михайловна
кандидат философских наук,
доцент кафедры
социальных технологий,
Южный федеральный университет
olesyapapa@list.ru

ВИРТУАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ФОРМАТЕ САМОКОНСТРУИРОВАНИЯ: ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ И ИНФОРМАЦИОННАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ

■ ■ ■

Аннотация. В статье рассматривается индивидуальная виртуальная идентичность, которая конструируется на основе информационной социализации и адаптации личности и, по сути, является самоконструированием для создания своего персонального виртуального «Я». Основой для самоконструирования являются виртуальные цифровые комьюнити как виртуальные сообщества. Информационными ресурсами конструирования виртуальной идентичности являются ресурсы информационно-социальной ориентации и навигации в информационной среде, виртуальные цифровые комьюнити, сетевые медийные электронные платформы, которые являются своеобразными новыми информационно-ролевыми, жанрово-драматургическими и сценическими площадками, служащими средствами формирования виртуальной идентичности в виде информационного образа собственного «Я», а также выступающие базой информационно-коммуникационного взаимодействия, поиска, получения, обмена и использования информации, формой обучения и самообучения, формой персонально-личностного, бытового и профессионального тренинга. Одной из целей самоконструирования виртуальной идентичности является формирование информационной субъектности, которая является

Sergey V. Kulikov
Candidate of Philosophical Sciences
Associate Professor of Philological Faculty
Russian Peoples Friendship University
kulikov_sv@pfur.ru

Vladimir I. Kurbatov
Doctor of Philosophical Sciences
Professor,
Chief Scientific Officer,
South Russian Branch of the Federal
Research and Development
Sociological Center
Russian Academy of Sciences
kurbashy@list.ru

Olesya M. Papa
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department
Social Technologies,
Southern Federal University
olesyapapa@list.ru

VIRTUAL IDENTITY IN THE FORMAT OF SELF-CONSTRUCTION: INFORMATION RESOURCES AND INFORMATION SUBJECTIVIT

■ ■ ■

Annotation. The article deals with the individual virtual identity of the user, which is constructed on the basis of informational socialization and adaptation, and in fact is a self-construction to create their own personal virtual «I». The basis for self-construction are virtual digital communities as virtual communities. Information resources for constructing a virtual identity are resources of information and social orientation and navigation in the information environment, virtual digital communities, network media electronic platforms, which are a kind of new information-role, genre-drama and stage platforms that serve as a means of forming a virtual identity in the form of an information image. own «I», as well as acting as the basis of informational and communication interaction, search, receipt, exchange and use of information, a form of learning and self-learning, a form of personal-personal, everyday and professional training. One of the goals of virtual identity self-construction is the formation of informational subjectivity, which is the formation of an ideal informational image of oneself and is expressed in informational self-determination, self-reference, self-expression, self-disclosure, self-determination and self-categorization. Another goal of constructing a virtual identity is to create and maintain an informational status in a virtual community, which is manifest-

формированием идеального информационного образа самого себя и выражается в информационном самоопределении, самореференции, самовыражении, самораскрытии, самоопределении и самокатегоризации. Другой целью конструирования виртуальной идентичности является создание и поддержание информационного статуса в виртуальном сообществе, что проявляется в использовании различных символических средств, в ролевом участии и использовании принятых в виртуальном сообществе правил, ценностей и оценок.

Ключевые слова: виртуальная идентичность, конструирование, самоконструирование, информационная субъектность, виртуальные комьюнити, информационный статус.

Актуальность темы исследования.

Идентичность человека в самом общем виде может быть охарактеризована как некая индивидуальная атрибуция его принадлежности к общности людей, при этом данная общность может быть социальной, государственно-гражданской, национально-этнической, религиозной, профессиональной и т.п. Понятие «идентичность» является многозначным и многоуровневым. Более того, человеку может быть свойственно много идентичностей, например, человек, проживающий на Юге России, семьянин, менеджер компании, член корпоративной команды, блогер и т.д., а также, сложившаяся идентичность человека может изменяться, трансформироваться, модифицироваться, в соответствии с чем все различные варианты идентичности представляют собой некий феномен гиперидентичности.

Идентичность человека проявляется, прежде всего, в самоидентификации и самопонимании, что представляет собой жизненно важную процедуру, поскольку характеризует его самость, жизненные ориентиры, сценарии его поведения, личностные предпочтения, его самоопределение и одновременно его самопрезентацию в коллективе и в социуме.

Исследование феномена идентичности актуально всегда, но особенно актуальность данного исследования обострилась в настоящее время, которое характеризуется глобальной информатизацией, порождением новой реальности, реальности виртуальной, которая является некоей альтернативой по отношению к традиционно понимаемой реальности, а самое главное – это появлением нового человека, которого, как только не называют: и «гражданин информационной вселенной», и «человек кликающий», и «Homo informaticus», и «цифровой человек», и член виртуального комьюнити, цифровой диаспоры и т.п.

Это связано с тем, что человек как бы одновременно «прописан» в двух реальностях: в реальности, понимаемой традиционно и в новой, виртуальной реальности, в соответствии, с чем он обретает в дополнение к традиционной идентичности еще и идентичность виртуальную. Соглас-

ed in the use of various symbolic means, role participation and the use of rules, values and assessments accepted in a virtual community.

Keywords: virtual identity, construction, self-design, information subjectivity, virtual communities, information status.

но этому, возникает множество вопросов, а именно: Что из себя представляет виртуальная идентичность? Каковы ее типы и функционалы? Является ли она элиминацией традиционной идентичности, ее альтернативой или ее трансформацией и информационно-виртуальной модификацией?

Обозначив данные вопросы, необходимо, на наш взгляд, обозначить и характерологические особенности современных условий и обстоятельств, которые делают эти вопросы значимыми и актуальными. В число данных условий и обстоятельств, актуализирующих эти вопросы, входят вопросы о том: Как изменился мир? А именно то, что альтернативой традиционно понимаемому миру возник мир виртуальный, возникли новые формы объединений людей как новые формы социальности в виде виртуальных комьюнити, которые самоуправляются и самоорганизуются, возникли новые типы социальных, трансграничных и транснациональных связей, изменилась среда обитания человека, трансформировавшись от отношения «человек – компьютер» и «человек – глобальный информационный универсум», соответственно. В этом мире изменились ценности, воздвигнув во главу угла как главную ценность – информацию, изменились отношения, сделав главными информационно-коммуникационные интерактивные отношения. Человек, приобретающий виртуальную идентичность, становится информационным феноменом. Это происходит на фоне возникновения нового социума, который становится виртуально-информационным социумом, таким квази-социумом, основанным на новых информационно-технологических и коммуникационных механизмах передачи опыта, обучения, трансляции культуры и социализации.

Все указанные проблемы усугубляются в связи с развитием искусственного интеллекта, «машинного, компьютерного разума», в связи с чем, с неизбежностью трансформируется то самоопределение человека, которое называется идентичностью, и исследователи, такие как М.Гролл и М. Фасслер [1], называют виртуальную идентичность «смешанной идентичностью», И.Е. Ржанова, В.С. Бритова, О.С. Алексеева, Ю.А. Бурдукова,

Б. Беккер называют ее «флюидной идентичностью и флюидным интеллектом» [2], Е.Г. Головин, В.М. Большакова называют «электронной идентичностью» [3], А.В. Багаева «гибридной самоидентичностью» [4], А.Е. Войскунский, А.С. Евдокименко, Н.Ю. Федунина, Ч. Рослер «сетевой идентичностью» [5], С.В. Воробьева, С. Лахлоу, И. Янг, Э. Льюис, Дж.Ньюмарч, «цифровой идентичностью» [6]. Трансформации человеческой идентичности, как отмечают Р. Брудбакер и Ф. Купер, являются основаниями оценок типа «потеря человеческой индивидуальности», «потеря идентичности», «пределы и кризис идентичности» и формирование состояния неопределенности [7]. Все перечисленные проблемные узлы делают актуальной теоретической задачей изучение виртуальной идентичности современного человека.

Основная цель исследования.

Основная цель исследования выражается в анализе конструирования виртуальной идентичности, которая выражается в исследовании механизмов и информационных ресурсов самоконструирования, в выявлении основных целей самоконструирования в виде формирования информационной субъектности, создании и поддержании информационного статуса в виртуальном цифровом комьюнити.

Авторская гипотеза.

Основным механизмом формирования виртуальной идентичности является самоконструирование, которое используя соответствующие информационные ресурсы имеет целью порождение информационной субъектности, выражающейся в самоконструировании, самореференции, самовыражении, самораскрытии, самопредъявлении, самопрезентации и самокатегоризации, а также в создании и поддержании своего информационного статуса в цифровом виртуальном комьюнити.

Методология исследования.

На сегодняшний день сложились следующие основные парадигмы изучения виртуальной идентичности как информационного феномена:

- 1) изучение маркеров поведения пользователей в киберпространстве;
- 2) анализ цифрового формата информационно-коммуникационного взаимодействия;
- 3) М. Гролл и М. Фасслер [1], пользование данных социологической статистики о пользователях информационных ресурсов;
- 4) отслеживание транснациональных цифровых связей между пользователями и виртуальными комьюнити (цифровыми диаспорами).

Нам представляется необходимым добавление системных методов социального конструирования, методов оценки сообщений в социальных сетях, становящихся новым типом информационно-коммуникационного взаимодействия в виде

виртуальных социальных медиа, что выражает собой междисциплинарный подход и медиацентричность исследования.

Рассмотрение концептуального наполнения понятий «виртуальная идентичность» и «цифровая идентичность» предполагает также использование принципов экспликации реальности (социальной, коммуникационной, консенсусной и медиа-реальности), понимание цифрового информационного феномена как виртуальной модели объяснения реальности и как способа информационного цифрового конструирования реальности.

Обсуждение.

Как подчеркивают современные исследователи, такие как М. Маклюэн, Э. Дикер, Дж.П. Эвлик, индивидуальная виртуальная идентичность конструируется на основе социализации и адаптации на базе медийных платформ глобального информационно-коммуникационного взаимодействия [8]. Для конструирования виртуальной идентичности, для создания персонального виртуального «Я» и его трансформации в информационно-публичное «Я» привлекаются следующие информационные ресурсы:

- 1) информационно-социальные и социетальные, профессионально-ориентированные и персонально-личностные информационные профили;
- 2) ресурсы информационно-социальной ориентации и навигации в информационной среде;
- 3) виртуальные цифровые комьюнити как виртуальные сообщества, являющиеся информационными ресурсами, на основе которых формируется электронная платформа социальных сетей;
- 4) электронные платформы, которые являются своеобразными новыми информационно-ролевыми, жанрово-драматургическими и сценическими площадками, служащими средствами формирования виртуальной идентичности в виде информационного образа собственного «Я», что является конструктивистской основой формирования виртуальной идентичности;
- 5) электронные платформы социальных сетей, которые являются базой информационно-коммуникационного взаимодействия, поиска, получения, обмена и использования информации, формой обучения и самообучения, формой персонально-личностного, бытового и профессионального тренинга;
- 6) текстовые, графические, визуальные и аудио информационные ресурсы, позволяющие становиться пользователями, актерами и авторами информационных сообщений и персональных новостей, т.е. благодаря виртуальной идентичности осуществлять наиболее эффективную адаптацию к глобальной и интерактивной информационной среде посредством трансформации персонального участия в информационном взаимодействии в публичную сферу;

7) кроме информационно-операционального ресурса, важным ресурсом является и аффективно-эмоциональный ресурс, который дает возможность управления впечатлениями, как о персональном «Я», так и о виртуальном сообществе с помощью персонального профайла, в котором пользователь конструирует свое персональное «Я».

Итак, для конструирования виртуальной идентичности привлекаются – социальные, социальные, персонально-личностные и профессиональные информационные профили. При этом социальные сети, становясь сетевым публичным медиа, предоставляют собой организационную, техническую, технологическую, программную, унификационно-лингвистическую и коммуникационно-организационную инфраструктуру для полноценного включения пользователя в информационную среду, что позволяет сформировать у пользователя, формирующего виртуальную идентичность, информационную субъектность.

Конструирование виртуальной идентичности, в свете перечисленных выше черт, обладает целым рядом характерологических особенностей. Прежде всего, конструирование виртуальной идентичности есть во многом самоконструирование, посредством которого осуществляется микширование традиционно понимаемого реального и индивидуального «Я» с виртуальным «Я», которое с одной стороны является профилем информационного отражения реального «Я» в информационной среде, а с другой стороны, адаптацией к данной информационной среде, которая служит формой поддержания его информационного статуса, как члена виртуального сообщества, актора и субъекта коммуникационно-информационного взаимодействия.

Заметим, что для формирования и поддержания своего информационного статуса пользователю достаточно быть представителем определенного виртуального сообщества, что подтверждается следующими факторами:

- используемыми соответствующими информационными маркерами в жанрово-драматургической медийной схеме информационно-коммуникационного взаимодействия;
- общей с виртуальным сообществом оценкой тех или иных реальных фактов, событий и отношений или виртуальных конструкций;
- отражением данных оценок фактов и событий в информационно-медийной виртуальной публичной сфере.

Формирование виртуального «Я» пользователя характеризуются унификационной универсальностью и глобальностью, что необходимо для использования в различных контентных и контекстных и, как отмечают такие исследователи, как Л. Акесон и П. Баккагни [9] глобализацией, которая по словам данных исследователей «происходит изнутри», а также по мнению С. Вертовес,

К. Вилкама и Дж. Гроенволда [10], становится межкультурной или интеркультурной.

Цифровые модификации идентичности очень многообразны. К ним относят, прежде всего, сетевую идентичность, в которой основными параметрами самоопределения являются ресурсы социальной сети. Формируемая виртуальная цифровая идентичность, по словам М. Дурхама приобретает транснациональный трансграничный характер [11].

На основе того, что виртуальная идентичность стремится быть универсальной, транснациональной, трансграничной и межкультурной, она приобретает такие черты, которые выходят за границы этнической, национальной и территориально-государственной атрибуции. Целый ряд авторов, например, К. Вагнер, Б. Немети, Э. Ренирис, П. Лэнг, Э. Брунет и Э. Хольст называют такую атрибуцию, как «интернациональную само-суверенность» [12].

Обобщая суждения о конструировании виртуальной идентичности нужно отметить, что одной из основных целей является, как отмечает Г. Брейкуэлл, формирование информационно-коммуникационной субъектности [13]. Ряд параметров информационно-коммуникационной субъектности в виде унификационной универсальности информационного статуса, как члена виртуального сообщества, актора и субъекта коммуникационно-информационного взаимодействия, трансформирующего свое персональное «Я» в «Я» публичное. Очевидно, что становление виртуальной идентичности как формирование информационной субъектности требует дальнейшей разработки и конкретизации этого понятия, что и имеет место в виде такой экспликации, например, по мнению Е.В. Уханова и С. Туркле, выражается в виде формирования идеального образа самого себя, и, как отмечают О.Н. Арестова, Л.Н. Бабанин и А.Е. Войскунский, осуществляется через посредство самореализации, которая является основным мотивом информационного взаимодействия для, и по мнению З. Баумана выступает как самопрезентация пользователя, а также, с точки зрения И.Т. Касавина и С.П. Щавелева, выступает выражением самоощущенности пользователя, что в конечном счете, как пишут Е.П. Белинская и Дж.Тернер, является основанием для самокатегоризации пользователя, обретшего информационную субъектность [14].

Думается, что необходимо продолжить конкретизацию указанных подходов, в частности, уточнить параметры информационной субъектности. Процесс конструирования индивидуальной виртуальной идентичности представляется нам достаточно сложным и, являясь личностной рефлексией, он включает в себя также следующие компоненты:

- самоопределение личности пользователя, что всегда связано с личностным развитием и ростом, с формированием его индивидуальности;

- самореференцию как операцию, посредством которой «Я» (внутреннее) отличает себя от «Не-что» (внешнего);
- самовыражение, которое характеризует процесс проявления внутреннего мира личности вовне, в окружающий информационный мир;
- самораскрытие как преднамеренное, т.е. сознательное и добровольное открытие другим людям своих внутренних психических состояний, а также установление психологической, личностной и социальной дистанции;
- самопредъявление как намеренное конструирование собственного образа с целью оказания должного влияния на окружающих.

При этом информационная субъектность, выражающаяся в формировании идеального образа самого себя, самореализации, самопрезентации, самоидентичности и самокатегоризации, не является неизменным информационным образом и во многом определяется контекстом и контентом информационно-коммуникационного взаимодействия и приобретает, как пишет Де Финн, в ряде случаев ситуационно предписанные идентичности, в соответствии с чем системная виртуальная идентичность представляет модель «капитала виртуальной идентичности», что, по мнению Дж.Э. Котэ и С.Г. Левина, есть система внешних и внутренних информационных ресурсов, которые позволяют пользователю информационных ресурсов эффективно самоопределяться в условиях глобальной информационной неопределенности [15]. Отмеченные выше черты виртуальной идентичности, как отмечает Л.Н. Соловьев, дают возможность характеризовать ее как множественную и фрагментарную, которая наполнена симулякрами, размывающую идентичность личности во множестве плюралистических смыслов [16].

Формирование информационной субъектности как одной из целей порождения виртуальной идентичности, тесно сопряжена с другой целью, а именно, с формированием и поддержанием информационного статуса члена цифровой общины и групповой солидарности с членами данной общины. Чтобы сформировать информационный статус пользователя, как показывают исследования таких авторов, как И. Андри, Ф. Вонга, Э.К. Кампоамор, З.Панайотис и П. де Филиппи, ему достаточно быть представителем данного цифрового сообщества, что подтверждается следующими факторами:

- используемыми соответствующими символическими маркерами;
- реализовать свою информационную роль в виде виртуальной идентичности в жанрово-драматургической медийной схеме информационно-коммуникационного взаимодействия;
- придерживаться принятых в данном сообществе системы ценностей и оценок тех или иных реальных или виртуальных фактов, событий и отношений или их виртуальных конструкторов;

- отражением данных фактов и событий в информационно-медийной сфере, трансформируя контент сообщений своего персонального «Я» в публичную форму, принятую в данном информационном сообществе [17].

Формирование и поддержание информационного статуса также становится виртуальным ресурсом информационной субъектности, который приобретает в индивидуальной профессиональной и личностной биографии пользователя, в связи с его информационной траекторией в виртуальном сообществе.

Основные результаты.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Индивидуальная виртуальная идентичность конструируется на основе социализации и адаптации личности на базе медийных платформ глобального информационно-коммуникационного взаимодействия, при этом конструирование индивидуальной идентичности является самоконструированием для создания своего персонального виртуального «Я» и его трансформации в информационно-публичное «Я», для чего привлекаются различные информационные ресурсы, в частности, информационно-социальные и социетальные, профессионально-ориентированные и персонально-личностные информационные профили; ресурсы информационно-социальной ориентации и навигации в информационной среде.

Основой для самоконструирования являются виртуальные цифровые комьюнити как виртуальные сообщества, являющиеся информационными ресурсами, на основе которых формируется электронная платформа социальных сетей, электронные платформы, которые являются своеобразными новыми информационно-ролевыми, жанрово-драматургическими и сценическими площадками, служащими средствами формирования виртуальной идентичности в виде информационного образа собственного «Я», что является конструктивистской основой формирования виртуальной идентичности. При этом электронные платформы социальных сетей, выступают базой информационно-коммуникационного взаимодействия, поиска, получения, обмена и использования информации, формой обучения и самообучения, формой персонально-личностного, бытового и профессионального тренинга. Указанное взаимодействие реализуется в продуцировании текстовых, графических, визуальных и аудио информационных ресурсов, которые позволяют пользователям быть актерами и авторами информационных сообщений, т.е., благодаря виртуальной идентичности реализуется возможность осуществлять наиболее эффективную адаптацию к глобальной и интерактивной информационной среде посредством трансформации персонального участия в информационном взаимодействии в публичную сферу.

Дополнением к указанным механизмам использования информационно-операционного ресурса конструирования и самоконструирования виртуальной идентичности привлекаются и аф-

фактативно-эмоциональные ресурсы, которые дают возможность управления впечатлениями, как о персональном «Я», так и о виртуальном сообществе с помощью персонального профиля, в котором пользователь конструирует свое персональное «Я», что позволяет сделать вывод

Литература:

1. *Groll M.* Cyber-Moderne. Medienrevolution, globale Netzwerke und die Künste der Kommunikation / M. Groll, M. Faßler // *MEDIENwissenschaft: Rezensionen. Reviews*, 2000, Jg. 17. № 2. P. 244–246.
2. Флюидный интеллект: обзор зарубежных исследований / И.Е. Ржанова [и др.] // *Клиническая и специальная психология*. 2018. Т. 7. № 4. С. 19–43; Becker Barbara, Paetau M. *Virtualisierung des Sozialen: Die Informationgesellschaft zwischen Fragmentierung und Globalisierung*. Frankfurt/Main, 1997.
3. *Головин Е.Г.* Электронная идентификация личности гражданина: за и против / Е.Г. Головин, В.М. Большакова // *Власть*. 2014. Т. 22. № 8. С. 33–36.
4. *Багаева А.В.* Гибридная самоидентичность: итог совместимости несоединимого / А.В. Багаева // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2021. № 10. С. 31–34. URL : <https://doi.org/10.24158/spp.2021.10.4>
5. *Войскунский А.Е.* Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование / А.Е. Войскунский, А.С. Евдокименк, Н.Ю. Федунина // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2013. Т. 10. № 2. С. 98–121; Roesler Ch. *The Self in cyberspace: Identity formation in postmodern societies and Jung's Self as an objective Psyche* // *Journal of Analytical Psychology*. 2008. № 53. P. 421–436.
6. *Воробьева С.В.* Цифровая идентичность в сетевом сообществе: практики нomaдизма и пограничные состояния / С.В. Воробьева; Витеб. гос. ун-т; редкол.: М.А. Слемнев (гл. ред.), Е.В. Давлятова, Э.И. Рудковский // *Феномен границы в глобализирующемся мире: сб. науч. ст. Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова*, 2020. С.121–124.; Lahlou S. *Identity, Social Status, Privacy and Face-Keeping in Digital Society* // *Social Sciences Information*. 2008. Vol. 47. № 3. P. 299–330; Yang Y., Lewis E., Newmarch J. *Profile-Based Digital Identity Management - a Better Way to Combat Fraud* // *Proceedings of 2010 IEEE International Symposium on Technology and Society*, 7–9 June 2010, Wollongong, NSW, Australia. 2010. P. 260–267.
7. *Brubaker R.* *Beyond identity* / R. Brubaker, F. Cooper // *Theory a society*. Dordrecht, 2000. Vol. 29. № 1. P. 1–47.
8. *Маклюэн М.* *Понимание медиа: внешние расширения человека*. М. : Кучково поле, 2007. 464; Diker E. *Social Media and Migration* // *Review of Political and Social research Institute of Europe*.

о том, что для конструирования и самоконструирования виртуальной идентичности привлекаются – социальные, социетальные, персонально-личностные, профессиональные и личностные аффективно-эмоциональные информационные профили.

Literature:

1. *Groll M.* Cyber-Moderne. Medienrevolution, globale Netzwerke und die Künste der Kommunikation / M. Groll, M. Faßler // *MEDIENwissenschaft: Rezensionen. Reviews*, 2000, Jg. 17. № 2. P. 244–246.
2. *Fluid intelligence: a review of foreign studies* / I.E. Rzhanova [et al.] // *Clinical and special psychology*. 2018. Vol. 7. № 4. P. 19–43. Becker Barbara, Paetau M. *Virtualisierung des Sozialen: Die Informationgesellschaft zwischen Fragmentierung und Globalisierung*. Frankfurt/Main, 1997.
3. *Golovin E.G.* *Electronic identification of a citizen's personality: pros and cons* / E.G. Golovin, V.M. Bolshakova // *Power*. 2014. Vol. 22. № 8. P. 33–36.
4. *Bagaeva A.V.* *Hybrid self-identity: the result of the compatibility of the incompatible* / A.V. Bagaeva // *Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2021. № 10. P. 31–34. URL : <https://doi.org/10.24158/spp.2021.10.4>
5. *Voiskunsky A.E.* *Network and real identity: a comparative study* / A.E. Voiskunsky, A.S. Evdokimenko, N.Yu. Fedunina // *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2013. Vol. 10. № 2. P. 98–121; Roesler Ch. *The Self in cyberspace: Identity formation in postmodern societies and Jung's Self as an objective Psyche* // *Journal of Analytical Psychology*. 2008. № 53. P. 421–436.
6. *Vorob'eva S.V.* *Digital Identity in the Network Community: Nomadism Practices and Border Conditions* / S.V. Vorob'eva // *Border Phenomenon in a Globalizing World: Sat. scientific Art.* / Viteb. state un-t; editorial board: M.A. Slemnev (editor-in-chief), E.V. Davlyatova, E.I. Rudkovsky. Vitebsk: VSU named after P.M. Masherova, 2020. P. 121–124.; Lahlou S. *Identity, Social Status, Privacy and Face-Keeping in Digital Society* // *Social Sciences Information*. 2008. Vol. 47. № 3. P. 299–330; Yang Y., Lewis E., Newmarch J. *Profile-Based Digital Identity Management – a Better Way to Combat Fraud* // *Proceedings of 2010 IEEE International Symposium on Technology and Society*, 7–9 June 2010, Wollongong, NSW, Australia. 2010. P. 260–267.
7. *Brubaker R.* *Beyond identity* / R. Brubaker, F. Cooper // *Theory a society*. Dordrecht, 2000. Vol. 29. № 1. P. 1–47.
8. *McLuhan M.* *Understanding media: human external extensions*. М. : Кучково поле, 2007. 464; Diker E. *Social Media and Migration* // *Review of Political and Social research Institute of Europe*.

2015. URL : <http://ps-europe.org/social-media-and-migration> (date of application 30.10.2016); Pavlik J. Media in the digital age. New-York : Columbia University Press, 2008.

9. Akesson L. Multicultural ideology and transnational family ties among descendants of Cape Verdeans in Sweden. 2011 / L. Akesson // Journal of Ethnic and Migration Studies, 2011. Vol. 37. № 2. P. 217–230; Boccagni P. «Rethinking transnational studies: Transnational ties and the transnationalism of everyday life», European Journal of Social Theory. 2011. № 15(1). P. 117–132.

10. Vertovec S. Transnationalism and identity / S. Vertovec // Journal of Ethnic and Migration Studies, 2001. Vol. 27. № 4. P. 573–582. Viikama K. 2010, «Kaupungin laidalla». Kantaväestön ja maahanmuuttajataustaisten alueellinen eriytyminen Helsingissä. 2010. Terra. Vol. 122. № 4. P. 183–200.

11. Durham M.G. Constructing the «new ethnicities»: Media, sexuality and diaspora identity in the lives of South Asian immigrant girls. Critical Studies in Media Communication. 2004. № 21(2). P. 40161 // Journal of Ethnic and Migration Studies № 38(9). № 1339–1356.

12. Wagner K. Self-Sovereign Identity // Position Paper. Blockchain Bundesverband / K. Wagner, B. Né-methi, E. Renieris, P. Lang, E. Brunet, E. Holst. URL : <https://www.bundesblock.de/wp-content/uploads/2018/10/ssi-paper.pdf> (date of application 07.08. 2019).

13. Breakwell G.M. Resisting representations and identity processes / G.M. Breakwell // Papers on Social Representations. 2010. Vol. 19. P. 6.1–6.11.

14. Уханов Е.В. Идентичность в сетевых коммуникациях / Е.В. Уханов // Философские науки. 2009. № 10. С. 59–72. 8. Turkle, S. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other // Basic Books. 2012. 384 p.; Арестова О.Н. Мотивация пользователей Интернета / О.Н. Арестова, Л.Н. Бабанин, А.Е. Войскунский // HR-Portal. 2005. 01 янв. URL : <http://hr-portal.ru/article/arestova-onbabanin-ln-boyskunskiy-ae-motivaciya-polzovateley-interneta> (дата обращения 14.12.2018).; Бауман З. Текущая современность / З. Бауман; Пер. с англ. Под ред. Ю.В. Асочакова. СПб., 2008.; Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М. : Канон +, 2004. 432 с.; Беллинская Е.П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности / Е.П. Беллинская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 1. С. 6–15.; Turner J. Self and collective: cognition and social context / J. Turner // Personality and Social Psychology Bulletin. 1994. Vol. 20(5). P. 454–463.

15. De Fina A. Group identity, narrative and self-representations / De Fina A. // Discourse and identity / eds. A.De Fina, D. Schiffrin, M.Bamberg. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 351–375; Côté J.E., Levine C.G. Identity formation, agency, and culture: A social psychological synthesis. Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum, 2002. 245 p.

2015. URL : <http://ps-europe.org/social-media-and-migration> (date of application 30.10.2016); Pavlik J. Media in the digital age. New-York : Columbia University Press, 2008.

9. Akesson L. Multicultural ideology and transnational family ties among descendants of Cape Verdeans in Sweden. 2011 / L. Akesson // Journal of Ethnic and Migration Studies, 2011. Vol. 37. № 2. P. 217–230; Boccagni P. «Rethinking transnational studies: Transnational ties and the transnationalism of everyday life», European Journal of Social Theory. 2011. № 15(1). P. 117–132.

10. Durham M.G. Constructing the «new ethnicities»: Media, sexuality and diaspora identity in the lives of South Asian immigrant girls. Critical Studies in Media Communication. 2004. № 21(2). P. 40161 // Journal of Ethnic and Migration Studies № 38(9). № 1339–1356.

11. Durham M.G. Constructing the «new ethnicities»: Media, sexuality and diaspora identity in the lives of South Asian immigrant girls. Critical Studies in Media Communication. 2004. № 21(2). P. 40161 // Journal of Ethnic and Migration Studies № 38(9). № 1339–1356.

12. Wagner K. Self-Sovereign Identity // Position Paper. Blockchain Bundesverband / K. Wagner, B. Né-methi, E. Renieris, P. Lang, E. Brunet, E. Holst. URL : <https://www.bundesblock.de/wp-content/uploads/2018/10/ssi-paper.pdf> (date of application 07.08. 2019).

13. Breakwell G.M. Resisting representations and identity processes / G.M. Breakwell // Papers on Social Representations. 2010. Vol. 19. P. 6.1–6.11

14. Ukhanov E.V. Identity in network communications / E.V. Ukhanov // Philosophical sciences. 2009. № 10. P. 59–72. 8. Turkle S. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other // Basic Books, 2012. 384 p; Arestova O.N. Motivation of Internet users / O.N. Arestova, L.N. Babanin, A.E. Voiskunsky // HR-Portal. Jan 01, 2005. URL : <http://hr-portal.ru/article/arestova-onbabanin-ln-boyskunskiy-ae-motivaciya-polzovateley-interneta> (date of access 12/14/2018).; Bauman Z. Fluid modernity / Z. Bauman; Per. from English. Ed. Yu.V. Asochakov. St. Petersburg, 2008.; Kasavin I.T., Shavelev S.P. Analysis of everyday life. M. : Kanon+, 2004. 432 p; Belinskaya E.P. Modern studies of identity: from structural certainty to procedurality and incompleteness // Bulletin of St. Petersburg University. Psychology and pedagogy. 2018. Vol. 8. Iss. 1. P. 6–15; Turner J. Self and collective: cognition and social context // Personality and Social Psychology Bulletin. 1994. Vol. 20(5). P. 454–463.

15. De Fina A. Group identity, narrative and self-representations / De Fina A. // Discourse and identity / eds. A.De Fina, D. Schiffrin, M.Bamberg. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 351–375; Côté J.E., Levine C.G. Identity formation, agency, and culture: A social psychological synthesis. Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum, 2002. 245 p.

16. Соловьева Л.Н. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы / Л.Н. Соловьева // Вестник Российского университета Дружбы народов: Информатизация образования. 2019. Т.16. № 3. С. 207–218.

17. Panayiotis Z. Learning and Collaboration Technologies / Z. Panayiotis, I. Andri // Learning and Teaching: 5-th International Conference, LCT 2018, Las Vegas, NV, USA, July 15–20, 2018, Proceedings. Cham, Switzerland: Springer. P. 100; Wang F., P.de Filippi Self-Sovereign Identity in a Globalized World: Credentials-Based Identity Systems as a Driver for. URL : <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02445189/> document (date of application 01.23. 2020).

16. Solovieva L.N. Digital Identity, Digital Self-Identification, Digital Profile: Statement of the Problem / L.N. Solovieva // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia: Informatization of Education. 2019. Vol. 16. № 3. P. 207–218.

17. Panayiotis Z. Learning and Collaboration Technologies / Z. Panayiotis, I. Andri // Learning and Teaching: 5-th International Conference, LCT 2018, Las Vegas, NV, USA, July 15–20, 2018, Proceedings. Cham, Switzerland: Springer. P. 100; Wang F., P.de Filippi Self-Sovereign Identity in a Globalized World: Credentials-Based Identity Systems as a Driver for. URL : <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02445189/> document (date of application 01.23. 2020).

Лукашевская Дарья Александровна
преподаватель,
Православный
Свято-Тихоновский университет
89175993999@mail.ru

МОТИВАЦИЯ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ПОЗИЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. С ростом понимания важности мотивации к трудовой деятельности в системе управления персоналом необходимо изучать примеры практической реализации программ мотивации персонала, апробированных в успешных компаниях. Данная статья посвящена изучению инструментов мотивации сотрудников в условиях инновационного развития бизнеса. Автор анализирует мотивационные программы, которые сегодня предлагают работодатели, и разбирает в чем их общие черты и принципиальные отличия. Автор делает вывод, что с учетом российской специфики, одной большой зарплатой в качестве мотивационного фактора в инновационных условиях недостаточно, поэтому прогрессивные компании внедряют многофакторные системы мотивации, включающие материальную и нематериальную составляющие.

Ключевые слова: деловое администрирование, мотивация труда, человеческие ресурсы, социальные отношения.

И нновацию в социологии управления можно рассматривать как событие, появление чего-то ранее неизвестного в сфере организации бизнеса, и как процесс, в котором одна инновация неизменно включает в себя цепочку следующих. Последнее позволяет утверждать, что инновационное развитие бизнеса требует инновационных подходов к его управлению [8]. В свою очередь, качество человеческих ресурсов напрямую влияет на стоимость компании, ее успешность, «для работодателей качественные трудовые ресурсы служат гарантией эффективной реализации текущей деятельности компании, способности реализовывать новые проекты, внедрять и адаптировать инновационные продукты и технологии» [2].

Неотъемлемой частью системы управления компанией является мотивация ее сотрудников. В мировой практике вопросам мотивации персонала уделяется повышенное внимание, но лишь недавно руководители российских предприятий стали задумываться о важности комплексного анализа систем мотивации труда [6]. Логично предположить, что этот показатель должен расти

Daria A. Lukashevskaja
Lecturer,
Orthodox Christian
St. Tikhon University
89175993999@mail.ru

MOTIVATION OF WORK FROM THE POSITION OF MODERN SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Annotation. With the growing understanding of the importance of motivation for work in the personnel management system, it is necessary to study examples of the practical implementation of personnel motivation programs tested in successful companies. This article is devoted to the study of employee motivation tools in the context of innovative business development. The author analyzes the motivational programs that employers offer today and analyzes what are their common features and fundamental differences. The author concludes that, taking into account the Russian specifics, one large salary as a motivational factor in innovative conditions is not enough, therefore, progressive companies are introducing multifactor motivation systems, including material and non-material components.

Keywords: business administration, labor motivation, human resources, social relations.

с каждым годом, но в 2021 году, отвечая на вопрос «Уделяет ли внимание ваш работодатель мотивации персонала?». Только 52 % опрошенных в России ответили «да» [12]. Эти цифры делают актуальным изучение положительных эффектов от внедрения прогрессивных практик мотивации сотрудников в российских и зарубежных компаниях, их соответствие теоретическим разработкам. Несмотря на ежегодный рост публикаций по различным аспектам мотивации персонала, общепринятого подхода и универсальной теории мотивации не сложилось. «Имеющиеся разработки представляют собой разрозненные теории и концепции, плохо согласующиеся друг с другом...» [11]. Сложившаяся ситуация вызывает необходимость уточнения содержания понятия «мотивация персонала».

В рамках данной статьи под мотивацией персонала как функции управления понимается комплекс мер, направленных на создание внутреннего стимула сотрудников к достижению личных и корпоративных целей, к качественной и эффективной работе с максимальной отдачей [4].

Международная компания «Kelly Services», предоставляющая услуги аутсорсинга по управлению персоналом во многих странах, в том числе и в России, ежегодно проводит мониторинг мотивации персонала. На июль-сентябрь 2021 г. в исследовании приняли участие более 1100 респондентов старше 18 лет из разных регионов, разного профессионального и образова-

тельного уровня, 53 % мужчин и 47 % женщин [12]. Основные результаты (более 15 %) ответов на вопрос «Какие факторы являются наиболее важными, мотивирующими вас к работе?» отражены на графике 1.

График 1. «Какие наиболее важные факторы мотивируют вас к работе?» (в %, возможно несколько вариантов ответа) [12].

На основании анализа полученных результатов можно сделать следующие выводы:

1) в мотивационных системах компаний общими чертами являются карьера, репутация, профессионализм коллег и обучение, при этом компании уделяют наибольшее внимание своей репутации и обучению персонала.

Поэтому репутация компании является не только предопределяющим фактором с точки зрения ее клиента, но и мощным мотиватором для сотрудников. Так, прикладные образовательные программы носят комплексный характер, основаны на принципах системности и преемственности. Основной выявленной тенденцией является самостоятельное «выращивание» высокопрофессиональных кадров, что предполагает развитие собственной учебной базы компаний и института наставничества, т.е. передачу профессионального опыта внутри компании. Помимо общих мотиваторов, присутствующих в той или иной степени можно выделить специфические мотивационные факторы (например, программа «Переселения» Группы компаний «Норникель» вызванная трудности проживания в условиях Крайнего Севера) или, по крайней мере, специфические методы мотивации (например, компьютерные игры в «Евросети»).

2) вопреки ожиданиям, в ходе данного исследования не выявлено устойчивой зависимости набора мотивирующих факторов от профессио-

нальной направленности компаний. Возможные причины:

- стирание границ между необходимыми профессиональными навыками в современных условиях;
- все изученные системы мотивации являются многофакторными, призванными охватить интересы как можно большего числа сотрудников;
- проведенное исследование не учитывает внутреннюю оценку данных систем мотивации персоналом.

Более узконаправленные исследования эмпирически доказывают, что мотивационная структура разных групп персонала имеет существенные различия, и «любой анализ факторов формирования мотивации можно проводить только в пределах отдельных категорий персонала» [9]. Следует отметить, что личностные характеристики также имеют значение при выборе приоритетных мотивирующих факторов.

3) исследование проведенное Институтом социологии РАН «Русская мечта: что это за мечта и как ее осуществить?» содержит репрезентативную национальную выборку [1]. Ученые выявили триаду преобладающих мотиваторов: размер заработной платы, содержательность (интересность) труда и хорошие условия труда. Важно подчеркнуть, что в недавнем социологическом опросе Kelly Services, именно такой мотивационный стимул как высокая зарплата, в

первую очередь волнует большинство россиян. Тем не менее, российские компании, наряду с зарубежными, склонны мотивировать сотрудников «недорогими, но оригинальными способами» [5]: карьерным ростом при выполнении определенных задач, масштабными и интересными рабочими проектами, гибким рабочим графиком, развлечением на работе и вне ее, то есть задействовать социальные и духовные факторы мотивации, удовлетворять эмоциональные потребности сотрудников [10].

Таким образом, в условиях инновационного развития рациональная организация управления является основой эффективной деятельности компании, а человеческие ресурсы остаются главным источником, двигателем и резервом любых изменений в организации [3]. Современ-

ным менеджерам необходимо создавать условия, повышающие эффективность работы персонала компании и его вовлеченность в выполнение корпоративных задач, обеспечивающие прозрачность подходов к управлению и мотивации. Следует подчеркнуть, что не существует универсального «рецепта» или пошаговой инструкции, как мотивировать сотрудников [7]. Инновационная среда требует инновационных методов мотивации и способов их реализации. Факторы и формы мотивации, идеально работающие в одной компании, могут демотивировать персонал другой компании. Опираясь на теоретические разработки и используя опыт компаний-лидеров, российским компаниям, стремящимся к успеху, необходимо создавать собственные мотивационные системы, учитывающие собственную специфику до мельчайших деталей.

Литература:

1. *Бессокирная Г.П.* Мотивация труда в трансформирующейся России (аннотированная библиография, 1990–2003 гг.) / Г.П. Бессокирная, А.Л. Темницкий. М. : Реглант, 2019.
2. *Бондаренко В.А.* Актуальные проблемы создания и внедрения маркетинговых инноваций / В.А. Бондаренко // Концепт. 2020. № 02 (Февраль). ART 15028. URL : <http://e-koncept.ru/2015/15028.htm>.
3. *Бузгалин А.* Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? / А. Бузгалин // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 43–53.
4. *Гуськова А.В.* Механизмы развития мотивации достижения / А.В. Гуськова // Акмеология. 2015. № 3. С. 196–196.
5. *Кабанов В.Н.* Как повысить эффект мотивации работников. Опыт ОАО «Выксунский металлургический завод» / Кабанов, С.Н. Михайлов, А.М. Бауэр // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2007. № 11/2018. С. 56–63.
6. *Купревич Т.С.* Цифровые платформы в мировой экономике: современные тенденции и направления развития / Т.С. Купревич // Экономический вестник университета: сб. науч. тр. ученых и аспирантов. 2020. № 37-1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-platformy-v-mirovoy-ekonomike-sovremennyyetendentsii-i-napravleniya-razvitiya>
7. *Ламихов Ю.Б.* Создание оптимальной системы трудовой мотивации на современных предприятиях / Ю.Б. Ламихов // Дискуссия. 2019. № 1(92). С. 47–55.
8. *Мартынова Н.И.* Особенности инновационной и инвестиционной деятельности российских предприятий в условиях цифровой экономики / Н.И. Мартынова, Е.Е. Кorableва // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 3. URL : <http://e-koncept.ru/2019/194022.htm>

Literature:

1. *Bessokirnaya G.P.* Labor motivation in transforming Russia (annotated bibliography, 1990–2003) / G.P. Bessokirnaya, A.L. Temnitsky. M. : Reglant, 2019.
2. *Bondarenko V.A.* Actual problems of creation and implementation of marketing innovations / V.A. Bondarenko // Concept. 2020. № 02 (February). ART 15028. URL : <http://e-koncept.ru/2015/15028.htm>.
3. *Buzgalin A.* Creative economy: private intellectual property or everyone's property for everything? / A. Buzgalin // Sociological research. 2017. № 7. P. 43–53.
4. *Guskova A.V.* Mechanisms for the development of achievement motivation / A.V. Guskova // Acmeology. 2015. № 3. P. 196–196.
5. *Kabanov V.N.* How to increase the effect of employee motivation. Experience of OJSC «Vyksa Metallurgical Plant» / V.N. Kabanov, S.N. Mikhailov, A.M. Bauer // Kadrovik. Personnel management. 2007. № 11/2018. P. 56–63.
6. *Kuprevich T.S.* Digital platforms in the world economy: current trends and development directions / T.S. Kuprevich // Economic Bulletin of the University: Sat. scientific tr. scientists and graduate students. 2020. № 37-1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-platformy-v-mirovoy-ekonomike-sovremennyyetendentsii-i-napravleniya-razvitiya>
7. *Lamikhov Yu.B.* Creation of an optimal system of labor motivation at modern enterprises / Yu.B. Lamikhov // Discussion. 2019. № 1(92). P. 47–55.
8. *Martynova N.I.* Features of innovative and investment activities of Russian enterprises in the digital economy / N.I. Martynova, E.E. Korableva // Scientific and methodological electronic journal «Concept». 2019. № 3. URL : <http://e-koncept.ru/2019/194022.htm>

9. *Ребров А.В.* Влияние мотивационной структуры работника на эффективность труда: постановка проблемы / А.В. Ребров // Современный менеджмент: вопросы теории и практики. М. : Лика, 2007. С. 124–129.

10. *Темницкий А.Л.* Изменения в мотивации труда врачей в условиях внедрения эффективного контракта / А.Л. Темницкий // Социологические исследования. № 4. 2019. С. 90–102.

11. Ценностно-мотивационные основы и реальность трудовой жизни российских работников: проблемы и противоречия / А.Г. Эфендиев [и др.] // Мир России. 2020. Т. 29. № 2. С. 108–133.

12. International organization of personnel management KELLY. 2021. Motivation of personnel in Russia 2021: A survey of Kelly Services.

9. *Rebrov A.V.* Influence of the employee's motivational structure on labor efficiency: problem statement / A.V. Rebrov // Modern management: questions of theory and practice. M. : Lika, 2007. P. 124–129.

10. *Temnitsky A.L.* Changes in the motivation of doctors in the context of the introduction of an effective contract / A.L. Temnitsky // Sociological research. 2019. № 4. P. 90–102.

11. Value-motivational foundations and the reality of the working life of Russian workers: problems and contradictions / A.G. Efendiev [et al.] // World of Russia. 2020. Vol. 29. № 2. P. 108–133.

12. International organization of personnel management KELLY. 2021. Motivation of personnel in Russia 2021: A survey of Kelly Services.

Павлюкевич Кристина
аспирантка департамента социологии,
Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации
KPavlyukevich@fa.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ЭКСПОРТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ КАК ДЕФИНИЦИЯ НАУЧНОГО АНАЛИЗА

Аннотация. В статье социальный механизм экспорта образовательных услуг рассматривается через призму разных теоретических подходов и научных парадигм как зарубежных ученых, так и отечественных. Автором проанализированы теории рационального выбора Г. Беккера, диалектической теории конфликта Р. Дарендорфа и К. Маркса, теории конфликта К. Боулдинга, конфликтный функционализм Л. Козера и Г. Зиммеля, описана образовательная миграция и ее влияние на экспорт образовательных услуг. Обобщено и представлено авторское определение социального механизма экспорта образовательных услуг. Представлены приоритетные направления подготовки иностранных студентов обучающихся в Российской Федерации. Приведено авторское социологическое исследование, в ходе которого эксперты определили факторы, которые влияют как на поступление в образовательные организации, так и на весь процесс обучения иностранных студентов.

Ключевые слова: федеральный проект, экспорт образования, российское образование, экономика, привлечение иностранных студентов, подходы, образовательная миграция, увеличение несырьевого экспорта.

Мировой демографический кризис заставляет государство решать проблему увеличения численности населения. В связи с этим одним из мировых образовательных трендов является привлечение иностранных студентов, то есть борьба за «умы». В такой борьбе выигрывают те страны, которые создают наиболее благоприятные условия для иностранных обучающихся.

Отвечая на мировые вызовы Правительство Российской Федерации в 2017 году запустило федеральный проект «Экспорт образования», который направлен на увеличение количества иностранных студентов. Предполагается, что за время реализации проекта (2017–2025 гг.) численность зарубежных обучающихся, в российских образовательных учреждениях надлежит увеличить с «230 тысяч человек до 710 тысяч к

K. Pavlyukevich
Postgraduate Student
of the Department of Sociology,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
KPavlyukevich@fa.ru

THE SOCIAL MECHANISM OF EXPORT OF EDUCATIONAL SERVICES AS A DEFINITION OF SCIENTIFIC ANALYSIS

Annotation. In the article, the social mechanism of the export of educational services is considered through the prism of different theoretical approaches and scientific paradigms of both domestic and foreign scientists. The author analyzes the theories of rational choice by G. Becker, the dialectical theory of conflict by R. Dahrendorf and K. Marx, the theory of conflict by K. Boulding, conflict functionalism by L. Koser and G. Simmel, educational migration, and its impact on the export of educational services are described. The author's definition of the mechanism of export of educational services is generalized and presented. Proposals of priority areas for training foreign students in the Russian Federation. The author's sociological study is given, during which experts were important factors influencing the admission and reduction of the process of teaching foreign students in state educational institutions of higher education.

Keywords: federal project, export of education, Russian education, economics, attraction of foreign students, approaches, educational migration, increase in non-commodity exports.

2025 году, а количество иностранных слушателей онлайн-курсов российских образовательных организаций – с 1 млн 100 тысяч человек до 3 млн 500 тысяч человек» [1].

Целью проекта является увеличение несырьевого экспорта за счет увеличения числа иностранных школьников, которые прошли обучение по программам дополнительного образования, за счет привлечения иностранных абитуриентов, которые готовы обучаться на платных образовательных программах по договору; студентов, прошедших обучение на подготовительных факультетах, по программам дополнительного образования, по программам бакалавриата, магистратуры и программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре. Российская экономика от реализации экспорта образовательных услуг к 2025 году должна увеличить

объемы денежных средств, более чем в пять раз, до 373 млрд рублей.

Образовательные учреждения высшего образования работают над увеличением количества иностранных абитуриентов для того, чтобы реализовать цель, поставленную Указом Президента Российской Федерации от 07 мая 2018 г. № 204, которая гласит: «увеличить не менее чем в два раза количества иностранных граждан, обучающихся в образовательных организациях высшего образования» [2]. За 10 лет Россия увеличила количество иностранных абитуриентов в два раза и привлекла на обучение 6 % от общемирового числа иностранных студентов, и заняла 8 место в мировом рейтинге. До наступления эпидемиологической ситуации Россия вела усиленную работу по привлечению иностранных студентов, если посмотреть на динамику, то количество иностранных граждан увеличивалось с каждым годом в «2014/15 – 183 тыс. чел., 2015/16 – 200 тыс. чел., 2016/17 – 229 тыс. чел., 2017/18 – 256 тыс. чел., 2018/19 – 250 тыс., 2019/2020 – 315 тыс. чел.» и к 2022/23 учебному году это количество должно было составить 382 тысячу человек [3], но смогут ли образовательные организации высшего образования этого достигнуть. Необходимо отметить, что российское образование на протяжении многих лет привлекало иностранных абитуриентов, и несмотря на сложившуюся ситуацию с COVID-19 экспорт российских образовательных услуг останется актуальным и всё также востребованным. Иностранные студенты являются самой желательной для страны категорией мигрантов, поскольку они являются той самой «мягкой силой», которая влияет на все сферы жизни общества и страны в целом. Это развитие российской экономики, расширение «культурных и традиционных границ», то есть распространение национальных культурных ценностей, привлечение других на свою сторону, усиление позиций страны в мировой политике, развитие международных экономических отношений, улучшение своего имиджа за рубежом, и все это путём политики интернетизации высшего образования.

Приоритетными направлениями подготовки для иностранных студентов являются экономика и управление – 52 %, медицина – 20 %, образование и педагогические науки – 10 %, инженерно-технические специальности – 18 %. Самое высокое количество студентов из стран СНГ – свыше 120 тысяч человек, на втором месте страны Азии – почти 60 тысяч, Африка – почти 20 тысяч, Китай – 13,5 тысяч студентов [3]. По данным авторского социологического исследования эксперты в сфере экспорта образования отмечают, что между некоторыми участниками системы экспорта образования нет доверия, а именно университеты не хотят в полной мере сотрудничать и не особо доверяют рекрутинговым агентствам, которые обеспечивают российский образовательный рынок 60 % иностранными абитуриентами. Эксперты сошлись во мнении, что иностранные абитуриенты сталкиваются с несоответствием ожиданий, реальному положению вещей в России при поступлении, при обучении в вузе, завершении обучения, трудоустройстве и жизни в России.

Система экспорта образования нуждается в модернизации и возможно в абсолютно новых подходах привлечения иностранных студентов, обучающихся в российских вузах, с учетом сложившейся эпидемиологической ситуации с COVID-19 по всему миру, а для применения новых подходов, необходимо рассмотреть существующие парадигмы, так, например, экономическую деятельность российских вузов, рассматривают в своих работах экономисты и социологи А.О. Грузинский, И.Г. Кратно, В.А. Баринаева, А.Л. Арефьев. Ключевую роль в привлечении иностранных студентов непосредственно играют образовательные и маркетинговые стратегии, именно их описывают в своих работах А.Г. Эфендиева, М.М. Соколова, Л.С. Латышева. Прикладной характер изучения образовательной миграции иностранных студентов представлены в работах М.А. Сафоновой, И.П. Цапенко., Е.Е. Письменной, С. Гайдаровского, А. Катровского, Т. Лопухиной. М. Денисенко Л. Леденева, О. Чудиновских. Авторы занимались определением особенностей развития образовательной миграции в России и ими выявлена оценка тенденций развития экспорта российских образовательных услуг. При этом А.Л. Арефьев, Н. Бекетов и Ф.Э. Шереги занимаются изучением роли ведущих образовательных учреждений высшего образования на международном рынке образовательных услуг.

С практической точки зрения, образовательная миграция является неотъемлемой частью экономического развития страны, поскольку расходы иностранных обучающихся являются одним из факторов экономического роста. Ранее упоминалось, что к 2025 году, согласно паспорту приоритетного проекта, «Экспорт образования», объём денежных средств должен вырасти до 373 млрд рублей [4], поэтому имеет смысл рассматривать образовательную миграцию как одну из важнейших составляющих геополитики, которая направлена на укрепление как политического, так и экономического влияния России на международной арене. Предоставление образовательных услуг российскими вузами становится важнейшей экспортной отраслью для страны, которая занимает лидирующие позиции на международном образовательном рынке. Теория рационального выбора Г. Беккера через призму экспорта образования гласит, что в основном всегда есть желающие обучаться за рубежом, и при этом найти необходимую информацию не трудно, есть риск, что желающий может владеть «полной» или «неполной» информацией. Существуют рекрутинговые агентства, которые помогают ориентироваться иностранным абитуриентам в большом объеме информации начиная от существующих программ обучения в других странах до необходимых документов для поступления, т.е. агентства облегчают координацию действий людей, участвующих в данном поведении [5]. Теория рационального выбора Йона Элстера заключается в действии. Данное действие связано с желаниями и убеждениями индивида. В случае с экспортом образования желанием актора (иностранного абитуриента) является получение высшего образования в престижном университете за рубежом и вернув-

шись домой получить высокооплачиваемое место работы. Согласно теории Йона Элстера желания и убеждения являются рациональными поскольку основываются на собственных мотивах, на качестве образования, полученного за рубежом, которое ценится в родной стране. Иностраный абитуриент имеет желание и стремится получить удовлетворенность от своих образовательных предпочтений за рубежом, в тоже время минимизируя возможные затраты на получение образования, к примеру поступить в университет по квоте министерства образования – это и будет являться рациональным действием, состоящее из: поиска наилучшего действия при определенных взглядах и желаниях; формирования наиболее разумного убеждения; сбор необходимых свидетельств при наличии определенных желаний и с учетом предшествующих убеждений. В рамках экспорта образования это выглядит следующим образом: выбор университета (самостоятельно или через рекрутинговое агентство); признание диплома, выбранного вуза в родной стране иностранного абитуриента; сбор информации о поступлении в данный университет, выбор программы обучения, включая язык обучения.

Система экспорта образования находит свой отклик в диалектической теории конфликта Ральфа Дарендорфа и Карла Маркса. Чем больше индивиды подгрупп в какой-либо организации осознают свои интересы образовывая конфликтную группу, тем с большей вероятностью произойдет конфликт, к примеру, практически все иностранные студенты хотят проходить практику в организациях, где иностранный студент смог бы применить полученные знания на практике, имеется ввиду, что место практики соответствует программе обучения иностранного студента, по факту иностранные студенты проходят практику либо в своей стране, либо в университете, это вызывает недовольство у некоторых студентов, что в последствии приводит к разногласиям и конфликтам.

Исходя из общей теории конфликта Кеннета Булдинга и конфликтного функционализма - Льюиса Козера и Георг Зиммеля – иностранные студенты образуют группы, диаспоры, где придерживаются своих ценностей, своей культуры, традиций и т.д., что может доставлять другим студентам неудобства, т.е. оказать негативное влияние на окружающих, и не способствуют адаптации в новом сообществе. Рассматривая причины конфликтов Л. Козер, приходит к выводу, что они коренятся в таких условиях, когда существующей системе распределения дефицитных ресурсов начинают отказывать в законности. Острота конфликта: чем больше осуществляется условий, вызывающих возникновение конфликта, тем он острее. Чем больше эмоций вызывает конфликт, тем он острее. Среди отечественных авторов обратимся к трудам Д. Полетаевой, О. Выхованецу, С. Лебедевой К. Гаврилову, С. Дементьевой, их работы посвящены изучению правовых и социально-экономических основ об-

разовательной миграции, оценке качества обучения иностранных студентов. в российский вузах, их условий жизни, проблем адаптации и сложности обучения.

Система экспорта образования невозможна без процесса образования, который известный российской социолог В.И. Добреньков раскрывает как процесс усвоения индивидом знаний, социальных норм, культурных ценностей того общества, которому он принадлежит в данный момент. Важную роль играет социальная коммуникация, так как человек существо социальное, он всегда приспосабливается к окружающей среде, поэтому общение через систему образования стоит на первом месте. Любое социальное взаимодействие предполагает коммуникацию. При помощи коммуникации люди добиваются поставленных целей, а также контролируют всю деятельность.

Российская система образования способна конкурировать с системами образования передовых стран. Следует отметить активную роль государства в данной сфере образования. Проводится глубокая и всесторонняя модернизация образования с выделением необходимых для этого ресурсов и созданием механизмов их эффективного использования, сформулирована пользующаяся широкой поддержкой общественности общенациональная образовательная политика.

Социальный механизм экспорта образовательных услуг – это совокупность парадигм, обеспечивающих взаимодействие разных социальных институтов, структур, норм, благодаря которым обеспечивается функционирование всего механизма и достигаются результаты, иными словами происходит увеличение численности иностранных абитуриентов, студентов для интеграции их в российское общество, с целью максимизации прибыли и расширения культурных и экономических связей, которые направлены на продвижение российского образования на международном рынке образовательных услуг для увеличения доли несырьевого экспорта российской экономики. Все участники системы экспорта, заинтересованные в развитии экспорта образования, становятся активными субъектами экспортной политики: это иностранные граждане, члены их семей, высшие учебные заведения, государственные, федеральные и региональные учреждения, работники высших учебных заведений, профессорско-преподавательский состав, институты в области науки, культуры и образования, рекрутинговые агентства и т.д. Исходя из этого, существует необходимость создать устойчивый социальный механизм системы экспорта образовательных услуг, при котором будет происходить взаимодействие между всеми участниками системы, который будет отвечать запросам и требованиям всех участников системы экспорта образования, рынка труда, соответствовать ожиданиям самого иностранного абитуриента – студента, и в последствии, влиять на социально-экономическое развитие российского государства.

Литература:

1. *Арефьев А.Л.* Стратегия России в экспорте образования / А.Л. Арефьев, П.А. Арефьев, Н.М. Дмитриев. URL : http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2020/obr_i_nauka_388-410.pdf (дата обращения 05.12.2021).
2. Указ Президента Российской Федерации № 204 от 07 мая 2018 года. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» в частности статья 78., статья 105, и статья 106; Государственная система правовой информации URL : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038?index=18&rangeSize=1> (дата обращения 06.12.2021).
3. Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. Вып. 9 / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. М. : Центр социологических исследований, 2019. С. 150.
4. Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» в редакции протокола от 30 мая 2017 года № 6. URL : <http://surl.li/blexx> (дата обращения 21.12.2021)
5. *Беккер Гэри С.* Человеческое поведение: Экон. подход / Гэри С. Беккер; Пер. с англ. Гэри С. Беккер; Сост., науч. ред. пер., авт. послесл. Р.И. Капелюшников. М. : ГУ ВШЭ, 2003. 670 с. (Избранные труды по экономической теории).

Literature:

1. *Arefiev A.L.* Russia's strategy in the export of education / A.L. Arefiev, P.A. Arefiev, N.M. Dmitriev. URL : http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2020/obr_i_nauka_388-410.pdf (date of application 05.12.2021).
2. Decree of the President of the Russian Federation of May 07, 2018. № 204, the Federal Law «On Education in the Russian Federation», in particular Articles 78, Articles 105 and Articles 106; State system of legal information. URL : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038?index=18&rangeSize=1> (date of application 06.12.2021).
3. Export of Russian educational services: Statistical compendium. Iss. 9 of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. M. : Center for Sociological Research, 2019. P. 150.
4. Passport of the priority project «Development of the export potential of the Russian education system» as amended by the protocol dated May 30, 2017. № 6. URL : <http://surl.li/blexx> (date of application 21 December 2021)
5. *Becker Gary S.* Human Behavior: Economics. / Translated from English; Gary S. Becker; Compiler, scientific editor of translation, author's afterword R.I. Kapelyushnikov). M. : State University Higher School of Economics, 2003. 670 p. (Selected works on economic theory).

Попов Михаил Юрьевич

доктор социологических наук,
профессор,
главный редактор,
Всероссийский научный журнал
«Гуманитарные, социально-экономические
и общественные науки»
popov-52@mail.ru

Бугаенко Юлия Юрьевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры уголовного права,
Кубанский государственный
аграрный университет
popov-52@mail.ru

**Рискогенный потенциал
коррупции в постсоветском
трансформирующемся социуме**

Аннотация. На протяжении всей истории существования российского государства одной из актуальных проблем, с которыми сталкивалось его руководство, была проблема коррупции в ее многочисленных проявлениях и практически во всех сферах функционирования российского социума. В данной публикации нами проводится краткий исторический экскурс зарождения и генезиса коррупции в российском обществе по таким актуальным, по нашему мнению, направлениям, как исторические традиции, внешние и внутренние факторы, ее стимулирующие, а также, под влиянием характерных для современной России процессов.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные риски, коррупционные традиции, российский социум, коррупционная преступность.

Многочисленные исследования, посвященные такому широко распространенному явлению в нашей стране, как коррупция, характеризуют с позиций объяснения ее распространения на государственном и социальном уровнях в результате системного кризиса, в котором оказалась наша страна на рубеже XX–XXI столетий. С этой точкой зрения мы можем согласиться, но только отчасти. Да, она возросла на благоприятной почве того глубокого цивилизационного кризиса, в котором оказались, первоначально, советское общество в конце 1980-х гг., а затем, и постсоветская Россия. В то же время, это явление имеет глубокие исторические корни, связанные с некоторыми национальными традициями, а также, находится в тесной взаимосвязи с внешними факторами, связанными с противостоянием российской цивилизации с англо-

Mikhail Yu. Popov

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Editor-in-chief,
All-Russian Scientific Journal
«Humanities, Socio-economic
and Social Sciences»
popov-52@mail.ru

Yulia Yu. Bugaenko

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law,
Kuban State Agrarian University
popov-52@mail.ru

**RISK POTENTIAL OF CORRUPTION
IN A IN THE POST-SOVIET
TRANSFORMING SOCIETY**

Annotation. Throughout the history of the Russian state, one of the pressing problems faced by its leadership has been the problem of corruption in its many manifestations and in almost all spheres of functioning of the Russian society. In this publication we conduct a brief historical tour of the origin and genesis of corruption in Russian society in such relevant, in our opinion, areas as historical traditions, external and internal factors, stimulating it, as well as under the influence of the processes characteristic of modern Russia.

Keywords: corruption, corruption risks, corruption traditions, Russian society, corruption.

саксонской цивилизацией, усиленными идеологическим противостоянием в XX-ом веке между социалистической и капиталистической системами, с глобальными процессами современности. Свой отпечаток на него отложила и та ситуация, которая сложилась в постсоветской России, оказавшейся на рубеже XX–XXI веков в состоянии системного кризиса.

Исходя из вышеизложенного, мы постараемся систематизировать эти факторы для того, чтобы получить наиболее объективное представление о коррупции в современной России, масштабы которой приняли такой размах, что стали представлять реальную угрозу не только экономической, но и национальной безопасности нашей страны, а также, высказать свои соображения по поводу государственной политики, направленной на борьбу с коррупцией.

В контексте анализа некоторых исторических традиций, которые стали факторами, стимулировавшими возникновение коррупции в нашей стране, следует отнести:

– многовековую традицию подношений со стороны вассала суверену, а также – просителя субъекту правоотношений как демонстрацию уважения к нему со стороны просителя;

– практику, так называемого, кормления, когда направляемый Государем на боярство представитель российской аристократии не получал из казны деньги на свое содержание, а добывал их по месту своей службы посредством различных податей, нередко злоупотребляя своей властью, ресурс которой не только направлялся на служение Отечеству, но и превращался в потенциальный источник его личного обогащения. И подобные практики уже после отмены кормления, тем не менее, стали неотъемлемой частью традиций во взаимоотношениях не только в вышеупомянутой среде, но и во многих иных сферах социальных контактов в российском обществе, в том числе, и в профессиональной деятельности, когда в деформированном сознании немалой части государственных служащих выработалось устойчивое представление о государственной службе не как о служении Отечеству, а как к источнику личного обогащения, в результате чего в повседневных практиках деятельности чиновников были широко распространены мошеннические операции или откровенное воровство из государственного бюджета, а также привлечение на государственную службу родственников или преданных им людей для обеспечения более комфортного использования своего коррупционного потенциала

Таким образом, коррупционные практики стали неотъемлемой частью практик практически во всех сферах профессиональной деятельности российских чиновников в дореволюционной России.

Если коснуться советского периода истории отечественной коррупции, то эти практики не удалось полностью искоренить в сталинскую эпоху, несмотря на активное использование его лидерами репрессивного механизма, направленного как на борьбу с врагами советской власти, так и с «пережитками буржуазного прошлого» в массовом сознании советских людей. Тем не менее, такие пробелы в коммунистическом воспитании наших соотечественников в то время, как коррупция практически во всех ее проявлениях, хотя и в небольших масштабах, не удалось искоренить, а в последующий период истории советского общества она получила широкое распространение на фоне тотального дефицита, порожденного, в том числе, и волюнтаристским стремлением руководства советского государства построить коммунистическое общество в отдельно взятом государстве за кратчайший период времени двадцать лет. А на завершающем этапе существования СССР коррупция в ее многочисленных проявлениях, фактически, стала нормой жизни для советского общества на всех его уровнях, чему в немалой степени способ-

ствовало идеологическое и экономическое противостояние капиталистической и социалистической систем, когда коррупционное растение советских людей и, в первую очередь, чиновничества было одним из активных инструментов стратегии противостояния между противоборствующими системами. Мы не будем приводить в качестве примера широко известные современным исследователям коррупции высказывания представителей западных исследовательских институтов и других структур, деятельность которых была направлена на подрыв основ советского общественно-политического строя с использованием коррупционных механизмов, а, в качестве примера приведем случай, с которым мы столкнулись в первой половине 1980-х гг., когда в процессе общения с одним специалистом, возглавлявшим в СССР представительство одной западной компании, он одному из авторов этой публикации сообщил, что ему было предложено представителем советской стороны, с которым он занимался вопросами заключения контрактов его фирмы с советскими госучреждениями, что он заключит любой выгодный контракт с его фирмой при условии, что он за эту услугу получит от него в качестве подарка видеодвойку японского производства (комплект аппаратуры, в который входили телевизор и видеомагнитофон), на что он ответил отказом и, как честный бизнесмен, поставил в известность руководство своей фирмы, видимо, желая продемонстрировать ему свою приверженность правилам честного бизнеса и надеясь на поощрение со стороны его руководства. И она последовала через непродолжительный отрезок времени, когда фирма расширила штат его сотрудников, выделив ему ставку заместителя представителя фирмы, который в отличие от этого руководителя представительства фирмы, идеально владевшего русским языком, вообще не знал его, но был женат на нашей соотечественнице из Закавказья, который после ознакомления с делами своего шефа, занял его место, а этот бизнесмен был откомандирован на родину, где ему сообщили о том, что больше не нуждаются в его услугах, в результате чего, он не нашел себе места ни в одной из фирм и вынужден был организовать свой менее успешный бизнес.

Если же продолжить тему использования Западом механизмов коррумпирования отечественного чиновничества в антигосударственных целях на территории нашей страны, то его элиты и агенты их влияния наиболее активно стали использовать эти технологии на завершающем этапе существования СССР и, особенно активно – в первое десятилетие в постсоветской России, когда отечественное чиновничество, в первую очередь, на уровне элит фактически отдели Запад на откуп практически всю советскую экономику, в том числе, и оборонно-промышленный комплекс, дав, по нашему мнению, активный толчок для формирования в нашей стране системной коррупции. И эту проблему российское руководство вынуждено решать на протяжении всего времени существования Российской Федерации как субъекта международного права параллельно с возрождением нашей страны в ка-

честве великой державы, потенциал которой, как и ее единство был поставлен под угрозу, в том числе, и по вине части российских элит, фактически оказавшихся с начала 1990-х гг. в роли пятой колонны под прикрытием лозунгов рыночной экономики, демократизации и толерантности. В какой-то степени, с этой задачей руководство нашей страны достаточно успешно справляется, если в качестве примера использовать разработанное им антикоррупционное законодательство, созданные в правоохранительных органах структуры по борьбе с коррупцией, а также, регулярные разоблачения чиновников самого высокого уровня за коррупционные преступления, в том числе, и за организацию криминальных сообществ, в основном, с целью разворывания государственного бюджета. Но, по нашему убеждению, в настоящее время оно борется не самим этим явлением как таковым, а с его последствиями, в связи с чем, в массовом сознании нередко возникает ощущение, что на государственном уровне нередко происходит или сведение счетов с лицами, неудобными действующей власти, или же – перераспределение сфер влияния между группами элит, приближенных к центральной власти. Такие же государственные меры, направленные на профилактику и противодействие коррупции, как, например, значительное повышение зарплат чиновникам, их регулярная переаттестация (чаще всего, с участием представителей вышестоящего руководства этих же структур), заключение сделок между субъектами хозяйственной и экономической деятельности на контрактной основе, по нашему мнению, не дали ожидаемых результатов, а только привели к использованию более изощренных коррупционных схем. В результате, в общественном мнении сохраняется сомнение в эффективности, используемой государством антикоррупционной политики.

В контексте вышеизложенного, мы выскажем ряд предложений, направленных на профилактику и борьбу с коррупцией в нашей стране, сразу выражая свое негативное отношение к введению в нашей стране смертной казни за коррупционные преступления, за которую выступают некоторые представители науки, средств массовой информации и общественности, прибегая в качестве примера к опыту Китайской народной республики, которая, якобы, переживает период бурного экономического роста, благодаря регулярно проводимым публичным смертным казням в отношении тысяч чиновников по вынесенным им обвинениям в коррупции.

В противовес этому мнению, мы убеждены в том, что связывать успехи, достигнутые в этой стране только за счет подобных практик, является некорректным, потому что в их основе, в первую очередь, заложена, доказавшая свою эффективность и используемая в ней, модель экономического развития, сочетающая в себе рыночные отношения и государственное регулирование политической и экономической жизни общества с расчетом на собственные силы.

Применимо к России с ее богатой историей коррупции, что мы фрагментарно продемонстриро-

вали выше, хотим отметить, что карательные меры, применяемые государством, в первую очередь, к субъектам криминальной коррупции, если и приносили, то только временный результат, а потом ее вирус продолжал поражать чиновников и хозяйственников и предпринимателей, которые придумывали новые хитроумные ходы для обмана и ограбления государства.

По нашему глубокому убеждению, именно, так называемое, «распиливание» бюджета является объектом наиболее пристального внимания как представителей государства во властных структурах и организованного криминального сообщества, которые в «лихие девяностые» и в начале 2000-х гг. активно сотрудничали в деле ограбления государства и, как следует предположить, продолжают свой грязный бизнес, потому что мы не можем найти объяснение той информации, которая озвучивается в СМИ [1]. Так, по утверждению некоторых СМИ, только объем теневого сектора отечественной экономики составляет сумму в 21 триллион рублей в год, в которую, вряд ли включены «доходы» взяточников всех уровней [1].

По нашему глубокому убеждению, только карательные меры по отношению к этой категории наших соотечественников не являются эффективными, что доказывает не только отечественный, но и зарубежный опыт. Так, исследователи этой темы в нашей стране и за ее пределами сходятся в том мнении, что пребывание осужденного в местах лишения свободы, тем более, продолжительное время, превращается для него в школу еще более глубокой криминализации личности, «выпускники» которой проникаются криминальной идеологией, одним из элементов которой является пренебрежительно-агрессивное отношение к власти, что, как мы полагаем, является и питательной средой для политического и религиозного экстремизма [2; 3; 4; 5].

Конечно, многие меры, предпринимаемые российской властью по борьбе с коррупцией на всех ее уровнях, заслуживают самой высокой оценки, но, тем не менее, они оказываются не настолько эффективными, чтобы искоренить ее из нашей жизни, чего успешно добиваются, объединяя усилия государства и общества, в других странах. В частности, значительно повышение в начале 2000-х гг., и затем, постоянно индексируемой заработной платы госслужащим и сотрудникам правоохранительных органов и ужесточение требований к их отбору на работу, к профессиональной деятельности, к сожалению, не дали ожидаемых положительных результатов, потому что именно эта категория наших граждан, по данным криминальной статистики, является основными акторами коррупции в нашей стране. В те же годы был принят ряд антикоррупционных законодательных актов, которые нуждаются в совершенствовании в соответствии с требованиями времени.

Несомненно, крайне сложно контролировать со стороны государства такие проявления коррупции в профессиональной сфере, как семейственность, кумовство, формирование команд

сотрудников и продвижение кого-то из них по карьерной лестнице по принципу личной преданности, потому что эти действия затрагивают этическую сферу деятельности руководителей, а их негативные последствия редко, когда проявляются через короткий промежуток времени, хотя и они наносят, в первую очередь, ущерб нравственному климату в коллективах сотрудников. Мы же хотим обратить внимание на тех из них, которые носят криминальный характер, потому что коррупционные преступления содержат в себе не только безнравственный потенциал, а наносят реальный ущерб государственному бюджету, а, следовательно, и препятствуют реализации многочисленных проектов, направленных на рост экономики нашей страны, ее обороноспособности и повышение благосостояния наших граждан. И, вне всякого сомнения, их преступная деятельность представляет собой колоссальную угрозу национальной безопасности [6].

Исходя из вышеизложенного, мы полагаем, что ужесточение уголовного законодательства в отношении коррупционеров в части увеличения сроков их заключения в местах лишения свободы уже не раз доказало свою низкую эффективность. Как нам представляется, если вести речь о ныне действующих чиновниках, хозяйственниках и правоохранителях, то единственно эффективным средством предупреждения их противоправной деятельности может быть угроза как их социальному статусу, материальному благополучию, так и затрагивать интересы их ближайших родственников. Предостережением для них должна служить информация в СМИ и в структурах, где они работают, не только о факте возбуждения уголовных дел против тех из них, кто нарушил закон, но и результаты их расследования, и, конечно же, решения судов об их наказании.

Наконец-таки, Законодатель принял решение о конфискации имущества коррупционеров и их денежных средств. Но для повышения эффективности антикоррупционной политики государства мы считаем целесообразным внести, в порядке законодательной инициативы, следующие предложения:

1. Законодательно запретить лицам, осужденным за коррупционные преступления, занимать руководящие должности в органах государственной власти всех уровней пожизненно.
2. Исключить из отечественного законодательства нормы, позволяющие варьировать сроками заключения обвиняемых за совершенные преступления по определению суда, когда суд имеет право назначать наказание обвиняемому, например, по минимальному или максимальному сроку, что содержит в себе высокий рискогенный потенциал, в частности, сговора между участниками уголовного процесса по определению срока наказания обвиняемому, в зависимости от его материальных возможностей или иных ресурсов. Подобная практика имеет место, о чем свидетельствуют, например, уголовные дела, возбужденные против ряда судей, сотрудников след-

ствия в Волгоградской области, в Краснодарском крае и в других регионах, когда «договаривающиеся» участники уголовного процесса выступают, фактически, в роли своеобразных медиаторов, но только в отношении лица, обвиняемого в преступлении, где исключается участие пострадавшей стороны (хотя, иногда ими подкупается и эта сторона). Как нам кажется, в данном случае следует «раздробить» законодательство на большее количество статей за совершенные преступления в зависимости от их тяжести.

3. Исключить срок давности в российском законодательстве в отношении коррупционных преступлений, приравняв их, фактически, к преступлениям против государственного строя.

4. В качестве одного из средств профилактики коррупционных преступлений среди сотрудников правоохранительных органов мы предлагаем следующее: в связи с тем, что сотрудники всей сферы обеспечения правопорядка в нашей стране в равной степени несут ответственность перед государством и обществом за состояние правовой безопасности в стране, считаем целесообразным на все их категории распространить единый порядок денежного содержания, пенсионного обеспечения и социальной защиты. Это наше предложение связано с тем обстоятельством, что, несмотря на более тяжелые условия, в которых выполняют свои профессиональные обязанности сотрудники МВД и ФСИН, они находятся в крайне ущемленном положении по сравнению с теми же сотрудниками судов, прокуратуры и следствия, хотя мера их ответственности за ненадлежащее выполнение своих профессиональных обязанностей находится на том же уровне, что и у выше нами названных представителей правоохранительной сферы.

5. Создать структуру, которой можно дать название «антикоррупционная разведка», находящуюся в непосредственном подчинении Президенту России, придав ей самые широкие полномочия, с публикацией Указа Президента во всех СМИ РФ. Одним из основных направлений ее деятельности должно стать выявление сведений о доходах, собственности, средствах на счетах в российских и зарубежных банках действующих и бывших государственных служащих, хозяйственников, сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, как в нашей стране, так и за рубежом, в том числе, и тех из них, кто проживает за пределами РФ и имеет иностранное гражданство или вид на жительство.

7. На протяжении уже нескольких лет большой популярностью пользуется конкурсы «Лидеры России» и другие аналогичные мероприятия, проводимые по инициативе руководства нашей страны, по результатам которых их победители делегируются на службу в органы государственной власти на самых разных уровнях. С учетом же того обстоятельства, что многие из них не имеют опыта работы в этих структурах, они изначально попадают в поле высоких коррупционных рисков. А в связи с тем обстоятельством, что далеко не все из числа представителей этой

группы лиц ориентированы на бескорыстное служение своему Отечеству, мы полагаем целесообразным «строить» их карьеру, начиная с работы в муниципальных органах власти, тем самым, снижая вероятность не только этих рисков, но и попадания во властные структуры более высокого уровня людей без необходимого для этого объема опыта и профессиональных знаний.

8. Урегулировать деятельность общественных организаций, некоторые из которых не столько занимаются борьбой с коррупцией, а под ее прикрытием превращают свою деятельность в источник криминальных доходов, продавая желающим удостоверения общественных или даже штатных сотрудников антикоррупционных комитетов или организаций, которые ими используются, как минимум, например, с целью избежать наказания за нарушение правил дорожного движения при их предъявлении сотрудникам ГИБДД МВД РФ. Мы предлагаем, во-первых, провести ревизию этих структур и проверить правоохранными органами достоверность этих документов при их предъявлении, а во-вторых, включить эти общественные организации в структуры правоохранительных органов как внештатные подразделения для обеспечения деятельности их активистов на общественных началах под их контролем.

9. В качестве альтернативы осуждения коррупционеров к отбыванию срока в местах лишения свободы, мы предлагаем не менее радикальную меру комплексного подхода к решению этой проблемы, которая, конечно же, требует кропотливой правовой экспертизы. Мы предлагаем конфискацию всего имущества коррупционера и членов его семьи для погашения, нанесенного его действиями государству, в том случае, если не будет доказана законность их приобретения или владения им с последующим выделением всем членам семьи осужденного жилища экономкласса. Самого же коррупционера, в том случае, если в состав его преступления входит только нанесение экономического ущерба государству и не связано с угрозой жизни и здоровью лиц, пострадавших от него, мы предлагаем назначить им срок отбывания наказания не в изоляции от общества, а по месту их постоянного жительства на работах, не требующих высокой квалификации, например, в коммунальных службах или с деятельностью, связанной с исполнением своих профессиональных обязанностей в публичных местах, с той целью, чтобы и для окружающих, и для осужденного его наказание служило бы наглядным примером неотвратимости наказания за совершенное преступление и выступало бы также в качестве морального осуждения его противоправной деятельности со стороны жителей этой местности.

Если же вести речь о других категориях граждан, чья деятельность потенциально связана с высокими коррупционными рисками, а к ним, как известно из результатов многочисленных социологических исследований, относятся работники образования и здравоохранения [5; 7; 8], то, по нашему мнению, следует:

Во-первых, кратно повысить для этой категории бюджетников должностные ставки, которые находятся на крайне низком уровне, в результате чего, чтобы обеспечить себе более-менее достойный уровень существования они вынуждены трудиться на две и более ставок, оформлять совместительство в других организациях (что наиболее широко распространено в системе высшего образования), в результате чего, по формальным признакам, их доходы, статистически, находятся на достаточно высоком уровне, а, фактически, их нагрузка при выполнении своих профессиональных обязанностей уже давно вышла на запредельно высокий уровень, что, объективно, на протяжении десятилетий оказывает отрицательное влияние на качество их профессиональной деятельности, а в итоге – на состояние, в первую очередь, бюджетной сферы отечественного образования и здравоохранения, критическое состояние которых очевидно для всего общества и нуждается в радикальных преобразованиях. Наряду с другими организационными мерами со стороны государства, улучшение материального благосостояния этой группы наших граждан позволит снизить уровень коррупционных рисков в системе образования и здравоохранения, а также сократить отток высококвалифицированных кадров в коммерческие негосударственные структуры.

Во-вторых, чтобы придать антикоррупционным процессам в выше обозначенных сферах динамический процесс мы полагаем, хотя бы на определенный временной период, распространить на педагогических работников, врачей, а также – на руководителей педагогических и медицинских учреждений ежегодное заполнение деклараций о доходах. Благодаря этой мере, представители указанной сферы деятельности вынуждены будут не только умерить свои коррупционные «аппетиты», но и легализовать свою деятельность во вне рабочее время, оформив ее как самозанятость (репетиторство, консультирование и пр.).

В-третьих, в случае осуждения работников сферы образования и здравоохранения за коррупционные преступления, распространить на них, как и на госслужащих, пожизненный запрет на занятие руководящих должностей.

Продолжая тему антикоррупционной политики государства, мы разделяем мнение той части научного сообщества и общественности, которые говорят о необходимости повышения уровня духовно-нравственного состояния российского общества, в структуре которого приоритетное место занимают воспитание и образование. Естественно, что они относятся к той сфере социальной жизни, в которой добиться положительных перемен за короткий отрезок времени, по определению, невозможно в силу эволюционного характера их развития. И в данном случае, необходимо объединение усилий руководства государства, ученых, политиков, деятелей культуры и образования, средств массовой информации, институтов гражданского общества в разработке Государственной стратегии духовно-нравственного возрождения нашей страны.

В контексте же антикоррупционной политики государства, которая должна стать составным элементом этой стратегии, мы считаем необходимым разработать комплекс мер, направленных на профилактику коррупции, формирование антикоррупционного иммунитета у населения страны и, в первую очередь, у его молодого поколения.

Помимо этого, мы предлагаем создать систему правового образования представителей всех возрастных групп в доступной для его восприятия форме. Например, для студентов, обучающихся в средних специальных учебных заведениях и в вузах, включить в Государственные стандарты по всем специальностям в обязательном порядке дисциплины «Антикоррупционная государственная политика», в основу которой должна быть заложена идея:

- безнравственности коррупционного поведения в обществе независимо от его масштабов и морального вреда, который оно наносит личности и обществу;
- угрозы, которую представляет коррупция для государства и общества, потому что наносит им не только экономический, но и нравственный ущерб, дестабилизирует функционирование его социально-политической системы, провоцирует протестные настроения в стране по отношению к власти, неспособной противостоять коррупции;
- вреда международному авторитету государства как надежного партнера во всех сферах межгосударственных отношений;
- использования коррупции со стороны внешних источников влияния, заинтересованных в

Литература:

1. Теневой сектор экономики России // Вести. Россия 24. 28.11.2019.
2. Гидденс Э. Преступление и девиантное поведение / Э. Гидденс // Социология. Издание второе, выполненное по четвертому английскому изданию, полностью переработанному и дополненному. М., 2005.
3. Российская модернизация и коррупция / П.А. Сельцовский. М., 2011. 462 с.
4. Коррупция в современной России: причины, динамика, альтернативы / М.Ю. Попов [и др.]. М., 2016. 163 с.
5. Противодействие коррупции на государственном и муниципальном уровне в современной России // Информационно-аналитические материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 17 апреля 2020 г. Ростов-н/Д. : Изд-во ЮРИУ РАН-ХиГС. 2020. 240 с.
6. Воронцов С.А. Противодействие коррупции на государственной и муниципальной службе : монография / С.А. Воронцов, А.В. Понеделков. Ростов-н/Д., 2015. 27 с.

дестабилизации социально-политической ситуации в стране, в разжигании межнациональной розни, сепаратистских настроений, политического и религиозного экстремизма, что представляет реальную угрозу целостности государства и его национальной безопасности.

В завершении данной публикации мы пришли к выводу о том, системная коррупция, спровоцированная в стране в период распада СССР и создания Российской Федерации как субъекта международного права стала источником многочисленных рисков и угроз, затронувших все без исключения сферы государственной и общественной жизни. Попытки, предпринимаемые со стороны государственной власти по снижению остроты этой проблемы, до настоящего времени не привели к положительным результатам, что является источником социально-экономического и политического напряжения в российском обществе. Причиной тому являются многочисленные источники рисков, которые несет в себе коррупция не только внутри нашей страны, но и из-за ее пределов, потому что мировые лидеры, представляющие, так называемый, коллективный Запад, исторически не заинтересованы в существовании России как великой державы. В связи с этим, в структуре его антироссийской политики используются не только меры внешне-экономического и политического воздействия, но и внутренние дестабилизирующие факторы, среди которых немаловажная роль ими отводится именно коррупции, принявшей в нашей стране системный характер. Поэтому для успешного преодоления этой проблемы мы и высказываемся за необходимость системного подхода по преодолению и профилактике этого социального недуга общества.

Literature:

1. Shadow sector of the russian economy // Vesti. Russia 24. 28.11.2019.
2. Giddens Uh. Crime and Deviant Behavior / Uh. Giddens // Sociology. The three-fold edition, based on the fourth English edition, completely revised and supplemented. M., 2005.
3. Russian modernization and corruption / P.A. Seltsovsky [et al.]. M., 2011. 462 p.
4. Corruption in modern Russia: causes, dynamics, alternatives / M.Yu. Popov, [et al.]. M., 2016. 163 p.
5. Combating corruption at the state and municipal level in modern Russia // Information and analytical materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. April 17, 2020 Rostov-on/D. : Publishing House of YURIU RANEPА. 2020. 240 p.
6. Vorontsov S.A. Counteraction to corruption in the state and municipal service : monograph / S.A. Vorontsov, A.V. Ponedelkov. Rostov-on/D., 2015. 27 p.

7. Российская повседневность в условиях кризиса / Под. ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М., 2009. 271 с.

8. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт социологических замеров / Под. ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М., 2011. 325 с.

9. Российская модернизация и коррупция / П.А. Сельцовский [и др.]. М., 2011. 464 с.

10. Коррупция в современной России: причины, динамика, альтернативы / М.Ю. Попов [и др.]. М., 2015. 164 с.

7. Russian everyday life in crisis conditions / Under. ed. M.K. Gorshkova, R. Krumma, N.E. Tikhonova. M., 2009. 271 p.

8. Twenty years of reforms through the eyes of Russians: the experience of sociological measurements / Under. ed. M.K. Gorshkova, R. Krumma, V.V. Petukhova. M., 2011. 325 p.

9. Russian modernization and corruption / P.A. Sel'tsovsky [et al.]. M., 2011. 464 p.

10. Corruption in modern Russia: causes, dynamics, alternatives / M.Yu. Popov [et al.]. M., 2015. 164 p.

Прохоренко Юрий Иванович

доктор философских наук,
профессор,
кафедра социальной работы
и психологии,
Тихоокеанский
государственный университет
uraldv@yandex.ru

Лях Павел Петрович

кандидат социологических наук,
доцент,
кафедра социальной работы
и психологии,
Тихоокеанский
государственный университет
lhpp@mail.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Аннотация. Социальное прогнозирование является необходимой составляющей социального управления, поскольку целенаправленное социальное развитие невозможно без учёта динамики протекающих в социальной реальности процессов. В статье делается акцент на ключевых аспектах, влияющих на результативность социального прогнозирования: современном состоянии социальной теории и практики прогнозирования, взаимообусловленной детерминации индивидов и структур. Особое внимание уделяется рассмотрению этих аспектов в разрезе процессов институционализации, так как только сформированные институты развития могут гарантировать достижение стратегических целей современных государств.

Ключевые слова: социальная динамика, социальное прогнозирование, институционализация, социальный институт, социальная реальность, общество, социальная система, социальная детерминация, модель, потребности и ожидания.

В настоящее время Россия, отвечая на глобальные вызовы, последовательно укрепляет институциональные основы своей субъектности, обеспечивающие ей устойчивое социально-экономическое развитие в исторической перспективе. Одним из направлений институционализации, на наш взгляд, должно является соответствующее оформление институтов развития общества, в частности, социального прогнозирования, поскольку научное управление развитием локальных обществ должно опираться как на знание имеющихся тенденций глобального и локального развития, так и на нормативное управление созданием условий с целью содействия существующим тенденциям или их изменению в желательном направлении.

Iurii I. Prokhorenko

Doctor of Philosophy,
Professor,
Department of Social Work
and Psychology,
Pacific State University
uraldv@yandex.ru

Pavel P. Lyakh

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Department of Social Work
and Psychology,
Pacific State University
lhpp@mail.ru

INSTITUTIONAL ASPECTS OF SOCIAL FORECASTING

Annotation. Social forecasting is a necessary component of social management, since purposeful social development is impossible without taking into account the dynamics of the processes taking place in social reality. The article focuses on the key aspects affecting the effectiveness of social forecasting: the current state of social theory and forecasting practice, the interdependent determination of individuals and structures. Particular attention is paid to the consideration of these aspects in the context of the processes of institutionalization, since only the formed development institutions can guarantee the achievement of the strategic goals of modern states.

Keywords: social dynamics, social forecasting, institutionalization, social institution, social reality, society, social system, social determination, model, needs and expectations.

В настоящий момент времени, когда мы живём в условиях катастрофического риска и глобальных кризисов, слома базисных ценностей техногенной цивилизации система глобальных отношений активно трансформируется и идёт поиск новой модели международного порядка, о процессе институционализации целесообразно говорить только в границах конкретного общества, видеть факторы как способствующие, так и препятствующие этому процессу [13; 14].

Онтологическая трактовка феномена институционализации несводима к проявлению деятельности активности человека в процессе реализации собственного сценария жизни, а выражает инструментальную способность общества как со-

циетальной системы эффективно использовать имеющиеся ресурсы для сохранения своей целостности в конкретном (структурном) социальном пространстве.

Следует отметить, что поскольку идея общественного порядка, которую явно или неявно решают все социально-гуманитарные науки, первоначально утвердилась в юриспруденции, то оттуда и пришло в философию, социологию, экономику и другие социально-гуманитарные дисциплины понятие «социальный институт» (от латинского *«institutum»*, что означает «установление», «учреждение»). Это существенным образом сказалось на понимании природы процессов институционализации, которые в первую очередь видятся «сверху». Социальные институты начинают рассматриваться, говоря терминологией О. Конта, только в разрезе социальной статистики.

Институциональный подход своё теоретическое оформление как институционализм получил в экономической науке; помимо «институций» (норм и обычаев, устойчивых форм взаимодействия людей в обществе) институционализм понятие «институты» трактует как закрепление норм и обычаев в виде законов, организаций, учреждений. Примечательно то, что его основоположник Торстейн Веблен пытался повернуть экономическую теорию к социальным проблемам: органический процесс институционализации по своей природе нацелен на сохранение целостности общества через эффективное удовлетворение социализированных потребностей всех членов общества, а не его элитарных слоёв.

Поскольку на разных этапах развития общества ресурсное обеспечение социализированных потребностей не одинаково, то процесс институционализации охватывает собой не только возникновение и вызревание, но и изменения, а также – дальнейшее развитие институциональной структуры. Без такого подхода невозможно как понять существование социальных институтов в истории, так и управлять этим процессом в современной динамичной социальной реальности.

Попытку теоретически объединить все различные подходы в изучении социальных институтов впервые предпринял Т. Парсонс, начав с построения теории социального действия, оттолкнувшись от индивида, наделенного стремлением действовать. Ключевую роль в этой теории играют «социальные ожидания», которые испытывают в отношении действий друг друга взаимодействующие индивиды. Это исходная точка процесса институционализации, именно из этих ожиданий, в процессе рутинизации взаимодействий, которые первоначально носят ситуативный характер, возникают социальные нормы (правила) и общепринятые ценности, помогающие гарантировать характер ответных реакций. Так, по Парсонсу, образуются культурные комплексы – символически организованные образцы, включающие в себя «сеть позиций», «систе-

му ролевых статусов», каждому из которых приписывается определенное ожидаемое поведение, регулируемое системой социального контроля [9].

Процесс институционализации, собственно, и является способом образования этих комплексов, закреплением во времени отношений между социальными позициями таким образом, что поведение занимающих эти позиции индивидов сохраняется неизменным, независимо от того, кто конкретно участвует во взаимодействии. Отсюда, и самое распространённое понимание социального института, как итога процесса институционализации, как некоторого установления, порядка, воспроизводящегося вновь и вновь; как исторически сформировавшихся форм статусно-ролевой деятельности, удовлетворяющей потребности общества как социетальной системы. Индивиды, включаясь в эту деятельность, удовлетворяют свои социализированные потребности в той мере, в которой они легитимируют существующую институциональную структуру. Так индивиды обеспечивают функционирование социальных институтов.

Однако детерминация динамики социальных институтов намного сложнее, что и затрудняет прогнозирование их развития, а следовательно – и всего общества.

Дело, как нам видится, в том, что в архаических обществах двигателем социальных изменений были, прежде всего, витальные и социальные потребности (социализированные потребности), которые заставляли людей воевать за ресурсы, за своё место в социальной иерархии. Но технологическое развитие позволило вывести большинство населения земного шара из крайней нищеты [10, с. 60]; экономическое и социальное развитие сформировало множество социальных пространств, в которые может уйти человек, решая свои личные проблемы. В современных обществах, которые существенно расширили пространство возможностей человека, на первое место выходят уже ценности, которые намного легче поддаются манипулятивному оформлению в виде интересов, да и просто «желаний». По нашему мнению, можно говорить о том, что в настоящее время классическая модель детерминации поведения индивида «потребности – интересы – ценности» дополняется постклассической моделью: «ценности – интересы – потребности». Исходя из того, что у личности как субъекта саморазвития в процессе её жизнедеятельности до определённого времени становится всё больше степеней свободы и ресурсных возможностей её объективации, при этом индивиды постоянно переопределяют ценность как своих внешних связей, так и тех систем, в которые они входят – прогнозировать динамику социальных изменений, драйверами которых выступают в конечном счёте люди, становится всё труднее.

В связи с вышесказанным, О.Н. Яницкий в своём анализе возможностей социального прогнозирования современной «динамики мобильного мира» совершенно справедливо отводит большое

место «роли личности в условиях глобализации» и, обосновывая «двойную» сущность социальных движений, пишет: «Удивительно, что сегодня западными исследователями отводится весьма скромное место значению социальных инициатив и движений в глобальных трансформациях, хотя сегодня именно они вносят «беспорядок» и изменяют соотношение сил на аренах разного масштаба: от локальных до глобальных [14, с. 21].

Именно динамика современных социальных процессов, в которой «исторические формы взаимодействия» не успевают «выкристаллизовываться», приводит к тому, что институты чаще всего создаются именно как «учреждения» – в процессе нормативной деятельности государственной власти. Потом в рамках этих учреждений начинают создаваться социальные организации, разворачивающие свою деятельность, которая очень часто не совпадает как с нормативными установками власти, так и с «ожиданиями» индивидов. В результате этого возникают дисфункции социальных институтов, формируется правовой нигилизм граждан, поскольку эти учреждения не отвечают их реальным ожиданиям, потребностям и интересам.

Такой подход к формированию социальных институтов обусловил то, что, как совершенно справедливо отмечают исследователи, практика социального управления динамичными современными социальными процессами привела к тому, что за институционализацию тех или иных процессов выдают их нормативно-правовое регулирование. В то же время, истинность теоретических и нормативных обоснований этих процессов проверяется реальными социальными процессами, протекающими в конкретном социальном пространстве и времени, а «ошибочность этого подхода подтверждается эмпирическим фактом малой эффективности этого регулирования» [5, с. 164]. Поэтому для понимания реального протекания процессов институционализации, двухаспектность институционализма («институции» – «институты»), отражающую, де-факто, статичную, сформировавшуюся институциональную систему, следует дополнить, отталкиваясь от Т. Парсонса, «ожиданиями» как отправной точкой и критерием оценки функционирования институтов.

Таким образом, можно говорить о дуальной модели институционализации – «институционализации снизу», которая идёт от ожиданий, реальной практики взаимодействия индивидов в конкретном социальном пространстве, и «институционализации сверху», драйвером которой выступает государственная власть как субъект социального управления. Дуальная модель институционализации отражает взаимообусловленный процесс самоорганизации социума и управленческого воздействия властных структур: в современных политических сообществах формирование институциональных структур общества следует рассматривать как взаимообусловленность процессов самоорганизации и эффективного социального управления, в которой соци-

альные ожидания субъектов легитимируют нормативные структуры в той степени, в которой последние соответствуют этим ожиданиям. Тут можно опять сослаться на О.Н. Яницкого, который, завершая анализ «двойной» сущности социальных движений, отмечает: «... только такой мониторинг этой всеохватывающей изменчивости мира, осуществляемый как «сверху вниз», так и «снизу вверх», может служить надёжной основой социальных прогнозов. Но и они сегодня тоже приобретают вероятностный характер» [14, с. 23].

Трудность социального прогнозирования обусловлена именно усиливающимся вероятностным характером социальных процессов, протекающих в социальной реальности, потенциал которой ещё до конца не осознан. Вероятностный характер протекания социальных процессов, например, О.Н. Яницкий связывает с социальным феноменом «силы слабости», то есть с возможностью порождения глобального риска в любой точке социального пространства; Насим Талеб говорит о «чёрных лебедях» как непредсказуемых событиях, имеющих чрезвычайно влияние на формирование будущего [11]; в социальном анализе часто упоминают «эффекте бабочки», который в естественных науках используется для выражения такого свойства взаимодействий в некоторых хаотичных системах, когда даже незначительное влияние на них может иметь большие и непредсказуемые последствия, в том числе – в совершенно другом месте (в социальном контексте – в любой точке социального пространства).

Низкая результативность социального прогнозирования подтверждается как социальной практикой, так верификацией теорий социальных изменений. Так, Филип Тетлок, психолог из Пенсильванского университета, который сделал изучение прогнозирования делом своей жизни, сравнил прогнозные оценки экспертов с группой шимпанзе, бросающих дротики в доску, полную предсказаний (метафора случайного выбора). По знаменитой фразе Тетлока, эти «шимпанзе, метящие дротики» были бы более точными, чем, так называемые, эксперты. Выводы Тетлока, задокументированные в книге под названием «Экспертное политическое суждение» (2005), основаны на проведённом им в период с 1987 по 2003 год опросе 284 человек, которых он попросил профессионально составить серию прогнозных суждений о мире. Приведённая выше оценка точности экспертных заключений основана на обработке 82361 прогнозного суждения [15].

Если взять российский опыт, то можно сослаться на политолога Екатерину Шульман, которая, обобщая на новостном канале «Эхо Москвы» кризисные события начала 2022 года в Казахстане, дала оценку современным прогностическим способностям. В начале эфира ведущий констатирует: «почти все признаются, что не могли предвидеть, что в Казахстане будет так». Е. Шульман, анализируя протестную активность, считает её самой непредсказуемой активностью на свете; социологи и политологи научились замерять протестную готовность по ряду маркеров, но эти

показатели могут не конвертироваться ни в какие практические последствия; у аналитиков нет такого градусника, «который мы вставляем в нужное место и там нам показывают протесты завтра или протесты послезавтра – такого нет» [7].

Оценивая проблему шире – прогнозирование будущего автократий, она сказала: «Да, все автократии – это витрины более или менее красиво разукрашены. Они стоят долго, но иногда они разрушаются одним камнем, который брошен из пустоты, из ниоткуда неведомой рукой. Это тоже правда, это надо иметь в виду» [7]. Образ, фактор «чёрных лебедей» Насима Талеба можно дополнить «камнем из ниоткуда», «неведомой рукой» Екатерины Шульман.

В качестве иллюстрации неспособности современной социальной теории адекватно воспринимать социальную реальность, предвосхищать Будущее и предсказывать тенденции социальных изменений можно сослаться на Раймонда Будона, который в своей книге «Место беспорядка. Критика теорий социального изменения» детально проанализировал возникшие за период с 1950 по 1980 гг. в общественных науках четыре типа теорий социального изменения. В данном случае нам важна его оценка этих теорий: «Состояние краха – вот наиболее распространенное, разделяемое сегодня очень многими мнение по поводу этих теорий. Большинство строившихся на их основе прогнозов были опровергнуты самой жизнью. Эти теории ввели в оборот представления, не просто упрощающие (что, в принципе, было бы допустимо), но и примитивизирующие понятие социальных систем. И большинство общих закономерностей, рассматривавшихся этими теориями как универсальные и вневременные, оказались ограниченно значимыми» [3, с. 5]. По его мнению, программа теорий социального изменения перегружена аномалиями. В силу того, что факты опровергли многие из, казалось бы, достоверно установленных тенденций, пришлось отказаться от большого числа ранее выдвигавшихся причинно-следственных и структурных законов. Что же касается вопроса о причинах и факторах изменения (или, по другой версии, об отсутствии таковых), то он остается открытым [3, с. 29].

Причину «краха» теорий социальных изменений мы видим в том, что, с позиций социальной онтологии, динамичная социальная реальность не когерентна одномоментной социальной действительности, которую в силу своего предмета исследуют те же социология, политология, экономика, психология и другие частные социально-гуманитарные науки. Теории, имеющие дело с объяснением, пониманием и интерпретацией социальных феноменов, должны учитывать изменение объекта их исследования – той социальной реальности, которая обуславливает их предметные поля: необходимо сохранение динамичного единства объекта и предмета конкретной отрасли научного знания. Можно сказать, что герменевтический круг обуславливает то, что социальное знание не может быть исключительно социологическим, политологическим, экономическим и т.д., оно по своей природе

должно быть междисциплинарным, а последовательное проведение методологического принципа взаимообусловленности объекта и предмета исследования является самой насущной задачей современных социально-гуманитарных исследований [10].

Все социально-гуманитарные науки на протяжении своей истории явно или неявно решают, прежде всего, две фундаментальные проблемы, которые дают ключ к пониманию статики и динамики социальной реальности, взаимообусловленности социальных процессов и структур. Онтологический статус этих проблем позволяет экстраполировать их на социальные системы любого уровня организации.

Первая из них, о которой мы уже упоминали выше – как возможен, существует и поддерживается социальный порядок в таком хаосе противоречивых индивидуальных и надиндивидуальных потребностей, интересов, ценностей, желаний, стремлений и намерений? А вторая – что первично в социальной реальности: индивиды или структуры, в которых индивид рождается и умирает, обретает своё социальное бытие и социализируется?

При всём многообразии подходов к решению этих вопросов социальным пространством, на котором протекают взаимодействия индивидов и структур, идёт формирование того или иного типа социального порядка признаётся общество как система, как исторически оформившаяся, устойчивая форма организации таких взаимодействий.

Парадокс истории состоит именно в том, что сама же история и взрывает эти устойчивые формы, поскольку всё течёт и всё изменяется. Что или кто стоит за этими изменениями как оказывается (не)устойчивых (в предельной исторической перспективе) форм социального порядка? «Крот истории» (Г. Гегель, К. Маркс) или индивид(ы), реализующий свою субъектность? Очевидно, что результативное прогнозирование социальных изменений любого социального феномена (объекта), в том числе и общества, напрямую зависит от правильных ответов на эти вопросы.

Однако точность социального прогнозирования (а отсюда – и эффективность социального управления) зависит не только от правильного определения ключевого детерминирующего фактора, субъекта социальных изменений. Уже упомянутый Р. Будон проблему формулирует так: «Как определить ту сферу реальности, в рамках которой возможен поиск факторов, вызывающих социальные изменения? Структуры или институты? Структуры или идеи? Идеи или мифы? Эти структурные переменные или другие? Производительные силы или производственные отношения?» [3, с. 27]. Мы можем, конечно, искать поверхностный ответ в дихотомии «экзогенные факторы – эндогенные факторы», но в любом случае на поставленные французским теоретиком вопросы необходимо давать точные ответы, видеть взаимообусловленность

факторов, проявляющуюся в социальном детерминизме.

Как нам видится, на современном этапе развития социально-гуманитарного знания достижение консенсуса в ответе на вышеобозначенные вопросы маловероятно, даже не смотря на появление авторитетных концепций (теория структуры Э. Гидденса, генетический структурализм П. Бурдьё и др.). Причина этого нами уже была названа выше: в современных социально-гуманитарных исследованиях редко методологически корректно проводится принцип, предполагающий взаимообусловленность объекта и предмета исследования: последовательно проводя его в теоретических построениях, учёными игнорируется онтология социальных феноменов, их специфические свойства и прежде всего – их динамика.

Очевидно, что неспособность предсказать будущее состояние социального объекта (на основе точного поискового прогноза разработать нормативный прогноз, который сбудется с известной долей вероятности), может свидетельствовать, прежде всего, о том, что мы:

- 1) не постигли природу прогнозируемого социального объекта;
- 2) не вскрыли законы и закономерности его развития;
- 3) не понимаем сущность и закономерности социальных процессов, которые протекают как внутри, так и вне этого социального объекта;
- 4) не понимаем сущность и закономерности протекания тех социальных процессов, которые собираемся «запустить», «инициировать», управляя развитием этого объекта;
- 5) не обладаем всей полнотой объективной информации о состоянии этого объекта и тех условий, в которых он находится и развивается;
- 6) не видим того субъекта, который выступает драйвером социальных изменений.

Обозначенные пункты представляют собой, на наш взгляд, методологический каркас социального прогнозирования. Они показывают, насколько трудоёмким является процесс научного обоснования социальных прогнозов. Он не под силу единичному исследователю и должен осуществляться их коллективами в междисциплинарном поле. В силу отмеченной специфики социальное прогнозирование, отвечая на запрос общества, должно быть институционализировано, а не представлять собой клубы экспертов-интеллектуалов, разрабатывающих возможные сценарии будущего, которые, конечно же, сбываются с определённой долей вероятности.

Очевидно, что учёные осознают имеющиеся методологические проблемы социального прогнозирования и работают над их решением [4; 6; 8; 14]. В.Ю. Баштовой, рассматривая категориальный строй социологически определяемого социального прогнозирования, приходит к выводу,

что определить функциональное содержание социального прогнозирования и порядок его реализации невозможно из-за множества существующих разногласий и противоречий, корень которых в отсутствии обоснованной таксономии оценок и тем более системы представлений о структуре оценочных явлений в социальном прогнозировании, что приводит к неправомерным обобщениям в социальном прогнозировании [2].

Экспертный опрос как метод социального прогнозирования претерпевает неизбежную трансформацию, поскольку информационное общество с многовариативностью и вероятностью его развития как осложняет проблемы социального прогнозирования, так и синтезирует новые возможности, инструменты для разработки прогнозных состояний социальных объектов, эксперты начинают «вытеснять» модераторы. Это связано с тем, что оставляемые в процессе социальных взаимодействий социальными субъектами цифровые следы, «оцифрование прошлого» формируют Big Data, что позволяет исследователям с использованием возможностей искусственного интеллекта обрабатывать колоссальные массивы данных, обнаруживать корреляции и прогнозировать состояния конкретных параметров [1].

Для решения задач прогнозирования социально-экономических показателей конкретных социальных объектов всё активнее начинает применяться аппарат нейронных сетей. Концептуальные и методологические результаты исследований отечественных ученых по этим вопросам позволяют им сделать выводы как об ограничениях, имеющихся в настоящее время методологических подходов, так и дальнейших перспективных направлениях прогнозирования целевых параметров социально-экономического развития с помощью аппарата нейронных сетей. В частности, Е.В. Толкачева отмечает, что для получения надежных и достоверных социально-экономических прогнозов могут быть использованы различные научные методы, но «наиболее прогрессивными моделями прогнозирования социально-экономических показателей на сегодня являются модели, построенные с использованием нейронных сетей» [12, с. 174]. Перспективность этих моделей обусловлена тем, что они позволяют выявить зависимость прогнозируемого показателя от большого числа независимых факторов и учесть динамику этих факторов в процессе прогнозирования. При этом использование нейронных сетей в прогнозировании не зависит от выбора математической модели, поскольку построение этой модели происходит непосредственно в процессе обучения нейронной сети, и, что на наш взгляд немаловажно – может проходить и без участия экспертов.

Как мы видим, проведённый анализ современного состояния социального прогнозирования позволяет сделать вывод о том, что оно находится на пути к институционализации. Для более полной оценки этот анализ надо дополнить анализом наукометрическим и методологическим, что трудно сделать в рамках жанра журнальной статьи. Но даже из всего сказанного выше, на наш взгляд, можно сделать вывод о необходимости

институционализации социального прогнозирования: социетальные системы в третьем тысячелетии могут поддерживать свою стабильность и реализовывать стратегии развития в стохастической социальной реальности лишь при научном прогнозировании социальных изменений на локальном и глобальном уровнях в их взаимообусловленности.

Существенным препятствием на пути институционализации социального прогнозирования, если мы будем его рассматривать как дуальный процесс, выступают «ожидания» индивидов. Это связано с тем, что в массовом сознании активно распространяются ненаучные и псевдонаучные формы предвосхищения будущего на фоне социальных практик «жить здесь и сейчас»; свою будущность люди, обладающие большой степенью мобильности, всё чаще связывают с теми социальными пространствами, которые уже сейчас могут удовлетворить их социализированные потребности. Это порождает все более трудно управляемые процессы миграции, которые становятся ключевым фактором социальных изменений.

Литература:

1. *Алпацкий Д.Г.* Построение социальных прогнозов на основе метода анализа иерархий / Д.Г. Алпацкий // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук : сборник статей. М. : Издательский дом «Научная библиотека», 2020. С. 44–51.
2. *Баштовой В.Ю.* Категориальный строй социологически определяемого социального прогнозирования / В.Ю. Баштовой // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2012. № 5. С. 94–96.
3. *Будон Р.* Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М. : Аспект Пресс, 1998. 284 с.
4. *Вильданов Х.С.* Методологические особенности социального прогнозирования / Х.С. Вильданов, В.В. Деркач // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2017. № 1 (19). С. 132–137.
5. *Вишнева К.В.* Институционализация социально ориентированных некоммерческих организаций: особенности дальневосточных регионов / К.В. Вишнева // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 12-2(102). С. 163–167.
6. *Деркач В.В.* Роль общей методологии в познании современной социальной динамики / В.В. Деркач, И.Д. Закиров // Мировоззренческие основания культуры современной России: Сборник материалов V Международной научной конференции, Магнитогорск, 17 мая 2014 года. Магнитогорск : Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2014. С. 48–54.

Распространение научных знаний, активное расширение научного мировоззрения как сегмента общественного сознания, понимание всей сложности социального прогнозирования и его необходимости – только эти действия смогут оформить социальный «запрос снизу», удовлетворить который должны институциональные структуры общества, властные, прежде всего.

Это связано с тем, что, подчеркнём ещё раз, прогнозирование состояний столь сложных динамических объектов, какими являются человекразмерные системы, возможно лишь на междисциплинарном уровне научными коллективами, встроенными в социетальную систему и получающими от этой системы все необходимые ресурсы (информационные, материальные, финансовые, людские). Это «движение сверху» может и должна организовать государственная власть, при условии, что она выражает интересы государства не как института управления (а фактически – бюрократических и элитарных слоёв общества), а государства как «политически организованного народа».

Literature:

1. *Alpatskii D.G.* Stroitel'nykh prognostov na issledovanie hierarchii / D.G. Alpatskii // Actual'noe problemy sotsial'no-human'noh nauki : sbornik articles. M. : Publishing House «Scientific Library», 2020. P. 44–51.
2. *Bashtovoy V.Y.* Categorical construction of sociologically determined social forecasting / V.Y. Bashtovoy // Humanitarian, social and economic and social sciences. 2012. № 5. P. 94–96.
3. *Budon R.* Mesto disordera. Criticism of theories of social change. M. : Aspect Press, 1998. 284 p.
4. *Vildanov Kh.S.* Metodologicheskie osobennosti sotsial'nogo proizviya / Kh.S. Vildanov, V.V. Derkach // Vestnik UGNTU. Science, education, economics. Series: Economics. 2017. № 1(19). P. 132–137.
5. *Vishneva K.V.* Institutionalizatsiya socially oriented non-profit organizations: osobennosti dalnevostvennykh regions / K.V. Vishneva // Mezhdunarodnaya nauchno-issledovatel'nyi zhurnal. 2020. № 12-2(102). P. 163–167.
6. *Derkach V.V.* The role of general methodology in cognition of modern social dynamics / V.V. Derkach, I.D. Zakirov // Mirozrencheskie osnovy kul'tury sovremennoi Rossii : sbornik materialy V Mezhdunarodnaya nauchnoi konferentsii, Magnitogorsk, 17 may 2014 goda. Magnitogorsk : Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov, 2014. P. 48–54.

7. Казахстан: неудавшийся транзит // Эхо Москвы. URL : <https://www.youtube.com/watch?v=qWiFnoWz1sl&t=3s> (дата обращения 06.01.2022).
8. *Нехамкин А.Н.* Социальное прогнозирование: достижения, недостатки, пути совершенствования / А.Н. Нехамкин, В.А. Нехамкин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 2. С. 57–68.
9. *Парсонс Т.* Социальные системы / Т. Парсонс // Вопросы социальной теории. 2008. Том II. Вып. 1 (2). С. 38–71.
10. *Прохоренко Ю.И.* Прогнозирование динамики современных обществ: пролегомены / Ю.И. Прохоренко // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ: Сборник научных трудов. Иркутск : Издательство ИГУ, 2021. С. 59–65. URL : <https://doi.org/978-5-9624-1995-4.2021.1-463>
11. *Талеб Н.* Черный лебедь: Под знаком непредсказуемости. М. : Издательство КоЛибри; Альпина Паблшерз, 2010. 456 с.
12. *Толкачева Е.В.* Генезис развития концепций нейросетевого прогнозирования социально-экономических показателей регионов России / Е.В. Толкачева // Сборник материалов V международной научно-практической конференции «Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности» (26 ноября 2021 года, г. Москва). М. : ООО «ИРОК», 2021. С. 173–179.
13. *Чолак А.П.* Особенности и специфика социального прогнозирования в современном обществе риска / А.П. Чолак // Ученые заметки ТОГУ. 2018. Т. 9. № 1. С. 519–523.
14. *Яницкий О.Н.* Возможно ли сегодня социальное прогнозирование динамики мобильного мира? / О.Н. Яницкий // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 1. С. 11–28.
15. *Beauchamp Z.* This study tried to improve our ability to predict major geopolitical events. It worked / Z. Beauchamp // VOX: [website]. URL : <https://www.vox.com/2015/8/20/9179657/tetlock-forecasting> (дата обращения 01.02.2022).
7. Kazakhstan: failed transit // Echo of Moscow. URL : <https://www.youtube.com/watch?v=qWiFnoWz1sl&t=3s> (date of application 06.01.2022).
8. *Nekhamkin A.N.* Social forecasting: achievements, shortcomings, ways of perfection / A.N. Nekhamkin, V.A. Nekhamkin // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Series: Philosophical Sciences. 2020. № 2. P. 57–68.
9. *Parsons T.* Sotsial'nye sistemy / T. Parsons // Voprosy sotsial'nogo teorii. 2008. Vol. II. Vol. 1 (2). P. 38–71.
10. *Prokhorenko Y.I.* Proizvestvodenie dynamics sovremennykh sotsial': prolegomeny / Y.I. Prokhorenko // Global and regional impacts in the system of modern societies : sbornik nauchnykh trudov. Irkutsk : ISU Publishing House, 2021. P. 59–65. URL : <https://doi.org/978-5-9624-1995-4.2021.1-463>
11. *Taleb N.* Cherny swan: Pod znak unpredictstvo. M. : Izdatelstvo KoLibri; Alpina Publishers, 2010. 456 p.
12. *Tolkacheva E.V.* Genesis of the development of concepts of neural network forecasting of socio-economic indicators of the regions of Russia / E.V. Tolkacheva // Collection of materials of the V international scientific and practical conference «Challenges of modernity and strategies for the development of society in the conditions of a new reality» (November 26, 2021, Moscow). M. : ООО «IROK», 2021. P. 173–179.
13. *Cholak A.P.* Features and specifics of social forecasting in the modern society of risk / A.P. Cholak // Scientific notes of TOGU. 2018. Vol. 9. № 1. P. 519–523.
14. *Yanitskiy O.N.* Is it possible today to social forecasting of the dynamics of the mobile world? Bulletin of the Institute of Sociology. 2019. Vol. 10. № 1. P. 11–28.
15. *Beauchamp Z.* This study tried to improve our ability to predict major geopolitical events. It worked / Z. Beauchamp // VOX: [website]. URL : <https://www.vox.com/2015/8/20/9179657/tetlock-forecasting> (date of application 01.02.2022).

Туркулец Светлана Евгеньевна

доктор философских наук,
профессор,
кафедра уголовно-правовых дисциплин,
Дальневосточный государственный
университет путей сообщения
turswet@rambler.ru

Фетисова Елена Александровна

аспирантка,
кафедра уголовно-правовых дисциплин,
Дальневосточный государственный
университет путей сообщения
irkova@yandex.ru

**ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
ВОЛОНТЕРСТВА
В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Аннотация. В настоящее время волонтерство (добровольчество) является одним из популярных научных исследовательских направлений. В статье рассматриваются трактовки и сущность определения волонтерства, основные характеристики данного феномена. Описаны подходы к изучению волонтерской деятельности. Выявлен междисциплинарный характер исследовательских вопросов, актуальных при изучении волонтерства. При проведении анализа российских и зарубежных источников установлены различия в значимых критериях определения добровольчества.

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, волонтерская деятельность, добровольческая деятельность, волонтер, досуг, труд, волонтерский труд.

В настоящее время волонтерство (добровольчество) является одним из популярных научных исследовательских направлений. Поскольку понятия «волонтерство» и «добровольчество» содержательно и на этимологическом уровне являются равнозначными, здесь они употребляются в сходных контекстах. Феномен волонтерства изучается социологами, историками, психологами, педагогами, экономистами, юристами. Ими:

– исследуются педагогические аспекты добровольчества, его социально-культурные технологии, исторические предпосылки возникновения, нормативно-правовая основа;

– проводятся экономические исследования эффективности волонтерского труда, связанные с изучением его функций в обществе;

Svetlana E. Turkulets

Doctor of Philosophy,
Professor,
Department of Criminal Law,
Far Eastern State
University of Railways
turswet@rambler.ru

Elena A. Fetisova

Graduate Student,
Department of Criminal Law,
Far Eastern State
University of Railways
irkova@yandex.ru

**THE PROBLEM
OF CONCEPTUALIZATION
OF VOLUNTEERISM
IN INTERDISCIPLINARY RESEARCH**

Annotation. Currently, volunteering (volunteering) is one of the most popular scientific research areas. The article discusses the interpretations and essence of the definition of volunteering, the main characteristics of this phenomenon. Approaches to the study of volunteer activity are described. The interdisciplinary nature of research issues relevant to the study of volunteering is revealed. The analysis of Russian and foreign sources revealed differences in the significant criteria for determining volunteerism.

Keywords: volunteering, volunteer activity, volunteer, leisure, work, volunteer work.

– изучается мотивация волонтерства, что позволяет выявлять его психологические детерминанты.

В результате, не существует единого мнения о том, какие теоретические подходы необходимы для изучения волонтерского движения. Более того, разные дисциплины приписывают волонтерству разные значения и функции. В экономической парадигме волонтерство в основном понимается как «неоплачиваемая работа» с расчетной экономической ценностью, когда волонтеры осуществляют деятельность в качестве инвестиций в их человеческий капитал (Фримен, 1997). Социологи и политологи, напротив, рассматривают волонтерство как выражение основных общественных принципов, таких как солидарность, социальная сплоченность и демократия (Путнам, 2000; Вутноу, 1998). При этом изу-

чение волонтерства, как правило, носит междисциплинарный характер, и определение основных характеристик волонтерской деятельности зависит от предметной области исследования. Особое место в междисциплинарном исследовании волонтерства занимает социологическая наука и ее отдельные отрасли. Именно социологи одними из первых начали поиск определения волонтерства.

В одной из первых теоретических работ по социологии волонтерства, в статье Д.Х. Смита «Voluntary action and voluntary groups» поиск определения волонтерства как особого вида деятельности (добровольной деятельности, помощи граждан, коллективной деятельности, деятельности отдельных граждан, деятельности на благо общества) заявлен в качестве основной проблемы [28]. Ведущие авторы того времени были согласны с таким направлением исследовательской деятельности волонтерства, но поиск критериев для определения волонтерства вызвал разногласия (например, Пеннок, Чепмен 1969; Мейстер, 1972). По мнению Д.Х. Смита, волонтерство – это индивидуальная и коллективная деятельность, направленная на поиск психологических вознаграждений (например, чувство сопричастности, самоуважения, самореализации), не зависящая от биосоциальных факторов (физиологических принуждений в их социализированных формах), выгоды материального характера и прямого принуждения (социально-политического принуждения, подкрепленного угрозой применения силы) [28, с. 247]. Смит положил начало исследованиям волонтерства как досуга, где волонтерская деятельность – это свободный индивидуальный выбор. Особое внимание уделив проблеме вознаграждения (psychic benefits).

Вслед за Смитом другие исследователи стали отмечать, что волонтерство – это досуговая деятельность (Паркер, 1997; Холмс, 2003). Основное внимание в социологических исследованиях уделялось тому, как волонтерство сочетается с оплачиваемой работой и досугом. В частности, Хендерсон, стремился выяснить, что побуждает людей к досугу и, следовательно, что может побудить их стать волонтерами. Хендерсон (1984) определил волонтерство как досуг и как свободное время без обязательств, признавая, что «волонтерство выбирается свободно, так же как и досуг. Досуг, как правило, ассоциируется с удовольствием, и особенно важно, чтобы элементы удовольствия проявлялись в волонтерской деятельности» [18, с. 61]. С одной стороны, Хендерсон указал на добровольность выбора волонтерской деятельности, с другой, затронул проблему психологических вознаграждений.

Концепция волонтерства как формы досуга получила дальнейшее развитие, благодаря теории Стеббинса о случайном и серьезном досуге, в которой серьезный досуг включает в себя мероприятия, в том числе, и волонтерство, которые требуют значительных усилий со стороны участника. Стеббинс (1996) также использовал идею психологических вознаграждений и отмечал, что серьезное волонтерство на досуге вдохновляет-

ся личной заинтересованностью добровольца, а не альтруизмом. По мнению Стеббинса, серьезное волонтерство на досуге – это карьерное волонтерство в том смысле, что это преданность участника, настойчивость и развитие карьеры. Волонтерство в качестве серьезного досуга отличается от волонтерства как случайного (обычного) досуга тем, что в серьезном досуге волонтеры реализуют карьеру вне работы, приобретая специальные навыки, знания или обучаясь [29].

Исследователи, в целом, приняли принципы теории Стеббинса и использовали серьезный досуг для изучения волонтерства в различных организациях и волонтерских ситуациях (Араи, 1997; Николс и Кинг, 1999). Однако социологи спорили о том, можно ли всю волонтерскую деятельность классифицировать как досуг. Были предприняты попытки критики концепции серьезного досуга. Так, Опп (2006), в частности, указал на сложности в выборе подходов к концептуализации и изучению добровольчества в сфере туризма, так как, в целом, волонтеры участвуют в процессе оказания помощи в организации досуга других людей, одновременно занимаясь рекреационной деятельностью самостоятельно. Акт добровольчества также рассматривается как форма досуга. Признавая этот уровень вовлеченности, волонтеры были приравнены к самим посетителям в некоторых развлекательных заведениях [23]. Стеббинс также отмечал некоторые недочеты в своем собственном исследовании. Он обнаружил, что профессиональные волонтеры часто определяют свою деятельность, как форму работы, так и форму досуга [30]. Несмотря на критику, волонтерство – это всегда есть форма досуга.

Паркер (1997) определяет волонтерство как досуг, который включает в себя серьезный досуг как один из четырех видов волонтерства, основанных на мотивации индивида; остальные являются альтруистическими, служащими делу и «волонтерством по расчету». Требование к молодежи участвовать в добровольных общественных работах в рамках своих учебных программ является примером последней категории, так как, в результате, волонтер получает опыт работы или необходимые карьерные навыки [24]. Приведенный выше пример обучения на службе поднимает вопрос: Всегда ли волонтерство является свободной и непринужденной деятельностью? Есть много примеров, когда волонтерство включает в себя некоторый элемент обязательства или, даже, принуждения. Как установил Стеббинс, досуг может включать в себя элемент обязательств, которые могут быть как приятными, так и неприятными. Когда обязательство является вынужденным, это больше не является досугом, и человеку может быть рекомендовано отказаться от этой деятельности [30].

Таким образом, если деятельность связана с неприятными обязательствами, неправильно использовать термин «волонтерство», поскольку эта деятельность не является по-настоящему добровольной. Стеббинс утверждает, что это особенно верно в отношении людей, которые добровольно работают для получения опыта

работы, и этот вид деятельности особенно трудно совместить с волонтерством в свободное время (Паркер, 1997). Еще больше усложняя проблему, исследования людей, занимающихся волонтерством в условиях досуга, показывают, что, хотя они могут получить полезный опыт работы, они также получают дополнительное личностное, социальное развитие и развитие навыков (Холмс, 2003; Кемп, 2002).

Исследования волонтерства с психологической точки зрения также были сосредоточены на стремлении понять мотивацию добровольцев. Экономические исследования волонтерства проводились с точки зрения баланса индивидуальных издержек и выгод при создании коллективного блага. В противовес модели М. Олсона, коллективное благо, созданное при волонтерском участии, может быть получено в результате индивидуальных действий, при достаточно низких издержках не учитывая индивидуальной прибыли [22]. В качестве решения этой проблемы предлагается всё та же идея психологических вознаграждений, которые заменяют собой материальные выгоды.

В ряде социологических работ и в масштабных количественных исследованиях стал разрабатываться следующий критерий волонтерства – отсутствие вознаграждения. Дж. Ноубл (1991) отметил, что эта деятельность осуществляется без ожидания денежного вознаграждения. Крис и Чарльз Тилли определяют волонтерство как «свободную неоплачиваемую работу на благо тех, с кем волонтер не связан обязательствами контракта, родства или дружбы» [31, с. 291]. К. Бадельт рассматривал добровольчество как «труд, не предусматривающий оплаты в денежной форме или юридического обязательства, в интересах лиц, проживающих за пределами домашнего хозяйства самого добровольца» [12, с. 453]. Австралийское бюро статистики при изучении добровольной работы в Австралии определило волонтера как «того, кто добровольно оказывал неоплачиваемую помощь в виде личного времени, услуг или навыков через организацию или группу» [11, с. 44]. Возмещение расходов (полностью или частично) или предоставление небольших подарков не препятствовало тому, чтобы люди, получающие такие льготы, рассматривались в качестве добровольцев. Эти аспекты определения, касающиеся отсутствия финансовой выгоды и возмещения расходов (на сумму, меньшую, чем предоставленная работа), помогают провести различие между наемными работниками и добровольцами.

Центр исследований гражданского общества Университета Дж. Хопкинса в своих кросс-национальных исследованиях опирается на определение из опроса населения Франции, проведенного Archambault в 1992 г.: «Волонтерство – это неоплачиваемый труд и время, потраченное на предоставление услуг группам или некоммерческим организациям, за пределами вашей семьи, ваших соседей и ваших друзей» [10, с. 50]. И конкретизирует, что волонтерство – это труд в том смысле, что оно отличает-

ся от досуга; кроме того, оно является добровольным и, следовательно, отличается от оплачиваемой работы. Объективное различие между волонтерской работой и досугом основано на том, что этот вид деятельности не является коммерческим и принудительным.

Далее, исследователи американского университета имени Д. Хопкинса использовали в своих опросах определение, которое было принято в руководстве Международной организации труда по измерению волонтерской работы: «Волонтерство – это неоплачиваемая, добровольная деятельность, осуществляемая через организацию или непосредственно направленная на благо людей, не входящих в домохозяйство волонтера» [5, с. 36]. Это определение устанавливает эмпирические критерии, которые объективно отличают волонтерство от других видов деятельности, таких как оплачиваемая работа или досуг. Различие волонтерства и досуга состоит в том, что волонтерство должно оказывать услуги, которые имеют ценность для других людей, но не для самих добровольцев. Отличие волонтерства от оплачиваемой трудовой деятельности заключается в том, что оно является неоплачиваемым и выполняется без каких-либо юридических санкций и принуждения [27, с. 225].

Таким образом, выявляется новый критерий – волонтерская деятельность осуществляется в интересах лиц, не являющихся волонтеру родственниками или друзьями, в связи с чем, из исследования исключается работа по дому или дружеская помощь. У данного подхода есть недостаток – отсекается значительная часть волонтерской работы, которая может быть не основана на свободном выборе, альтруизме и безвозмездности.

Социологи стали предпринимать попытки вместо единого определения выдвигать ряд характеристик волонтерской деятельности. Кнаан, Хэнди и Уодсворт (1996) на основании контент-анализа распространенных определений волонтерства, используемых в литературе, определили четыре элемента, по которым существует согласие среди большинства исследователей: свобода воли, вознаграждение, связь с выгодоприобретателями и формальная организационная принадлежность [15].

Так, Дж. Ноубл основополагающим элементом волонтерства признает свободу воли [21]. Л. Локстон, К. Смит – желание людей посвятить свое время волонтерской деятельности без принуждения и с учетом небольшого вознаграждения [14, с. 163]. По мнению М. Полла, волонтерство определяется как «деятельность людей, проявляющие свою собственную свободную волю, без какого-либо вознаграждения, в официальной обстановке, чтобы помогать другим» [25, с. 27]. Еще одним аспектом определения волонтерства является характер выгоды, получаемой от рассматриваемой деятельности, то есть наличие выгодоприобретателя в структуре волонтерства. Этот элемент концептуальной основы проводит различие между волонтерством и досугом, предусматривая, что в деятельности

должен быть определенный выгодополучатель (в т.ч., такие абстрактные понятия, как окружающая среда или само общество), отличный от волонтера (или в дополнение к нему). Дарвилл и Мандей определили волонтера как «лицо, которое добровольно предоставляет неоплачиваемую прямую услугу одному или нескольким лицам, с которыми волонтер не связан» [16, с. 17]. Но ученые столкнулись с трудностями при интерпретации и обобщении результатов в исследовательской литературе и, как следствие, с концептуальной неопределенностью определения волонтерской деятельности. Двусмысленность существует внутри каждого из этих элементов. В отношении свободы воли и мотивации к добровольчеству было обнаружено, что определенное влияние оказывают факторы давления со стороны сверстников и социальных обязательств [17]. Участие в волонтерской деятельности может быть продиктовано индивидуальными предпочтениями или быть результатом некоторого принуждения со стороны того или иного сообщества. Например, участие в волонтерской деятельности может быть требованием компании к своим работникам, частью её имиджевой политики [20]. Л. Хастинкс и Ф. Ламмертин также указали на проблему в описании волонтерства как свободного индивидуального выбора. Там, где волонтерские усилия основаны на коллективной ориентации, главной мотивацией участников является чувство долга и ответственности перед абстрактным коллективом, а также – успешная социализация [19, с. 173].

Волонтерство, в отличие от оплачиваемой работы, материально не вознаграждается, но оно может компенсироваться различного рода средствами нематериального характера. При этом выгоды волонтерской работы не всегда очевидны, и, как считает Дж. Пирс, награды, которые кажутся волонтерам важными, не исходят от организации, где они осуществляют свою деятельность [26]. Так, Р. Кнаан обнаружил свидетельства того, что использование символических наград повлияло на производительность и привязанность волонтеров к своей работе [15, с. 83].

Отсутствие родственных и дружеских связей между волонтерами и бенефициарами (выгодоприобретателями) их деятельности также является предметом обсуждения. Некоторые волонтеры не видят различий в том, оказана ли добровольческая помощь родным или посторонним лицам [32], не всегда понятно, кого можно отнести к родным и близким. Исследования показывают, что большая часть волонтерской работы проводится без участия в формальных организациях [33] и представляет собой сети взаимопомощи, охраны порядка.

Таким образом, на основании анализа основных критериев волонтерства и результатов зарубежных исследований, нам видится проблематичной возможность выработки единого определения волонтерства.

В России попытки концептуализации волонтерства как предмета социологического исследова-

ния предпринимались в различных направлениях. В рамках социологии управления дается оценка управлению российской волонтерской деятельности (Певная, 2016). В рамках экономической социологии волонтерскую деятельность исследуют при помощи теории добровольческого труда (Кудринская, 2006). С точки зрения нравственных основ воспитания рассматривает добровольческую деятельность Козодаева

(2010). В рамках социально-педагогического направления изучения волонтерской деятельности исследуется роль влияния волонтерства на процесс социализации молодежи (Сикорская, 2011).

По мнению М.В. Певной, российские исследователи рассматривают волонтерство несколько сужено как форму общественной благотворительной деятельности, ограничиваясь только сферой социальной работы [6, с. 36]. И.В. Мерсианова и Л.И. Якобсон характеризуют «добровольчество (волонтерство) как разновидность филантропических практик» [4, с. 222]. Е. Сикорская пишет: «Мы рассматриваем волонтерство как форму социального служения, осуществляемого по свободному волеизъявлению граждан, направленного на бескорыстное оказание социальных услуг людям, их поддержку, защиту, личностное развитие» [8, с. 52]. Нельзя согласиться с трактовкой волонтерской деятельности только как формы благотворительной деятельности, так как в настоящее время добровольчество затрагивает различные сферы общественной жизни.

Л.Ф. Козодаева утверждает, что «именно добровольческая деятельность способна активизировать творческую инициативу молодежи. Добровольческая деятельность, основываясь на благотворительности, выполняет функцию сохранения и передачи духовных традиций, она выступает механизмом компенсации дефицитов социальной справедливости, является средством утверждения в обществе идей и ценностей добра и милосердия, составляющих аксиологическую основу нравственного воспитания личности» [2, с. 121].

В отечественных исследованиях ракурс определений волонтерства смещен в сторону духовного развития молодежи. Так М.В. Певная отмечает: «Большинство определений характеризуются:

- подчеркиванием процессуального характера волонтерской деятельности;
- выделением таких функций волонтерства, как направленная социализация молодежи, сохранение и передача культурных ценностей, духовных традиций;
- обозначением ключевых мотивов волонтеров, носящих альтруистический и, вместе с тем, прагматический характер.

«Этос служения», моральный долг, выраженный в волонтерстве, в сочетании с прагматическим целеполаганием может приносить человеку определенное удовлетворение» [6, с. 37].

И.В. Мерсиянова и Л.И. Якобсон определяют «добровольчество как деятельность, осуществляемая людьми добровольно на безвозмездной основе и в интересах организаций, групп и лиц, не являющихся членами их семей или их близкими родственниками» [4, с.226], и отмечают, что «добровольчество представляет собой труд, и, в этом смысле, не может являться досугом» [4, с. 227]. М.В. Певная возражает, что «такая точка зрения вряд ли справедлива, так как само понятие «досуг» имеет разные трактовки и не ограничивается в современном понимании только сферой развлечения и удовольствия» [6, с. 37].

Согласимся с тем, что добровольчество это форма препровождения досуга. Досуг – это свободное от оплачиваемой работы время, которое возможно потратить на отдых, а возможно на труд с пользой для окружающих. При этом волонтер может преследовать различные общественно полезные цели, в том числе, и благотворительные. Встречается мнение о том, что досуг способен объединить и труд, и отдых. «Большая часть досуга в современном обществе занята разными видами отдыха, хотя понятие «досуг» включает в себя и такие виды деятельности, как продолжение образования, общественная работа на добровольных началах» [9, с. 158].

Еще один интересный подход к определению волонтерства представлен А.А. Клепиковой, которая рассматривает этот феномен через категорию профессии как деятельности, характеризующейся специфическими навыками, знаниями и практиками. Анализируя работу волонтеров в одном из специализированных социальных учреждений, она пишет: «Добровольцы представляют свою деятельность не как моральное, альтруистическое призвание, но выстраивают свою идентичность, прежде всего как профессиональные работники» [1, с. 406]. В анализе подходов к определению волонтерства через профессиональную деятельность и деятельность, осуществляемую в свободное время, объединяющим началом выступает реализация трудовой функции.

Единое понимание наблюдается в работах российских исследователей в отношении специфики волонтерства – это добровольный и неоплачиваемый вид деятельности. Л.А. Кудринская определяет волонтерство как «деятельность, осуществляемую людьми добровольно на безвозмездной основе и направленную на достижение социально значимых целей, решение проблем сообщества» [3, с. 153]. Сикорская считает, что «добровольность выполнения работы как отражение личностной позиции — основополагающий принцип волонтерской деятельности. Человек может максимально реализовать себя в какой-либо деятельности и принести максимальную пользу своим трудом, только если работает без принуждения, добровольно. Добровольчество – форма социального служения, осуществляемая по свободному волеизъявлению граждан, направленная на бескорыстное оказание социально значимых услуг на местном, национальном или международном уровнях, способ-

ствующая личностному росту и развитию выполняющих эту деятельность граждан (добровольцев)» [7, с. 131].

Таким образом, проанализировав работы отечественных и зарубежных исследователей, можно сделать вывод о том, что не существует согласованного определения или концептуализации того, что такое волонтерство. Концепция волонтерства ситуативна и приобретает разные значения в разных условиях. Это обусловлено разницей понимания волонтерства в различные исторические периоды, с точки зрения разных методологических подходов, представителями различных научных направлений и заострением внимания на одном из социальных факторов.

Так, при сравнении российских и зарубежных трактовок определения волонтерства и качественных характеристик волонтерской деятельности отличия очевидны. Зарубежные исследователи акцентируют внимание на процессе волонтерской деятельности, но не конкретизируют результаты. Им важны черты самого явления, но не результат волонтерской деятельности. Наверное потому, что в западных странах волонтерство представляется, скорее, как полезное препровождение досуга или отдых в свободное от оплачиваемой работы время. При этом, анализируя результаты международных исследований, волонтер – это и альтруистично настроенный человек, и прагматичный студент, и сотрудник компании, использующий волонтерство для улучшения собственных карьерных перспектив.

Для российских авторов добровольчество – это, в большей степени, общественная благотворительная деятельность, которая решает сложные социальные задачи. Российские исследователи на первое место ставят результаты волонтерской деятельности для отдельных людей и общества в целом, значимость волонтерства для производства социальных благ. Для зарубежных исследователей интересен сам волонтер, его вовлеченность в процесс волонтерской деятельности.

Описанные различия говорят о том, что универсальное определение волонтерства, построение которого считают обязательным большинство исследователей, невозможно и непродуктивно. Попытки классифицировать волонтерство по видам деятельности неизбежно сталкиваются с недостатком теоретических оснований для классификации. Поэтому более целесообразным нам видится выделение ведущих качественных характеристик добровольческой деятельности:

- деятельность, осуществляемая людьми добровольно, по собственному выбору без принуждения и внешних обязательств;
- деятельность на безвозмездной основе или за минимальное вознаграждение;
- деятельность в интересах организаций и лиц, не являющихся волонтеру родственниками;
- деятельность, направленная на достижение социально значимых целей, а также имеющая экономический эффект.

Такой подход к пониманию волонтерства позволит исключить из исследовательского поля виды деятельности, которые не в полной мере соответствуют понятию «волонтерство», устраним

Литература:

1. *Клепикова А.А.* Добровольцы благотворительной организации в государственном учреждении для людей с тяжелой инвалидностью : конструкты волонтерства и профессионализма / А.А. Клепикова // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 3. С. 406–418.
2. *Козодаева Л.Ф.* Добровольческая деятельность как основа воспитания нравственных качеств студенческой молодежи / Л.Ф. Козодаева // Вестник ТГУ. 2010. № 11(91). С. 121–126.
3. *Кудринская Л.А.* Добровольческий труд : опыт теоретической реконструкции : дис. ... д-ра социол. наук. М., 2006. 302 с.
4. Потенциал и пути развития филантропии в России / Под ред. И.В. Мерсияновой, Л.И. Якобсона. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010. 419 с.
5. *Невский А.В.* Социология волонтерства: определение границ исследования / А.В. Невский // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 1. С. 32–48.
6. *Певная М.В.* Волонтерство как социальный феномен: управленческий подход : дис. ... д-ра социол. наук. Екатеринбург, 2016. 368 с.
7. Российская энциклопедия социальной работы / Под общ. ред. д. и. наук, проф. Е.И. Холостовой. М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2016. 1032 с.
8. *Сикорская Л.Е.* Толерантность в представлениях молодых российских и немецких волонтеров социальной работы / Л.Е. Сикорская // Социологические исследования. 2007. № 9(281). С. 52–58.
9. *Яковлев П.И.* Формирование гражданского самосознания молодежи в условиях досуговой деятельности добровольческих объединений / П.И. Яковлев // Вестник ТГУ. 2011. № 8(100). С. 158–162.
10. *Anheier H.K.* Volunteering in Cross-National Perspective: Initial Comparisons / H.K. Anheier, L. Salamon // Law and Contemporary Problems. 1999. № 62(4). P. 43–65.
11. Australian Bureau of Statistics. (2001). Voluntary Work. Canberra : ABS, 2000. № 4441.0.
12. *Badelt C.* Ehrenamtliche Arbeit im Nonprofit Sektor / C. Badelt (Hrsg.). Handbuch der Nonprofit Organisationen. Strukturen und Management. Stuttgart, 1999. P. 433–462.
13. *Baum T.* Volunteers and mega sporting events: Developing a research framework / T. Baum,

неопределенности в определении волонтерства и помогут в построении общей теории волонтерства.

Literature:

1. *Klepikova A.A.* Volunteers of a charitable organization in a state institution for people with severe disabilities: constructs of volunteerism and professionalism / A.A. Klepikova // Journal of Social Policy Research. 2011. Vol. 9. № 3. P. 406–418.
2. *Kozodaeva L.F.* Voluntary activity as a basis for the education of moral qualities of student youth / L.F. Kozodaeva // Bulletin of TSU. 2010. № 11(91). P. 121–126.
3. *Kudrinskaya L.A.* Voluntary labor: experience of theoretical reconstruction : dis. ... d-r of Social Sciences. M., 2006. 302 p.
4. Potential and ways of development of philanthropy in Russia / Edited by I.V. Mersyanova, L.I. Yakobson. M. : Publishing House of the State University – Higher School of Economics, 2010. 419 p.
5. *Nevsky A.V.* Sociology of volunteerism: defining the boundaries of research / A.V. Nevsky // Bulletin of the Institute of Sociology. 2020. Vol. 11. № 1. P. 32–48.
6. *Pevnaya M.V.* Volunteerism as a social phenomenon: managerial approach : dis. ... d-r of social sciences. Yekaterinburg, 2016. 368 p.
7. Russian Encyclopedia of Social Work / Under the general editorship of Doctor of I.N., prof. E.I. Kholostova. M. : Publishing and Trading Corporation «Dashkov and Co.», 2016. 1032 p.
8. *Sikorskaya L.E.* Tolerance in the views of young Russian and German social work volunteers / L.E. Sikorskaya // Sociological research. 2007. № 9(281). P. 52–58.
9. *Yakovlev P.I.* Formation of civic consciousness of youth in the conditions of leisure activities of voluntary associations / P.I. Yakovlev // Bulletin of TSU. 2011. № 8(100). P. 158–162.
10. *Anheier H.K.* Volunteering in Cross-National Perspective: Initial Comparisons / H.K. Anheier, L. Salamon // Law and Contemporary Problems. 1999. № 62(4). P. 43–65.
11. Australian Bureau of Statistics. (2001). Voluntary Work. Canberra : ABS, 2000. № 4441.0.
12. *Badelt C.* Ehrenamtliche Arbeit im Nonprofit Sektor / C. Badelt (Hrsg.). Handbuch der Nonprofit Organisationen. Strukturen und Management. Stuttgart, 1999. P. 433–462.
13. *Baum T.* Volunteers and mega sporting events: Developing a research framework / T. Baum,

L. Lockstone // International Journal of Event Management Research, 2007. № 3(1). P. 29–41.

14. People and Work in Events and Conventions: A Research Perspective / T. Baum [et al.]. Wallingford : CAB books, 2009. 248 p.

15. *Cnaan R.A.* Defining who is a volunteer: Conceptual and empirical considerations / R.A. Cnaan, F. Handy, M. Wadsworth // Non-profit and Voluntary Sector Quarterly, 1996. № 25(3). 364 p.

16. *Darvill G.* Volunteers in the Personal Social Services / G. Darvill, B. Munday. London : Tavistock. 1984. 210 p.

17. *Freeman R.B.* Working for nothing: The supply of volunteer labour / R.B. Freeman // Journal of Labor Economics, 1997. № 15(1, pt. 2). P. 140–166.

18. *Henderson K.A.* Volunteerism as leisure / K.A. Henderson // Journal of Voluntary Action Research, 1984. № 13(1). P. 55–63.

19. *Hustinx L.* Collective and Reflexive Styles of Volunteering. *Voluntas* / L. Hustinx, F. Lammertyn // International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations, 2003. № 14(2). P. 167–187.

20. Social and Cultural Origins of Motivations to Volunteer: A Comparison of University Students in Six Countries / L. Hustinx // International Sociology. 2010b. Vol. 25. № 3. P. 349–382.

21. *Noble J.* Volunteering: A current perspective. Adelaide: Volunteer Centre of S.A. Inc. 1991.

22. *Olson M.* Logics of collective actions. Public goods and the group theory. M. : FEI. 1995. 165 p.

23. *Orr N.* Museum volunteering: Heritage as «serious leisure» / N. Orr // International Journal of Heritage Studies. 2006. Vol. 12(2). P. 194–210.

24. *Parker S.* Volunteering: altruism, markets, careers and leisure / S. Parker // World Leisure and Recreation. 1997. Vol. 39(3). P 4-5.

25. *Paull M.* In search of volunteering: A proposition / M. Paull // Australian Journal on Volunteering. 1999. № 4. P. 19–29.

26. *Pearce J.* Volunteers. The Organizational Behavior of Unpaid Workers. Routledge. 1993. 223 p.

27. *Salamon M.* Measuring the economic value of volunteer work globally : concepts, estimates and a roadmap to the future / M. Salamon, S. Sokolowski, M. Haddock // Annals of Public and Cooperative Economics. 2011. Vol. 82(3). P. 217–252.

28. *Smith D.H.* Voluntary action and voluntary groups / D.H. Smith // Annual review of sociology. 1975. Vol. 1. P. 247–270.

29. *Stebbins R.A.* Volunteering: A Serious Leisure Perspective / R.A. Stebbins // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 1996. Vol. 25(2). P. 211–224.

30. *Stebbins R.A.* Obligation as an aspect of leisure experience / R.A. Stebbins // Journal of Leisure Research. 2000. Vol. 32(1). P. 152–155.

L. Lockstone // International Journal of Event Management Research, 2007. № 3(1). P. 29–41.

14. People and Work in Events and Conventions: A Research Perspective / T. Baum [et al.]. Wallingford : CAB books, 2009. 248 p.

15. *Cnaan R.A.* Defining who is a volunteer: Conceptual and empirical considerations / R.A. Cnaan, F. Handy, M. Wadsworth // Non-profit and Voluntary Sector Quarterly, 1996. № 25(3). 364 p.

16. *Darvill G.* Volunteers in the Personal Social Services / G. Darvill, B. Munday. London : Tavistock. 1984. 210 p.

17. *Freeman R.B.* Working for nothing: The supply of volunteer labour / R.B. Freeman // Journal of Labor Economics, 1997. № 15(1, pt. 2). P. 140–166.

18. *Henderson K.A.* Volunteerism as leisure / K.A. Henderson // Journal of Voluntary Action Research, 1984. № 13(1). P. 55–63.

19. *Hustinx L.* Collective and Reflexive Styles of Volunteering. *Voluntas* / L. Hustinx, F. Lammertyn // International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations, 2003. № 14(2). P. 167–187.

20. Social and Cultural Origins of Motivations to Volunteer: A Comparison of University Students in Six Countries / L. Hustinx // International Sociology. 2010b. Vol. 25. № 3. P. 349–382.

21. *Noble J.* Volunteering: A current perspective. Adelaide: Volunteer Centre of S.A. Inc. 1991.

22. *Olson M.* Logics of collective actions. Public goods and the group theory. M. : FEI. 1995. 165 p.

23. *Orr N.* Museum volunteering: Heritage as «serious leisure» / N. Orr // International Journal of Heritage Studies. 2006. Vol. 12(2). P. 194–210.

24. *Parker S.* Volunteering: altruism, markets, careers and leisure / S. Parker // World Leisure and Recreation. 1997. Vol. 39(3). P. 4–5.

25. *Paull M.* In search of volunteering: A proposition / M. Paull // Australian Journal on Volunteering. 1999. № 4. P. 19–29.

26. *Pearce J.* Volunteers. The Organizational Behavior of Unpaid Workers. Routledge. 1993. 223 p.

27. *Salamon M.* Measuring the economic value of volunteer work globally : concepts, estimates and a roadmap to the future / M. Salamon, S. Sokolowski, M. Haddock // Annals of Public and Cooperative Economics. 2011. Vol. 82(3). P. 217–252.

28. *Smith D.H.* Voluntary action and voluntary groups / D.H. Smith // Annual review of sociology. 1975. Vol. 1. P. 247–270.

29. *Stebbins R.A.* Volunteering: A Serious Leisure Perspective / R.A. Stebbins // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 1996. Vol. 25(2). P. 211–224.

30. *Stebbins R.A.* Obligation as an aspect of leisure experience / R.A. Stebbins // Journal of Leisure Research. 2000. Vol. 32(1). P. 152–155.

31. The Handbook of Economic Sociology / Ed. by N.J. Smelser, R. Swedberg. New-York : Russell Sage Foundation. 1994. 835 p.

32. *Wilson J.* Who Cares? Toward an Integrated Theory of Volunteer Work / J. Wilson, M. Musick // *American Sociological Review*. 1997. Vol. 62. № 5. P. 694–713.

33. *Wilson J.* Volunteerism Research: Review Essay / J. Wilson // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2012. Vol. 41. № 2. P. 85–99.

31. The Handbook of Economic Sociology / Ed. by N.J. Smelser, R. Swedberg. New-York : Russell Sage Foundation. 1994. 835 p.

32. *Wilson J.* Who Cares? Toward an Integrated Theory of Volunteer Work / J. Wilson, M. Musick // *American Sociological Review*. 1997. Vol. 62. № 5. P. 694–713.

33. *Wilson J.* Volunteerism Research: Review Essay / J. Wilson // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2012. Vol. 41. № 2. P. 85–99.

Хорошкевич Наталья Геннадьевна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры теории, методологии и
правового обеспечения государственного
и муниципального управления,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
natali.khoroshckewitch@yandex.ru

ИЗУЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ С СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В период построения нового общества – общества знания – изменяются требования к государству, к государственным гражданским и муниципальным служащим во всех сферах взаимодействия, в том числе и в – политической. Сегодня есть общественная потребность, чтобы представители властных структур в современной России стали образцом для остальных слоев населения в сфере политических взаимодействий. Однако, как показывают социологические исследования, их ценности и нормы все еще частично соответствуют индустриальному обществу. В статье ставится вопрос об изучении политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих в позиций социологии. Рассматриваются преимущества социологического изучения данной проблемы.

Ключевые слова: социология, государственные гражданские и муниципальные служащие, политическая культура, общество знания.

В настоящее время Россия, как и ряд других государств, например, европейские страны, США, пытается построить новое общество – общество знания. Новые вызовы времени влекут за собой «поиски нового статуса, новой роли государства и изменения характера его взаимоотношений с гражданами, с гражданским обществом» [6, с. 13], сегодня происходит поиск новой модели государства [6, с. 15]. Как следствие изменений требований к государству пересматриваются требования к государственным гражданским и муниципальным служащим [6, с. 53]. Это касается всех направлений деятельности последних, в том числе, и в сфере политических взаимодействий.

Сегодня политические взаимодействия государственных гражданских и муниципальных служащих изучаются скорее в рамках политологии,

Natalya G. Horoshkevich
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Theory, Methodology
and Legal Support of the State
and Municipal Government
Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin
natali.khoroshckewitch@yandex

STUDY OF THE POLITICAL CULTURE OF STATE CIVIL SERVANTS AND MUNICIPAL EMPLOYEES IN MODERN RUSSIA FROM SOCIOLOGICAL POSITIONS: PROBLEM SETTING

Annotation. During the construction of a new society – the knowledge society – the requirements for the state, for state civil and municipal employees in all spheres of interaction, including political ones, are changing. Today there is a public need for representatives of power structures in modern Russia to become a model for the rest of the population in the field of political interactions. However, sociological studies show that their values and norms are still partially consistent with industrial society. The article raises the question of studying the political culture of state civil servants and municipal employees in the position of sociology. The advantages of sociological study of this problem are considered.

Keywords: sociology, state civil and municipal servants, political culture, knowledge society.

реже - в социологических исследованиях. К сожалению, остается без внимания вопрос исследования их политической культуры, хотя именно она является координатором всех их взаимодействий в политической сфере, так как она содержит в себе ценностно-нормативные образцы, регулирующие практическую деятельность в данной плоскости. Однако существует необходимость в изучении политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих с позиций социологии.

Согласно данным социологических исследований [1], проведенных в разных регионах РФ, политические ценности и нормы государственных гражданских и муниципальных служащих в современной России не всегда соответствуют ценностям нового общества. Среди ценностно-нормативных образцов в данной социальной

группе присутствуют как ценности индустриального, так и современного общества. Их политические ценности и нормы не относятся к наиболее отсталым – на фоне всего населения России, но и не относятся к передовым ценностно-нормативным образцам. «Политическая культура государственных гражданских и муниципальных служащих, выступающая ядром социально-политического развития, нуждается в научном определении ее сущности, путей совершенствования» [2, с. 6]. Об этом писала Я.А. Гайдук еще в 2012 году. Но, «ядром» социально-политического развития России государственные и муниципальные служащие пока не стали.

Более того, процесс изменения социально-профессиональной группы государственных и муниципальных служащих идет не так просто и эффективно. Сегодня бюрократия получила возможность к самовластию, по своему усмотрению распоряжаться бюджетными средствами, а механизмы демократического контроля отсутствуют. Свои интересы выдают за государственные [9, с. 37]. Чиновники – это вполне самостоятельное действующее лицо в политико-экономических отношениях. Она разрабатывает многие политико-государственные решения, может заблокировать такие решения. Разумеется они влияют в своих корыстных целях в процессе реализации государственной политики. Они не только проводят политические решения и но и участвуют в их принятии [9, с. 37]. В России были попытки реформирования государственного аппарата, но они не дал нужного результата. Это объясняется «спецификой политического режима и особенностями политико-правовых отношений» [7, с. 102]. В новом, более прогрессивном обществе представители властных структур, в первую очередь, должны соблюдать интересы граждан, а не своей социально-профессиональной группы.

В настоящее время в России существует запрос на развитие политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих. Меняются все сферы жизни общества. Постоянно идут обновления в научно-техническом плане, экономическом, культурном и т.д., и изменения в этих сферах влияют на политические отношения. Последние под влиянием изменения самого общества также меняются. Нужно новые политические способы взаимодействия, новые ценности, традиции и т.д. У общества есть потребность в изменении и развитии политической культуры в целом. А это означает, что нужны государственные и муниципальные служащие с уровнем политической культуры более высокого порядка, соответствующего новым запросам общества. это подтверждает постоянное изменение законодательства в постсоветский период в политическом плане. За это время в РФ были ратифицированы и приняты нормативно-правовые акты, оказывающие регулирующее воздействие на взаимодействие государственных и муниципальных служащих в сфере политики, способствующие соблюдению представителями государственных и муниципальных служащих наиболее прогрессивных прав и свобод граждан.

Это развитие федеральных нормативных актов. Здесь, в первую очередь, нужно отметить Конституцию РФ. Согласно Конституции РФ, человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Их защита – обязанность государства [4]. Российская Федерация является социальным государством. Его политика направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [4].

Это – федеральное законодательство, регулирующее политические отношения в РФ: ФЗ от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», ФЗ от 11 июля 2001 года № 95-ФЗ «О политических партиях», ФЗ от 10 января 2003 года № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации», ФЗ от 22 февраля 2014 года № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и т.д. Государственные гражданские и муниципальные служащие, являясь гражданами РФ, должны соблюдать эти нормативно-правовые акты.

Кроме того, их деятельность регулируются также специальными нормативными актами. Это – ФЗ «О государственн» от 27.07.2004 № 79-ФЗ, ФЗ от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 02.07.2021). ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», Указ Президента РФ от 21 февраля 2019 г. № 68 «О профессиональном развитии государственных гражданских служащих Российской Федерации», ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» от 02.03.2007 № 25-ФЗ (последняя редакция) 02 марта 2007 года № 25-ФЗ. Эти нормативно-правовые акты регулируют деятельность государственных служащих, в том числе, в сфере политических взаимодействий. Представители государственного и муниципального аппарата должны соблюдать законодательство РФ, и стоять на страже соблюдения прав и законных интересов граждан РФ. Это касается всех прав, прописанных в законодательстве РФ, в том числе – политических.

В настоящее время в РФ отсутствует последовательная четкая государственная политика, направленная на развитие политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих. А это необходимо. Важность развития политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих обусловлена их ролью в системе государственного управления. По сути, они являются реализаторами государственной политики, и не могут быть не связаны с принимаемыми политическими решениями. В целях наиболее прогрессивного развития общества государственные гражданские и муниципальные служащие должны не только соответствовать уровню политической культуры государства (ведь именно оно координирует политические взаимодействия, содержит в себе ценности и нормы), но и быть примером, образом в сфере политических взаимодействий, они должны обладать более прогрессивной политической культурой, чем основная масса населения, и своим примером воспитывать остальное

население. Более того, развитие политической культуры населения страны – также актуальный вопрос. Но его решение зависит и от политической культуры представителей органов государственной и муниципальной власти. На сегодняшний день отсутствие высокого уровня политической культуры у государственных гражданских и муниципальных служащих является проблемой, так как без их активного участия в сфере политических взаимодействий, эффективной реализации политики государства, крайне сложно строить новое прогрессивное общество, построенное на принципах гуманизма. Безусловно, нужно развивать законодательство в этом направлении, но очень важно понимание необходимости развития политической культуры на государственном уровне у самих представителей властных структур. Только тогда они смогут эффективно осуществлять государственную политику.

Развитие политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих будет способствовать:

- большей эффективности решать проблемы населения;
- развитию представителей данной социальной группы в политическом плане, следованию представителями данной социальной группы более передовым и прогрессивным политическим ценностям и нормам нового общества;
- повышению авторитета государства среди населения;
- формированию политической системы страны;
- повышению авторитета России на международном уровне;
- развитию политической культуры у населения РФ.

Уже начиная с классических теорий управления, в практической деятельности стали уделять внимание привлечению сотрудников к процессу управления организацией, поощрять их инициативу, пониманию сотрудниками цели, перспективы развития организации. «На всех ступенях социальной лестницы инициатива повышает рвение и деятельность служащих. Инициатива всех, присоединенная к инициативе начальства и, по необходимости, ее пополняющая – большая сила для предприятия. Это бывает особенно заметно в трудные моменты» – писал А. Файоль. [10, с. 28]. В современном менеджменте сегодня преобладают, наряду с социально-экономическими, и психологические методы, позволяющие наиболее полно учитывать потенциал сотрудников [3, с. 68]. Таким образом, результативность осуществляемой государственной политики напрямую связана с пониманием государственными гражданскими и муниципальными служащими реализуемых ими политических решений, знанием политической ситуации в стране и регионе, где они осуществляют свои служебные полномочия. Государственные и му-

ниципальные служащие, обладающие более высоким уровнем политической культуры, более восприимчивы к новым более прогрессивным политическим ценностям и нормам, а значит, они эффективнее смогут реализовывать новые политические ценности и нормы, прогрессивную политику государства, что, в конечном итоге, будет способствовать интенсивному развитию общества, государства.

Авторитет государственной власти складывается из авторитета государственных и муниципальных служащих, представляющих её [5, с. 13–18]. В новом обществе сознание россиян станет другим. Возникнут гражданская, правовая и политическая культуры более высокого уровня. Общество станет более информированным в этих сферах и более взыскательным в отношении сотрудников государственных органов, обеспечивающих ему эти права. Мнение о них у населения складывается из разных аспектов деятельности последних, в том числе – их работы во время проведения выборов, восприятия новых политических форм выражения мнения граждан и т.д. «В политическом сознании граждан ведущих демократических стран сформировалась установка, согласно которой жизнеспособность и легитимность политической системы страны во многом зависят от того, насколько государственные институты и высшие должностные лица отвечают господствующим в обществе ценностям и идеалам, а их поведение соответствует нормам общественной морали» [6, с. 19].

Как писал Т. Парсонс: «...Бюрократия берет на себя выполнение политической функции, именно в том и состоит, что она оказывает содействие достижению целей, первоочередных для общества как для системы, ...» [8, с. 596]. Если Россия пытается построить новое общество, развивать демократические институты, то в таких условиях станут крайне актуальными любые действия государственных служащих в сфере политики, только такое поведение представителей властных структур наилучшим образом сможет способствовать авторитету государства и формированию политических институтов и, в целом, политической системы в современной России.

Следование прогрессивным ценностно-нормативным образцам способствует повышению авторитета РФ на международной арене. Имидж государства формируется, в том числе, и какие принципы государственной политики внедряются внутри страны. Сегодня, в период глобализации, распространения общих ценностей, норм взаимодействия в разных сферах (при этом все сферы взаимосвязаны, сложно сочетать высокий уровень развития одной сферы с отсталым уровнем в другой), научный, технический, производственный прогресс, новые ценности и нормы неизбежно влекут за собой пересмотр политических ценностей и норм в мировом масштабе. И России, чтобы достойно выглядеть на международной арене, «вписываться» в межполитические взаимодействия, необходимо знать и разделять более передовые политические нормы и

ценности не только во внешнеполитических отношениях, но и внутри страны. Если этого не станет:

– во-первых, это станет вызывать недоверие других государств;

– во-вторых, все сферы общественной жизни внутри страны, все социальные институты должны быть развиты примерно на одном уровне, так как более отсталые социальные институты тормозят развитие страны.

Став примером для остальной части населения в сфере политических взаимодействий, государственные гражданские и муниципальные служащие станут содействовать развитию политической культуры в стране. Это необходимо, так как в современном обществе существует запрос на развитие политической культуры.

Каким образом они станут способствовать развитию политической культуры у населения?

Во-первых, своим примером.

Во-вторых, станут более восприимчивы к новым прогрессивным политическим ценностям, нормам, инициативам, реализуемым как федеральными структурами, так и по инициативе населения.

Более высокий уровень политической культуры необходим для самих государственных служащих.

Во-первых, понимание и принятие более прогрессивных политических ценностей и норм позволит им лучше понимать политику государства.

Во-вторых, это сделает возможным стать образцом прогрессивных идей, поведения в политическом плане для остальных слоев населения. Поднимется авторитет чиновников в обществе.

В-третьих, каждый чиновник станет лучше ориентироваться в политической ситуации. Это позволит ему лучше отстаивать удовлетворять интересы.

В-четвертых, это даст чувство уверенности в себе, гордости каждому представителю властных структур, что он в политическом плане не только «идет в ногу со временем», но и более прогрессивен, в курсе всех новых политических веяний.

Сегодня происходит формирование новой социально-политической общности государственных гражданских и муниципальных служащих. А это означает, что они должны стать другими и в политическом плане.

Учитывая вышесказанное, в современном российском обществе существует проблема – это наличие запроса в обществе на развитие политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих и отсутствие четкой единой федеральной политики, направленной ее

развитие в современной России. Запрос на это в обществе есть. Общество готово к изменениям. Для государственных и муниципальных структур – это необходимость. Об этом свидетельствует изменение законодательства и наличие федеральных программ. Объективные обстоятельства заставляют меняться государственные структуры, и они меняются. Однако отсутствует осознанность в необходимости развития именно политической культуры, а не отдельных ее компонентов, у представителей социально-профессиональной группы государственных и муниципальных служащих. Но, только через нее можно системно и всесторонне развивать и координировать деятельность представителей гос. аппарата и муниципальных структур в сфере политических взаимодействий. В этой связи необходима целенаправленная государственная политика, направленная на развитие политической культуры данной социальной группы.

Таким образом, развитие политической культуры представляется очень актуальным. В настоящее время предпринят только первый управленческий этап – развитие в этом направлении законодательной базы. И как ее конкретизация и продолжение необходим второй – это наличие федеральной программы, направленной на развитие политической культуры данной социально-профессиональной группы.

Однако здесь целесообразно комплексное изменение ситуации. Необходима комплексная целенаправленная управленческая деятельность в следующих направлениях:

1. Повышения благосостояния населения в целях становления профессии госслужащего как призвания. В этом случае у государственных и муниципальных служащих снизится боязнь потерять место. Во властные структуры придут работать те, кто, действительно, хотят помочь населению, а не только привлекает оплата труда.

2. Развития высшего профессионального образования. В программах вузов должны присутствовать дисциплины, направленные на развитие политической культуры населения и государственных и муниципальных служащих, где бы объяснялась ее необходимость, актуальность. Это целесообразно сделать во всех вузах, так как политическими лидерами страны могут становиться не только граждане, получившие образование для работы в государственных и муниципальных органах власти.

3. Необходимо отдельный документ (программа) федерального уровня, направленный на развитие политической культуры государственных служащих сейчас.

4. Дальнейшее развитие законодательства, касающегося государственной гражданской и муниципальной службы. Объективные обстоятельства, вызванные изменениями в обществе, и реализация федеральной программы, направленной на развитие политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих, сделают необходимым дальнейшее

развитие правовой базы гражданской и муниципальной службы.

Изучение политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих с социологических позиций обусловлено:

– целесообразностью изучения данного феномена на научной основе, так как только такой подход позволяет объективно и всесторонне изучить явление;

– возможностью социологии исследовать взаимодействия различных участников политического процесса. Специфика социологического исследования проблемы заключается в рассмотрении взаимодействий акторов в рамках конкретной проблемы, которыми могут выступать как индивиды, так и социальные большие и малые группы. В данном случае актор – это социальная общность государственных гражданских и муниципальных служащих. Ее взаимодей-

ствие в политической сфере с позиций социологии позволит изучить взаимодействия внутри данной социальной группы, ее деятельность по отношению к населению, восприятие населения и разных его социальных общностей действий государственных и муниципальных служащих.

Социологические исследования позволят охватить макро- и микроуровни взаимодействия участников процесса, т.е., соединить функционирование политических институтов, других социальных общностей и данной группы в сфере политики, и объяснить поведение участников процесса. Это крайне важно для принятия дальнейших управленческих решений в сфере политических взаимодействий и развития политической структуры общества, его политической культуры общества, формирования социальной общности государственных гражданских и муниципальных служащих, их политической культуры, прогрессивного развития всего общества.

Литература:

1. *Бойко Е.А.* Ценностная государственная служба и ценности государственных служащих: установление, измерение, формирование / Е.А. Бойко, В.Н. Меньшова; Под ред. Е.Р. Метелевой // Евразийский интеграционный проект: цивилизационная идентичность и глобальное позиционирование. Материалы международного Байкальского форума. 2018. С. 16–23. Васильева Е.А. Ценностная трансформация в системе государственной службы (на примере Республики Саха (Якутия)) Госслужба и выборы. URL : https://pikabu.ru/story/gossluzhba_i_vyboryi_565_9546 (дата обращения 06.01.2020) / Борщевский Г.А. Институт государственной службы в политической системе российского общества : монография / Г.А. Борщевский. М. : Издательство Юрайт, 2019. 293 с. (Актуальные монографии). URL : https://studme.org/223537/menedzhment/politicheskie_aspekty_stanovleniya_razvitiya_otechestvennoy_gosudarstvennoy_sluzhby (дата обращения 06.01.2020).

2. *Гайдук Я.А.* Политическая культура государственных гражданских и муниципальных служащих в современной России. Автореферат. М., 2012.

3. *Докукина С.М.* Управление человеческим фактором в организации и его роль в современном менеджменте / С.М. Докукина // Стратегическое и проектное управление. Сборник статей. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет». Пермь, Издательство: Пермский государственный национальный исследовательский университет. 2015. С. 68–85.

4. Конституция РФ (принятая всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренная в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 13.02.2022).

Literature:

1. *Boyko E.A.* Value public service and values of public servants: establishment, measurement, formation / E.A. Boyko, V.N. Menshova; Ed. E.R. Metelevo // Eurasian integration project: civilizational identity and global positioning. Proceedings of the Baikal International Forum.. 2018. P. 16–23. Vasilyeva E.A. Value transformation in the public service system (on the example of the Republic of SAKHA (Yakutia)) State Service and Elections. URL : https://pikabu.ru/story/gossluzhba_i_vyboryi_5659546 (date of appeal 06.01.2020). Borschevsky G.A. Institute of Public Service in the political system of Russian society : monograph. G.A. Borschevsky. M. : Publishing House Yurite, 2019. 293 p. (Current monographs). URL : https://studme.org/223537/menedzhment/politicheskie_aspekty_stanovleniya_razvitiya_otechestvennoy_gosudarstvennoy_sluzhby (date of application 06.01.2020).

2. *Hajduk J.A.* Political culture of state civil and municipal employees in modern Russia. Autoreferat. M., 2012.

3. *Dokukina S.M.* Management of the human factor in the organization and its role in modern management / S.M. Dokukina // Strategic and project management. A collection of articles. The federal state budget educational institution of higher professional education «Perm State National Research University». Perm, Publishing House: Perm State National Research University. 2015. P. 68–85.

4. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with changes, approved during the all-Russian vote 01.07.2020). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283_99/ (date of application 13.02.2022).

5. Лобеева В.М. Чичерин Б.Н. об основных направлениях реформирования российской государственности / В.М. Лобеева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки: Научно-практический журнал. 2008. № 3(7) С.13–18.
6. Оболонский А.В. Кризис бюрократического государства: Реформы государственной службы: международный опыт и российские реалии. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2011. 448 с.
7. Павроз А.В. Социологический анализ бюрократии и фундаментальные противоречия современных административных реформ в России / А.В. Павроз // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2010. Вып. 2. С. 98–104.
8. Парсонс Т. О социальных системах. М. : Академический проект, 2002.
9. Сытин С.В. Современная российская бюрократия как субъект государственной политики / С.В. Сытин // Вестник Московского университета Сер. 21. Управление (государство и общество). 2010. № 2. С. 34–53.
10. Файоль А. Общее и промышленное управление / А. Файоль; Пер. Б.В. Бабина-Кореня с предисл. А.К. Гастева. М. : Центральный институт труда, 1923. 122 с. URL : https://www.studmed.ru/fayol-a-obschee-i-promyshlennoe-upravlenie_c1abc26201b.html (дата обращения 13.02.2022).
5. *Lobeeva V.M.* B.N. Chicherin on the main directions reforming Russian statehood//News of higher educational institutions. Volga region. Humanities: Scientific and Practical Journal. 2008. № 3(7). P. 13–18.
6. *Obolonsky A.V.* Crisis of the bureaucratic state: Reforms public service: international experience and Russian realities. M. : Liberal Mission Foundation, 2011. 448 p.
7. *Pavroz A.V.* Sociological analysis of bureaucracy and fundamental contradictions of modern administrative reforms in Russia / A.V. Pavroz // Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 12. 2010. Iss. 2. P. 98–104.
8. *Parsons T.* On social systems. M. : Academic project. 2002.
9. *Syтин S.V.* Modern Russian bureaucracy as a subject state policy / S.V. Sytin // Bulletin of Moscow University Ser. 21. Governance (State and society). 2010. № 2. P. 34–53.
10. *Fayol A.* General and Industrial Management / A. Fayol; Translation by B.V. Babin-Koren with a preface by A.K. Gasteva. M. : Central Institute of Labor, 1923. 122 p. URL : https://www.studmed.ru/fayol-a-obschee-i-promyshlennoe-upravlenie_c1abc26201b.html (date of application 13.02.2022).

Чимаров Сергей Юрьевич

доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры управления
персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
serg120756@gmail.com

Алексеев Алексей Анатольевич

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры управления персоналом
и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
revers2010@rambler.ru

Паншина Светлана Васильевна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры управления персоналом
и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
panshina.svetlana.2002@yandex.ru

**СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
НРАВСТВЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО
ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ
СОТРУДНИКА ОРГАНОВ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В КОНТЕКСТЕ
ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ
В.В. РОЗАНОВА**

■ ■ ■

Аннотация. В статье представлен анализ отдельных воззрений отечественного философа и писателя В.В. Розанова на проблему формирования у человека личностных качеств патриота, корреспондирующую проблеме повышения гражданского самосознания. Выявляя сущностные аспекты назидательных наставлений русского мыслителя, авторы выдвигают гипотезу о важности целенаправленного обращения в процессе воспитания личного состава органов внутренних дел к теме патриотизма, способствующей формированию у сотрудников внутренней культуры осознанного отношения в проявлении любви к своей Родине и готовности защищать Отечество и его граждан при любых условиях окружающей обстановки.

Ключевые слова: патриотизм, воспитательная работа, Отечество, нравственность, общество, душа, педагогический смысл, органы внутренних дел.

■ ■ ■

Sergey Yu. Chimarov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
serg120756@gmail.com

Alexey A. Alekseev

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
revers2010@rambler.ru

Svetlana V. Panshina

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
panshina.svetlana.2002@yandex.ru

**THE SOCIAL ASPECT OF MORAL
AND PATRIOTIC EDUCATION
PERSONALITY OF AN EMPLOYEE
OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES
IN THE CONTEXT PHILOSOPHICAL
VIEWS OF V.V. ROZANOVA**

■ ■ ■

Annotation. The article presents an analysis of individual views of the Russian philosopher and writer V.V. Rozanov on the problem of the formation of a person's personal qualities of a patriot, which corresponds to the problem of increasing civic consciousness. Revealing the essential aspects of the instructive instructions of the Russian thinker, the authors put forward a hypothesis about the importance of a purposeful appeal in the process of educating the personnel of the internal affairs bodies to the topic of patriotism, which contributes to the formation of an internal culture among employees of a conscious attitude in showing love for their Motherland and readiness to defend the Fatherland and its citizens under any circumstances. environmental conditions.

Keywords: patriotism, educational work, Fatherland, morality, society, soul, pedagogical meaning, internal affairs bodies.

■ ■ ■

Дихотомия сущностного проявления категории «духовно-нравственное», в своей неотделимости от ее базовых компонентов «душа» и «нрав», демонстрирует прочное сопряжение с патриотическим восприятием гражданином окружающей его действительности национального масштаба, истории и традиций своего Отечества. В этой связи, нам представляется актуальным обращение к социальному измерению феномена «патриотизм», его нравственному обоснованию и соответствующим выводам социальной направленности, имеющим прямое отношение к предмету и теме представленного нами исследования, корреспондирующим ряду теоретических концептов, закрепленных в работах Василия Васильевича Розанова (1856–1919 гг.).

Личность В.В. Розанова, недостаточно известного широкому кругу представителей современного поколения, занимает видное место в плеяде русских мыслителей второй половины XIX–начала XX вв. В пользу очевидности данного утверждения свидетельствует факт безусловной принадлежности указанной персоны к когорте отечественных исследователей вопросов экзистенции, первенствующее положение в ряду которых принадлежит осознанию положения индивида в обществе, его отношения к обществу, включая ощущение своей социальной интеграции.

Презентуя общую характеристику личности В.В. Розанова, мы исходим из следующего его восприятия: русский философ и социальный аналитик, мастер публицистического жанра, автор многих литературно-критических зарисовок и создатель уникальных по стилю своего изложения текстов, контент и социальный смысл которых имеет несомненную актуальность и для настоящего времени. Как отметил философ в работе «Уединенное», подводя некоторый итог своего жизненного пути и «срывая с души своей восклицания» [8, с. 3], он уподобляет свои мысли опавшим листьям природы осеннего периода, которые необходимо собрать в корзину. Используя дар философского осмысления проблемного поля нравственного воспитания своих соотечественников, В.В. Розанов акцентирует внимание на продвижении в их сознание идеи гражданственности, выступающей в качестве предтечи патриотизма и основанной на восприятии нравственного смысла социальной миссии каждого российского гражданина. Уточняя систему координат своего патриотического пути, именуемого самим философом в качестве «ломоносовского пути», В.В. Розанов констатирует значимость продвижения индивида в трех проекциях, определяющих локацию патриотизма и нравственно-отношения подлинного гражданина к своей Родине: любовь, вера и служение России [1, с. 412].

Вместе с тем, выступая приверженцем патриотического служения Родине, славянофил В.В. Розанов предостерегает об опасности словесной трескотни, в части увлеченности патриотическими лозунгами, не подкрепленными глубоким осознанием каждым гражданином своего персонального отношения к Отечеству, под сенью ко-

торого он пребывает. Безудержность патриотического официоза порождает социальную мимирию под внешнюю оболочку привлекательной идеи патриотизма, внутри которой духовно-нравственная пустота и патриотический штамп в угоду времени. По нашему представлению, указанное коррелирует применяемому философом неологизму «заштампованность», согласно которому неосознанно применяемые слова и соответствующие им действия того же порядка соотносятся с ситуацией, которую можно оценить как отсутствие «скрупулы нравственности» [8, с. 54]. В данном случае под термином «скрупула» (от лат. «*scrupulous*» – малый камень) автор понимает минимальную долю нравственности. По мнению В.В. Розанова, указанное обстоятельство минимизации или отсутствия нравственности способствует формированию заштампованной личности, демонстрирующей свое показное расположение к «заштампованному Отечеству» [2, с. 393]. Как следует из размышлений на данную тему А.Д. Сиявского, тиражирование подобного рода казенных штампов приводит к утрате индивидуальности личности, ее способности проявлять свою любовь к Отечеству и, как следствие, к подрыву самобытности государства [5, с. 248]. Осуждая принудительную форму патриотизма, В.В. Розанов предлагает в своей работе «Опавшие листья. Короб второй» наиболее приемлемый его вариант, содержание которого сводится к следующему: «Чувство Родины – должно быть строго, сдержано в сло вах, не речисто, не болтливо, не «размахивая руками» и не выбегая вперед (чтобы показаться)» [8, р. 329].

Отдельного внимания заслуживает оценка В.В. Розановым нравственно-патриотического абриса процесса воспитания гражданина, основанного на привитии нашим соотечественникам культа, суть внутреннего и особого отношения в вопросе своей любви к Родине. По утверждению философа, понятие «культ» тождественно предпочтению чего-либо по отношению ко всему остальному. При этом идеология культа определяет уровень культуры индивида, у которого начало культуры совпадает с началом его любви и привязанности, предотвращающие его сенсорные блуждания в какую-либо сторону. Таким образом, «свой край, наконец, Родина, суть более обширные, но однородные с этими предметами культа, особой любви» – заключает В.В. Розанов [3, с. 25]. Указанные нами некоторые размышления русского философа вызывают неоднозначную реакцию в отдельных зарубежных научных источниках, в которых идеи В.В. Розанова о патриотизме возводятся к идеологическому разряду «русского национализма» [7].

Исследуя генезис состояния гражданственности в социуме, философ выявляет принципиальное отличие «темных народов» от «граждан», которое заключается в проявлении последними уважительного отношения к Отечеству, вере и святыням своей истории [3, с. 69]. В этом смысле, важным является вывод философа, согласно которому любая школа не должна превращаться в «лавку учебных пособий», в которой дело вос-

питания имеет второстепенное значение. Мы считаем, что данное замечание В.В. Розанова имеет непосредственное отношение к проблеме воспитания обучаемых в образовательных организациях системы МВД России, а воспитательной процесс указанной категории сотрудников органов внутренних дел неотделим от его наполнения глубиной педагогического смысла, предопределяющего формирование личности сотрудника как патриота своего Отечества, осознющего подлинное социальное и нравственное предназначение своей правоохранительной миссии. В данном случае, мы руководствуемся тем, что под педагогическим смыслом следует понимать сущность и предназначение феномена обучения и воспитания, обладающего признаком целеполагания, направленного на достижение конкретного результата [6, с. 238]. С учетом отмеченного, нам представляется, что начальствующему составу органов внутренних дел, руководителям служебных коллективов в системе МВД России, а также, преподавательскому составу образовательных организаций указанной государственной институции следует придерживаться нравственного поучения В.В. Розанова относительно того, что целеполагание патриотической идеи и патриотического поступка предполагает действие правила, в соответствии

Литература:

1. *Розанов В.В.* Мимолетное. 1915 год. М. : Республика, 1994. 544 с.
2. *Розанов В.В.* Опавшие листья (Афоризмы. Максимумы. Мысли). М. : АСТ, 2001. 591 с.
3. *Розанов В.В.* Сумерки просвещения. Сборник статей по вопросам образования. СПб. : Типография М. Меркушева, 1889. 240 с.
4. *Розанов В.В.* 50-й (юбилейный) патриотический концерт М.И. Долиной; Официальный сайт «Литература и жизнь» / В.В. Розанов. URL : http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_50_ubileyniy.html (дата обращения 16.02.2022).
5. *Синявский А.Д.* «Опавшие листья В.В. Розова». Париж : «Синтаксис», 1982. 337 с.
6. *Чимаров С.Ю.* Педагогический смысл формирования профессионального мировоззрения личности руководителя по направлению формирования у него широты эрудиции / С.Ю.Чимаров // Вопросы педагогики. 2021. № 3-1. С. 328–241.
7. *Kolsto P.* New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–2015 / P. Kolsto, H. Blakkisrud. Edinburgh : University Press, 2016. 436 p.
8. *Rosanow W.W.* Ausgewählte Schriften. München : A. Neimanis. Buchvertrieb und Verlag, 1970. 568 p.

с которым «сердце сердцу весть подает» [4]. Резюмируя изложенное, мы считаем целесообразным сформулировать следующие выводы.

Во-первых, обращение в процессе организации воспитательной работы с личным составом органов внутренних дел к творческому наследию отечественных мыслителей обогащает личность сотрудников россыпью нравственных назиданий, основанных на персональном убеждении данных авторов в неизменной актуальности темы патриотизма, способствующего поддержанию должного уровня нравственного состояния сотрудников как российских граждан, в плане их осознанного отношения к своему Отечеству и готовности к его защите.

Во-вторых, определяющим условием духовной готовности каждого сотрудника органов внутренних дел к качественной реализации своей правоохранительной миссии, корреспондирующей безусловному соблюдению принципа законности, выступают нравственно-духовная воспитанность личного состава, способствующая пониманию сотрудниками своего социального предназначения и мобилизации своих духовных сил на охрану в нашей стране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

Literature:

1. *Rozanov V.V.* Fleeting. 1915. M. : Republic, 1994. 544 p.
2. *Rozanov V.V.* Fallen leaves (Aphorisms. Maximums. Thoughts). M. : AST, 2001. 591 p.
3. *Rozanov V.V.* Twilight of enlightenment. Collection of articles on education. SPb. : Printing house M. Merkushev, 1889. 240 p.
4. *Rozanov V.V.* 50th (anniversary) patriotic concert of M.I. Dolina; Official site «Literature and Life» Official website «Literature and life» / V.V. Rozanov. URL : http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_50_ubileyniy.html (date of application 16.02.2022).
5. *Sinyavsky A.D.* «Fallen leaves of V.V. Rozov». Paris : Syntax, 1982. 337 p.
6. *Timer S.Yu.* Educational meaning of the formation of a professional seawater personality of the head in the direction of the formation of his shirt Edition / S.Yu. Timer // educational Questions. 2021. № 3-1. P. 328–241.
7. *Kolsto P.* New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–2015 / P. Kolsto, H. Blakkisrud. Edinburgh : University Press, 2016. 436 p.
8. *Rosanow W.W.* Ausgewählte Schriften. München : A. Neimanis. Buchvertrieb und Verlag, 1970. 568 p.

Шефель Сергей Викторович

доктор философских наук,
профессор,
заведующий кафедрой гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Крымский филиал
Российского государственного
университета правосудия
sergey_shefel@mail.ru

Захарова Вера Александровна

кандидат философских наук,
старший преподаватель
кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Крымский филиал
Российского государственного
университета правосудия
zakharova7vera@mail.ru

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО СИНТЕЗА
В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ КАК УСЛОВИЕ
СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ
МОЛОДЫХ КРЫМЧАН**

Аннотация. В статье впервые в отечественной научной литературе предпринята попытка предложить вариант обоснования модели реализации концепции социокультурного синтеза как условия социальной адаптации молодых крымчан. Подчеркивается значение концепции социокультурного синтеза в применении к социальной адаптации представителей молодого поколения региона в целях достижения эффективности процессов солидаризации российского общества в целом.

Ключевые слова: социальная адаптация; молодежь; Крымский регион; социокультурный синтез; толерантность; гуманизм; экологичность; традиции.

В свете вызовов, вставших перед Республикой Крым с момента ее «возвращения в родную гавань» весной 2014 г., особо значимы усилия самого крымского социума по углублению гармонизации межэтнических отношений на полуострове. Более того, активизация внешних происков, нацеленных на разжигание международной розни в Российской Федерации в целом и в ее отдельных регионах для дискредитации конституционного курса на укрепление отечественной государственности как правовой и социально ориентированной, возводит значение осуществления комплексного подхода к укреплению дружбы народов России, в том числе и на

Sergey V. Shefel

Doctor of Philosophy,
Professor,
Head of the Department of Humanitarian
Affairs and Socio-economic Disciplines,
Crimean branch Russian State
University of Justice
sergey_shefel@mail.ru

Vera A. Zakharova

Candidate of Philosophical Sciences,
Senior Lecturer
Departments of Humanitarian Affairs
and Socio-economic Disciplines,
Crimean branch Russian State
University of Justice
zakharova7vera@mail.ru

**IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT
OF SOCIO-CULTURAL SYNTHESIS
IN THE REPUBLIC OF CRIMEA
AS A CONDITION FOR THE SOCIAL
ADAPTATION OF YOUNG CRIMEANS**

Annotation. The article attempts to propose a variant of substantiating the model for implementing the concept of sociocultural synthesis as a condition for the social adaptation of young Crimeans. The importance of the concept of socio-cultural synthesis as applied to the social adaptation of representatives of the younger generation of the region in order to achieve the effectiveness of the processes of solidarity of Russian society as a whole is emphasized.

Keywords: social adaptation; youth; Crimean region; sociocultural synthesis; tolerance; humanism; environmental friendliness; traditions.

территории Крыма, на самый высокий уровень ответственности всех социальных институтов страны.

О значении социокультурного синтеза как подхода в укреплении взаимодействия народов, как подчеркивал Ю.А. Жданов в работе «Государство-континент», ясно высказался В.И. Вернадский на заре XX в. [4, с. 159]. Конечно, для каждого региона плодотворность применения этой концепции обусловливается учетом специфики исторического сосуществования этносов, веками творивших уникальный уклад своей жизни. В научной литературе накоплен эмпирический и

аналитический материал, представляющий интерес в целях его креативного использования в разных субъектах России [2; 3; 5; 6].

Одним из ключевых моментов, определяющих перспективу реализации потенциала концепции социокультурного синтеза в Республике Крым в аспекте социальной адаптации ее молодого поколения к процессу интеграции крымского сообщества в социальное пространство России, является необходимость преодоления попыток «поиска» в качестве обоснования специфики межнационального взаимодействия на полуострове «постулата о коренных народах Крыма» и «искупления вины россиянами» перед потомками жертв «сталинского переселения некоторых этносов из Крыма в 1944 году».

Что касается «проблемы коренных народов Крыма», то, несомненно, ее «разогрев» политическими кругами Украины вкупе с конспирологами из дальнего зарубежья ныне усилился под влиянием законодательного оформления в этой стране «положения о коренных народах Украины», определяющих таковыми, в частности, крымских татар, крымчаков, караимов. Такие попытки нового определения статуса указанных этносов используются для подрыва усилий органов власти и активистов гражданского общества в Крыму по гармонизации межнациональных отношений, провоцирования недоверия между этническими общинами. Одновременно не прекращаются попытки реанимировать антироссийскую идеологию «искупления вины россиянами» перед потомками жертв «сталинского переселения некоторых этносов из Крыма весной 1944 года» посредством фальсификации смысла мер, предусмотренных государственными документами РФ о реабилитации жертв переселения некоторых этносов из Крыма весной 1944 г.

Кроме того, спецслужбы Украины с подачи своих зарубежных кураторов в целях подрыва усилий крымчан по обеспечению курса на гармонизацию межэтнических и межконфессиональных отношений осуществляют системные провокации на территории самой Республики. Из числа последних событий такого рода назовем лишь одно, произошедшее в начале декабря 2021 г., когда группой диверсантов был подожжен дом муфтия. Раскрывая цели этого террористического акта, плененные диверсанты, кстати, этнические украинцы, указали, что ими в среде мусульман упреждающе распространялась дезинформирующая крымско-татарскую общину версия о якобы причастности к этой «акции» представителей русской этнической общины.

Учитывая эти обстоятельства, оказывающие воздействие и на умы, и на социальное настроение всего крымского сообщества и его молодежи, представляется целесообразным выстраивать воспитательную работу с молодым поколением крымчан на основе ключевых аспектов концепции социокультурного синтеза. Ее смысл состоит в том, чтобы развивать крымское сообщество на платформе эконормативного переосмысления сущности его трансформации в современных условиях концентрации усилий местных ор-

ганов власти и институтов гражданского общества на достижение законодательно определенных целей межнациональной консолидации. Это позволит креативно, концептуально-методологически обновить систему воспитания и образования в Крыму, преобразовав ее в ведущую подсистему макросистемы «человек-биосфера-ноосфера». В этом кроются условия трансформации мировоззрения ее ключевых участников – педагогов и их воспитанников – в ключевом желательном результате – объединении усилий вокруг общезначимой для крымчан цели: укрепления творческого взаимодействия на почве освоения и воплощения в социальной практике значимых императивов поведения. В этом плане данная цель выступает фактором желаемого качества межнациональной интеграции.

Достоинство этого подхода – в использовании как генерирующего креативность молодежи антропологического фактора, обусловленного ее предрасположенностью к самовыражению, прежде всего, среди сверстников.

В данной связи подтвердим, что, опираясь на постулаты сорокинской теории «органического синтеза» социокультур, определяемого логико-смысловой их интеграцией [8, с. 40–41], реализация концепции социокультурного синтеза представляется целесообразной для преодоления парадигмальных ограничений отечественной образовательной стратегии, тяготеющей к традициям западного цивилизационного формата. Это предполагает переработку образовательных стандартов как в контексте сорокинской методологии «логико-смыслового единства», принятой для обоснования концепции социокультурного синтеза, так и в русле требований федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» [9].

С учетом такого подхода, реально выстраивать процесс воспитания молодых крымчан по предложенным П.А. Сорокиным и не утратившим актуальности требованиям соблюдения принципа «позитивной поляризации» элементов социокультурного синтеза [7, с. 200–230]. Это означает четкое различие социокультурных аспектов в целостности крымского сообщества, интенционально по-разному воздействующих на сознание и поведение репрезентантов разных категорий крымской молодежи, в разной мере обладающих не только багажом социокультурных традиций своих этносов, но и в процессе социокультурной коммуникации овладевших значимыми элементами ее потенциала. В данной связи, на фоне и в результате интенсификации интеграционного перехода Республики Крым в правовое и в целом культурное пространство Российской Федерации сложились, на наш взгляд, достаточные условия и для смены концептуально-методологических основ социокультурной интеграции молодежного сообщества Крыма. При этом ключевым ее аспектом должны стать креативные социокультурные практики, реализуемые посредством использования потенциала внеучебного воспитательного взаимодействия молодых людей разных национальностей.

Ярким примером в череде мероприятий подобной направленности является, развернутый с момента возвращения Крыма в состав России при сотрудничестве воспитательного отдела, кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин и студенческого самоуправления Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» с Госкомитетом по делам межнациональных отношений Республики Крым, ГБУ Республики Крым «Дом дружбы народов», этническими общинами Крыма фестиваль «Дружбы народов Крыма». Его организация имеет системный, непрерывный формат, включая несколько фаз подготовки к финальным мероприятиям, проводимым в апреле месяце. Его тематические аспекты: подготовка к конкурсам чтецов, исполнителей музыкальных, танцевальных инсценировок, научных сообщений в рамках студенческой конференции, презентаций ремесленного мастерства и кулинарии и пр. Он обеспечивает и поддержание традиции связи поколений, когда его участники вовлекают в подготовку отдельных элементов фестиваля родных и близких.

Особый аспект данной работы – студенческие акции в защиту прав животных, по сохранению флоры Крыма, обеспечения экологического здоровья среды обитания. Они объединяют в едином эмоциональном порыве студентов разных национальностей, осознающих ответственность уже не на уровне обыденного правосознания, а на уровне формирующегося у них профессионального сознания. Это особо значимо, ибо, как справедливо отмечал Ю.Г. Волков, к сожалению, «экологизм до сих пор является модой и не представляется продуманной социальной стратегией» [1, с. 26].

Корректировка усилий, в данном ключе, институтов крымского сообщества, где особенно остро присутствует разнообразие факторов взаимодействия, прежде всего, между двумя основными этнообщинами – русской и крымскотатарской, численно преобладающими над остальными этническими общинами, и на поликонфессиональном уровне – между христианами и мусульманами, – совершенно необходима и возможна. При этом, осуществляя ее, особенно с акцентом на молодежную среду, следует учитывать, что восхищение жизнью Природы, ее мудростью, олицетворяемой всевышним творцом, сочетается, в частности, с собственным уничижением мусульманина, его некоей самонедооценкой, даже иногда, самообоснованием своей творческой неполноценности, невозможности преодолеть свою тягу к запредельному потребительству, в том числе, в форме безудержной эксплуатации природных генетических возможностей женщины к плодотворению – воспроизводству рода человеческого, с допущением неравноценности себе подобных: вне ислама – «неверных», в пределах мусульманской общины – женщин и молодежи.

Учет специфики творческой личности мусульманского типа важен для обоснования модели социокультурной интеграции в полиэтническом и поликонфессиональном регионе, которым явля-

ется и Республика Крым. Без этого невозможно сформулировать и адекватную программу социальной адаптации молодых крымчан в региональном сообществе.

Понимая, что на территории современного Крыма, помимо крымских татар, динамично увеличиваются азербайджанская, чеченская, дагестанская общины, и, особенно, их молодежный сегмент, отмеченные характеристики творческой личности мусульманского типа требуют учета и для выстраивания гармоничных отношений между всеми этнообщинами Крыма.

Именно творческий потенциал каждого этноса, опирающийся на органичное использование таких изначально присущих человеку свойств как экологичность и гуманизм, открывают возможность для воплощения в реальность жизнеутверждающей силы межкультурной полиэтнической и поликонфессиональной интеграции, и на ее основе, в свою очередь, реализации программы социальной адаптации молодых крымчан в федеративном пространстве России.

При этом отношения старшего и молодого поколения крымчан обретут характер гармоничного экообщения на основе принципа «позитивной поляризации» (по П.А. Сорокину) и солидарного творчества, сохраняющего устойчивость благодаря позитивно-раскрываемым чертам как мусульманского, так и синтетического духовного строя этносов России:

- почитания красоты природы;
- старших поколений не в ущерб слабым и младшим половозрастным группам;
- восхищения красотой женского начала, путем утверждения его равноправия и бережного сохранения его плодотворного потенциала посредством добровольного снятия его запредельно эгоизированной мужской эксплуатации;
- развития в детях:

1) традиции творческой самореализации не в ущерб таким позитивно-реализуемым традициям ислама и христианства, как добровольное следование нравственно-высоким предписаниям Корана и Нового завета,

2) перенесение акцента с чувства уважения к Природе-матери и собственной матери на уважение к женщине, семье и Родине вообще.

Социологические исследования, проведенные нами в Крыму за последние годы в молодежной среде, прежде всего, среди студенчества, выявили в качестве доминантных качеств его представителей как раз экологичность (по крайней мере – на уровне признания ее значимости) и гуманизм (особенно в форме укрепления чувства толерантности к сверстникам иных национальностей). И это во многом связано с включением молодых людей в реальные общины для них дела, представляющие аспекты достижения целей программ социального развития в Крыму. Отсюда приходит понимание того, что проявления

солидарности в молодежной среде региона связаны не столько с возрастными ее особенностями и обусловленными ими потребностями, хотя и с ними тоже, но и с общим общественным настроением, выраженным в солидарном желании подавляющего большинства жителей региона сделать его процветающей частью РФ.

Вместе с тем, практика показывает, что крымская молодежь, особенно студенты, в общественно-полезной работе превращаются как в

Литература:

1. Волков Ю.Г. Креативность: социальный диагноз современного общества. Ростов-н/Д. : Изд-во «Фонд науки и образования», 2017. 48 с.
2. Гранин Ю.Д. Этности, национальное государство и формирование российской нации: Опыт философско-методологического исследования. М. : ИФ РАН, 2007. 167 с.
3. Дробижева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М. : Новый хронограф, 2013. 336 с.
4. Жданов Ю.А. Государство-континент. Ю.А. Жданов о культуре / Ю.А. Жданов; Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов-н/Д. : ГЮР, 2014. 176 с.
5. Касьянов В.В. Формирование духовной идентичности современного российского общества в условиях этноконфессиональной разнородности : монография / В.В. Касьянов, М.Ю. Попов, В.В. Ратиев, С.В. Шефель, Т.П. Ширяева. М. : Соц.-гуманит. знания, 2015. 168 с.
6. Российская идентичность в условия трансформации: опыт социологического анализа / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М. : Наука, 2005. 396 с.
7. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М., 1997. 351 с.
8. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М. : Астрель, 2006. 1176 с.
9. Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России». URL : <http://government.ru/media/files/41d47c4f0588b3037601.pdf>

субъектов креативной деятельности, так и преодолевают фантомы, имевших место, проявлений межнациональной конфликтности. Это создает почву и для творческой самоорганизации молодых крымчан, и для утверждения в их сознании императивов межнациональной толерантности, что способствует их социальной адаптации к вызовам динамично меняющихся крымских реалий уже в качестве ответственно действующих правосубъектов.

Literature:

1. Volkov Yu.G. Creativity: social diagnosis of modern society. Rostov-on/D. : Publishing House «Fund for Science and Education», 2017. 48 p.
2. Granin Yu.D. Ethnicities, the National State and the Formation of the Russian Nation: An Experience of Philosophical and Methodological Research. M. : IP RAS, 2007. 167 p.
3. Drobizheva L.M. Ethnicity in the socio-political space of the Russian Federation. Experience 20 years. M. : Novy khronogaf, 2013. 336 p.
4. Zhdanov Yu.A. State-continent // Yu.A. Zhdanov about culture / Yu.A. Zhdanov; Ed. Yu.G. Volkov. Rostov-on/D. : GYUR, 2014. 176 p.
5. Kasyanov V.V. Formation of spiritual identity of modern Russian society in the conditions of ethno-confessional heterogeneity : monograph / V.V. Kasyanov, M.Yu. Popov, V.V. Ratiev, S.V. Shefel, T.P. Shiryaev. M. : Social and humanitarian knowledge, 2015. 168 p.
6. Russian identity in terms of transformation: the experience of sociological analysis / Ed. M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonov. M. : Nauka, 2005. 396 p.
7. Sorokin P.A. The main trends of our time. M., 1997. 351 p.
8. Sorokin P.A. Social and cultural dynamics. M. : Astrel, 2006. 1176 p.
9. Federal target program «Strengthening the unity of the Russian nation and the ethno-cultural development of the peoples of Russia». URL : <http://government.ru/media/files/41d47c4f0588b3037601.pdf>

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Вишневецкий Кирилл Валерьевич

доктор юридических наук,
профессор,
начальник кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
kvishnevecky@mail.ru

Ахмедов Махир Байрам оглы

доктор юридических наук,
профессор,
первый заместитель начальника,
Академия полиции МВД
Азербайджанской Республики
kvishnevecky@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ВИКТИМОЛОГИИ КАК НАУКИ

Аннотация. В статье рассмотрены этапы становления виктимологии как самостоятельной науки. Выявлены и проанализированы основные тенденции эволюции виктимологии. Отмечено, что возникновение нового криминологического учения было необходимо и для совершенствования предупредительно-профилактической деятельности, повышения уровня раскрываемости преступлений, для выработки государственной уголовной политики, в целом.

Ключевые слова: криминология, виктимология, виктимность, виктимизация, девиктимизация, жертва преступления.

Различные аспекты проблемы жертвы преступления, зачастую выделяемые в большей степени интуитивно, чем сознательно, были известны уже с давних пор [1]. Однако о необходимости развития самостоятельного научного направления впервые начали говорить на Западе только в конце сороковых годов прошлого века [2]. Новая наука должна была синтезировать и систематизировать разноплановые данные о потерпевшем в единое целое в целях более глубокого и всестороннего понимания причин преступлений и условий, способствующих их совершению [3]. Выделение виктимологии как самостоятельной науки действительно смогло существенно расширить возможности исследователей по пониманию феномена преступности в целом.

Возникновение нового криминологического учения было необходимо и для совершенствования предупредительно-профилактической деятельности, повышения уровня раскрываемости преступлений, для выработки государственной уголовной политики в целом [4]. «Вполне возможно,

Kirill V. Vishnevetsky

Doctor of Law,
Professor,
Head of the Department of Criminal Law
and Criminology, Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
kvishnevecky@mail.ru

Mahir B. Akhmedov

Doctor of Law,
Professor,
First Deputy Head,
Police Academy of the Ministry of Internal
Affairs of the Republic of Azerbaijan
kvishnevecky@mail.ru

THE FORMATION OF VICTIMOLOGY AS A SCIENCE

Annotation. The article discusses the stages of the formation of victimology as an independent science. The main trends in the evolution of victimology are identified and analyzed. It is noted that the emergence of a new criminological doctrine was necessary to improve preventive and preventive activities, increase the level of detection of crimes, and to develop state criminal policy in general.

Keywords: criminology, victimology, victimization, victimization, victimization, crime victim.

что наши неудачи в области предупреждения преступности обусловлены тем, что в течение столетий все внимание было сосредоточено на самом проступке или же на преступнике и не уделялось внимания жертве, которого она заслуживает» [5].

Постараемся выявить основные тенденции эволюции виктимологии, имея в виду то, что в качестве раздела криминологии наука о жертве преступления, в общем и целом, отражает основные тенденции и повороты криминологической мысли.

Американский криминолог Э. Кармен, излагая свою концепцию развития виктимологии, указывает на три области основных интересов, которые в разные периоды времени были характерных для виктимологов:

1. Виктимология изучает причины того, почему или каким образом жертва вступила в опасную для нее ситуацию. Такого рода подход не предполагает вопроса об ответственности, тем более

об ответственности жертвы. Здесь, скорее, исследуется динамика событий, которые привели к виктимизации индивида, и его социальное окружение.

2. Виктимология оценивает, каким образом полиция, прокуратура, суды, адвокаты взаимодействуют с жертвой. Каким образом рассматривали жертву на каждой стадии функционирования системы правосудия.

3. Виктимология оценивает эффективность усилий по возмещению жертвам их потерь [6]. Вместе с тем, Кармен справедливо указывает на то, что виктимологическая перспектива никогда не исчерпывалась данными направлениями. Для этой молодой науки всегда был характерен полидисциплинарный подход и в различные периоды ее истории, в рамках различных школ и направлений комплекс виктимологического знания включал в себя тот или иной «пакет» смежных дисциплин юридического, социологического, психологического и т.п. порядка. Последнее время развитие виктимологии характеризуются возрастанием роли социологического подхода в решении ее теоретических проблем. Данную тенденцию еще в 1986 г. четко зафиксировал немецкий исследователь В. Кифль [7].

Если за исходную точку развития виктимологии взять западные криминологические исследования первых послевоенных лет [8], то можно легко установить, что жертва преступления или же социальный процесс отношения «жертва-преступник». В то время, они еще не причислялись к определяющим параметрам криминологического анализа, несмотря на то, что уже тогда особенно важным считалось личное отношение преступника к жертве, прежде всего, в случае её убийства. Признавался, правда, факт существование своего рода предрасположенности отдельных лиц к тому, чтобы стать жертвой определенного преступления. Наличие этой предрасположенности, как и самой жертвы преступления, определялось как «основополагающая часть ситуации совершения преступления» [9], по своей доказательности относящаяся к «внутренней ситуации преступления» и «подходящему случаю», способу совершения преступления, а также сопоставимым аспектам преступления, таким как «место преступления» и «время совершения преступления» [10].

Отношение к жертве как к обязательному объекту криминологического исследования впервые четко прослеживается в работах Бенджамина Мендельсона [11]. В основу своей наиболее известной работы «Происхождение и доктрина виктимологии» Б. Мендельсон положил результаты анализа данных интервью с лицами, включенными в процесс рассмотрения в суде дел о различных преступлениях: преступниками, свидетелями, следователями, т.е., со всеми, кто так или иначе был осведомлен о преступлении. Для этого им была подготовлена обширная анкета, написанная на доступном языке и содержащая более трехсот вопросов по проблемам, относящимся к различным сферам интереса криминологической науки. Основываясь на анализе по-

лученных данных, Мендельсон пришел к тому выводу, что одним из факторов преступления обычно были регулярные отношения между обидчиком и жертвой. В качестве первого шага в осмыслении результатов своего исследования он предложил свою типологию жертв:

1. *Полностью невинная жертва.* Такой жертвой может быть признан ребенок или полностью невменяемый человек.

2. *Жертва с незначительной виной.* Этой жертвой могла бы быть женщина, которая провоцирует ошибочное нападение на себя, в результате которого она умирает.

3. *Жертва, которая является столь же виновной, как и обидчик.* Сюда могут относиться те, кто своим поведением целенаправленно провоцирует обидчика к совершению преступления.

4. *Жертва, более виновная, чем обидчик.* Сюда относят тех, кто подталкивает другого к совершению преступления.

5. *Наиболее виновная жертва.* Это происходит, когда преступник (он же – жертва) был убит лицом, который совершал действия, относящиеся к самозащите.

6. *Воображаемая жертва.* Это – люди, страдающие от умственных расстройств типа паранойи, ошибочно приписывающих себе качества жертвы [12].

Разработки Мендельсона вызвали широкий отклик среди криминологов, несмотря на целый ряд высказанных в его адрес критических замечаний [13]. Стоит отметить, что основоположник продолжал активную творческую деятельность, внося в итоге самый весомый вклад в развитие виктимологии. Уже в 1975 г. Б. Мендельсон опубликовал монографию «Общая виктимология», в которой развил свою концепцию виктимологии, связав ее с созданием «клинической» или «практической» виктимологии, в орбиту которой должны быть включены не только жертвы преступлений, но и жертвы природных катаклизмов, геноцида, этнических конфликтов и войн [14].

Другим «отцом» виктимологии принято считать Ганса фон Гентига. В таком качестве его рассматривают в силу того значения, которое имела для завоевания новой наукой своих «прав гражданства» книга «Преступник и его жертва» [15]. В ней он, прежде всего, стремился изучить жертву как «элемент окружающей среды». «Цель Гентига состояла в том, чтобы обеспечить двойную структуру для изучения преступления как альтернативу традиционному, одномерному (unidimensional) подходу, сосредоточенному на преступнике. До этого времени криминологические объяснения преступного поведения сосредоточились на социокультурных характеристиках, биологических отклонениях и психологическом состоянии преступника. Большинство теорий, пытаясь определять суть причинной обусловленности преступления, предлагало только ста-

тические объяснения. Изучение жертвы, ее характеристики, ее отношений и взаимодействий с преступником, ее ролью и ее вкладом в происхождение преступления, казалось, несло в себе большое обещание для того, чтобы преобразовать этиологическую криминологию от статического, одностороннего изучения качеств и признаков преступника в динамическом, ситуативном подходе, который рассматривает преступное поведение как результат динамических процессов взаимодействия» [16].

Гентиг исследовали отношения между «действенной стороной» (doer), к которой он относил преступника, и «страдательной стороной» (sufferer), к которой он относил жертву. Гентиг также предложил свою классификацию жертв, которая базировалась на психологических, социальных, и биологических основаниях [17]. Предпосылкой его классификации стала также идентификация жертвы относительно различных факторов риска. Он объединил все виды жертв в три основных класса: общий классы жертв, психологические типы жертв и активированное страдательное лицо (The Activating Sufferer):

- **Общий класс жертв:**

1. *Молодёжь, дети.* Они слабы физически и с наибольшей степенью вероятности могут стать жертвой нападения. Детство – самый опасный период жизни.

2. *Женщины.* Женский пол – другая форма слабости, провоцирующей преступление. Слабость женщины даже закреплена в законе, поскольку многие законы основаны на закреплении факта более слабого женского и более сильного мужского пола.

3. *Старшее поколение.* К старшему поколению относятся большинство собственников крупных состояний и эквивалентной богатству власти в различных ее проявлениях. И в то же самое время старики слабы физически и нередко умственно.

4. *Умственно неполноценные лица.* Психически больные, глупые люди, а также наркоманы и алкоголики.

5. *Иммигранты и, различного рода социальные меньшинства.* Иммиграция означает нечто большее, чем просто смена места проживания. Она является причиной устойчивого чувства беспомощности в житейских межличностных отношениях. Неопытный, бедный, и зачастую депрессивный иммигрант – легкая добыча по всем видам преступления.

- **Психологические типы жертв:**

6. *Депрессивный тип.* Эти жертвы могут пострадать из-за подавления инстинкта самосохранения. Лишенный такого инстинкта, индивидуум может быть легко подвержен насилию, обману и т.п.

7. *Жадный.* Этот тип человека представляет собой легкую жертву. Чрезмерное стремление к

выгоде затмевает разум, жизненный опыт, внутренний голос, нередко предостерегающий человека против опасности.

8. *Экстравагантный.* Произвольное, беспричинное, выходящее за общепринятые рамки поведение часто провоцирует преступление.

9. *Одинокое и «убитые горем» жертвы.* Одиночество, по мнению Гентига, ведет к ослаблению умственных способностей индивида, который поэтому становится легкой добычей для преступников. Убитые горем жертвы часто бывают настолько ошеломлены своими потерями, что становятся легкой добычей для преступников всякого рода.

10. *Мучитель.* Здесь жертва становится преступником. Это может быть психически неуравновешенный отец, который оскорблял жену и детей в течение множества лет, пока один из детей не подрастет и при условии чрезвычайной провокации не убьет его.

11. *«Блокированная жертва».* Здесь жертва столь запутана в ситуации сложного отношения с преступником, что защитные шаги становятся для нее невозможными.

- **Активированное страдательное лицо.**

Данный раздел включает в себя всего один элемент.

12. *Активированное страдательное лицо.* Это имеет место тогда, когда жертва трансформируется в преступника. Множество факторов может выступать такого рода «активаторами» жертвы: личные предрасположения, возраст, алкоголь, потеря самоконтроля.

Гентиг полагал, что подавляющее большинство жертв в силу их действий или поведения несут ответственность за насилие над ними, что не соответствует выводам современной виктимологии, которая склонна, скорее, подчеркнуть момент страдательности, а не ответственности в характеристике жертвы преступления [18].

В дальнейшей перспективе, по мере усиления социологического направления в мировой криминологии, жертва начинает рассматриваться как «групповой фактор», исследования приобретают все более систематический характер, закладываются основы для самостоятельного научного направления. В 1948 г. американский криминолог Ф. Вертхам предлагает сам термин «виктимология», производя его, как известно, от латинского слова *victima* (жертва). Согласно его заявлению, новая наука должна систематически исследовать отношения между правонарушителем и жертвой преступления. При этом виктимология рассматривается им как самостоятельная дисциплина, как наука, параллельная криминологии и занимающаяся исключительно жертвами преступлений или несчастных случаев [19]. В соответствии с этим, задача виктимологии виделась в том, чтобы изучить личность жертвы в

биологическом, психологическом и социологическом аспектах [20]. Следовательно, необходимо было разработать систему предупредительных мер, направленных на снижение потенциальной возможности становиться жертвой преступления, чему соответствовал особый метод «прогнозирования жертвы». Таким образом, постулировалось положение о принципиальной близости виктимологии к криминологии, несмотря на то, что они представляют собой различные научные дисциплины [21]. Сходных позиций по данному вопросу придерживался и Б. Мендельсон [22].

Проект разработки комплексного учения о жертве преступления достаточно быстро привлек широкое внимание, тем более, что с ним соотносились представления о гуманизации юридического знания. Последовавшие критические выступления были связаны, прежде всего, с утверждением о том, что многие из аспектов этого учения не всегда соответствовали собственно криминологическому значению понятия жертвы преступления. В некоторых случаях можно было встретить суждение о том, что с постановкой вопроса о природной предрасположенности личности к виктимизации новая дисциплина вынуждена повторять путь криминологии, научные силы которой в это время были в значительной мере поглощены полемикой сторонников неоломброзианства и социологического направления [23]. «В соответствии с этим, исследование жертвы является коррелятом исследования преступника... когда осуществляется интенсивный поиск виктимогенных фактов, прежде всего, психического и социального рода, т.е. характеристик, которые придают достаточно привлекательности для того, чтобы стать целью преступления. Аналогично криминологии, условия возникновения которой при ближайшем рассмотрении постоянно подразумевало преступников-рецидивистов, виктимология интересуется рецидивистами-жертвами» [24].

Было признано, что если научный анализ конфликтных ситуаций, поведения и личности жертвы может быть теоретически самостоятельным направлением и будет представлен научной общественности в рамках автономной отрасли знания, то виктимология должна открывать новые пласты исследования, постоянно координируя свои научные поиски с криминологией, однако при этом, не дублируя данную науку.

Таким образом, была поставлена, в принципе, классическая для складывающейся научной дисциплины задача:

- определить границы виктимологии по отношению к смежным направлениям в науке;
- разработать собственную методологию исследований;
- обозначить наиболее важную концептуально, актуальную и практически востребованную проблематику.

В то же время, виктимология нередко оценивается как альтернатива криминологии, возникшая

в качестве реакции на проблемную ситуацию в последней, сложившуюся на рубеже 1940–1950-х годов.

В 1960-е и, отчасти, в 1970-е годы приоритет в исследованиях явно отдавался прикладным аспектам виктимологии. Их теоретическое обоснование было связано:

- с разработкой алгоритмов оптимального поведения в криминогенных ситуациях;
- с изучением путей повышения уровня защищенности должностных лиц, чьи служебные функции сопряжены с риском подвергнуться преступному посягательству;
- со сведением к минимуму виктимогенных ситуаций, предотвращение и пресечение их;
- с защитой и реабилитацией потерпевших от преступлений» [25].

Важное место в исследовании занимало выяснение того, насколько жертвы преступления сами содействовали своей виктимизации [26]. Исследуются факторы и особенности виктимности малоимущих слоев населения [27].

Большим успехом у виктимологов начинает пользоваться методика сравнительного опроса жертв, которая выглядела весьма перспективной для теоретического решения проблем увеличения уголовных преступлений в различных регионах планеты и криминализации социальных групп с перспективой разработки методов социального контроля над преступностью, адекватных современной ситуации. При этом в качестве индикатора для определения границ криминализации социальных групп предлагалось использовать статистику так называемого преступления без наличия жертвы [28].

Отталкиваясь от работ Мендельсона и Гентига, с одной стороны, и подводя своеобразный итог изысканиям ученых за два десятилетия известный американский криминолог Стив Шафер предложил новую теорию криминальных жертв, положив в ее основу фактор ответственности. Здесь решающее значение для систематизации имела градация процесса убывания степени ответственности жертвы. Шафер полагал, что система правосудия должна рассматривать динамику преступления, а также процесс отношения преступника и жертвы. Он заявлял, что «изучение отношения «преступник-жертва» подчеркивает потребность признать роль и ответственность последней, которая не только является одной из причин преступления, но должна стать центральным звеном в расследовании преступления» [29]. Важной нам представляется также мысль Шафера о том, что ответственность не является изолированным фактором социальной жизни, скорее, она представляет собой особого рода инструмент социального контроля, используемого всегда всеми обществами. Поэтому преступление не может быть только индивидуальным актом, оно также и социальное явление.

Преступление не просто «случается» с жертвой. Последняя часто вносит вклад в совершение преступления своими небрежными действиями, а нередко – и прямой его провокацией [30].

В последнее время виктимологические исследования переживают подъем как на Западе, так и в России. Во многом это обусловлено целым рядом внешних причин, а не какими-то особыми прорывами в теории или методологии самой науки о жертве. Прежде всего, повышенное внимание к вопросам функций жертвы в механизме совершения преступления и ее интересов связано с осознанием обществом масштабов роста преступности в условиях глобализации с ее массовой миграцией, резким усилением транснациональных преступных группировок, стремительной криминализацией целых регионов планеты и

Литература:

1. См.: *Полубинский В.И.* Виктимологические аспекты профилактики преступлений. М., 1980. С. 7–15.
2. См.: *Mendelsohn B.* The Origin of the Doctrine of Victimology / B. Mendelsohn // *Excerpta Criminologica*. 1963. № 3. P. 239–244.
3. *Ривман Д.В.* Криминальная виктимология. СПб, 2002. С. 44.
4. См.: *Жалинский А.Э.* Насильственная преступность и уголовная политика / А.Э. Жалинский // *Сов. Государство и право*. 1991. № 3.
5. *Фаттах А.* Виктимология: что это такое и каково ее будущее / А. Фаттах // *Международное криминологическое обозрение*. Париж, 1967. (Цитируется по: Варчук Т.В. *Криминология и виктимология*. М., 2001. С. 5).
6. *Karmen A.* Crime Victims. An Introduction to Victimology. Brooks/Cole, 1995. P. 19–21.
7. *Kiefl W.* Soziologie des Opfers: Theorie, Methoden und Empirie der Viktimologie. München, 1986. P. 6–24.
8. See, for example: *Hentig V.H.* The Criminal and his Victim. Newhaven, 1948.
9. *Exner F.* *Kriminologie*. Berlin, 1949. P. 262.
10. Ibid.
11. В подавляющем большинстве изданий Б. Мендельсона характеризуют как основоположника виктимологии в целом, хотя в некоторых изданиях его имя связывают только с одним из направлений, а именно: с так называемой позитивистской виктимологией (см., например: *Navies P., Francis P., Jupp V.* *Victimisation: Theory, Research and Policy*. NY, 2003. P. 2–4). Мы придерживаемся первой трактовки.
12. *Mendelsohn B.* The Origin of the Doctrine of Victimology / B. Mendelsohn // *Excerpta Criminologica*. 1963. № 3. P. 239–244.

социальных групп. В этих условиях страх перед преступлением становится серьезной социальной фобией, на которую стремится оперативно отреагировать наука. Внимание ученых все чаще привлекают вопросы о роли жертвы в провоцировании преступления, об особенностях ее поведения при подаче заявления о совершении преступления в правоохранительные органы, о стимулах активной самозащиты, а также об виктимологической составляющей уголовно-правовой политики. Однако общественный заказ на проведение прикладных виктимологических исследований и разработку конкретных рекомендаций обусловил рост интереса к фундаментальным теоретическим разработкам, основа которых была заложена в классических виктимологических работах рубежа 40-х – 50-х годов XX столетия.

Literature:

1. See: *Polubinsky V.I.* Victimological aspects of crime prevention. M., 1980. P. 7–15.
2. See: *Mendelson B.* The origin of the doctrine of victimology / B. Mendelson // *Excerpt from criminology*. 1963. № 3. P. 239–244.
3. *Rivman D.V.* *Criminal victimology*. St. Petersburg, 2002. P. 44.
4. See: *Zhalinsky A.E.* Violent crime and criminal policy / A.E. Zhalinsky // *Sov. State and law*. 1991. № 3.
5. *Fattah A.* Victimology: what is it and what is its future / A. Fattah // *International Criminological Review*. Paris, 1967. (Cited by: *Varchuk T.V.* *Criminology and Victimology*. M., 2001. P. 5).
6. *Carmen A.* Victims of crimes. Introduction to victimology. Brooks/Cole, 1995. P. 19–21.
7. *Kiefl V.* *Sociology of Actions: Theory, Method and Empiricism of Victimology*. Munich, 1986. P. 6–24.
8. See, for example: *Hentig V.H.* The criminal and his victim. Newhaven, 1948.
9. *Exner F.* *Criminology*. Berlin, 1949. P. 262.
10. Ibid.
11. In the overwhelming majority of publications, B. Mendelsohn is characterized in victimology as the founder of the whole, although in some publications his name is associated with only one of the directions, namely, with the so-called positivist victimology (see, for example: *Navies P., Francis P., Joseph V.* *victimization: theory, research and politics*. New-York, 2003. P. 2–4). We adhere to the first interpretation.
12. *Mendelsohn B.* The Origin of the Doctrine of Victimology / B. Mendelsohn // *Excerpta Criminologica*. 1963. № 3. P. 239–244.

13. *Schafer S.* The Victim and His Criminal. New York, 1968. P. 14.

14. *Ривман Д.В.* Криминальная виктимология. СПб, 2002. С. 26.

15. *Hentig V.H.* The Criminal and his Victim. Newhaven, 1948. P. 383.

16. *Fattah E.* Some Recent Theoretical Developments in Victimology / E. Fattah // Victimology: An international Journal. 1979. Vol. 4. № 2. P. 198–213.

17. *Hentig V.H.* The Criminal and his Victim. Newhaven, 1948. P. 404–431.

18. See: *Wallace H.* Victimology: legal, psychological, and social perspectives. Boston, 1998. P. 11. Анализ трактовки Гентигом основных понятий виктимологии см.: Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. СПб, 2000. С. 23.

19. See: *Kaiser G.* Kriminologie. Eine Einführung in die Grundlagen. Heidelberg, 1999. P. 236. См. также: Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб, 2002. С. 27.

20. *Mendelsohn B.* The Origin of the Doctrine of Victimology / B. Mendelsohn // Excerpta Criminologica. 1963. № 3. P. 240.

21. *Sessar R.* Über das Opfer. Eine viktimologische Zwischenbilanz. Berlin, 1985.

22. *Ривман Д.В.* Криминальная виктимология. СПб., 2002. С. 25.

23. *Sauer W.* Kriminologie. В., 1967. P. 2–3. См. также: Решетников Ф.М. Современная американская криминология. М., 1965. С. 109.

24. *Sauer W.* Kriminologie. В., 1967. P. 140.

25. *Иншаков С.М.* Зарубежная криминология. М., 1997. С. 184.

26. *Navies P.* Victimisation: Theory, Research and Policy / P. Navies, P. Francis, V. Jupp. NY, 2003. P. 3–4.

27. *Ryan W.* Blaming the Victim. NY, 1971. P. 117–141.

28. See more about this: *Kiefl W.* Soziologie des Opfers: Theorie, Methoden und Empirie der Viktimologie. München, 1986.

29. *Schafer S.* The Victim and His Criminal. New-York, 1968. P. 5.

30. Ibid. P. 139–142.

13. *Schafer S.* The Victim and His Criminal. New-York, 1968. P. 14.

14. *Rivman D.V.* Criminal victimology. St. Petersburg, 2002. P. 26.

15. *Hentig V.H.* The criminal and his victim. Newhaven, 1948. P. 383.

16. *Fattah E.* Some Recent Theoretical Developments in Victimology / E. Fattah // Victimology: An international Journal. 1979. Vol. 4. № 2. P. 198–213.

17. *Hentig V.H.* The Criminal and his Victim. Newhaven, 1948. P. 404–431.

18. See: *Wallace H.* Victimology: legal, psychological and social perspectives. Boston, 1998. p. 11. For an analysis of Gentig's interpretation of the basic concepts of victimology, see: Rivman D.V., V. Ustinov.C. Victimology. St. Petersburg, 2000. p. 23.

19. See: *Kaiser G.* Kriminologie. Eine Einführung in die Grundlagen. Heidelberg, 1999. P. 236. См. также: Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб, 2002. С. 27.

20. *Mendelsohn B.* The Origin of the Doctrine of Victimology / B. Mendelsohn // Excerpta Criminologica. 1963. № 3. P. 240.

21. *Sessar R.* Über das Opfer. Eine viktimologische Zwischenbilanz. Berlin, 1985.

22. *Rivman D.V.* Criminal victimology. St. Petersburg, 2002. P. 25.

23. *Sauer V.* Criminology. V., 1967. P. 2–3. See also: Reshetnikov F.M. Modern American Criminology. M., 1965. P. 109.

24. *Sauer V.* Criminology. V., 1967. P. 140.

25. *Inshakov S.M.* Foreign criminology. M., 1997. P. 184.

26. *Navies P.* Victimisation: Theory, Research and Policy / P. Navies, P. Francis, V. Jupp. NY, 2003. P. 3–4.

27. *Ryan W.* Blaming the Victim. NY, 1971. P. 117–141.

28. See more about this: *Kiefl W.* Soziologie des Opfers: Theorie, Methoden und Empirie der Viktimologie. München, 1986.

29. *Schafer S.* The Victim and His Criminal. New-York, 1968. P. 5.

30. Ibid. P. 139–142.

Воронкова Людмила Сергеевна
старший преподаватель кафедры
языкознания и иностранных языков,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
voronkova_ls@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА: К ВОПРОСУ О ВЗАИМОВЛИЯНИИ И ВЗАИМОУСИЛЕНИИ ЯЗЫКА И ПРАВА КАК СОПУТСТВУЮЩИХ НАУК

Аннотация. С каждым годом интерес к юрислингвистике в российской правовой науке все больше возрастает. Это вполне закономерно, ведь качество существующих законов зависит от уровня технико-юридического совершенства принимаемых законов. Данная статья посвящена исследованию вопросов взаимовлияния и взаимоусиления языка и права как сопутствующих наук. Установлено, что право существует в языковой форме, представляющей собой своеобразный текст. В статье рассматривается становление юридической лингвистики как междисциплинарной области.

Ключевые слова: юридическая лингвистика, язык, право, взаимосвязь языка и права, правовой язык, иноязычные слова, заимствования.

Предметом изучения юридической лингвистики является язык, который функционирует в областях правоохранительной, судебной, нотариальной, юридической документации, юридической науки и образования, правовой информации и юридической журналистики. Он определяет функцию и специфику языкового права, его основные типы и жанры, создавая систему правил и толкований юридических текстов.

Перманентными проблемами современной юридической лингвистики являются:

- 1) изучение юридического в исторической перспективе;
- 2) обеспечение юридической практики специальными лингвистическими знаниями;
- 3) разработка лингвистических принципов экспертизы внезаконных текстов [1];
- 4) обеспечение лингвистической экспертизы проекта: закона, указа, постановления др.;
- 5) нормализация терминологии языка юридических наук;

Lyudmila S. Voronkova
Senior Lecturer of the Department
of Linguistics and
Foreign Languages,
North Caucasus branch
Russian State University of Justice
voronkova_ls@mail.ru

LEGAL LINGUISTICS: TO THE QUESTION OF MUTUAL INFLUENCE AND MUTUAL REINFORCEMENT OF LANGUAGE AND LAW AS RELATED SCIENCES

Annotation. Every year, interest in jurislinguistics in Russian legal science is growing more and more. This is quite natural, because the quality of existing laws depends on the level of technical and legal perfection of the adopted laws. This article is devoted to the study of questions of the mutual influence and mutual reinforcement of language and law as related sciences. It has been established that the law exists in a linguistic form, which is a kind of text. The article deals with the formation of legal linguistics as an interdisciplinary field.

Keywords: legal linguistics, language, law, relationship between language and law, legal language, foreign words, borrowings.

6) совершенствование культуры общения работников юридических учреждений и др.

Однако до настоящего времени некоторые вопросы, такие как, правовые аспекты языка и связь лингвистики с правом, остаются неисследованными в национальной науке [2]. Лингвистика и право всегда разделяли много общих областей, и очевидно, что эти науки сближаются. Вопрос о взаимовлиянии и взаимоусилении языка и права, в основном, поднимается учеными-юристами, часто они подчеркивают приоритетную специфику права или просто интерпретируют лингвистическую специфику, хотя некоторые авторы могут видеть выше один аспект или так называемое «ведомственное» видение лингвистической роли в праве. И это состояние национальной правовой лингвистики определяет понимание объекта и предмета правовой лингвистики как новой науки, дифференциация правовых и языковых аспектов на стыке языка и права.

Язык и право – это две науки, благодаря которым общество, пожалуй, и осуществляет контроль, коммуникации и распределение обязанностей. На первый взгляд может показаться, что данные сферы совершенно не связаны, ведь

право занято непосредственно регулированием отношений, а языки – для связи между людьми, однако это совершенно не так.

Начать стоит с определений языка и права. Итак, язык – это сложная знаковая система, естественно или искусственно созданная и соотносящаяся с понятийным содержанием, и типовое звучание (написание). Термин «язык», понимаемый в широком смысле, может применяться к произвольным знаковым системам, хотя чаще он используется для более узких классов знаковых систем. Сам язык существует благодаря знакам. Знак – это материальный объект, используемый в процессе познания или общения в качестве представителя какого-либо объекта.

Право – это понятие юриспруденции, один из видов регуляторов общественных отношений; система общеобязательных, формально-определённых, принимаемых в установленном порядке гарантированных государством правил поведения, которые регулируют общественные отношения.

Конкретное определение права зависит от типа правопонимания, которого придерживается тот или иной учёный (то есть, от его представлений о праве). В то же время, определения различных школ позволяют наиболее полно представить право, поэтому для развития правовой науки особенно важен плюрализм, которого не всегда удаётся добиться в силу традиционной близости этой отрасли знаний к государственной власти.

В многотысячелетней истории юриспруденции не раз указывалось, что в вопросах о праве следует избегать универсальных определений, единого мнения на счёт общепризнанного определения права не существует и в современной науке.

В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, например, указывалось: «Право есть совокупность правил (норм), определяющих обязательные взаимные отношения людей в обществе; это определение права указывает лишь общие очертания его содержания, между тем, вопрос о существе права, его происхождении и основах до сих пор остаётся одной из нерешённых в науке проблем» [3].

Язык – основное средство фиксации, передачи и хранения юридически важной информации. Данное утверждение уже свидетельствует о том, что право и законы не могут существовать без языка. Все аспекты этих сфер должны существовать в устном или письменном виде, ведь в ином случае они утрачивают свой смысл. Язык является основным средством осуществления правовой деятельности, а также выступает как объект правового регулирования.

Взаимовлияние и взаимоусиление права и лингвистики может способствовать решению проблем правовой защиты языковых норм, защиты права человека на коммуникативный комфорт. Взаимосвязь языка и права нашла свое отражение и в Федеральном законе РФ № 53-ФЗ «О

государственном языке. Российской Федерации», принятом 01 июня 2005 г., в котором закреплён правовой статус русского языка как государственного. Этот закон направлен на укрепление позиций русского языка как государственного языка РФ и призван способствовать развитию русского языка как основы духовной культуры.

Стоит также упомянуть, что сами нормы языка напоминают правовые нормы самим своим видом – они представлены своеобразным кодексом в виде словаря и грамматики.

Язык, сам по себе, является невероятно удивительным и многообразным средством коммуникации. Любой язык – уникален, но для любого характерен один крайне интересный прием под названием заимствование. Оно подразумевает под собой взятие слова из одного языка и адаптацию его для использования в другом. Заимствование происходит двумя путями:

– устным – через разговорное общение, в условиях контакта с носителями другого языка;

– письменным – через книги, периодическую литературу, официальные документы и т.д.

Не трудно догадаться о том, что иноязычные, заимствованные слова имеют прямое отношение к праву. Огромное количество современных правовых терминов пришло к нам из других языков, в основном, из латинского. Например – слово «юриспруденция» происходит от *iurisprudentia* «судебная наука», далее из *iūs (jūs)* «право; справедливость» (восходит к праиндоевр. «*yewes*» – «закон») + *prudētia* «знание; наука; благоразумие, рассудительность», из *providens* «предусмотрительный», далее из *providere* «предвидеть», далее из *pro* «вперёд, для, за, вместо» + *vidēre* «видеть», из праиндоевропейского *weid* – «знать, ведать; видеть».

Слово «кодекс», означающее законодательный акт, содержащий систематизированные нормы какой-либо отрасли или нескольких отраслей, происходит от немецкого *Kodex* (лат. *codex* «доска»; «свод законов», «книга»).

Право, например, изначально было старославянским словом: *правъ* в форме среднего рода. др.-русский, сербский – церковно-славянский *право*, украинский, белорусский *пра́во*, болгарский *пра́во*, сербохорватский *пра́во*, словенский *právo*, чешский, словацкий *právo*, польский *prawo*. От *правъ* (см. *правый*). Лит. *prova* (вин. ед. *prõva*), латышский *prāva* «судебное дело, суд» заимствованный из славянский, а не родственны славянским словам [4].

Закон считается ещё более древним термином. Это общеславянское слово восходит к праславянскому *zakopъ* «закон», которое образовано с помощью приставки *za* «за – «от *kopъ* «предел, начало, конец, граница», производного от глагола *kenti/kynti* «появляться, наступать».

Следуя из этого, по источнику возникновения правовые термины делят: на русскоязычные и иностранные.

Можно выделить следующие типы иностранных слов:

– иноязычные слова, восходящие к терминологии римского права (юрисдикция от *jurisdictio* – судопроизводство; вердикт от *vere dictum* – верно сказанное; конвенция от *conventio* – договор, соглашение)

– полностью освоенные иностранные слова (документ от *documentum* – свидетельство; кредит от *creditum*. кредит – долг; пенсия от *pensio* – платеж).

Источником заимствований в русский язык права также являются юридические термины, выделенные в особую категорию и обозначающие правовые реалии других стран. К правовым реалиям относятся такие термины, как ордонанс – законодательный акт, жандармерия во Франции; бургомистр – глава городского управления в некоторых странах Европы; омбудсмен – уполномоченный по правам человека; легислатура – в Великобритании и во многих штатах США название законодательных органов; барристер – в Англии и Уэльсе адвокат, имеющий право выступать в высших судах; коронер – в Англии и США следователь, специальной функцией которого является расследование случаев насильственной смерти; атторней – поверенный (в суде), юрист, адвокат, прокурор в Англии и США.

Можно заметить, что большинство рассмотренных заимствований обозначают сложные правовые явления одним словом, тем самым упрощая восприятие текста и его смысл. Для юридических текстов это очень важно.

Язык юриспруденции отличается от обычного делового языка обилием терминов, клишированием и наличием большого количества устойчивых фраз и выражений. Это, безусловно, делает язык юриспруденции сложным для восприятия [5].

Литература:

1. *Tomson G.V. Special aspects of the legal acts text translation / G.V. Tomson // Juridical Linguistics. 2015. № 6.*
2. *Бринев К.И. Юрислингвистика-7 язык как феномен правовой коммуникации. 2006. № 7.*
3. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 1890–1907.*
4. *Молчанова М.Ю. Особенности иноязычного заимствования в русском языке права / М.Ю. Молчанова // Молодой ученый. 2020. № 23.*
5. *Волосова М.В. Заимствование русским языком юридических терминов из других языков. 2013.*

Причиной заимствования терминов также является полнота и точность содержания законодательного текста, которые не всегда могут быть выражены с помощью языковых средств отечественной правовой системы. Правовому языку свойственно стремление к соответствию термина и понятия предмету или явлению, к нерасчлененности, что при помощи средств только родного языка удается не всегда. Заимствованные слова иноязычного происхождения, как бы найдя свою «нишу» в нормативно-правовом лексиконе, активно используются национальной юридической практикой. Например, легко «вписался» в современный правовой лексикон термин «концессия». В ГК РФ появилась гл. 54 «Коммерческая концессия», в ЛК РФ – ст. 37 «Договор концессии участков лесного фонда». Это – как раз тот случай, когда слово иностранного происхождения не режет слух, не ставит в понятийный тупик провозприменителя.

Однако, пожалуй, самое напрямую связывающее язык и право определение – это язык права или язык закона. Язык права – один из стилей современного русского официального языка, объединяющий в свою очередь несколько субстилей: язык законодательства, язык подзаконных правовых актов, язык правоприменительной практики (который также подразделяется на несколько видов), язык юридической науки, язык юридического образования, язык юридической журналистики и др. Данный термин представляет собой совокупность всех правовых и юридических определений, в очередной раз подтверждая непосредственную связь языка и права.

Подводя итоги проведенного нами исследования, можно с уверенностью сделать вывод о том, что язык и право – две совершенно разные, но напрямую контактирующие и сопутствующие науки. Язык – величайшее средство коммуникации людей, без которого право, при всей его важности в современном обществе и в истории, не способно существовать.

Literature:

1. *Tomson G.V. Special aspects of the legal acts text translation / G.V. Tomson // Juridical Linguistics. 2015. № 6.*
2. *Brinev K.I. Jurislinguistics-7 language as a phenomenon of legal communication. 2006. № 7.*
3. *Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron, 1890–1907.*
4. *Molchanova M.Y. Features of foreign borrowing in the Russian language of law / M.Y. Molchanova // Young scientist. 2020. № 23.*
5. *Volosova M.V. Borrowing by the Russian language of legal terms from other languages. 2013.*

Жарких Екатерина Александровна

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский
государственный университет
Milena.555@mail.ru

Максимов Афет Максимович

доктор юридических наук,
помощник заместителя председателя,
Нижегородский областной суд
Milena.555@mail.ru

Собин Дмитрий Владимирович

кандидат юридических наук,
старший преподаватель
кафедры уголовного права,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
Milena.555@mail.ru

**ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПЕНАЛИЗАЦИЯ
НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ И ОБОРОТА
ОСОБО ЦЕННЫХ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ
И ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ
РЕСУРСОВ (СТ. 258.1 УК РФ):
ВОПРОСЫ ОБОСНОВАННОСТИ
И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ**

Аннотация. В статье проанализированы подходы законодателя к дифференциации уголовной ответственности и пенализации незаконной добычи и оборота особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (ст. 258.1 УК РФ). Законом в 2017, 2018, 2019 гг. в структуру этой статьи включены нормы, предусматривающие новые квалифицированные составы с соответствующими санкциями (части 1.1, 2.1, 3.1 ст. 258.1 УК РФ), не всегда соотносящимися с санкциями, определенными за базовые составы, сконструированные в ст. 256 и ст. 258 УК РФ. В статье обращено внимание на законодательно созданную конкуренцию между ст. 258.1 и п. «в» ч. 1 ст. 258 УК РФ, требующую устранения. Авторами сформулирован комплекс выводов, направленных на совершенствование соответствующих нормативных положений.

Ekaterina A. Zharkikh

Candidate of Legal Sciences,
Lecturer of the Department
Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
Milena.555@mail.ru

Afet M. Maximov

Doctor of Law,
Assistant Vice-Chairman,
Nizhny Novgorod Regional Court
Milena.555@mail.ru

Dmitry V. Sobin

Candidate of Legal Sciences,
Senior Lecturer
Department of Criminal Law,
North Caucasus Branch
Russian State
University of Justice
Milena.555@mail.ru

**DIFFERENTIATION OF LIABILITY
AND PENALIZATION OF ILLEGAL
EXTRACTION AND TRAFFICKING
OF HIGHLY VALUABLE WILD ANIMAL
AND WATER BIOLOGICAL RESOURCES
(ART. 258.1 OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION):
QUESTIONS OF JUSTIFICATION
AND EXPEDIENCY**

Annotation. The article analyzes the legislator's approaches to the differentiation of criminal liability and penalization of illegal hunting and trafficking of especially valuable wild animals and aquatic biological resources belonging to species listed in the Red Book of the Russian Federation and (or) protected by international treaties of the Russian Federation (art. 258.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). Law in 2017, 2018, 2019 the structure of this article includes norms providing for new qualified compositions with appropriate sanctions (parts 1.1, 2.1, 3.1 of art. 258.1 of the Criminal Code of the Russian Federation), which are not always correlated with the sanctions defined for the basic compositions constructed in art. 256 and art. 258 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article draws attention to the legally created competition between Art. 258.1 and paragraph «c» part 1 of art. 258 of the Criminal Code of the Russian Federation of the Criminal Code of the Russian Federation, requiring elimination. The authors formulated a set of conclusions aimed at improving the relevant regulations.

Ключевые слова: криминализация, декриминализация, индивидуализация наказания, дифференциация уголовной ответственности, пенализация, санкция, основной и дополнительный виды наказания.

Keywords: criminalization, decriminalization, individualization of punishment, differentiation of criminal liability, penalization, sanction, main and additional types of punishment.

Справедливость наказания, в том числе, эффективность его индивидуализации в отношении лица, совершившего преступление, во многом зависит от обоснованности законодательной регламентации дифференциации уголовной ответственности и пенализации общественно опасных деяний, что органически связано с процессами криминализации и декриминализации таковых [1, с. 210–240]. Законодатель, с учетом складывающейся криминальной ситуации, избирает для отдельных конкретных видов преступлений своеобразный способ дифференциации уголовной ответственности и пенализации, не только дополняя статьи новыми частями с указанием квалифицирующих признаков, но и, включая в структуру Особенной части УК РФ отдельные статьи, регламентирующие, по сути, квалифицированные виды тех или иных деяний, предусмотренных иными нормами закона, с усилением уголовно-правовых санкций [2, с. 51–57]. Это коснулось следующих глав УК РФ:

- 1) преступления в сфере экономической деятельности (ст. 185–185.6);
- 2) преступления против общественной безопасности (ст. 205–205.6);
- 3) преступления экстремистского характера (ст. 282–282.3);
- 4) должностные преступления (ст. 285–285.4)¹.

Подобный подход избран и применительно к дифференциации ответственности и пенализации преступлений против водных биологических ресурсов (ст. 256 УК), незаконной охоты (ст. 258 УК). Предусмотренные названными статьями составы преступлений, которые можно признать базовыми, были дополнены их квалифицированной разновидностью Федеральным законом от 02.07. 2013 г. № 150-ФЗ, включившим в систему Особенной части УК РФ ст. 258.1 «Незаконная добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации». Появление этой статьи было обусловлено существенным расширением сферы и объема незаконной добычи (вылова) водных биоресурсов, чему способствовало отсутствие должных идеологических устоев в обществе, низкая правовая и экологическая культура, правовой нигилизм, проявление безразличия к охране природы и браконьерству [3, с. 44–46; 2, с. 51–57]. Кроме того, сложившаяся в России социально-

экономическая и политическая ситуация, породила теневой и очень дорогой икорно-рыбный рынок, который привлекает к себе браконьеров, скупщиков рыбы и икры, добытых преступным путем. Отмеченные негативные обстоятельства, в определенной степени, способствовали созданию и функционированию в стране организованных преступных групп и сообществ. Вполне закономерно, что отмеченный комплекс формирует и криминальную ситуацию в сфере незаконной охоты и добычи водных биологических ресурсов. В ответ на эти вызовы криминала законодателю необходимо было обеспечить активное противодействие организованным формам преступного посягательства, в том числе, посредством построения более строгих санкций соответствующих частей ст. 258.1 УК РФ [4, с. 200–204]. При этом следует более четко и строго дифференцировать уголовную ответственность в зависимости от размера причиненного ущерба биоресурсам, окружающей природной среде и экономической сфере в целом [5, с. 23–24].

Дифференциации уголовной ответственности как одному из важнейших процессов, сопровождающих акт криминализации общественно опасных деяний, уделяется особое внимание в осуществляемой любым государством уголовной политике [6, с. 22]. Она представляет собой направление развития явления, принцип, руководящую идею права вообще и тенденцию уголовно-правовой политики, в частности [7]. Как показали социологические исследования, проведенные в разное время отечественными учеными, уголовно-правовое воздействие имеет ожидаемый социальный эффект, оказывает максимальное воздействие на сознание и поведение людей лишь тогда, когда предлагаемые уголовно-правовые меры соответствуют реальной действительности, т.е., совокупности социально-экономических, демографических и иных факторов. Дифференциацию уголовной ответственности можно определить как установление законодателем в уголовном законе основанного на учете характера и степени общественной опасности содеянного, личности и степени общественной опасности виновного различного объема неблагоприятных уголовно-правовых последствий для лиц, совершивших преступления. Она заключается в регламентации в законе различных ее видов в зависимости от характера и степени общественной опасности правонарушения, личности виновного. В конкретных условиях сложившейся криминальной ситуации по воле законодателя поведение лица может превратиться в преступление, и наоборот, преступление перестает быть таковым со всеми вытекающими из этого последствиями [8, с. 48–66]. Оба названных процессов при их реализации влекут как правило серьезные социальные и правовые по-

¹ В названии статьи употреблен сокращенный вариант законодательной редакции наименования ст. 258.1 УК РФ.

следствия, нередко нежелательные для общества.

Следовательно, дифференциация уголовной ответственности входит в компетенцию исключительно законодателя, он *признается единственным ее субъектом*. Исходной базой дифференциации является типовая степень общественной опасности совершенного преступления и личности виновного. Применительно к исследуемому преступлению законодатель создает наряду с основным квалифицированные и особо квалифицированные составы. *Дифференциация осуществляется с помощью правовой оценки повышенной общественной опасности квалифицирующих признаков объективного и субъективного характера*. С их учетом устанавливаются соответствующие им новые рамки санкций (объективизация пенализации), повышенные по сравнению с рамками санкций, определенных за основной состав преступления.

Проблемы пенализации рассматриваемых преступлений органически связаны с процессами криминализации, лежащими в основе противодействия им. Основной вопрос при криминализации состоит в том, каким образом должна быть в данную историческую эпоху проведена демаркационная линия между преступным и непроступным, наказуемым или ненаказуемым. В процессе криминализации вполне обоснованно на первый план выдвинуто объективное мерило, т.е. *общественная опасность криминализуемых деяний* [1, с. 210–240]. Как отмечают В.Л. Кондратьев и В.С. Овчинский, «криминализации могут подлежать лишь объективные проявления агрессии, экспансии и обмана, посягающие на жизнь, блага, систему. Власть при отделии преступного от непроступного должна опираться не на произвольные усмотрения, но на содержание поведения субъектов, содержание, измеренное и оцененное по всеобщей для человечества, имеющей этическую природу шкале добра и зла» [9, с. 22].

Таким образом, законодательные решения о пенализации, органически связанные с процессами криминализации и декриминализации соответствующих деяний, дифференциации ответственности за их совершение, лежат в основе формирования уголовно-правовой политики противодействия преступлениям, в том числе направленным против животного мира. Этот вопрос является исходным и первоначальным, а потому решить его нужно раньше, чем будет говорить не только о применении наказаний, но и о предупреждении преступлений [10].

Осложнение криминальной ситуации в сфере противодействия преступлениям против животного мира побудило законодателя к внесению корректив в законодательство в части дифференциации ответственности за исследуемый вид преступлений и их пенализации. Суть этих решений заключается в следующем:

– *во-первых*, использован распространенный подход, заключающийся в создании новых спе-

циальных норм (в данном случае пенализация выступает в качестве результата криминализации соответствующих общественно опасных деяний);

– *во-вторых*, применен метод «*приспособления*» под реальную криминогенную ситуацию в интересующей нас сфере общественных отношений уже существующих норм. В этом случае также возможны два пути развития законодательства: *первый* – это дополнение ст. 256, 258 УК новыми квалифицирующими признаками или самостоятельными квалифицированными составами; *второй* заключается в изменении санкций норм (видов и размеров наказаний и иных мер уголовно-правового характера);

– *в-третьих*, в 2013 г. в УК РФ введена новая специфическая статья – 258.1, регламентирующая ответственность за незаконную добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации.

Для того, чтобы понять логику подхода законодателя к дифференциации уголовной ответственности за анализируемый вид преступлений и к регламентации их пенализации, рассмотрим серьезные коррективы, внесенные в содержание ст. 258.1 УК РФ Федеральными законами в 2017, 2018, 2019 гг. Ими была усложнена действовавшая в тот период дифференциация уголовной ответственности за незаконную добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ. Особого внимания заслуживают дополнения редакции ст. 258.1 УК РФ, внесенные Федеральным законом от 27 июня 2018 г. №157-ФЗ, включившим в ее структуру новые квалифицированные составы (ч. 1.1, 2.1, 3.1), основанные на соответствующих объективных и субъективных признаках. С их учетом, законодатель корректировал содержание санкций всех квалифицированных видов названного преступления.

Данный подход законодателя к разрешению исследуемых проблем вызывает определенные вопросы.

Во-первых, обоснована ли законодательная новелла, выразившаяся во введении Федеральным законом от 02.07. 2013 г. № 150-ФЗ в УК РФ статьи 258.1, установившей ответственность за добычу особо ценных животных. Их перечень установлен постановлением правительства РФ от 31 октября 2013 г. № 978 как стратегически важных товаров и ресурсов флоры и фауны. Они включены в Красную книгу России и охраняются международными договорами. Как нам представляется, решение законодателя о включении ст. 258.1 в структуру УК РФ в определенной степени не отвечает принципу системности уголовно-правовых установлений и порождает нежелательную конкуренцию с уже действующими уголовно-правовыми нормами. Прежде всего, с

нормой, сформулированной в п. «в» ч. 1 ст. 258 УК, устанавливающей ответственность за незаконную добычу птиц и зверей, охота на которых *полностью запрещена!* Перечень таких животных также установлен постановлением Правительства РФ от 31 октября 2013 г. № 978. Они занесены в Красную книгу Международного союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП), а также Красную книгу РФ. Их охране посвящены международные договоры и конвенции [11].

В этой связи следует отметить, что составы названных преступлений имеют идентичные объект и предмет, объективную и субъективную стороны. Однако *последствия квалификации* совершенного деяния по той либо иной статье существенно различаются, так как законодатель демонстрирует различный подход к дифференциации уголовной ответственности за эти преступления и, соответственно, к пенализации. Так, за незаконную добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биоресурсов (ч. 1 ст. 258.1 УК РФ) максимальное наказание установлено в виде *лишения свободы на срок до 5 лет со штрафом в размере от 500 тыс. до 1 млн 500 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 1 года до 3 лет или без такового и с ограничением свободы на срок до 2 лет или без такового*. В то же время за незаконную добычу диких животных, охота на которых *полностью запрещена* («в» ч. 1 ст. 258 УК), максимальное наказание установлено в виде *лишения свободы на срок до 2 лет*. Сложившаяся ситуация, несомненно, требует адекватного разрешения.

Еще более осязаемый диссонанс наблюдается при дифференциации уголовной ответственности за квалифицированные виды этих преступлений. В ст. 258.1 УК РФ законодатель предусмотрел два квалифицированных состава, сконструированные и в ст. 258:

— ч. 2 ст. 258.1 устанавливает ответственность за незаконную добычу особо ценных диких животных и водных биоресурсов *лицом с использованием своего служебного положения*. *Наказание за это деяние определено в виде лишения свободы на срок до 6 лет со штрафом в размере до 2 млн руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 5 лет или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет;*

— ч. 3 ст. 258.1 – за совершение указанных деяний организованной группой. Наказание за это деяние – *лишение свободы на срок от 5 до 7 лет со штрафом в размере до 2 млн руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 5 лет или без такового, с ограничением свободы на срок до 2 лет или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет или без такового*.

В свою очередь, в ч. 2 ст. 258 УК РФ предусмотрены те же два квалифицирующих признака:

а) добыча диких животных, охота на которых полностью запрещена, лицом с использованием своего служебного положения;

б) эти же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Максимальное наказание за эти деяния установлено в виде *лишения свободы на срок от трех до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового*.

В ракурсе исследования для нас представляет интерес позиция законодателя, изменившего первоначальную редакцию квалифицирующего признака в ч. 2 ст. 258.1 УК РФ «совершение деяния *должностным лицом* с использованием своего служебного положения» на более широкую – «*лицом с использованием своего служебного положения*». Тем самым, законодатель приблизил этот признак к закреплённому в ч. 2 ст. 258 УК РФ. В соответствии с приведенными законодательными формулировками субъектами названных квалифицированных составов будут как должностные лица, так и государственные либо муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами, а равно лица, выполняющие управленческие функции в соответствующих организациях. Действующее уголовное законодательство содержит понятия этих категорий лиц (примечание 1 к ст. 201, примечание 1 и 4 к ст. 285 УК РФ).

Закономерно возникает вопрос: Почему в рассматриваемых случаях при *идентичном* посягательстве на *идентичный объект и предмет преступления* формулировка квалифицирующего признака была *различная*?

Отмеченная нами конкуренция между ст. 258 и ст. 258.1 УК РФ не затронула ст. 256 УК РФ, регламентирующую ответственность за незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов. Она не содержит указания на состав преступления, аналогичный тому, что предусмотрен п. «в» ч. 1 ст. 258 УК РФ.

Встает еще один вопрос, связанный с пенализацией анализируемых преступлений. Так, не вполне понятны критерии, которыми руководствовался законодатель, предусматривая в санкции уголовно-правовой нормы дополнительное наказание в виде ограничения свободы. Оно содержится только в санкции ч. 1, 1.1, 3, 3.1 ст. 258.1 УК РФ, остальные нормы этой статьи его не предусматривают. В данной ситуации не представляется возможным выделить критерии, предопределившие решение о включении либо не включении в санкции названных норм этого дополнительного наказания.

Таким образом, анализ законодательной практики регламентации уголовной ответственности за незаконную добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемых международными договорами РФ, позволяет сделать следующие выводы:

1) имеет место нарушение принципа системности уголовно-правовых установлений, породившее нежелательную конкуренцию ст. 258.1 УК РФ с уже действующей нормой, сформулированной в п. «в» ч. 1 ст. 258 УК РФ, содержащих одинаковый дифференцирующий признак;

2) пенализация предусмотренных конкурирующими уголовно-правовыми нормами деяний несоразмерна, что вряд ли можно признать обоснованным решением законодателя;

Литература:

1. Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.М. Яковлева. М., 1982. С. 210–240.

2. *Максимов А.М.* Совершенствование правового регулирования ответственности за незаконную добычу водных животных и растений / А.М. Максимов // Экономика. Право. Печать. Вестник Кубанского социально-экономического института. Краснодар, 2004. № 1–3. С. 51–57.

3. *Гужвин А.* Уголовно-правовое регулирование ответственности за браконьерство / А. Гужвин, А. Максимов // Российская юстиция. 2002. № 12. С. 44–46.

4. Основным критерием обоснования необходимости пенализации общественно опасного деяния является выявление факторов, способствующих совершению преступлений, и решение вопроса об их устранении посредством мер уголовно-правового воздействия. См.: Собин Д.В. Пенализация нарушений правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств: законодательные и правоприменительные аспекты / Д.В. Собин // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции (г. Новороссийск, 15 сентября 2017 г.). Краснодар, 2017. С. 200–204.

5. *Прохоров Л.А.* Дифференциация уголовной ответственности при рецидиве преступлений: соотношение законодательных подходов в нормах Общей и Особой части УК РФ / Л.А. Прохоров, М.Л. Прохорова, Е.А. Жарких // Российский следователь. 2018. № 6. С. 23–24.

6. *Максимов А.М.* Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности животного мира: концептуальные основы и перспективы оптимизации : автореф. дис... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2015. С. 22.

7. См.: *Лесниевски-Костарева Т.А.* Дифференциация уголовной ответственности. Теория и

3) следует подчеркнуть отсутствие конкуренции ст. 258.1 со ст. 256 УК РФ, регламентирующей ответственность за незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов;

4) правоприменитель при квалификации незаконной добычи особо ценных диких животных, занесенных в Красную книгу Российской Федерации, стоит перед дилеммой – какую уголовно-правовую норму применить в отношении виновного? В связи с отмеченными обстоятельствами, мы полагаем, что п. «в» ч. 1 ст. 258 УК РФ целесообразно исключить.

5) санкции ч. 1, 1.1, 3, 3.1 ст. 258.1 УК РФ *включают дополнительное наказание* в виде ограничения свободы, санкции остальных частей этой статьи по непонятной причине его не предусматривают. Считаем целесообразным этот вид дополнительного наказания включить в содержание санкций всех частей названной статьи.

Literature:

1. The grounds of the criminal law prohibition: criminalization and decriminalization / Edited by V.N. Kudryavtsev, A.M. Yakovleva. M., 1982. P. 210–240.

2. *Maksimov A.M.* Improvement of legal regulation of liability for illegal extraction of aquatic animals and plants / A.M. Maksimov // Economy. Right. Print. Bulletin of the Kuban Socio-Economic Institute. Krasnodar, 2004. № 1–3. P. 51–57.

3. *Guzhvin A.* Criminal law regulation of responsibility for poaching / A. Guzhvin, A. Maksimov // Russian justice. 2002. № 12. P. 44–46.

4. The main criterion for substantiating the need to penalize a socially dangerous act is to identify factors contributing to the commission of crimes and to resolve the issue of their elimination through measures of criminal legal impact. See: Sobin D.V. Penalization of violations of traffic rules or vehicle operation: legislative and law enforcement aspects / D.V. Sobin // Criminal policy and culture of countering crime: materials of the International Scientific and Practical Conference (Novorossiysk, September 15, 2017). Krasnodar, 2017. P. 200–204.

5. *Prokhorov L.A.* Differentiation of criminal liability in case of recidivism of crimes: correlation of legislative approaches in the norms of the General and Special parts of the Criminal Code of the Russian Federation / L.A. Prokhorov, M.L. Prokhorova, E.A. Zhar-kikh // Russian investigator. 2018. № 6. P. 23–24.

6. *Maksimov A.M.* Criminal policy in the field of ensuring the safety of the animal world: conceptual foundations and prospects for optimization : abstract of dis. ... of dr. jurid. sciences. Krasnodar, 2015. P. 22.

7. See: *Lesnievsky-Kostareva T.A.* Differentiation of criminal responsibility. Theory and legislative

законодательная практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000; [и др.].

8. *Кругликов Л.Л.* Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, А.В. Васильевский. СПб., 2003. С. 48–66.

9. *Кондратюк Л.В.* Криминологическое измерение / Л.В. Кондратюк, В.С. Овчинский. М., 2008. С. 22.

10. *Чубинский М.П.* Курс уголовной политики. Ярославль, 1909.

11. Курс уголовного права. Т. 4. Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. М., 2002. С. 548.

practice. 2nd ed., reprint. and additional. М., 2000; [et al.].

8. *Kruglikov L.L.* Differentiation of responsibility in criminal law / L.L. Kruglikov, A.V. Vasilevsky. SPb., 2003. P. 48–66.

9. *Kondratyuk L.V.* Criminological dimension / L.V. Kondratyuk, V.S. Ovchinsky. М., 2008. P. 22.

10. *Chubinsky M.P.* Course of criminal policy. Yaroslavl, 1909.

11. Course of criminal law. Vol. 4. Special part / Edited by G.N. Borzenkov and V.S. Komissarov. М., 2002. P. 548.

Журавлева Алена Владимировна
кандидат философских наук,
доцент кафедры
гражданского права и процесса,
Российский православный университет
святого Иоанна Богослова
jur.a@bk.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В данной статье автор анализирует современные правовые концепции о перспективах наделяния правосубъектностью сложных систем с искусственным интеллектом, рассматривает различные теоретические конструкции юридического статуса и перспективу их применение к системам с искусственным интеллектом. В процессе анализа актуальных зарубежных и российских публикаций автор делает вывод о том, что мировому юридическому сообществу необходимо быть готовым к вызовам цифровой и технологической реальностям, когда возможности и перспективы сложных систем с ИИ совпадут с интеллектуальными способностями человека и даже будут превосходить их. Автор считает, что нельзя медлить с принятием законодательных мер в этой прорывной сфере правоотношений, и в первую очередь необходимо опередить рамки и возможные формы существования правосубъектности сложных систем с ИИ, выделить возможные и допустимые пределы применения норм права в отношении разработчиков, пользователей и выгодополучателей и других заинтересованных лиц с целью минимизации криминализации рассматриваемых в предложенной статье правоотношений.

Ключевые слова: право, искусственный интеллект, правосубъектность, юридическое лицо, физическое лицо, субъект права, объект права, искусственный интеллект, корпорация, авторское право.

Современный мир, перегруженный большим объемом информации, сложно представить без глобального применения систем с использованием искусственного интеллекта (ИИ). Человечество давно пыталось алгоритмизировать процессы анализа больших объемов информации при решении сложных задач и сегодня нет ни одной сферы деятельности или производства без участия автономных систем ИИ. В правовом поле сегодня отсутствует правовой статус данного объекта и это порождает серьезные дискуссии в юридическом сообществе о необходимости введения новых юридических терминов и предоставления определенного юридического статуса

Elena V. Zhuravleva
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department
Civil Law and Process,
Russian Orthodox University
of St. John the Theologian
Moscow, jur.a@bk.ru

MODERN PROBLEMS OF DEFINITION LEGAL PERSONALITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation. In the proposed article, the author analyzes modern legal concepts about the prospects of granting legal competence to complex systems with artificial intelligence, examines various theoretical constructions of legal status and the prospect of their application to systems with artificial intelligence. In the process of analyzing current foreign and Russian publications, the author concludes that the global legal community needs to be prepared for the challenges of digital and technological realities, when the capabilities and prospects of complex AI systems coincide with human intellectual abilities and even surpass them. The author believes that it is impossible to delay the adoption of legislative measures in this gap area of legal relations, and first of all it is necessary to get ahead of the framework and possible forms of existence of legal personality of complex systems with AI, to identify possible and permissible limits of the application of legal norms in relation to developers, users and beneficiaries and other interested persons in order to minimize the criminalization of the legal relations considered in the proposed article.

Keywords: law, artificial intelligence, legal personality, legal entity, individual, subject of law, object of law, artificial intelligence, corporation, copyright.

ИИ. Важной задачей для законодателя сегодня является ликвидация правовой лакуны в нормативно-правовых актах, регулирующих гражданско-правовую и другие виды ответственности в правоотношениях с участием сложных систем с ИИ.

Есть концепции, которые предлагают считать системы с ИИ объектами права интеллектуальной собственности, не придавая им отдельного и особого правового статуса, предотвратив тем самым возможные манипуляции и злоупотребления с системами с ИИ. Системы с ИИ в этом случае рассматриваются как программа для ЭВМ, согласно ст. 1261 Гражданского кодекса

РФ – «совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования электронно-вычислительных машин и других компьютерных устройств в целях получения определённого результата» [2].

Большинство теоретиков права уже сейчас обосновывают основания, по которым законодатель может признать автономные и непрозрачные системы с ИИ субъектом права как физическое лицо. Известный австралийский ученый, философ, профессор права Национального Университета Сингапура Саймон Честерман в своей работе «Искусственный интеллект и пределы правосубъектности» пишет: «По мере приближения систем искусственного интеллекта к точке неотличимости от человека, они должны иметь право на статус, сравнимый с физическим лицом» [6, с. 819]. В частности, Саймон Честерман считает, что возможно рассматривать системы со сложным ИИ как физическое лицо только при условии прохождения ими теста Тьюринга – «в этом случае ИИ имеет право на статус, сравнимый с физическими лицами» [6, с. 814]. Однако сторонники этой концепции не могут прийти к однозначному мнению – на каком основании систему с ИИ можно наделить правосубъектностью физического лица, «так как возникновение правосубъектности у системы с ИИ по факту «рождения» или создания невозможно» [6, с. 820].

Возможно, ввиду этих обстоятельств, большинство правоведов предлагают предоставить правосубъектность сложной системе с ИИ как искусственно созданному юридическому лицу с ИИ в объеме наиболее распространенной организационной правовой форме – корпорации.

Детально рассматривая корпорацию как оптимальную организационно-правовую форму для систем с ИИ, необходимо отметить, что в современном мире существует большое количество теоретических конструкций юридического лица, которые не содержат единой и четкой концепции юридического лица. Многие зарубежные авторы, используя признаки юридического лица, признают юридическими лицами различные образования, в этом случае понятия «юридическое лицо» и «корпорация» используются как синонимы; другие авторы большое значение в этом вопросе придают самой природе юридического лица [7, с. 10].

Современное российское законодательство согласно ст. 65.1 ГК РФ, корпорацией признает «организацию, наделенную набором признаков: должна иметь в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечать по своим обязательствам в рамках принадлежащего ей имущества, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде» [2].

Правоспособность как дееспособность и деликтоспособность корпорации возникают одновременно в момент государственной регистрации и прекращаются в момент ликвидации корпорации.

Сторонники различных теорий о юридических лицах сходятся в своих взглядах в одном – корпорация обладает правосубъектностью, объемом которой регламентирован государством, является искусственным образованием и существует только с точки зрения закона. Принято считать, что для предоставления статуса юридического лица необходимо законодательное или судебное решение, но сторонники этой концепции полагают, что пробелы в законодательстве предполагают возможность предоставить статус юридического лица программному обеспечению с элементами ИИ без необходимости внесения поправок в законодательство или принятия судебного решения [7, с. 12].

Судья Московского Арбитражного суда П.М. Морхат предлагает ввести в правовое поле новый субъект правоотношений – электронное лицо, указывая на то, что «правосубъектностью электронное лицо следует наделять только в отношении сложных роботизированных систем с ИИ», данное понятие автор предлагает называть «гибридным», объясняя это тем, что «правосубъектностью электронного лица содержит в себе как элементы правосубъектности физических так и юридических лиц, которые пересекаются, при этом обладая своей уникальностью» [4, с. 86]. Как полагает П.М. Морхатов, «электронное лицо» – это «обладающий некоторыми признаками юридической фикции технико-юридический образ, отражающий, воплощающий и детерминирующий в юридическом пространстве конвенционально специфическую правосубъектность персонафицированного юнита искусственного интеллекта, обособленную от человеческого субстрата и гетерогенную в зависимости от функционально-целевого назначения и возможностей такого юнита, и в силу этого аппроксимированный к конкретному целеполаганию производства и задействования такого юнита, т.е. его функционально-целевому назначению» [4, с. 91].

Известный российский цивилист Р.О. Оморев по этому поводу пишет: «Наиболее популярными являются предложения, приравнивающие ИИ к юридическому лицу в форме корпорации и возможности придания ИИ статуса физического лица. Также, интересно предложение рассматривать ИИ как электронное лицо» [5, с. 48]. Автор полагает, что данный тезис далеко не бесспорный, и в связи с такой постановкой вопроса не избежать возможных злоупотреблений со стороны пользователей и разработчиков систем с ИИ.

Необходимо отметить, что в юридической литературе предпринимались и продолжают предприниматься попытки классифицировать возможные формы правоспособности интеллектуальных систем с ИИ. Сегодня предложено множество вероятных промежуточных вариантов правосубъектности, как полагает автор, к наиболее перспективным организационно-правовым формам относятся – «объект с особым правовым положением», «особый участник правоотношений», «квасисубъект», «субъект отдельных правоотношений с полномочиями лица, замещающего государственную должность» [4, с. 102].

В Российской Федерации большинство ученых отдают предпочтение концепции «квазисубъектности» искусственного интеллекта, рассматривают его способность быть как бы субъектом права [3, с. 53].

Информационные технологии стремительно развиваются, сегодня они используются для получения прибыли в частных и публичных гражданских правоотношениях, и интересах. Для гарантии высокоэффективного функционирования робототехники с интеллектуальными системами ИИ необходимо ликвидировать правовую лагуну в сфере использования указанных технологий. В этом контексте, по мнению ученых, законодателью будет необходимо принять ряд мер по ограничению прав разработчиков, пользователей и собственников таких сложных объектов права.

Предполагается возможным ограничить или вовсе изъять у обладателей вещных прав возможность уничтожить вещь или ограничить возможность влиять на степень ее функциональности и производительности. В рассмотренном случае корректно будет говорить об уменьшении объема правоспособности до «объекта права с особым правовым положением» или «участника правоотношений с ограниченной правоспособностью» [3, с. 68].

При наделении систем ИИ с личностными качествами возможно предоставить им только права без обязательств. Эта модель позволяет собственнику действовать от имени правообладателя, не являющегося человеческим индивидом.

Возможен вариант, когда правосубъектность сложной системы с ИИ будет наделена только обязательствами; на первый взгляд, эта перспектива выглядит достаточно привлекательно, но если говорить о возможной гражданско-правовой ответственности, то в это варианте убытки могут быть выплачены только при условии наличия права собственности у правонарушителя. Эта конструкция создает большие возможности для перекладывания возможных рисков на новые электронные лица и позволяет физическим и традиционным юридическим лицам уходить от ответственности.

Аналогичная проблема может возникнуть и с корпорациями, организационно-правовой формой которых могут прикрываться недобросо-

Литература:

1. Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 г. С рекомендациями Комиссии по нормам гражданского права в области робототехники. URL : https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-82017-006_EN.html (дата обращения 26.12.2021).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть четвертая: Принят Гос. Думой 23 апреля 1994 года, с изменениями и дополнениями по состоянию на 10 апреля 2009 г. // Собрание законодательства РФ. 1994. № 22.

вестные владельцы и пользователи систем с ИИ. Обязательное требование гражданского законодательства любой страны о необходимости указывать организационно-правовую форму юридического лица позволяет предотвратить «злоупотребление формой».

В предложенной статье автор делает попытку рассмотреть насущные вопросы, связанные с возможностью наделения сложных систем с ИИ определенным юридическим статусом. На современном этапе вопросы, касающиеся признания систем с ИИ личностью, пока представляют собой только теоретические конструкции, но это не означает, что они не будут осуществлены в юридической практике. В 2017 году Европейский парламент признал, что способность нести ответственность является одним из основных достоинств сложных систем с ИИ, это утверждение предполагает скорейшую ликвидацию правовых лагун в этой сфере. Созданная Европейская комиссия в приоритетные направления развития «Стратегии формирования цифровой доктрины» поставила вопрос о «создании правового статуса для роботов в долгосрочной перспективе, с тем, что бы самые сложные автономные роботы могли быть в скорейшем времени наделены статусом «электронных лиц», ответственных за возмещение любого ущерба, который они могут причинить, и, возможно использующих электронное лицо в случаях, когда роботы принимают автономные решения или иным образом независимо взаимодействуют с третьими сторонами» [1].

Изложенный в статье материал позволяет сделать вывод о том, что возможности сложных систем с ИИ в ближайшем будущем могут совпасть с возможностями человеческого интеллекта, и скорее всего, на этом системы с ИИ не остановятся. Нужно быть готовым к тому, что самообучающийся высокоразвитый интеллект сможет превзойти человека.

С точки зрения автора для законодателя, в первую очередь, сегодня необходимо определить рамки правосубъектности сложных систем с ИИ, просчитать вероятность наложения любых форм ответственности, выделить допустимость и пределы применения современных норм права об ответственности в отношении разработчиков систем с ИИ, их пользователей, операторов и других заинтересованных лиц.

Literature:

1. Resolution of the European Parliament of February 16, 2017 With the recommendations of the Commission on Civil Law in the Field of Robotics. URL : https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-82017-006_EN.html (date of application 26.12.2021).
2. The Civil Code of the Russian Federation: Part Four: Adopted by the State Duma on April 23, 1994, with amendments and additions as of April 10, 2009 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 22.

3. *Kapliev A.S.* Критика национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года / А.С. Каплиев // право и государство: теория и практика. 2020. № 2(129). С. 53–68.

4. *Morkhat P.M.* Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта. Гражданско-правовое исследование. М, 2020. С. 95–102.

5. *Omorov P.O.* Интеллектуальная собственность и искусственный интеллект // Р.О. Оморов. E-management. 2020. № 1. С. 48.

6. *Chesterman S.* Artificial intelligence and the limits of legal personality / S. Chesterman // International and comparative law quarterly. 2020. Vol. 69. № 4. P. 814–819.

7. *Ympolskiy R.V.* Human indignity: From legal AI personhood to selfish memes / R.V. Ympolskiy; Ed. by S.J. Tompson // machine law, ethics and morality in the age of Artificial Intelligence. Hershey, 2021. P. 7–10.

3. *Kapliev A.S.* Criticism of the national strategy for the development of artificial intelligence for the period up to 2030 / A.S. Kapliev // law and state: theory and practice. 2020. № 2(129). P. 53–68.

4. *Morkhat P.M.* Legal personality of artificial intelligence units. Civil law research. M, 2020. P. 95–102.

5. *Omorov R.O.* Intellectual property and artificial intelligence / R.O. Omorov // Electronic management. 2020. № 1. P. 48.

6. *Chesterman S.* Artificial intelligence and the limits of legal personality / S. Chesterman // International and comparative law quarterly. 2020. Vol. 69. № 4. P. 814–819.

7. *Ympolskiy R.V.* Human indignity: From legal AI personhood to selfish memes / R.V. Ympolskiy; Ed. by S.J. Tompson // machine law, ethics and morality in the age of Artificial Intelligence. Hershey, 2021. P. 7–10.

Заслонов Ярослав Анатольевич
аспирант кафедры
уголовного права, криминологии
и национальной безопасности,
Чеченский государственный
университет имени А.А. Кадырова
trak999@mail.ru

ГЕНЕЗИС ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ ОХОТУ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация. В науке в разные периоды ее развития уделялось внимание исследованию проблем становления и развития норм, устанавливающих уголовную ответственность за экологические преступления. Автором проведено исследование развития правового механизма противодействия преступлениям в сфере незаконной охоты. Рассмотрены основные этапы формирования законодательства анализируемого периода в сфере противодействия незаконной охоте. На основании проведенного в данной статье анализа, он отмечает, что данный исторический период характеризуется спецификой в регулировании вопросов об ответственности за незаконную охоту.

Ключевые слова: уголовный кодекс, экологические преступления, правовой механизм, преступления в сфере использования объектов животного мира, этапы формирования законодательства в сфере противодействия незаконной охоте.

Изучение и решение проблем, связанных с установлением и реализацией уголовной ответственности за незаконную охоту в современный период времени, необходимо учитывать периоды формирования и развития уголовного законодательства в этой сфере, что позволит совершенствовать уголовное законодательство наиболее эффективно.

Как справедливо подчеркивал видный дореволюционный ученый и историк Н.М. Карамзин, «история в некотором смысле есть священная книга народов: главная и необходимая; зеркало их бытия и деятельности; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего» [1, с. 589].

Важно отметить, что в науке в разные периоды времени уделялось внимание исследованию проблем становления и развития норм, устанавливающих уголовную ответственность за экологические преступления. Работа в этом направлении активно велась также в советские годы.

Yaroslav A. Zaslouov
Postgraduate Student
of the Department of Criminal Law,
Criminology and National Security
Kadyrov Chechen State University
trak999@mail.ru

GENESIS OF LEGISLATIVE REGULATION OF RESPONSIBILITY FOR ILLEGAL HUNTING IN THE POST-SOVIET HISTORICAL PERIOD

Annotation. In science, at different periods of its development, attention was paid to the study of the problems of the formation and development of norms establishing criminal liability for environmental crimes. The author conducted a study of the development of the legal mechanism for countering crimes in the field of illegal hunting. The main stages of the formation of legislation of the analyzed period in the field of countering illegal hunting are considered. Based on our analysis, we note that this historical period is characterized by specifics in the regulation of issues of responsibility for illegal hunting.

Keywords: criminal code, environmental crimes, legal mechanism, crimes in the use of wildlife objects, stages of formation of legislation in the field of countering illegal hunting.

При этом вопросы исторического развития таких норм в науке уголовного права изучены мало. В последние годы генезис экологических преступлений исследовался в ряде диссертационных работ.

В теории уголовного права учеными выделяются следующие этапы зарождения и генезиса уголовного законодательства в исследуемой сфере:

- 1) первоначальный этап (XI–XIX вв.);
- 2) основной этап формирования и генезиса уголовно-правовых норм (XIX–XX вв.);
- 3) современный этап (XX–XXI вв.).

Отдельные исследователи в своих трудах только кратко представляют исторический очерк, затрагивающих вопросы генезиса уголовных норм, регламентирующих ответственность за незаконную охоту.

На наш взгляд, в данном вопросе правильнее руководствоваться моделью периодизации истории России и изучить пять исторических периодов, в каждом из которых наличествуют характерные именно для него особенности в регулировании вопросов уголовной ответственности за незаконную охоту:

- начальный (с X века по 1845 г.);
- дореволюционный (с 1845 г. до 1917 г.);
- советский период (с 1917 г. по 1991 г.);
- постсоветский (с 1991 г. по 1996 г.); современный период (с 1996 г. по настоящее время).

При этом совершенно очевидно, что каждый исторический период характеризуется определенными чертами, обусловленными развитием общества.

Отметим, что проблема взаимодействия природы и общества существовала во все времена и современный период отечественной истории также является актуальной. Эта проблема возникла с момента возникновения процесса взаимодействия между природой и человеком. В период первобытно-общинного строя возникали неписанные правила поведения человека в отношении среды его обитания. Как верно отмечает Е.В. Бархатова, добыча зверя всегда была неотъемлемой частью существования человека. Человек получал все необходимое для сохранения жизни – еду и одежду, посредством охоты [2, с. 96]. Разумеется, нельзя было допустить опасность единственному доступному источнику жизнеобеспечения. Таким образом, если в настоящее время сохранение популяции животных, бережное к ним отношение – задача, в некотором смысле, этическая, для наших очень далеких предков это было жизненно значимой задачей.

Постсоветский исторический период времени берет свое начало с 1991 г. с периода распада СССР. В последующие годы происходили существенные преобразования в политической, экономической, социальной сферах. Этот период также характеризуется обновлением правовой системы государства в связи с проводимой в стране судебной-правовой реформы, совершенствованием деятельности правоохранительных органов.

19 декабря 1991 г. был принят Закон РСФСР «Об охране окружающей природной среды» [3, с. 115]. В комплексе с мерами организационного, правового, экономического и воспитательного воздействия закон этот должен был формировать и укреплять экологический правопорядок. Важная роль отводилась законодателем принятому Закону и в вопросах обеспечения экологической безопасности в нашей стране.

Кроме того, в этот период времени рассматриваемые нами выше Типовые правила охоты 1988 г. подверглись изменениям и дополнениям. В частности, изменениями, внесенными в этот документ 30 мая 1991 г., устанавливалось, что ко-

личество лицензий на добычу диких копытных животных и бурых медведей, выдаваемых охотнику, определяется местными советами народных депутатов, исходя из запасов этих животных в данной местности (в ред. приказа Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников от 30 мая 1991г. № 157). В последующие годы в рассматриваемый документ также были внесены изменения и дополнения.

С 1996 г. начинается следующий исторический период формирования уголовного законодательства в исследуемой нами области.

01 января 1997г. вступил в силу Уголовный кодекс Российской Федерации. В основе данного нормативно-правового акта лежали принципы ранее принятой Конституции РФ, общепризнанные международные правовые акты.

В свете исследуемой темы уделим особое внимание главе 26 «Экологические преступления». Появление в УК РФ главы с таким названием свидетельствует о дальнейшей ориентации законодателя на проблемы видового разнообразия животных, сохранения природных экологических систем, и, в целом, окружающей среды. Согласимся с мнениями исследователей, об ориентированности законодателя на приоритет экологических интересов перед экономическими достижениями [4, с. 183].

Так, УК РСФСР, в отличие от УК РСФСР 1960 года, признает среду обитания основой жизни и здоровья человека. Экологические посягательства представляются преступлениями против человека. Представления об общественной опасности этих преступлений также существенно меняются. Разработчики уголовного законодательства учитывают характер и тяжесть вреда, который может быть причинен здоровью и жизни человека экологическими преступлениями. В данной главе предусмотрена ст. 258 «Незаконная охота». За период действия уголовного закона в эту статью неоднократно вносились изменения и дополнения, что свидетельствует о пристальном внимании законодателя к проблемам незаконной охоты и стремлением совершенствовать указанную норму [5, с. 127].

В рамках проведенного в 2013 году «Года охраны окружающей среды» был принят Федеральный закон от 02 июля 2013 г. № 150-ФЗ. Этим законом в УК РФ введена ст. 258.1, установившая ответственность за незаконные добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемых международными договорами Российской Федерации [6, с. 302].

Изменения, внесенные законодателем в редакцию ст. 258 УК РФ в 2018 г., расширили часть 2 рассматриваемой статьи таким квалифицирующим признаком, как деяние, причинившее особо крупный ущерб. Введено примечание к статье, где определен крупный и особо крупный ущерб от незаконной охоты. Кроме того, внесены изменения в санкции частей 1 и 2 статьи.

Общественная опасность, которую представляет собой незаконная охота, с одной стороны, заключается в возможности приведения к исчезновению определенных видов животных, с другой – утрачивается генофонд фауны. В настоящее время обозначился новый подход к определению значимости общественных отношений, обеспечивающих благоприятную окружающую среду. Наличие уголовной ответственности за незаконную охоту представляется одним из основных средств защиты животного мира.

При исследовании и решении проблем, связанных с установлением и реализацией уголовной

ответственности за незаконную охоту в современный период необходимо учитывать периоды формирования и развития уголовного законодательства в этой сфере.

Современный период примечателен качественно иным подходом законодателя к понятию «общественные отношения по обеспечению благоприятной окружающей среды с целью сохранения разнообразия природного мира».

Предусматривающая ответственность за незаконную охоту ст. 258 УК РФ, является основным средством уголовно-правовой охраны животного мира.

Литература:

1. *Карамзин Н.М.* История государства Российского / Н.М. Карамзин; Отв. ред. Ю. Медведев. М. : Эксмо, 2009. 1020 с.
2. *Бархатова Е.Н.* Вопросы регламентации механизма реализации иных мер уголовно-правового характера / Е.Н. Бархатова // Человек: преступление и наказание. 2021. № 1. С. 90–100.
3. *Колбасов О.С.* Концепция экологического права / О.С. Колбасов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2016. № 1(17). С. 110–121.
4. *Вершило Н.Д.* Охрана окружающей среды, устойчивое развитие: проблемы и пути решения. М. : Юрлитинформ, 2019. 348 с.
5. *Краснова И.О.* Экологическое право / И.О. Краснова; Под ред. Н.Г. Жаворонкова, И.О. Краснова. М. : Проспект, 2014. 590 с.
6. *Бринчук М.М.* Экологическое право (право окружающей среды) : учебник для вузов. М. : Юрист, 2018. 459 с.

Literature:

1. *Karamzin N.M.* The history of the Russian state / N.M. Karamzin; Ed. Yu. Medvedev. M. : Eksmo, 2009. 1020 p.
2. *Barkhatova E.N.* Issues of regulation of the mechanism of implementation of other measures of a criminal-legal nature / E.N. Barkhatova // Man: crime and punishment. 2021. № 1. P. 90–100.
3. *Kolbasov O.S.* The concept of environmental law / O.S. Kolbasov // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2016. № 1(17). P. 110–121.
4. *Vershilo N.D.* Environmental protection, sustainable development: problems and solutions. M. : Yurlitinform, 2019. 348 p.
5. *Krasnova I.O.* Environmental law / I.O. Krasnova; Ed. by N.G. Zhavoronkov, I.O. Krasnov. M. : Prospect, 2014. 590 p.
6. *Brinchuk M.M.* Environmental law (environmental law) : textbook for universities. M. : Jurist, 2018. 459 p.

Зыков Даниил Алексеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
daniilzykov@mail.ru

Семенов Сергей Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной
службы исполнения наказаний
kurlak09@rambler.ru

**ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ
СОБСТВЕННОСТИ: ОПЫТ
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Аннотация. На основе анализа уголовного законодательства ряда зарубежных стран поднимается проблема об установлении такого смягчающего обстоятельства, как совершение кражи, мошенничества, присвоения или растраты у близкого родственника.

Ключевые слова: преступления против собственности, хищения, уголовное право зарубежных стран, преступления, привилегированные преступления.

Российскими и зарубежными законодателями накоплен большой опыт создания уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против собственности. Однако некоторые важные, на наш взгляд, вопросы не отражены в действующем уголовном законодательстве России. Это касается привилегированных преступлений против собственности. В до-революционном уголовном содержалось такое смягчающее обстоятельство, как кража и мошенничество у близкого родственника. В Уложении 1885 года [1] указывается данный смягчающий признак. В примечании к отделению третьему: «О краже» говорится, что дела о кражах между родителями и детьми и между супругами начинаются не иначе, как по жалобе того лица, у коего сделана покража; в примечании к отделе-

Daniil A. Zykov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of Department
Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Sentences
daniilzykov@mail.ru

Sergei A. Semenov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Sentences
kurlak09@rambler.ru

**PRIVILEGED CRIMES AGAINST
PROPERTY: THE EXPERIENCE
OF FOREIGN COUNTRIES AND
PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT
OF DOMESTIC CRIMINAL LEGISLATION**

Annotation. Based on the analysis of the criminal legislation of a number of foreign countries, the problem of establishing such a mitigating circumstance as the commission of theft, fraud, embezzlement or embezzlement from a close relative is raised.

Keywords: crimes against property, embezzlement, criminal law of foreign countries, crimes, privileged crimes.

нию четвертому «О мошенничестве» говорится: дела о мошенничестве между родителями и детьми и между супругами начинаются не иначе, как по жалобе понесшего от преступления убыток лица.

Во время работы над Модельным уголовным кодексом для государств-участников СНГ ряд ученых, в том числе В.С. Устинов предлагали внести несколько смягчающих обстоятельств совершения кражи:

- 1) вследствие нужды;
- 2) у близких родственников или в отношении общего имущества;
- 3) в целях оказания помощи другим лицам;

4) у лиц, приобретших имущество незаконным путем;

5) в небольших размерах по месту работы [2].

Однако рабочая группа в целом не поддержала идею привилегированных преступлений против собственности. В примечании к главе 28 Модельного УК нашел свое отражение только один смягчающий признак – хищение у близких родственников. Там говорится, что уголовное преследование в случае кражи, присвоения, растраты или мошенничества, совершенных в отношении имущества, являющегося собственностью членов семьи и иных близких родственников, осуществляется по заявлению потерпевшего. Привилегированность в данном случае заключается в особых отношениях между преступником и потерпевшим – они являются близкими лицами. Уголовное преследование в этом случае возможно только по заявлению потерпевшего.

Если обратиться к опыту зарубежных стран, то мы увидим, что в уголовном законодательстве ряда стран как ближнего, так и дальнего зарубежья имеется такой привилегированный признак преступлений против собственности, как хищение у близких родственников.

Проанализировав уголовное законодательство Армении, Дании, Польши, Республики Беларусь, ФРГ, Швеции, Японии можно сделать следующие выводы:

1) при совершении таких преступлений против собственности как кража, присвоение или растрата и мошенничество, уголовное преследование возбуждается не иначе как по заявлению потерпевшего. В ст. 244 УК Японии устанавливается, что кража ненаказуема, если она совершена между кровными родственниками по прямой линии, супругами или совместно проживающими родственниками.

2) преступник и потерпевший должны находиться в родственных отношениях, причем они могут быть как близкими родственниками, т.е. кровными родственниками по нисходящей или восходящей линии (брат, сестра, отец, мать, бабушка, дедушка), так и лицами не связанными кровными узами (например, согласно ст. 13 главы 8 УК Швеции в этот перечень лиц могут быть включены жених, невеста, сводные братья и сестры). УК Республики Беларусь и устанавливает более широкий перечень данных лиц, ими в соответствии с п. 6. примечания к главе 24 УК могут быть близкие потерпевшего.

3) преступления не должны содержать квалифицирующих признаков.

В России преступления против собственности являются самыми распространенными в общем массиве преступлений. По данным ГИАЦ МВД в 2021 году более половины всех зарегистрированных преступлений больше половины всех зарегистрированных преступлений (55,3 %) составляют хищения чужого имущества, совершенные путём: кражи – 733,1 тыс. (-2,4 %),

мошенничества – 339,6 тыс. (+1,2 %), грабежа – 31,5 тыс. (-18,1 %), разбоя – 4,4 тыс. (-16,0 %).

К сожалению, на сегодняшний день отсутствуют исследования в области криминологии и виктимологии, которые дали бы точный ответ на вопрос: сколько преступлений против собственности совершаются в отношении близких родственников. Тем не менее, Д.В. Ривман указывает, что в механизме краж заметно проявляется отношение «преступник-жертва»: около половины квартирных краж совершаются лицами, знающими потерпевших (соседями, родственниками, сослуживцами, иными знакомыми, включая случайных) [10].

На наш взгляд, было бы целесообразно внести в УК РФ данное смягчающее обстоятельство и дополнить примечание ст. 158 УК РФ пунктом 5, который бы учитывал отношения родства преступника и потерпевшего. Но с начала, необходимо дать разъяснения на некоторые спорные вопросы.

Во-первых, каковой должна быть степень родства лица совершившего преступление и потерпевшего от него. Как уже было сказано ранее, в уголовном законодательстве зарубежных стран существуют две позиции относительно степени родства лица совершившего преступление и потерпевшего от него. Первая позиция – лицо является близким родственником; вторая – лицо является близким потерпевшего. Согласно п. 4 ст. 5 УПК РФ близкими родственниками являются: супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки. Согласно п. 3. ст. 5 УКП РФ близкие лица – иные, за исключением близких родственников, лица, состоящие в свойстве с потерпевшим, свидетелем, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений. Мы считаем, что было бы целесообразно отнести к числу потерпевших не только близких родственников, но и близких лиц.

Во-вторых, относительно каких составов преступлений против собственности будет действовать данное примечание. На наш взгляд, это должно действовать относительно ст. 158 (кража), ст. 159 (мошенничество) и ст. 160 (присвоение или растрата) УК РФ. Мы полностью солидарны с зарубежными законодателями, которые включают в этот перечень только ненаказуемые преступления против собственности.

В-третьих, указанный смягчающий признак будет действовать лишь в том случае, если хищение не содержало квалифицирующих признаков. Также здесь не должен учитываться такой квалифицирующий признак как причинение значительного, крупного и особо крупного ущерба. Если же преступление совершено в соучастии, то оно будет действовать только в том случае, если исполнителем преступления был близкий потерпевшего. На остальных соучастников данное примечание не должно распространяться.

Таким образом, подводя итог выше сказанному мы предлагаем дополнить примечание к ст. 158

УК РФ пунктом пятым, и изложить его в следующей редакции:

5. В случае совершения кражи (ч. 1 ст. 158 УК РФ), мошенничества (ч. 1 ст. 158), присвоения или растраты (ч. 1 ст. 160 УК РФ) в отношении близких

Литература:

1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в редакции 1885 г.). СПб. : Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1913. Т. XV. Раздел XII. О преступлениях и проступках против частной собственности. С.178–195.
2. *Устинов В.С.* Российское уголовное законодательство об ответственности за преступления против собственности (история и концепция). Н. Новгород, 1997. С. 167.
3. Уголовный кодекс Республики Армения. СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2004.
4. Уголовный кодекс Дании. СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2001.
5. Уголовный кодекс Республики Польша. СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2001.
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь. М.
7. Уголовный кодекс ФРГ. М. : Зерцало, 2001.
8. Уголовный кодекс Швеции. СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2001.
9. Уголовный кодекс Японии. СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2002.
10. *Ривман Д.В.* Криминальная виктимология. СПб. : Питер, 2002. С. 198.

родственников или близких лиц, то уголовное дело возбуждается по заявлению потерпевшего.

Если преступление совершено в соучастии, то на соучастников данное примечание не действует.

Literature:

1. The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845 (as amended in 1885). SPb. : Russian Book Association «The Doer», 1913. Vol. XV. Section XII. On crimes and misdemeanors against private property. P.178–195.
2. *Ustinov V.S.* Russian criminal legislation on liability for crimes against property (history and concept). N. Novgorod, 1997. P. 167.
3. Criminal Code of the Republic of Armenia. SPb. : Publishing house «Legal Center Press», 2004.
4. The Criminal Code of Denmark. SPb. : Publishing house «Legal Center Press», 2001.
5. Criminal Code of the Republic of Poland. SPb. : Publishing house «Legal Center Press», 2001.
6. Criminal Code of the Republic of Belarus. M.
7. Criminal Code of Germany. M. : Zertsalo, 2001.
8. Criminal Code of Sweden. SPb. : Publishing house «Law Center Press», 2001.
9. The Criminal Code of Japan. SPb. : Publishing house «Legal Center Press», 2002.
10. *Rivman D.V.* Criminal victimology. SPb. : Peter, 2002. P. 198.

Иванова Полина Викторовна
магистрант 2 курса,
Московский государственный
юридический университет
имени О.Е. Кутафина
alex-m@mail.ru

Козгова Светлана Ивановна
магистрант 2 курса,
Дальневосточный
федеральный университет
alex-m@mail.ru

Макаревич Алексей Игоревич
магистрант 2 курса,
Дальневосточный
федеральный университет
alex-m@mail.ru

О СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ СОДЕРЖАНИЯ, РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ ЛИЧНЫХ ПРАВ В РОССИИ

Аннотация. Актуальность конституционного признания государством и обеспечение судебной защиты личных прав вытекает из их безусловного ценностного приоритета не только для Российской Федерации, но и для всего международного сообщества, что специально закреплено также в основных актах международного права. Значение этих безусловных ценностей особо проявляется сейчас – в период реформирования международного права и борьбу Российской Федерации за стабильность международного правопорядка.

Ключевые слова: права человека, права гражданина, классификация прав человека, личные права, юридические характеристики личных прав, механизм осуществления (реализации) личных прав, механизм защиты личных прав, органы защиты личных прав, процедуры защиты личных прав, правовое регулирование криозаморозки, личная тайна и защита персональных данных, соматические права, проблема установления охранных ордеров.

Под личными конституционными правами понимаются естественно принадлежащие личности и закрепленные в государственных конституциях, международных договорах и международно-правовой практике права.

К числу свойств личных прав можно отнести:

– первичность (с точки зрения теории поколений) и приоритетная социальная ценность;

Polina V. Ivanova
Master of 2 courses,
Moscow State
University of Law
named after O.E. Kutafin
alex-m@mail.ru

Svetlana I. Kozgova
Master of 2 courses,
Far East
Federal University
alex-m@mail.ru

Alexey I. Makarevich
Master of 2 courses,
Far East
federal university
alex-m@mail.ru

ABOUT MODERN PROBLEMS OF THE CONTENT, IMPLEMENTATION AND PROTECTION OF PERSONAL RIGHTS IN RUSSIA

Annotation. The relevance of constitutional recognition by the state and the provision of judicial protection of personal rights follows from their absolute value priority not only for the Russian Federation, but also for the entire international community, which is also specifically enshrined in the main acts of international law. The importance of these unconditional values is particularly evident now – during the period of reform of international law and the struggle of the Russian Federation for the stability of the international legal order.

Keywords: human rights, civil rights, classification of human rights, personal rights, legal characteristics of personal rights, mechanism for the exercise (realization) of personal rights, mechanism for the protection of personal rights, bodies for the protection of personal rights, procedures for the protection of personal rights, legal regulation of cryofreezing, personal secrets and protection of personal data, somatic rights, the problem of establishing protective orders.

– принадлежность индивиду с момента рождения и возможность прекращения только моментом смерти, абсолютный с точки зрения классификации прав на абсолютные и относительные;

– характер, неотчуждаемость, в т.ч., непередаваемость, индивидуальная неповторимость объекта, предопределяющая и множество способов их фактической реализации, и индивидуализацию юридической ответственности за причинение вреда этой группе объектов, равенство;

– непригодность от иных государственно-правовых явлений;

– самостоятельная ценность и самодостаточность.

В то же время, система этих прав продумана, как нам представляется, недостаточно детально. Так, за правом на жизнь, открывающим в статье 20 Конституции РФ перечень личных прав, не может не следовать право на охрану здоровья и связанный с ним комплекс соматических прав, которые в этом перечне отсутствуют. Также, по нашему мнению, содержание статьи 41 Конституции РФ, по смыслу которой право на охрану здоровья отнесено к числу социальных прав, должно быть отнесено к числу личных прав и перенесено во вновь созданную статью 20.1 Конституции РФ.

Кроме того, построение правового и, в то же время, социального государства невозможно без обеспечения такого отсутствующего в действующей российской Конституции права, как право на достойное существование. В то же время, следует отметить, что это право закреплено во многих новейших конституциях мира. Учитывая значимость этого права человека, которое отражает его минимальный объем требований к государству, нам представляется необходимым внести его в главу вторую Конституции России.

Большинство личных прав закреплено в России на самом высоком уровне, однако, механизм их охраны и защиты оказывается крайне недостаточен.

Так, механизм репутационной защиты оказывается, несмотря на устоявшийся характер этих положений ГК РФ, на самом деле, крайне скуден: ответственность устанавливается лишь за распространение порочащих сведений и сводится, вместо санкций четко определенного размера, к возмещению убытков и компенсации морального вреда, т.е., к таким мерам, которые потерпевшему лицу еще придется доказывать.

Данный механизм может быть усовершенствован в двух направлениях.

Во-первых, под гражданско-правовые санкции должно попадать копирование и хранение сведений, нарушающих право ребенка на честь и репутацию. Запрещены должны быть любые действия с данными сведениями, кроме их удаления; само удаление при таких условиях (ответственности за хранение) должно стать обязанностью собственников и иных владельцев носителей порочащей информации.

Во-вторых, должен быть расширен сам перечень гражданско-правовых санкций. Как нам представляется, за нарушение чести и репутации ребенка должна быть установлена такая же гражданско-правовая ответственность, как и за нарушение интеллектуальных прав, т.е., ответственность в виде гражданско-правового штрафа, или «компенсации» (ст. 1301 ГК РФ [1]).

К сожалению, законодатель не распространил эту эффективную и универсальную гражданско-правовую меру защиты интеллектуальных прав на требования о защите чести и репутации всех без исключения граждан, однако, как мы полагаем, она, без сомнения, могла бы применяться в отношении защиты чести и репутации ребенка. С этой целью нам представляется обоснованным установление во вновь созданной части 9.1 статьи 152 ГК РФ такой санкции, которая позволяла бы, при установлении вины нарушителя (а в случаях, когда вред чести или репутации причинен в процессе осуществления предпринимательской деятельности – без вины), взыскивать установленную в абсолютных числах компенсацию без возложения на потерпевшего обязанности доказывания убытков. При таких условиях, часть 9.1 статьи 152 ГК РФ могла бы звучать в следующей редакции: «В случаях нарушения прав ребенка на честь и репутацию его родитель, иной законный представитель наряду с использованием других применимых способов защиты и мер ответственности, вправе требовать от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации, в частности, в размере от двадцати тысяч рублей до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда исходя из характера нарушения».

Приоритет прав человека в отношении всех иных социальных ценностей и приоритет, в свою очередь, личных прав в отношении всех иных прав – один из самых признанных тезисов российской конституционно-правовой науки. Конституция 1993 г. закрепила и наиболее признанную, идущую с середины прошлого века, классификацию прав и свобод. Однако данная классификация отражает лишь так называемые первое (гражданские и политические) и второе (экономические, социальные и культурные) поколения прав человека, т.е. поколения индивидуальных прав. Необходимо учитывать, что существует и третье поколение прав человека – так называемые коллективные права, в первую очередь – право на благоприятную окружающую среду (или экологические права) и право на самоопределение (право нации на свободный выбор путей и форм своего развития) [2, с. 150].

В теории начинает выделяться уже и четвертое поколение прав человека, в частности, предлагается в качестве основного содержания прав этого поколения рассматривать права на онлайн-образование и доступ к Интернету [3, с. 106–109], однако, мы полагаем, что такое «размножение» поколений вряд ли уместно: онлайн-образование есть лишь форма образования, а право на доступ к Интернету в полной мере подпадает под категорию прав на доступ к культурным ценностям.

В Конституции РФ личные права закреплены в статьях 20–29. Эти статьи только начинают перечень прав и свобод, который продолжается, как отмечалось, политическими, экономическими, социальными и культурными правами (свободами).

Одна из последних проблем конституционного установления и классификации личных прав – появление теории соматических прав человека, что требует определить соотношение соматических и личных прав. Под соматическими правами понимаются специфические права распоряжения своим телом (право на смерть, право на трансгендерность, на расширение или изменение функций и способностей организма, в целом, на распоряжение человеком собственными органами и тканями – как при жизни, так и после смерти, комплекс репродуктивных прав – таких, как право рожать, право на аборт, право контрацепции, вытекающее из права рожать и права распоряжения своими органами и тканями право на клонирование и т.п.). Эти права, как нам представляется, не вполне входят в содержание права на жизнь или права на здоровье: скорее, жизнь и здоровье выступают как ожидаемое состояние личности при завершении ей физической (физиологической) трансформации, но не могут предопределить юридических возможностей самоизменения организма. Мы полагаем, что, исходя из принципов, выделенных для прав человека, эти права полностью подпадают под понятие личных, создавая в этой категории особую группу.

Итак, к числу признаков личных прав можно отнести:

- признанная всеми правовыми системами приоритетная ценность в отношении всех иных субъективных прав и отнесенность их к первому – базовому поколению прав человека;
- их принадлежность индивиду с момента рождения и возможность прекращения только моментом смерти;
- их абсолютный, с точки зрения классификации прав на абсолютные и относительные, характер;
- их неотчуждаемость ни по воле третьих лиц, ни по воле самого управомоченного лица (непередаваемость);
- индивидуальная неповторимость их объекта, предопределяющая и множество способов их фактической реализации, и индивидуализацию юридической ответственности за причинение вреда этой группе объектов;
- равенство в этих правах всех людей (*homo sapiens sapiens*) независимо от физических данных индивида, а также от его социально-правового статуса, в том числе независимо от гражданства (подданства), служебного или должностного положения, состояния в той или иной корпорации и т.п.;
- их непроизводность от иных государственно-правовых явлений, самостоятельная ценность и самодостаточность, поскольку они не зависят ни от формы правления в государстве (монархии или республики), ни от формы государственного устройства (унитарной или федеративной), ни от

политического режима (авторитарного или демократического).

Можно выделить два вида механизмов осуществления прав и свобод:

- первый – касается всех прав и свобод, в целом;
- второй – существует в той или иной мере для реализации отдельных видов прав и свобод человека.

Тем не менее, проблемы механизма осуществления права на жизнь остаются – вследствие опережения существующими биотехнологиями российского законодательства. Так, в настоящее время активно дискутируется проблема эвтаназии – права на смерть.

Кроме того, до сих пор остается вне поля зрения такая проблема, как криозаморозка – одна из форм осуществления права на смерть, если рассматривать ее с точки зрения российского законодательства [4]. Известно, что живой организм способен, в случае его заморозки, провести в такой заморозке много сотен и, возможно, тысяч лет, что неоднократно доказывали случаи обнаружения и размораживания животных в Арктике. Данное положение можно признать первым достоверным фактом. Известно также, что наука и научные технологии движутся главным образом только вперед, что можно признать если и не достоверным, то, во всяком случае, презюмируемым фактом. Два данных факта позволяют утверждать, что криозаморозка, как метод отложенного лечения (уже практикуемая, в частности, в Институте крионики США) не имеет ни естественно-научного, ни юридического опровержения. Единственным возражением против такого метода является тот факт, что после размораживания живые организмы не жили достаточно долгое время, однако ныне в Институте крионики в США проводятся опыты, формирующие технологии последовательного размораживания животных.

Таким образом, отсутствие правового регулирования криозаморозки выглядит в настоящее время уже недостатком правового механизма осуществления права на жизнь.

Далее, наиболее общим федеральным законом, создавшим систему охраны самых типичных сведений, составляющих личную (семейную) тайну, стал Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [5]. Однако при всем его высоком качестве как нормативного акта, механизм защиты данного права практически не функционирует. Именно на стадии право-реализации (что типично для системы права России) выясняется крайняя слабость охраны этого права. Показателен в этом отношении случай А. Навального. Тот факт, что в сети «Интернет» возможно приобретение множества самых разных данных (в частности, данных о месте жительства, номере телефона, номере и иных данных автомобиля, данных о передвижении лица (биллинговые данные) и т.п.) – давно не

секрет для российских граждан, но совершенно неожиданными стали сведения о возможности установить по этим данным даже передвижения сотрудников ФСБ, наблюдавших за А. Навальным [6]. Иначе говоря, в открытом доступе до сих пор находились не только данные о гражданах России, но и данные о передвижениях и множество иных персональных данных даже сотрудников секретных служб [7]. И хотя отравление А. Навального, очевидно, не входило в планы секретной группы, ее присутствие, переговоры и передвижения были достаточно быстро установлены. И хотя Президент РФ определил эту ситуацию как форму «легализации материалов» зарубежных спецслужб [8], очевидно, что нелегальное получение охраняемых российским законодательством персональных данных не было сложной задачей – а в этом и состоит одна из главных проблем правозащитного механизма. Это обстоятельство и ставит в качестве одной из приоритетных задач в области защиты прав человека формирование такого механизма, кото-

рый бы позволил пресечь нелегальную торговлю в России персональными данными.

В целом, анализ правозащитного и судебного механизмов защиты личных прав показывает, что, хотя именно они оказываются в российской правовой системе наиболее уязвимыми, специализированные правовые институты, разрешающие споры в данной сфере, отсутствуют. Изменение данного положения возможно лишь с созданием внутринационального суда по защите прав человека, однако рядом с этой идеей – также идея создания специализированных судов: ювенальных (или, с учетом необходимости государственного реагирования на рост числа случаев бытового насилия, в более широком формате – семейных) и трудовых. Единственным общим для них условием, исключающим связанную с арбитражными судами системную ошибку законодателя 1990-х годов, должно стать включение судебных актов этих судов в систему проверочной деятельности Верховного Суда РФ.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Харченко К.У. Значение концепции «поколений» прав человека / К.У. Харченко // Молодой ученый. 2020. № 6. С. 149–152.
3. Бунина С.Г. Четвертое поколение прав человека: онлайн-образование и доступ к Интернету / С.Г. Бунина // Современное право. 2020. № 8. С. 106–109.
4. Хижняк Н. Последнее желание: смертельно больной подросток прошел процедуру криозаморозки / Н. Хижняк. URL : <https://hi-news.ru/technology>
5. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (послед. ред. от 30.12.2020).
6. Комаров Д. Это большой бизнес, тех же самых сотрудников ФСБ / Д. Комаров // Знак. URL : https://www.znak.com/2020/navalnyy_obyasnil_kak_dobyl_dannye_ob_agentah_fsb_predpolozhitelno_otravivshih_ego
7. Беловодьев Д. «Навальный меняет рынок пробива»: силовики начали охоту за теми, кто слил данные предполагаемых сотрудников ФСБ. Д. Беловодьев / Д. Беловодьев // Эхо Москвы. URL : <https://echo.msk.ru/blog/echomsk/2760776-echo>
8. Юшков М. Путин назвал данные по Навальному «легализацией материалов» спецслужб США / М. Юшков // РБК. URL : www.rbc.ru/politics/17/12/2020/5fdb30b

Literature:

1. The Civil Code of the Russian Federation: feder. the law of 30.11.1994 № 51-FZ // Sobr. legislation of the Russian Federation. Federation. 1994. № 32. Art. 3301.
2. Kharchenko K.U. The meaning of the concept of «generations» of human rights / K.U. Kharchenko // Young scientist. 2020. № 6. P. 149–152.
3. Bunina S.G. The fourth generation of human rights: online education and access to the Internet / S.G. Bunina // Modern Law. 2020. № 8. P. 106–109.
4. Khizhnyak N. Last wish: a terminally ill teenager underwent a cryofreezing procedure. URL : <https://hi-news.ru/technology>
5. On personal data: Federal Law № 152-FZ of 27.07.2006 № 519-FZ (latest version from 30.12.2020).
6. Komarov D. This is a big business, the same FSB employees / D. Komarov // Sign. URL : www.znak.com/20201215/navalnyy_obyasnil_kak_dobyl_dannye_ob_agentah_fsb_predpolozhitelno_otravivshih_ego
7. Belovodev D. «Navalny is changing the penetration market»: the security forces began hunting for those who leaked the data of alleged FSB employees / D. Belovodev // Echo of Moscow. URL : <https://echo.msk.ru/blog/echomsk/2760776-echo>
8. Yushkov M. Putin called the data on Navalny «legalization of materials» of the US / M. Yushkov // RBC. URL : <https://www.rbc.ru/politics/17/12/2020/5fdb30b19a79477f9d320cff>

Коголовский Иван Радионович
аспирант,
преподаватель кафедры
уголовного права,
Чеченский государственный
университет имени А.А. Кадырова,
Хакасский государственный университет
имени Н.Ф. Катанова,
Институт истории и права
dom-hors@mail.ru

ПОНЯТИЕ «ПРЕЗУМПЦИЯ» В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКЕ

Аннотация. Презумпции существуют во всех отраслях права, имеют одинаковое определение смысла и значения, так как являются общетеоретической дефиницией, изучаемой и используемой как в теории права, так и в уголовном, уголовно-процессуальном, гражданском, административном и других отраслях права. В данной статье рассмотрены различные подходы, существующие в уголовно-правовой науке относительно дефиниции «уголовно-правовая презумпция». Произведен анализ данных научных точек зрения на исследуемую проблему. Сделаны выводы в виде авторской позиции: сформулировано собственное научное определение уголовно-правовой презумпции.

Ключевые слова: презумпция, уголовное право, уголовно-правовая презумпция.

Следует отметить, что презумпции существуют во всех отраслях права, имеют одинаковое определение смысла и значения, так как презумпция является общетеоретической дефиницией, изучаемой и используемой как в теории права, так и в уголовном, уголовно-процессуальном, гражданском, административном и других отраслях права. Однако, несмотря на общетеоретическую основу, для каждой отрасли права характерно наличие своих специфических презумпций.

В уголовно-правовой литературе на основе общеправовых теоретических исследований приводятся различные понятия «презумпция» в уголовном праве. Все имеющиеся определения презумпции в уголовном праве отталкиваются от того, что презумпция позволяет считать истинной обстоятельство, которое не может быть установлено, но его существование следует из опыта, суждений и наблюдений, и оно закреплено в законе.

В юридической уголовно-правовой литературе имеют место быть различные подходы к определению понятия презумпции.

Ivan R. Kogolovsky
Postgraduate Student,
Lecturer in the Department of Criminal Law,
Chechen State University
named after A.A. Kadyrov,
Khakass State University
named after N.F. Katanov,
Institute of History and Law
dom-hors@mail.ru

THE CONCEPT OF PRESUMPTION IN CRIMINAL LAW SCIENCE

Annotation. Presumptions exist in all branches of law, have the same definition of meaning and significance, since they are a general theoretical definition studied and used both in the theory of law and in criminal, criminal procedural, civil, administrative and other branches of law. This article discusses various approaches existing in criminal law science regarding the definition of «criminal law presumption». The analysis of the data of scientific points of view on the problem under study is carried out. Conclusions are drawn in the form of the author's position: his own scientific definition of criminal presumption is formulated.

Keywords: presumption, criminal law, criminal law presumption.

Так, одна группа авторов, например, Ю.Г. Зуев, В.К. Бабаев, А.В. Федотов, рассматривает презумпцию как предположение о юридическом факте. По мнению Ю.Г. Зуева, «материально-правовой аспект презумпции в уголовном праве выражается в том, что она представляет собой регламентированное в уголовном законе предположение о наличии (отсутствии) юридически значимого факта, влекущего:

- а) существование материальных и проявление, развитие соответствующих процессуальных правоотношений;
- б) конкретизацию правового значения отдельных обстоятельств дела;
- в) предопределение уголовно-правовой оценки преступных действий» [1, с. 331].

Таким образом, презумпция в уголовном праве представляется в виде предположения о юридическом факте, необходимого для возникновения правоотношения, установления обстоятельств дела и оценки противоправного уголовно наказуемого деяния.

Согласно мнению В.К. Бабаева, презумпцией является «закрепленное в нормах права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом» [2, с. 14]. Из данного определения следует, что предполагаемый факт должен быть связан с доказательно подтвержденным фактом, из чего следует, что презумпция – это предположение о взаимосвязи двух фактов: предполагаемого и существующего.

Аналогичного мнения придерживается А.В. Федотов, который предложил следующее определение правовой презумпции: «Утверждение о вероятном или конвенционально-достоверном существовании факта, связанного причинно-следственной либо теоретической связью с другим достоверно установленным фактом» [3, с. 75].

Согласно другому подходу к определению понятия «презумпция», имеющему место в уголовно-правовой литературе, презумпция воспринимается как юридическая норма. Например, А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский предлагают рассматривать всякую презумпцию как правовую норму, в силу которой при наличии одного юридического факта признается существующим другой юридический факт – до тех пор, пока не доказано обратное [4, с. 68]. Данный подход вызывает справедливую критику, так как, определяя понятие «презумпция» через понимание юридической нормы, внимание акцентируется на форме закрепления презумпции, а не на ее содержании.

По мнению А.С. Барабаш, при признании правовой нормы презумпцией происходит подмена содержания формой, не объясняющей, в силу чего наличие одного юридического факта дает возможность признать существующим другой. «Может ли форма определять или выражать вовне сущность изучаемого явления? Ответ очевиден. Вначале следует изучить содержание понятия, а затем решать вопрос о его форме, что позволит не всякую правовую норму рассматривать как презумпцию» [5, с. 43].

Третья группа авторов (Н.Н. Цуканов, Б.А. Булаевский, А.С. Барабаш) предлагает рассматривать презумпцию как обязанность. Презумпция определяется ими через механизм ее реализации, а именно, как обязанность следственного органа, суда признать презюмированный факт установленным, если не будет доказано обратное. О презумпции как обязанности прямо пишет Н.Н. Цуканов. Он предлагает рассматривать презумпцию в качестве юридической обязанности признать презюмируемый факт установленным [6, с. 504]. Указанный подход детализируется в определении презумпции, предложенном Б.А. Булаевским, который рассматривает презумпцию как явление, применяемое для регулирования общественных отношений. «Презумпция есть закрепленная в правовой норме, основанная на предположении модель юридически значимого явления (юридического факта, правоотношения и др.), применяемая в регулировании

общественных отношений при наличии определенных правовой нормой условий, за исключением случаев, когда будут доказаны обстоятельства, указывающие на невозможность использовать такую модель» [7, с. 22]. Однако все же, данный подход также вызывает сомнения в своей правомерности, так как обязанность органов государства не раскрывает содержания презумпции. Так, по мнению А.С. Барабаш: «Обязанность – это то, как органы государства должны действовать исходя из наличия презумпции, но не сама презумпция» [5, с. 44].

Таким образом, все вышеприведенные определения позволяют сделать вывод о том, что понятие «презумпция» сводится к предположению о факте, однако, во всех анализируемых определениях презумпции говорится не только о предполагаемом факте, сколько о связи между фактами, на основании чего, можно сделать вывод о существовании в юридической литературе еще одного подхода к определению понятия презумпции.

Согласно еще одному мнению, в презумпции нет юридических «фактов». Ее суть - предположение, основанием которого выступает ранее не раз зафиксированная связь между «фактами». В данном случае предположение является рабочим инструментом, позволяющим без особых затрат получить результат. В этом – его назначение в праве. Но предположение не может «представлять собою юридические факты», аналогично тому, как версию мы не можем принять в качестве установленных фактов или обстоятельств [2, с. 92]. Например, лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности, совершает преступление. В этой ситуации нет основания, как для утверждения, так и для опровержения предположения о том, что лицо осознавала преступный характер своего противоправного поведения; тогда предположение используется для вывода о том, что лицо в силу возраста не осознавала общественной опасности своего поведения, что влечет за собой не привлечение к уголовной ответственности. В данном случае имеет место «факт», который неизвестен и не может быть установлен в силу различных объективных и субъективных причин, замещается предположением, которому придается юридическая сила для принятия решения.

Следует отметить, что презумпция (предположение) – это не то, что используется в познании, при ее применении ничего не познается, происходит лишь перенесение вывода на основе ранее установленных связей при определенной частоте их повторения на ситуацию, подобную тем, в рамках которых возникла презумпция.

Таким образом, несмотря на разнообразие имеющихся в уголовно-правовой литературе определений понятия «презумпция», наиболее общим является подход к определению презумпции, согласно которому это предположение о существовании факта.

На основании проведенного анализа имеющихся в юридической литературе определений пре-

зумпций, можно предложить следующее определение уголовно-правовой презумпции – это непосредственно или опосредованно, содержащаяся в уголовном законодательстве предполо-

жение, основанное на реально существующем юридическом факте, обусловленное целями уголовно-правового регулирования.

Литература:

1. Зувев Ю.Г. Уголовно-правовые презумпции: понятие, признаки и виды / Ю.Г. Зувев; Под ред. В.М. Баранова // Проблемы юридической техники: Сб. ст. Н. Новгород, 2000.
2. Бабаев В.К. Презумпции в российском праве и юридической практике. Горький, 1974. 124 с.
3. Федотов А.В. Понятие и классификация доказательственных презумпций / А.В. Федотов // Журнал российского права. 2001. № 4. С. 73–77.
4. Смирнов А.В. Презумпции в уголовном процессе / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский // Российское правосудие. 2008. № 4. С. 66–72.
5. Барабаш А.С. Понятие «презумпция»: основания появления и использование в правовой деятельности / А.С. Барабаш // Российский юридический журнал. 2019. № 4. С. 42–55.
6. Цуканов Н.Н. О критериях правовой презумпции / Н.Н. Цуканов; Под ред. В.М. Баранова // Законотворческая техника в современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. ст. : в 2 т. Н. Новгород, 2001. Т. 1.
7. Булаевский Б.А. «Восстановление» опровергнутой презумпции / Б.А. Булаевский // Адвокат. 2010. № 10. С. 22–25.

Literature:

1. Zuev Yu.G. Criminal law presumptions: concept, signs and types / Yu.G. Zuev; Edited by V.M. Baranov // Problems of legal technique: collection of articles. N. Novgorod, 2000.
2. Babaev V.K. Presumptions in Russian law and legal practice. Gorky, 1974. 124 p.
3. Fedotov A.V. The concept and classification of evidentiary presumptions / A.V. Fedotov // Journal of Russian Law. 2001. № 4. P. 73–77.
4. Smirnov A.V. Presumptions in criminal proceedings / A.V. Smirnov, K.B. Kalinovsky // Russian justice. 2008. № 4. P. 66–72.
5. Barabash A.S. The concept of «presumption»: the grounds for the appearance and use in legal activity / A.S. Barabash // Russian Law Journal. 2019. № 4. P. 42–55.
6. Tsukanov N.N. On criteria of legal presumption / N.N. Tsukanov; Ed. by V.M. Baranov // Lawmaking technique in modern Russia: state, problems, improvement: Collection of articles : in 2 vol. N. Novgorod, 2001. Vol. 1.
7. Bulaevsky B.A. «Restoration» of the refuted presumption / B.A. Bulaevsky // Lawyer. 2010. № 10. P. 22–25.

Козгова Светлана Ивановна
магистрант 2 курса,
Дальневосточный
федеральный университет
alex-m@mail.ru

Макаревич Алексей Игоревич
магистрант 2 курса,
Дальневосточный
федеральный университет
alex-m@mail.ru

Лобзов Глеб Павлович
магистрант 2 курса,
Дальневосточный
федеральный университет
alex-m@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В современном социуме существуют различные сферы общественных отношений, которые требуют в большей или меньшей степени взаимодействия людей на разных уровнях. В связи с этим, по мнению авторов, очевидна необходимость контроля, который бы обеспечивал их правильное функционирование. В данной статье анализируется система государственного финансового контроля в Российской Федерации, рассматривается процесс её деятельности. Авторами также исследуются особенности функционирования данной системы в России на современном этапе ее развития. В завершении публикации делается вывод о необходимости цельной и стройной системы государственного финансового контроля и тенденциях в ее формировании.

Ключевые слова: государственный финансовый контроль, система государственного финансового контроля, органы государственного финансового контроля, финансовые правоотношения, источники финансового контроля.

На сегодняшний день существуют различные сферы общественных отношений, которые требуют в большей или меньшей степени взаимодействия людей на разных уровнях. В связи с этим, понятна необходимость контроля, который бы обеспечивал их правильное функционирование.

Рассматривая финансовые правоотношения, следует отметить, что государственный финансовый контроль существует как воплощение контрольной функции финансов. Он представляет

Svetlana I. Kozgova
Master of 2 courses,
Far Eastern
Federal University
alex-m@mail.ru

Alexey I. Makarevich
Master of 2 courses,
Far Eastern
Federal University
alex-m@mail.ru

Gleb P. Lobzov
Master of 2 courses,
Far Eastern
Federal University
alex-m@mail.ru

FEATURES OF THE APPLICATION OF STATE FINANCIAL CONTROL IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. In modern society, there are various spheres of social relations that require to a greater or lesser extent the interaction of people at different levels. In this regard, it is obvious that there is a need for control that would ensure their proper functioning. This article analyzes the system of state financial control in the Russian Federation, considers the process of its implementation. The features of the functioning of this system in Russia at the present stage are studied. The conclusion is made about the need for a coherent and harmonious system of state financial control and trends in its formation.

Keywords: state financial control, state financial control system, state financial control bodies, financial legal relations, sources of financial control.

собой регламентированную нормами права деятельность государственных хозяйствующих субъектов. Такие субъекты в лице государственных органов проверяют своевременность и точность выплаты денежных средств, правильность и эффективность их использования, что способствует созданию условий финансовой стабилизации [8, с. 230].

Государственный финансовый контроль является сложной системой, состоящей из различных элементов. В научной литературе встречаются

различные трактовки системы государственного финансового контроля. Например, В.А. Слепов включает в неё правовую базу (законодательные и иные нормативные правовые акты); органы, на которые возложено проведение финансового контроля; методы осуществления финансового контроля [6, с. 30].

По мнению Н.И. Даниленко, система государственного финансового контроля включает:

- теоретическую базу (определения понятий, принципы, цели, задачи, виды государственного финансового контроля, требования и т.д.);
- нормативную базу, методическое обеспечение; организационные структуры (включая их звенья – статус и порядок взаимосвязей последних);
- научно-исследовательскую и учебную базы, кадровое обеспечение;
- финансовое обеспечение и материально-техническое (в том числе, финансовые ресурсы, соответствующие условиям работы, помещения, техника и т.д.);
- информационно-коммуникативную инфраструктуру (систему коммуникаций, информационное обеспечение)» [5, с. 112].

По нашему мнению, трактовка системы Н.И. Даниленко является исчерпывающей, и в своём анализе на неё будут опираться авторы данного научного исследования. В дальнейшем, нами будут изучены особенности функционирования данной системы в России на современном этапе.

На основании такого понимания системы, можем отметить, что в Российской Федерации на сегодняшний день отсутствует целостная, адекватная современным условиям и уровню социально-экономического развития Российской Федерации, система финансового контроля [4, с. 84].

В первую очередь, это проявляется в нехватке нормативно-правового регулирования, которое бы основывалось на качественных теоретических положениях. Основным источником, регламентирующим контроль в финансово-бюджетной сфере, является Бюджетный Кодекс РФ (далее, Кодекс). В нём нет нормативно установленного понятия «государственный финансовый контроль», хотя этой категории посвящен целый раздел кодекса. Следует отметить, что ряд основных положений о государственном контроле, представленном в Кодексе, утратил свою силу (например, ст. 266, ст. 267, ст. 268, ст. 269, ст. 269.1 и др.) [1]. Полномочия отдельных государственных органов в сфере финансового контроля отражены в подзаконных актах в виде Постановлений Правительства, например, в Постановлении Правительства РФ от 28.11.2013 № 1092 (ред. от 17.08.2020) [2].

Таким образом, наличие множества нормативно-правовых актов создаёт сложность в ознакомлении с материалами по финансовому контролю. Отсутствие единой правовой, организационной и

методической базы финансового контроля не только сдерживает его развитие, но и снижает возможности для экономического роста в стране [7, с. 166].

Для улучшения процесса реализации государственного финансового контроля существует необходимость в принятии отдельного федерального закона. Данный закон должен содержать чёткий понятийный аппарат, перечень функций государственного финансового контроля, а также ясно отражать полномочия и структуру органов, осуществляющих контроль, и остальные элементы системы государственного финансового контроля, упомянутые ранее.

Недоработки в сфере правового обеспечения финансового контроля сказываются на других элементах его системы. В основном, недостатки проявляются в дублировании функций различных органов государственного финансового контроля. Например, как главные распорядители бюджетных средств, так и Счётная Палата РФ осуществляют контроль за обеспечением целевого использования бюджетных средств. Для устранения дублирования функций государство идет на ликвидацию или реорганизацию финансовых контрольных органов. Например, Указом Президента РФ от 25.07.2013 № 645 (ред. от 15.05.2018) [3] в 2013 году была упразднена Федеральная служба по финансовым рынкам, функции которой были переданы Центральному Банку РФ. В 2016 году аналогичная ситуация произошла с Федеральной службой финансово-бюджетного надзора. Функции по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере, по внешнему контролю качества работы аудиторских организаций переданы Федеральному Казначейству, функции по валютному контролю – Федеральной таможенной службе и Федеральной налоговой службе. Несмотря на принятые меры, на сегодняшний день в России отсутствует согласованность в действиях органов государственного финансового контроля. Такая ситуация требует принятия продуманных решений со стороны государства и более активных мер по устранению противоречий.

Нередки случаи необоснованных решений, принятых специалистами органов финансового контроля в своей деятельности. Отсюда, вытекает необходимость подготовки и переподготовки кадров для органов государственного финансового контроля, что можно осуществить путём участия сотрудников контрольных финансовых органов в различных учебных и научно-практических мероприятиях для регулярного повышения квалификации и профессионального уровня. Также, считаем целесообразным проведение лекций или веб-конференций с участием иностранных лиц. Это позволит активно применять на практике зарубежный опыт и знания о специфике деятельности проверяемых организаций в различных секторах экономики. Процесс обучения кадров предполагает наличие финансового и технического обеспечения, соответственно, должного внимания и поддержки со стороны государства.

В настоящее время также существует необходимость в создании и законодательном закреплении условий и порядка оценивания эффективности финансового контроля. Разработанные количественные и качественные критерии и показатели эффективности должны, с одной стороны, свидетельствовать об уровне работы контрольного органа, а с другой – выявлять и устранять возникающие в проверяемых организациях нарушения.

Конечно же, проблемой эффективного осуществления финансового контроля является отсутствие надлежащих мер ответственности к нарушителям в области финансов, как к хозяйствующим субъектам, так и к контрольным органам. Ужесточение ответственности за допущенные нарушения способно повысить уровень финансовой дисциплины экономических субъектов,

Литература:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 29.11.2021) // Собрание законодательства РФ. 03.08.1998. № 31. Ст. 3823.
2. Постановление Правительства РФ от 28.11.2013 № 1092 (ред. от 17.08.2020) «О порядке осуществления Федеральным казначейством полномочий по контролю ... некоммерческих организаций» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 49 (Ч. VII). 09.12.2013, Ст. 6435.
3. Указ Президента РФ от 25.07.2013 № 645 (ред. от 15.05.2018) «Об упразднении Федеральной службы по финансовым рынкам, изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». 29.07.2013. № 30 (Ч. II).
4. *Алехин Б.И.* Государственные финансы : учебник для вузов / Б.И. Алехин. М. : Издательство Юрайт, 2020. 184 с.
5. *Даниленко Н.И.* Перспективы развития финансового контроля / Н.И. Даниленко // Корпоративная экономика. 2016. № 1(5). С. 110–116.
6. *Слепов В.А.* Финансы : учебник / В.А. Слепов, А.Ф. Арсланов, В.К. Бурлачков. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 452 с.
7. *Шохин С.О.* Международные стандарты государственного финансового контроля: особенности правового регулирования : учеб. пособие. М. : Прометей, 2020. 294 с.
8. *Эриашвили Н.Д.* Финансовое право : учебник для студентов вузов / Н.Д. Эриашвили, А.И. Григорьев. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 663 с.

что, в результате, будет способствовать снижению количества злоупотреблений и экономических преступлений. Что касается органов государственного финансового контроля, то для них следует ввести меры по отстранению от проведения контрольных мероприятий ряда сотрудников, превысивших свои полномочия.

Таким образом, из вышеизложенного следует, что стране нужна цельная и стройная система государственного финансового контроля. Однако пока такая система полностью не сложилась, хотя и наметилась положительная тенденция в её формировании. Государственный финансовый контроль Российской Федерации является первостепенным инструментом социально-экономической политики, нуждающимся в постоянном совершенствовании.

Literature:

1. Budget Code of the Russian Federation of 31.07.1998 № 145-FZ (ed. of 29.11.2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 03.08.1998. № 31. Art. 3823.
2. Resolution of the Government of the Russian Federation of 28.11.2013 № 1092 (ed. dated 17.08.2020) «On the Procedure for the Exercise by the Federal Treasury of powers to control ... non-profit organizations» // collected legislation of the Russian Federation. № 49 (Part VII). 09.12.2013. Art 6435.
3. The decree of the President of the Russian Federation dated 25.07.2013 № 645 (edition of 15.05.2018) «to abolish the Federal service for financial markets, change and annulment of certain acts of the President of the Russian Federation» // «Collection of legislation of the Russian Federation». 29.07.2013. № 30 (Part II). Art. 4086.
4. *Alekhine B.I.* Public finance: textbook for universities / B.I. Alekhine. M. : Yurayt Publishing House, 2020. 184 p.
5. *Danilenko N.I.* Prospects for the development of financial control / N.I. Danilenko // Corporate economics. 2016. № 1(5). P. 110–116.
6. *Slepov V.A.* Finance : textbook / V.A. Slepov, A.F. Arslanov, V.K. Burlachkov. M. : UNITY-DANA, 2020. 452 p.
7. *Shokhin S.O.* International standards of state financial control: features of legal regulation : textbook. M. : Prometheus, 2020. 294 p.
8. *Eriashvili N.D.* Financial law : textbook for university students / N.D. Eriashvili, A.I. Grigoriev. M. : UNITY-DANA, 2017. 663 p.

Ковелина Татьяна Афанасьевна

доктор философских наук,
профессор кафедры философии,
психологии и педагогики,
Кубанский государственный
медицинский университет
Kovelina.56@mail.ru

Собянин Андрей Викторович

студент,
педиатрический факультет,
Кубанский государственный
медицинский университет
adress.007@yandex.ru

Марухно Василиса Михайловна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры философии,
психологии и педагогики,
Кубанский государственный
медицинский университет
vasilisa_amg@mail.ru

**К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ
РЕГУЛИРОВАНИИ ПРИМЕНЕНИЯ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В МЕДИЦИНЕ**

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы правового регулирования использования искусственного интеллекта в медицине. В ходе исследования проанализированы основные подходы к решению вопросов правовой регламентации участия искусственного интеллекта при осуществлении медицинской деятельности. Были определены аспекты добровольного информированного согласия пациента на медицинское вмешательство с использованием искусственного интеллекта и применения мер юридической ответственности. Авторами сформулированы предложения по вопросам совершенствования правового регулирования применения искусственного интеллекта в медицине.

Ключевые слова: искусственный интеллект, робот, киберфизическая система, правовое регулирование, добровольное информированное согласие, медицинское вмешательство, правосубъектность, юридическая ответственность.

Введение.
Одной из перспективных сфер для внедрения и развития искусственного интеллекта (ИИ, AI) является медицина и здравоохранение. Использование ИИ может повысить точность и скорость диагностики, улучшить качество

Tatiana A. Kovelina

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Philosophy,
Psychology and Pedagogy,
Kuban State
Medical University
Kovelina.56@mail.ru

Andrei V. Sobianin

Student,
Pediatric Faculty,
Kuban State Medical University
adress.007@yandex.ru

Vasilisa M. Marukhno

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Philosophy, Psychology and Pedagogy,
Kuban State Medical University
vasilisa_amg@mail.ru

**TO THE QUESTION OF LEGAL
REGULATION OF THE USE OF ARTIFICIAL
INTELLIGENCE IN MEDICINE**

Annotation. The article deals with the problems of legal regulation of the use of artificial intelligence in medicine. In the course of the study have been analyzed the main approaches concerning solving the issues of legal regulation of the use of artificial intelligence in the implementation of medical activities. Aspects of the patient's voluntary informed consent to medical intervention using artificial intelligence and the application of legal liability measures were identified. The authors formulated proposals on improving the legal regulation of the use of artificial intelligence in medicine.

Keywords: artificial intelligence, legal regulation, voluntary informed consent, medical intervention, legal personality, legal responsibility.

жизни пациентов с различными заболеваниями, ускорить разработку, исследование и выпуск новых лекарственных средств, повысить эффективность лечения [1; 2].

Применение искусственного интеллекта в медицине создает необходимость изменения подхо-

дов к правовому регулированию отношений в области медицины и здравоохранения. Вопросы правовой регламентации деятельности искусственного интеллекта и применения юридической ответственности к обязанному лицу освещаются в современной литературе. В перспективе предполагается приобретение некоторыми формами искусственного интеллекта (разновидности роботов) правосубъектности, а значит, и способности нести юридическую ответственность [3]. Однако некоторые аспекты изменения регулирования деятельности искусственного интеллекта в контексте отношений, возникающих в сфере медицины и здравоохранения, остаются неясны. Так, остается без объяснения вопрос о включении сведений о выполнении медицинского вмешательства искусственным интеллектом в информированное добровольное согласие пациента. Кроме того, нет данных о возможности реализации таких функций юридической ответственности, как воспитательная и превентивная (профилактическая, предупредительная), по отношению к искусственному интеллекту в контексте правового регулирования медицинской деятельности.

Поэтому в ходе анализа мировой практики использования ИИ в медицине попытаемся определить пробелы правового регулирования данных правоотношений.

Результаты исследования.

В перспективе развития правового регулирования оказания медицинской помощи искусственным интеллектом или при его использовании предполагается приобретение формами искусственного интеллекта правосубъектности и способности нести юридическую ответственность [3]. Поэтому рассмотрим формы искусственного интеллекта, выделяемые в профильной литературе:

- киборгдоктор – биологический человек с вживленным в головной мозг интеллектуальным AI-чипом (кибернетический организм);
- AI-робот – автономно работающая киберфизическая машина (система), способная самостоятельно перемещаться по больнице и/или выезжать к пациенту;
- AI-больница – искусственный интеллект, действующий в рамках конкретной медицинской организации;
- «Облачный» AI-доктор – программное обеспечение, информационно-коммуникационная инфраструктура и сервисы по обработке данных и поиску решений которого размещены в облачном хранилище [4].

Как видно из описания форм ИИ, не каждая из них имеет потенциальные признаки правосубъектности. Так, AI-больница, как правило, имеет дислокационную привязку к медицинской организации. Тем не менее, AI-робот может иметь регистрацию и учетный номер, обладать хозяйственной компетенцией, соответствующей целям

его деятельности (например, для оказания медицинской помощи), обладать имущественной базой (т.к. робот априори представляет собой материальную ценность), быть привлеченным к юридической ответственности (в виде принудительного отключения или доработки программы, утилизации как крайней мере ответственности) [4]. «Облачный» AI-робот не имеет привязки к конкретной организации, а представляет собой информационную инфраструктуру с возможностью подключения к серверам (реестрам? облачным хранилищам) вне учреждения (за пределами страны и даже по всему миру) при наличии доступа. С другой стороны, будучи предметами материального мира и обладающие ценностью (как технология), роботы одновременно выступают и объектами права [3]. Современное правоведение разделяет объект и субъект права, что рождает противоречие. Для его разрешения предлагается гибкий подход, при котором AI в одних случаях признается субъектом права, а в других – объектом права с определением соответствующих критериев. Одним из таких критериев является участие ИИ в новой форме правоотношений – в «AI-отношениях» или «киберфизических отношениях». Субъектами этих отношений могут признаваться не только физические и юридические лица, но и искусственный интеллект [3]. Также, ученые предсказывают в дальнейшем полное признание искусственного интеллекта как субъекта права [3].

Стоит отметить, что медицинская деятельность с применением технологии ИИ находится не только в плоскости правового регулирования, но и в действии неправовых инструментов (биоэтики, норм морали и этики) [4]. В связи с этим, интересным представляется вопрос об информированном добровольном согласии пациента на медицинское вмешательство.

Согласно части 1 статьи 20 Федерального закона № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и приказу Министерства здравоохранения РФ № 1177н, необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является дача информированного добровольного согласия гражданина или его законного представителя на медицинское вмешательство [5; 6]. Согласие дается пациентом на основании предоставленной медицинским работником в доступной форме полной информации о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях, а также о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи [5; 6]. При толковании данного положения в повседневной медицинской практике лицом, оказывающими медицинское вмешательство, априори является человек. Однако в контексте оказания медицинской помощи с использованием искусственного интеллекта толкование данного положения может быть затруднено. Так как в настоящее время технология искусственного интеллекта рассматривается как объект права, целесообразным видится отнести сведения о том, что медицинская помощь оказывается с применением ИИ, к

информации о методах и возможных вариантах медицинского вмешательства. Такой подход позволяет учесть право граждан на полную информацию о медицинском вмешательстве, предоставляемую в доступной форме. В долгосрочной перспективе, при наделении ИИ правосубъектностью необходим иной подход, позволяющий учесть, что наряду с человеком лицом, выполняющим медицинское вмешательство, может быть AI. Исходя из этого, можно предложить включение в информацию о медицинском вмешательстве сведений о его исполнителе – человеке или ИИ. Подобный взгляд на информированное добровольное согласие пациента, по нашему мнению, не только позволяет обеспечить соблюдение права пациента на информацию о вмешательстве, но и подводит, с другой стороны, к вопросу о юридической ответственности искусственного интеллекта.

На современном этапе развития правового регулирования отношений, связанных с применением искусственного интеллекта, в том числе, и в сфере медицины и здравоохранения, вопрос о юридической ответственности оценивается учеными неоднозначно. При рассмотрении ИИ исключительно как объекта права юридическую ответственность за его работу несет оператор или иное лицо, задающее параметры работы AI и управляющее его поведением [3]. Ответственным лицом также признается создатель (изготовитель) искусственного интеллекта [3]. Такой взгляд, с одной стороны, продиктован нормами современного законодательства, но, с другой стороны, не уточняет вид юридической ответственности. Так, создателем (изготовителем) изготовителем ИИ может быть как физическое, так и юридическое лицо. Последнее согласно действующему законодательству не может нести уголовную ответственность.

При признании правосубъектности искусственного интеллекта становится возможным привлечение его к юридической ответственности [3]. В связи с этим, были предложены различные принципиальные подходы:

- концепция «AI-отношений» и «киберфизической ответственности» [3];
- конструкция субсидиарной ответственности [3; 7];
- идея применения уголовной ответственности в случаях невозможности изменения программы ИИ в силу конструктивных особенностей ИИ [3];
- уничтожение/удаление программы ИИ как крайняя мера пресечения [3, 4] и др.

Кроме того, как было отмечено выше, в регулировании отношений в области медицины и здравоохранения наряду с нормами права значительную роль играют морально-этические аспекты. Однако, по мнению ученых, ИИ вряд ли будет волновать моральная сторона правонарушения и ответственности [3]. Исходя из комплекс-

ного характера регулирования медицинской деятельности и утверждения о безразличии ИИ к морально-этической стороне правонарушения, мы предполагаем также наличие препятствий для реализации воспитательной и профилактической функций юридической ответственности. Одной из причин видится отсутствие у искусственного интеллекта таких присущих человеку чувств, как стыд и сострадание, то есть естественных предпосылок для реализации воспитательной и предупредительной функции [3, 4]. На настоящий момент неизвестно, может ли самообучение ИИ (например, технологии машинного обучения) способствовать «пониманию» им неблагоприятных последствий некоторых действий, «осознанию» их как противоправных. Кроме того, неясно, возможно ли предупреждение правонарушений у других AI-единиц (других роботов или даже у других форм ИИ) через пример (назидательно).

Из предложенных подходов к решению данного вопроса интересным представляется принятие Киберфизического/Цифрового кодекса для правового регулирования отношений участников цифрового пространства (реализуется при принятии концепции «киберфизических отношений») и дальнейшее самообучение AI-систем путем подключения их к цифровой версии кодекса, сопоставления предполагаемых действий с нормами и создании алгоритмов для дальнейших действий [8]. Однако такой подход все еще не учитывает морально-этическую сторону вопроса. Поэтому мы предлагаем в перспективе дополнить принятие Киберфизического/Цифрового кодекса и самообучение киберфизических систем внедрением в программы ИИ специальных алгоритмов, позволяющих имитировать стыд/сострадание (аналоги естественных чувств человека) – прерогатива специалистов в области информационных технологий и машинного обучения. Также, стоит отметить, что необходимо внедрение алгоритмов, позволяющих другим AI-роботам и формам ИИ на примере робота, понесшего юридическую ответственность за правонарушение, оценивать его действия как негативные, неправомерные, опасные для человека и самого ИИ. Эти принципиальные уточнения, на наш взгляд, дополняют комплексный характер регулирования медицинской деятельности с участием искусственного интеллекта и открывают перспективу развития AI-технологий в медицине и здравоохранении.

Заключение.

В заключение хотелось бы отметить, что остается неурегулированным вопрос о необходимости включения в информированное добровольное согласие пациента пункта об использовании искусственного интеллекта при осуществлении медицинского вмешательства. Поэтому мы предлагаем урегулировать эти аспекты применения ИИ в медицине на законодательном уровне путем внесения соответствующих поправок в ФЗ № 323 «Об основах охраны здоровья

граждан РФ». Напротив, в настоящее время вопрос о юридической ответственности не стоит, поскольку ответственность несет изготовитель

Литература:

1. *Гусев А.В.* Д.С.Л. Искусственный интеллект в медицине и здравоохранении / А.В. Гусев // Информационное Общество. 2017. Vol. 4–5.
2. *Колесниченко О.Ю.* Искусственный интеллект в здравоохранении: современные проблемы / О.Ю. Колесниченко, Ю.Ю. Колесниченко, Н.Д. Литвак // Ремедиум. Журнал о российском рынке лекарств и медицинской технике. 2018. № 4.
3. *Лаптев В.А.* Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу / В.А. Лаптев // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2.
4. *Лаптев В.А.* Правовые формы применения искусственного интеллекта в медицине / В.А. Лаптев // Юрист. Медицинское право. 2021. № 2.
5. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г., № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724. 2012. № 26. Ст. 3442, 3446.
6. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 20 декабря 2012 г. № 1177н «Об утверждении порядка дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства в отношении определенных видов медицинских вмешательств, форм информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и форм отказа от медицинского вмешательства» // Российская газета. № 145. 05.07.2013.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (ред. от 26.10.2021) // Российская газета. № 238-239. 08.12.1994.
8. *Илющенко Р.* России будущего нужен Цифровой кодекс / Р. Илющенко, И. Башелханов. URL : https://ruskline.ru/analitika/2018/02/7/rossii_buduwego_nuzhen_cifrovoj_kodeks

и/или пользователь, но в перспективе этот вопрос может быть актуален.

Literature:

1. *Gusev A.V.* D.S.L. Artificial Intelligence in Medicine and Healthcare / A.V. Gusev // In-Formation Society. 2017. Vol. 4–5.
2. *Kolesnichenko O.Yu.* Artificial intelligence in healthcare: modern problems / O.Yu. Kolesnichenko, Yu.Yu. Kolesnichenko, N.D. Litvak // Remedium. Journal on the Russian drug market and medical equipment. 2018. № 4.
3. *Laptev V.A.* The concept of artificial intelligence and legal responsibility for its work / V.A. Laptev // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019. № 2.
4. *Laptev V.A.* Legal forms of application of artificial intelligence in medicine / V.A. Laptev // Lawyer. Medical law. 2021. № 2.
5. Federal Law of November 21, 2011, № 323-FZ «On the Basics of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation» // Assembly of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 48. Art. 6724. 2012. № 26. Art. 3442, 3446.
6. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation № 1177n dated December 20, 2012 «On approving the procedure for giving information voluntary consent to medical intervention and refusing medical intervention in relation to certain types of medical interventions, forms of informed voluntary consent to medical intervention and forms of refusal to medical intervention» // Rossiyskaya Gazeta. № 145. 05.07.2013.
7. Civil Code of the Russian Federation (ed. From 26.10.2021) // Russian newspaper. № 238-239. 08.12.1994.
8. *Ilyushchenko R.* Russia of the future needs the Digital Code / R. Ilyushchenko, I. Bashelkhanov. URL : https://ruskline.ru/analitika/2018/02/7/rossii_buduwego_nuzhen_cifrovoj_kodeks

Куемжиева Светлана Александровна

доктор юридических наук,
профессор кафедры криминалистики,
Кубанский государственный
аграрный университет
kuemzhieva-svetlana@yandex.ru

Корчагин Александр Юрьевич

доктор юридических наук,
профессор кафедры криминалистики,
Кубанский государственный
аграрный университет
crimkubgau@mail.ru

**К ВОПРОСУ О ПОСТРОЕНИИ
СУДЕБНЫХ ВЕРСИЙ**

Аннотация. В статье кратко изложен вопрос о построении судебных версий; рассмотрены типичные фактические основания для построения судебных версий, проанализирована логическая структура интеллектуального процесса выдвижения судебных версий; рассмотрены типичные ситуации возникновения необходимости в построении судебных версий. Показана связь построения судебных версий с процессом целеопределения в судебном разбирательстве; изложен механизм конкретизации предмета судебного разбирательства на основе критического анализа результатов досудебного следствия. Формируются научно-практические рекомендации по оптимизации целеопределения в судебном разбирательстве уголовных дел с использованием судебных версий.

Ключевые слова: судебная версия, построение версий, целеопределение.

Судебное следствие является центральной частью судебного разбирательства уголовного дела. Именно на этой стадии уголовного процесса всесторонне и полно исследуются доказательства и формируется вывод об истинных обстоятельствах рассматриваемого преступления и виновности конкретных лиц.

Предмет судебного разбирательства представляет с собой систему обстоятельств события преступления, установленных в ходе расследования и представленных в суд. Прокурор, утвердив на основе выводов следствия обвинительное заключение, считает обстоятельства предмета расследования доказанными и полагает, что суд может руководствоваться последними при вынесении приговора.

Суд, как известно, в силу действия презумпции невиновности, должен проверить все представленные материалы, включая сведения о хода-

Svetlana A. Kuemzhieva

Doctor of Law,
Professor of the Department of Criminology,
Kuban State Agrarian University
kuemzhieva-svetlana@yandex.ru

Alexander Yu. Korchagin

Doctor of Law,
Professor of the Department of Criminology,
Kuban State Agrarian University
crimkubgau@mail.ru

**ON THE QUESTION OF BUILDING
JUDICIAL VERSIONS**

Annotation. The article briefly outlines the issue of building a judicial scheme; consideration of typical grounds for building a judicial scheme, analyzed the logical structure of the intellectual process of nominating a judicial scheme; typical situations of the need to build a judicial scheme are identified. The connection between the construction of judicial versions and the process of goalsetting in judicial proceedings is shown; the mechanism for specifying the subject of the trial based on a critical analysis of the results of the pre-trial investigation is outlined. Scientific and practical recommendations are being formed for optimizing goalsetting in the trial of criminal cases using judicial versions.

Keywords: judicial version, building versions, goalsetting.

тайствах сторон обвинения и защиты на предварительном слушании. Для оптимизации процесса конкретизации предмета судебного следствия и исследования имеющихся доказательств важное значение имеют судебные версии.

Судебные версии – это разновидность криминалистических версий. Сущность версии состоит в обоснованном фактами и логически правильно-ми предположениями суда о событии преступления, отдельных пего обстоятельствах и виновности подсудимого.

Процесс построения судебных версий несколько отличается от следственных версий. Судебные версии строятся на основе материалов уголовного дела, оконченого расследованием. Материалы уголовного дела являются основной фактической базой для построения судебных версий. Судья, изучая поступившее материалы уголовного дела, в подавляющем большинстве слу-

чаев (по данным нашего обобщения судебной практики в 57,1 %) соглашается с выводами следователей и прокурора. Судебные версии в таких случаях не выдвигаются. Имеются в виду основные судебные версии.

Классификация судебных версий основана на использовании различных критериев. Так, В.Г. Ульянов делит судебные версии на общие и частные. К первым он относит версии об элементах предмета доказывания, вторые выдвигаются в отношении других, менее значительных фактах преступления [6, с. 163].

Более подробную классификацию предлагал Г.А. Воробьев. Он делил судебные версии на предположения о событии преступления в целом; об элементах состава преступления; об отдельных фактах преступления [1, с. 19].

Полагаем, что оба предложения не вызывают принципиальных возражений. Вместе с тем, считаем, что в судебных версиях необходимо выделять версии о виновности подсудимого (по аналогии с расследованием, где версии о личности преступника выделяются) [2, с. 44–45]. Рассматриваемая версия является центральной в судебном следствии. По нашему мнению, классификация судебных версий включает:

- общие – о событии преступления в целом;
- версии об элементах состава преступлений;
- версии о виновности подсудимого;
- версии о виновности других лиц;
- частные версии об иных обстоятельствах преступления.

Интеллектуальный процесс изучения судьей материалов уголовного дела в ходе подготовки к судебному заседанию может привести его к одному из следующих выводов:

- обстоятельства предмета доказывания исследованы следователем с достаточной полнотой, обвинение доказано полностью, доводы защиты исследованы всесторонне и опровергнуты;
- обстоятельства исследованы и обвинение доказано, но в расследовании имеются определенные недостатки;
- доказанность обвинения вызывает серьезные сомнения.

Во второй ситуации могут строиться частные судебные версии. Сомнения в обоснованности обвинительного заключения (по данным нашего обобщения они встречаются в 26,5 % случаев) являются основанием для построения и проверки судебных версий о событии преступления в целом и о виновности подсудимого.

Необходимо отметить, что версия обвинения является обязательной для проверки и определяет направление судебного следствия. В тоже

время, в случаях сомнения доказанности следствием обстоятельств предмета доказывания, строятся судебные версии. Фактическим основанием для последних являются как материалы уголовного дела, так и иная информация, чаще доводы защиты, высказанные еще до судебного заседания. Необходимо иметь в виду тот факт, что новая интерпретация судьей известных фактов является сама по себе основанием для построения судебной версии, отличной от версии обвинения.

Отметим также, что основанием для построения судебной версии судьей является любая информация о событии, сообщаемая стороной защиты и отличная от версии обвинения. В отдельных случаях основанием может быть умышленное умолчание сторон (как защиты, так и обвинения), на основе анализа имеющихся доказательств. Это, разумеется, широкая фактическая основа, но она необходима для всестороннего и полного исследования материалов уголовного дела, для защиты прав и законных интересов участников процесса и других граждан. Полагаем, что такое допустимо практически, поскольку построение судебной версии – это не обвинение, а предположение суда, дающее одно из направлений исследования материалов уголовного дела, т.е. для всестороннего и полного анализа всех реально возможных вариантов исследуемого события и виновности конкретного лица.

Отметим, еще одну особенность судебного следствия. Она состоит в гласном исследовании обстоятельств преступления. Это фактически совместное исследование материалов уголовного дела. Совместное исследование выражается в том, что каждый его участник изучает доказательства и публично выражает свое мнение по существу исследования, что может быть тут же оспорено другой стороной и проверено судьей. В этом и заключается всесторонность исследования. Эта одна из основных особенностей исследования доказательств судом (в отличие от расследования).

В судебном заседании каждый участник вправе высказать свои предположения о любом обстоятельстве. Но это не версии подсудимого, потерпевшего, прокурора и др. в суде. Предположение любого участника процесса становятся судебной версией в том случае, если их принимает суд. Судебная версия – это предположение суда. Это не означает, что суд безразличен к предположениям участника процесса. Нет, он принимает их к сведению и изучению и решает вопрос о построении судебной версии или оставлении информации без исследования.

Отметим, что интеллектуальная деятельность судьи по анализу материалов уголовного дела и построению судебных версий протекает под влиянием различных факторов. Прежде всего, это содержание обвинительного заключения по делу и доводов сторон обвинения и защиты. Анализ обобщенной судебной практики, свидетельствует, что в большинстве случаев (86 %) судья предварительно соглашается с выводами следствия еще до начала судебного следствия в

целом, но одновременно строит частные версии об отдельных его обстоятельствах.

Таким образом, судебная версия является средством познания. В то же время, она выполняет и чисто организационную роль, участвуя в процессе целеопределения [3, с. 23; 4, с. 276–277; 5, с. 167–187]. Предполагая о правильности, т.е. обоснованности конкретной судебной версии, можно сделать вывод о существовании определенных фактов – логических следствий, выводимых из версии. Задача суда – выявить и исследовать логические следствия из каждой судебной версии. Механизм целеопределения в судебном следствии имеет два типичных варианта. В первом случае слушается дело о преступлении, совершенном в обстановке очевидности, обстоятельства которого, досудебным следствием установлены достаточно полно. Подсудимый вину не отрицает. В данной ситуации согласие с выводами обвинительного заключения предварительно. В ходе судебного следствия суд, как правило, не строит общих судебных версий.

Вторая ситуация значительно сложнее. Суд выдвигает свою версию о событии преступления и виновности подсудимого. В этом случае из каж-

дой версии выводятся логические следствия, то есть факты, которые должны существовать при условии, что данная версия верна. Судья отмечает, какой из указанных фактов исследовался на досудебном следствии. Выявление отсутствующих фактов является целями судебных действий в ходе судебного следствия. Важное обязательное условие процесса целеопределения состоит в том, что перечень логических следствий из судебных версий должен быть по возможности исчерпывающим.

Изложенным путем конкретизируются цели судебного следствия, в различных по сложности категориях уголовных дел, и осуществляется рациональный порядок исследования доказательств. Основными факторами, влияющими на качество процесса построения судебных версий и целеопределения в судебном следствии, являются: профессионально-психологический уровень судьи, знание им процесса судебного разбирательства, включая профессиональные навыки его производства и условия деятельности, прежде всего, рабочая нагрузка судьи, которая должна быть оптимальной для его рациональной, интеллектуальной деятельности.

Литература:

1. *Воробьев Г.А.* Планирование судебного следствия. М., 1978. С. 19.
2. *Зеленский В.Д.* Расследование убийств. Краснодар, 1994. С. 44–45.
3. *Зеленский В.Д.* Организационные функции субъектов расследования. Краснодар, 2005. С. 23.
4. *Корчагин А.Ю.* Основы криминалистического обеспечения судебных разбирательств уголовных дел. М., 2009. С. 276–277.
5. *Куемжиева С.А.* Методика расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних. М., 2018. С. 167–187.
6. *Ульянов В.Г.* Государственное обвинение в российском уголовном процессе. М., 2002. С. 163.

Literature:

1. *Vorobyov G.A.* Trial planning. M., 1978. P. 19.
2. *Zelensky V.D.* Football investigation. Krasnodar, 1994. P. 44–45.
3. *Zelensky V.D.* Organizational functions of the subjects of investigation. Krasnodar, 2005. P. 23.
4. *Korchagin A.Yu.* Fundamentals of forensic litigation in criminal cases. M., 2009. P. 276–277.
5. *Kuemzhieva S.A.* Methods of investigating crimes against families and minors. M., 2018. P. 167–187.
6. *Ulyanov V.G.* State punishment in the Russian criminal process. M., 2002. P. 163.

Леонова Татьяна Вячеславовна
аспирантка уголовно-процессуальной
кафедры заочной формы обучения
факультета подготовки
кадров высшей квалификации,
Российский государственный
университет правосудия
tatayana768_768@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЗАДАЧ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ДЛЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В статье исследуется значение международного сотрудничества для доказательственной деятельности в сфере уголовного судопроизводства. Исследуются различные авторские позиции в исследуемой сфере. В заключении автором формулируется вывод о необходимости разработки на международном уровне международной конвенции (соглашения), содержащей задачи международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства для доказательственной деятельности.

Ключевые слова: международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, доказательства, доказательственная деятельность, раскрытие и расследование преступлений, правовая помощь, запрос об оказании правовой помощи, объем правовой помощи, преступность.

В виду расширения и распространения транснациональной криминальной деятельности за пределы территории одного государства, особое значение для ее предотвращения, а также, для раскрытия и расследования транснациональных преступлений начинает приобретать значение институт международного сотрудничества. В то же время, в силу законодательных, экономических и политических факторов при расследовании такого рода преступлений могут возникнуть существенные сложности в собирании, исследовании и оценке доказательств по уголовным делам.

Как подчеркивают Р.М. Магомедов, М.С. Колосович и Э.Ж. Чхвимидзе, среди основных негативных факторов выступают общий резолютивный характер международных актов, различия национальных правовых систем, отсутствие единого подхода к осуществлению уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности, изоляцией России на политической арене и др. [1, с. 151; 2, с. 38].

Tatyana V. Leonova
Graduate School of Criminal Procedure
Department of Correspondence Training
Faculty of Training
Highly Qualified Personnel,
Russian State University of Justice
tatayana768_768@mail.ru

ON THE ISSUE OF DEFINING THE TASKS OF INTERNATIONAL COOPERATION FOR EVIDENCE-BASED ACTIVITIES IN THE FIELD OF CRIMINAL JUSTICE

Annotation. The article examines the importance of international cooperation for evidence-based activities in the field of criminal justice. Various author's positions in the researched area are investigated. In conclusion, a conclusion is drawn up on the need to develop an international convention (agreement) at the international level, containing the tasks of international cooperation in the field of criminal justice for evidence-based activities.

Keywords: international cooperation in the field of criminal proceedings, evidence, evidentiary activity, disclosure and investigation of crimes, legal assistance, request for legal assistance, scope of legal assistance, crime.

Ввиду сложившейся обстановки, одной из основных задач, стоящих перед государствами, является налаживание международного сотрудничества. Как отмечает Л.А. Лазутин, Россия занимает достаточно заметное положение в международном сообществе и уделяет вопросу международного сотрудничества и правовой помощи по уголовным делам большое внимание [3, с. 43]. Так, правовое регулирование международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства регламентируется частью 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ), что, безусловно, подчеркивает немаловажную роль международного сотрудничества.

В рамках данного исследования акцентируем внимание на специфике международного сотрудничества для доказательственной деятельности. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 453 УПК РФ, при необходимости производства на территории иностранного государства процессуальных действий выносятся запросы о необходимости их

производства компетентным органам или должностным лицам иностранного государства в соответствии с международным договором РФ, международным соглашением или на основе принципа взаимности.

Безусловно, принцип взаимности предполагает оказание содействия в проведении процессуальных действий, однако наибольшая результативность предполагается при наличии международных договоров РФ и соглашений. Как подчеркивает Р. Ш. Богаткина, РФ заключено более восьмидесяти двусторонних соглашений об оказании правовой помощи по уголовным делам [4].

Положения ст. 455 УПК РФ регламентируют юридическую силу доказательств, полученных на территории иностранного государства. Так, согласно данной статье, доказательства, полученные на территории иностранного государства его должностными лицами в ходе исполнения ими поручений об оказании правовой помощи по уголовным делам или направленные в Российскую Федерацию в приложении к поручению об осуществлении уголовного преследования в соответствии с международными договорами Российской Федерации, международными соглашениями или на основе принципа взаимности, заверенные и переданные в установленном порядке, пользуются такой же юридической силой, как если бы они были получены на территории РФ в полном соответствии с требованиями УПК РФ.

В то же время, одной из основных проблем для доказательственной деятельности являются сроки исполнения иностранным государством запроса о сотрудничестве. Да, положения Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. указывают на необходимость сведения к минимуму бремени доказывания и упрощения требований доказывания, однако на практике возникают яркие примеры противоположности.

Так, например, расследование убийства российских журналистов в Центральноафриканской республике продолжается с июля 2018 г. по настоящее время [3]. Одной из причин затягивания расследования в рассматриваемом примере являлись проблемы взаимодействия между пра-

воохранительными органами двух государств, что, в свою очередь, негативно влияет на качество полученных доказательств и полноту расследования, а также нарушает права потерпевшей стороны и а принципа осуществления уголовного судопроизводства в разумный срок. На наш взгляд, для разрешения данной проблемы необходимо согласиться с выводом Д.В. Егоровой о необходимости закрепления в УПК РФ целей и задач международного сотрудничества органов юстиции для значения международного сотрудничества в целях доказательственной деятельности в сфере уголовного судопроизводства [4, с. 81].

В то же время, в науке уголовного процесса существует плюрализм мнений в части раскрытия содержания данных целей и задач. Так, А.В. Сорокин к целям международного сотрудничества относит справедливое, обоснованное и законное решение уголовного дела по существу [5, с. 48–49]. Н. П. Мазаева трактует цели международного сотрудничества как достижение целей уголовного судопроизводства [6, с. 6].

Таким образом, видна необходимость в разработке и принятии на международном уровне ряда конвенций и договоров в части международного сотрудничества, а также пересмотра и улучшения ряда уже действующих международных договоров, с учетом накопившегося опыта взаимодействия.

В частности, следует на международном уровне разработать конвенцию (соглашение), в которой необходимо закрепить конкретные задачи международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства для доказательственной деятельности и в дальнейшем имплементировать данные положения в процессуальное законодательство Российской Федерации. В данной конвенции следует закрепить основы (принципы) взаимодействия между правоохранительными органами по вопросам раскрытия и расследования преступлений, урегулирование вопроса об обеспечении доступа потерпевшего к правосудию. Данные меры способствуют улучшению международного сотрудничества для доказательственной деятельности в сфере уголовного судопроизводства.

Литература:

1. *Магомедов Р.М.* Международное сотрудничество в российском уголовно-процессуальном праве. Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 2. С. 151–153.
2. *Колосович М.С.* Правовая регламентация международного сотрудничества правоохранительных органов при осуществлении оперативно-разыскной деятельности и использовании ее результатов: современное состояние и перспективы развития / М.С. Колосович, Э.Ж. Чхвимиани // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 2(29). С. 80–89.

Literature:

1. *Magomedov R.M.* International cooperation in Russian criminal procedure law. Gaps in Russian legislation. 2018. № 2. P. 151–153.
2. *Kolosovich M.S.* Legal regulation of international cooperation of law enforcement agencies in the implementation of operational-investigative activities and the use of its results: the current state and development prospects / M.S. Kolosovich, E.Zh. Chkhvimiani // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 2(29). P. 80–89.

3. Никто не пытался создать благоприятные условия для расследования / Коммерсантъ URL : <https://www.kommersant.ru/doc/4143212> (дата обращения 20.01.2021).

4. *Богаткина Р.Ш.* Проблемы и перспективы правового регулирования международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства Российской Федерации / Р.Ш. Богаткина // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 4(94). С. 72–78.

5. *Лазутин Л.А.* Международное сотрудничество и правовая помощь / Л.А. Лазутин // Законность. 2008. № 3.

6. *Егорова Д.В.* Значение международного сотрудничества для доказательственной деятельности в сфере уголовного судопроизводства / Д.В. Егорова // Евразийская адвокатура. 2016. № 1(20). С. 80–83.

7. *Сорокин А.В.* Проблемы интеграции российского уголовного процесса в международное сотрудничество по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. 221 с.

8. *Мазаева Н.Н.* Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства российской федерации в стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... на соиск. ученой степени канд. юрид. наук. Российская таможенная академия. М., 2004. 28 с.

3. No one tried to create favorable conditions for the investigation / Kommersant URL : <https://www.kommersant.ru/doc/4143212> (date of application 20.01. 2021).

4. *Bogatkina R.Sh.* Problems and prospects of legal regulation of international cooperation in the field of criminal proceedings of the Russian Federation / R.Sh. Bogatkina // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4 (94). P. 72–78.

5. *Lazutin L.A.* International cooperation and legal assistance / L.A. Lazutin // Legality. 2008. № 3.

6. *Egorova D.V.* The value of international cooperation for evidentiary activities in the field of criminal justice / D.V. Egorova // Eurasian Advocacy. 2016. № 1(20). P. 80–83.

7. *Sorokin A.V.* Problems of integration of the Russian criminal process into international cooperation in criminal cases : dis. ... cand. legal Sciences. N. Novgorod, 2009. 221 p.

8. *Mazaeva N.N.* International cooperation in the field of criminal proceedings of the Russian Federation in the stage of preliminary investigation : abstract dis. ... abstract for the degree of candidate of legal sciences. Russian Customs Academy. M., 2004. 28 p.

Лобзов Глеб Павлович
магистрант 2 курса,
Дальневосточный
федеральный университет
alex-m@mail.ru

Козгова Светлана Ивановна
магистрант 2 курса,
Дальневосточный
федеральный университет
alex-m@mail.ru

Макаревич Алексей Игоревич
магистрант 2 курса,
Дальневосточный
федеральный университет
alex-m@mail.ru

УСЛОВИЯ ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ОБОСНОВАННОМ РИСКЕ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ЦЕЛЬ И МЕРУ ВРЕДОНОСНОСТИ РИСКОВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Аннотация. Цель, ради достижения которой лицо совершает рискованные действия (идя на обоснованный риск), имеет два обязательных признака, или должна соответствовать таким двум обязательным требованиям, как социальная полезность и невозможность ее достижения иными методами, не связанными с риском. В статье анализируются условия правомерности причинения вреда при обоснованном риске, характеризующие цель и меру вредности рискованных действий. Дается оценка проблемы социального значения (социальной ценности) цели вредности рискованных действий. Рассматриваются позиции судов по данному вопросу.

Ключевые слова: обоснованный риск, рискованные действия, критерии риска, меры предосторожности, социальная полезность цели.

Цель, ради достижения которой лицо совершает рискованные действия (идя на обоснованный риск), имеет два обязательных признака, или должна соответствовать двум обязательным требованиям:

- а) социальная полезность;
- б) невозможность ее достижения иными методами, не связанными с риском.

Социальная полезность является критерием идеологическим, т.е. отражает систему ценностей, действующих в данном обществе. Напри-

Gleb P. Lobzov
Master of 2 courses,
Far East
Federal University
alex-m@mail.ru

Svetlana I. Kozgova
Master of 2 courses,
Far East
Federal University
alex-m@mail.ru

Alexey I. Makarevich
Master of 2 courses,
Far East
Federal University
alex-m@mail.ru

CONDITIONS FOR THE LEGALITY OF CAUSING HARM AT A REASONABLE RISK, CHARACTERIZING THE PURPOSE AND THE DEGREE OF HARMFULNESS OF RISKY ACTIONS

Annotation. The purpose for the achievement of which a person commits risk actions (going to a reasonable risk) has two mandatory features, or must meet such two mandatory requirements as social utility and the impossibility of achieving it by other methods not associated with risk. This article analyzes the conditions for the legitimacy of causing harm at a reasonable risk, characterizing the purpose and measure of the harmfulness of risky actions. An assessment is given of the problem of social significance (social value) of the purpose of harmfulness of risky actions. The positions of the courts on this issue are considered.

Keywords: justified risk, risky actions, risk criteria, precautionary measures, social usefulness of the goal.

мер, бесспорная, безусловная социальная полезность будет признана за действиями, направленными на сохранение человеческой жизни и здоровья: в этом случае допустимы риски любыми иными ценностями, находящимися безусловно ниже в иерархии (системе) общественных ценностей. И напротив, рискованная попытка спасти имущественные ценности, поставив в качестве риска жизнь и здоровье людей – не может быть признана по своей цели социально-полезной.

Однако необходимо отметить, что, в подавляющем большинстве случаев, проблемы социаль-

ного значения (социальной ценности) цели не стоит: суды признают, что социальная полезность цели, достигаемой обвиняемым, имела место. Менее всего это спорно по делам об уголовной ответственности медицинских работников: их целью всегда является оздоровление пациента [1, с. 77]. Намного сложнее данное положение выглядит, когда речь идет о задержании преступника или иного правонарушителя. Так, Пленум Верховного Суда РФ подчеркивает, что, при всей социальной полезности цели задержания преступника, причинение в процессе его задержания вреда третьим лицам может быть оценено не только по основанию, предусмотренному ст. 41 УК РФ, но и как преступление (абзац второй пункта 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [2]). Иными словами, цель задержания преступника – уже не является абсолютной и зависит от конкретных обстоятельств и меры причинения вреда третьим лицам.

Интересный случай применения ст. 41 УК РФ имел место в Красноярском крае. В 2008 г. в п. Келлог сложилась ситуация, когда обеспечение жителей дровами на законных основаниях было невозможно в силу обнаружения пробела в Лесном кодексе РФ и для устранения опасности, угрожающей их жизни и здоровью, необходимо было преступить уголовный закон, запрещающий рубку лесных насаждений, иным способом эта опасность устранена быть не могла. В то же время, возглавляемый обвиняемым (по ч. 3 ст. 260 УК РФ – вырубка лесных насаждений в крупных размерах) Ж. участок оказался единственным производственным предприятием, у которого были силы и средства для заготовки дров населению. Оправдывая Ж., мировой судья указал, что обвинением не представлено доказательств, подтверждающих его виновность, а доводы последнего о вырубке леса и заготовке дров для населения п. Келлог в зимнее время года, в отсутствие соответствующего разрешения, как социально полезных действиях, направленных на защиту более значимых охраняемых законом интересах – жизни и здоровья людей и предотвращения более опасных последствий, стороной обвинения не опровергнуты. По мнению суда, Ж. «действовал при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели, поскольку эта цель не могла быть достигнута иначе, и он предпринял достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам» [3]. Суд апелляционной инстанции согласился с приговором, но исключил указание на ст. 41 УК РФ. Однако думается, что в данном случае имел место именно обоснованный риск. Т.Ю. Орешкина также отмечала, что оправдательный приговор был основан на том, что, «причиняя вред охраняемым уголовным законом интересам, Ж. действовал при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели, поскольку эта цель не могла быть достигнута иначе» [4, с. 69]. Показательно, что апелляционная инстанция, исключив указание на ст. 41 УК РФ, не определила иных

правовых оснований для оправдания подсудимого.

Второй признак – невозможность достижения социально-полезной цели методами (средствами), которые не являются рисковыми. Этот признак подчеркивается почти всеми авторами.

Иначе говоря, применяя правило об обоснованном риске, после оценки социальной полезности цели (ценности объекта, в отношении которого совершались рисковые действия), суд во вторую очередь всегда должен поставить вопрос о том, могла ли та или иная конкретная цель (по своему качеству и количеству) быть достигнута путем, не содержащим вероятности (риска) неудачного исхода.

Однако при квалификации деяния по ст. 41 УК РФ необходимо оценить, не только то, мог ли данный результат быть достигнут безрисковым деянием, но и то, мог ли он быть достигнут менее рисковым деянием. Это второе обстоятельство не всегда учитывается при построении определения обоснованного риска. Так, А.Ю. Шурмулов, предлагает считать обоснованным риском «совершенные с общественно-полезной целью действия (бездействие), повлекшее причинение вреда охраняемым интересам, если поставленная цель не могла быть достигнута другими, не связанными с риском действиями, и лицо приняло все возможные и зависящие от него меры предотвращения вреда» [5, с. 6]. Таким образом, А.Ю. Шурмулов упускает возможность существования ситуаций, когда для достижения цели существует более одного рискового пути, и выбирается путь, который имеет большую, нежели остальные, степень риска. Представляется, что такие случаи не должны подпадать под категорию обоснованного риска.

Подход, предполагающий, что обоснованным риском является не риск вообще, а наименьший для данной ситуации риск, требует определить критерии риска.

В страховании – науке, наилучшим образом изучившей сущность рисков, выделяются два основных критерия риска: характер риска и степень риска. Если риск – это предполагаемое событие (а также действие человека, например, кража), которого стремится избежать действующее в процессе достижения социально-полезной цели лицо, то степенью риска следует считать степень вероятности (случайности) его наступления (количественный критерий риска), а характером – объекты, которые окажутся подвержены нежелательному воздействию в случае наступления рискового события (качественный критерий риска). Соответственно, лишь такой риск можно признавать обоснованным, который по своим количественным и качественным характеристикам являл собой «наименьшее зло» из имеющихся рисковых вариантов поведения.

В литературе выделяются также объективный и субъективный критерии риска, при этом исходить необходимо из субъективных критериев оценки его вероятности. Приоритет субъективного кри-

терия состоит в том, что действующее лицо полагало меры, предпринятые для избежания риска или снижения степени риска, достаточными, хотя бы объективно вред и оказался причинен. В некоторых публикациях этот критерий именуется «осознанностью» действий [6, с. 188].

Ряд авторов (думается, на основе реальной практики) отмечают «следующий парадокс: рискующий субъект при прогнозе будущего результата и принятия рискованного решения обосновывает свой выбор на основе вероятностных показателей, чем обрекает себя на заведомую ошибку» [7, с. 55]. К сожалению, данную ошибку совершает не рискующий, а авторы сказанного и нередко – судебная практика, которая оценивает не степень риска последствий, которые существовали для лица в момент принятия решения о совершении рискованных действий, а сам случившийся факт как данность. Оценивая случившийся факт не как рискованный, а как закономерное следствие причинной связи между действием и преступными последствиями, практик неизменно придет к выводу об отсутствии в деянии риска и о наличии двойной формы вины лица: умысла в отношении деяния и неосторожности в отношении последствий. Однако требование оценки наличия невозможности достижения социально-полезной цели без рискованных действий состоит в том, чтобы «войти в роль» лица, действовавшего в момент принятия решения о риске – безотносительно к наступившим последствиям, и определить с его позиций в тот момент реальную степень риска.

Специалисты в области медицинского права предлагают необходимость согласия предполагаемого потерпевшего в случаях, когда достижение цели иными, кроме рискованных, средствами не считается возможным. Так, А.В. Серова в 1999 г. предлагала дополнить условия правомерности обоснованного риска (с учетом медицинской специфики) необходимостью истребования согласия предполагаемого пострадавшего. Ей была предложена следующая формулировка: «в тех случаях, когда риск допускается в отношении таких благ, как жизнь и здоровье, должно быть получено согласие пострадавшего или его законных представителей, которые ознакомлены с возможной опасностью или с возможной перспективой успеха» [8, с. 5]. И хотя именно в медицине это правило полностью охватывается требованием «добровольного информированного согласия», представляется, что это правило справедливо для распространения на все случаи риска, исключая ситуации, когда у действующего лица не остается времени на получение соответствующего согласия (разрешения).

К условиям (требованиям), которыми должны характеризоваться сами рискованные действия, относятся также два основных.

Во-первых, действующий не должен осознавать, что риск касается опасности для жизни многих людей: данный правоохраняемый объект является высшей ценностью и потому не может быть последствием риска. Так, нельзя отнести к обоснованному риску – риск угрозы отравления значительных площадей земли или общественного

бедствия (например, угрозу разлива моря в результате прорыва дамбы).

Во-вторых, для определения обоснованности риска необходимо определить, какие меры, разумно достаточные, были приняты одновременно с совершением рискованных действий, в том числе в случаях, когда на обоснованный риск пошел профессионально действующий в своей области субъект.

Разумно достаточные меры предосторожности могут оцениваться с двух точек зрения: с точки зрения разумного подхода, предполагающего выполнение очевидных, понятных «невооруженному взгляду» предварительных мер предосторожности и с точки зрения профессиональной (если риск совершал профессионал), когда объем выполнения мер предосторожности должен был рассматриваться с точки зрения их выполнения профессионалом.

Как нам представляется, в обоих случаях суд обязан подробно описать в приговоре, какие конкретные меры были предприняты действующим в условиях риска лицом. Так, первый случай (когда рисковало лицо, не обладающее какими-либо профессиональными навыками) приведен Д.А. Гарбатовичем: избранный главой администрации сельского поселения «М.С.А., полагая, что житель поселения А. причастен к хищению запасных частей с автобусов, находящихся на территории ЖКХ поселения, с целью отыскания и возвращения похищенного имущества прибыл к месту жительства А. и обнаружил, что дом и окна дома закрыты и заперты... М.С.А. взломал замок входной двери дома и против воли и желания проживающих в нем лиц незаконно проник внутрь дома с целью обнаружения ранее похищенного имущества..., которые, как он полагал, могли находиться в указанном доме» [9, с. 21]. При этом суд достаточно подробно характеризует те меры, которые были предприняты действовавшим в условиях риска М.С.А.: взлом замка был произведен с необходимой степенью аккуратности, так, что никакого другого вреда имуществу при взломе причинено не было.

В свою очередь, в случаях, когда вред был причинен профессионально действующим лицом, объем этих предварительных принятых мер предосторожности также должен оцениваться в зависимости от обстановки:

- 1) когда она позволяла принять все необходимые меры предосторожности в соответствии со стандартами профессионального риска;
- 2) когда она не позволяла принять все меры предосторожности в соответствии со стандартами профессионального риска. Во втором случае меры предосторожности должны быть максимально (насколько это позволяет обстановка) приближенными к таким стандартам.

Следует отметить, что даже в случае, когда одно из четырех указанных условий не было соблюдено, нельзя исключать возможности применения смягчающих обстоятельств, в частности, об обстановке совершения преступления, предусмотренного в пункте «ж» части первой статьи 61 УК РФ.

Литература:

1. *Кашуба Е.В.* Профессиональный риск медицинских работников как вид обоснованного риска / Е.В. Кашуба, В.Г. Сычев // Медицинская наука и образование Урала. 2013. № 3. С. 77.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11.
3. Обобщение Красноярского краевого суда от 22.12.2011 «Обобщение практики применения судами Красноярского края норм о необходимой обороне и иных обстоятельствах, исключающих преступность деяния (статьи 37–42 УК РФ), по делам, рассмотренным в 2009 – первом полугодии 2011 года».
4. *Орешкина Т.Ю.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния: дискуссионные вопросы общего характера / Т.Ю. Орешкина // Уголовное право. 2016. № 4. С. 69.
5. *Шурмудов А.Ю.* Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 6.
6. *Лапша В.Л.* Обоснованный риск как уголовно-правовая категория / В.Л. Лапша; Отв. ред. С.И. Суслова // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран. Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2018. С. 188.
7. *Гранкина А.Б.* Психологические аспекты профессионального риска в следственной деятельности / А.Б. Гранкина, Л.А. Дмитриева // Российский следователь. 2015. № 20. С. 55.
8. *Серова А.В.* Профессиональный риск медицинских работников как вид обоснованного риска : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 5.
9. *Гарбатович Д.А.* Обоснованный риск: алгоритм квалификации / Д.А. Гарбатович // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2017. № 1. С. 21.

Literature:

1. *Kashuba E.V.* Occupational risk of medical workers as a type of reasonable risk / E.V. Kashuba, V.G. Sychev // Medical science and education of the Urals. 2013. № 3. P. 77.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27.09.2012 № 19 «On the application by courts of legislation on necessary defense and causing harm when detaining a person who has committed a crime» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. № 11.
3. Generalization of the Krasnoyarsk Regional Court of 22.12.2011 «Generalization of the practice of application by the courts of the Krasnoyarsk Territory of the norms on necessary defense and other circumstances excluding criminality of the act (Art. 37–42 of the Criminal Code of the Russian Federation), in cases considered in 2009 – the first half of 2011 // Reference legal system «ConsultantPlus», 2018.
4. *Oreshkina T.Yu.* Circumstances excluding criminality of an act: debatable issues of a general nature / T.Yu. Oreshkina // Criminal law. 2016. № 4. P. 69.
5. *Shurmudov A.Yu.* Reasonable risk as a circumstance excluding criminality of an act : dis. ... of cand. of legal sciences. M., 2003. P. 6.
6. *Lapsha V.L.* Reasonable risk as a criminal legal category / V.L. Lapsha / V.L. Lapsha; Ed. by S.I. Suslov // Problems of modern legislation of Russia and foreign countries. Irkutsk : Irkutsk Institute (branch) VGUU (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2018. P. 188.
7. *Grankina A.B.* Psychological aspects of professional risk in investigative activities / A.B. Grankina, L.A. Dmitrieva // A Russian investigator. 2015. № 20. P. 55.
8. *Serova A.V.* Occupational risk of medical workers as a type of reasonable risk: dis. ... cand. of legal sciences. Yekaterinburg, 1999. P. 5.
9. *Garbatovich D.A.* Reasonable risk: qualification algorithm / D.A. Garbatovich // Bulletin of the South Ural State University. 2017. № 1. P. 21.

Макаревич Алексей Игоревич
магистрант 2 курса,
Дальневосточный
федеральный университет
Milena.555@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам и направлениям совершенствования способов защиты субъективных гражданских прав, возникающих из гражданско-правовых договоров. Автор определил проблему добросовестной и недобросовестной защиты вытекающих из договора субъективных гражданских прав, раскрыл ряд объективных и субъективных элементов недобросовестной защиты: ее мотивы, особенности, ее одновременную направленность на защиту права и на злоупотребление такой защитой.

Ключевые слова: гражданское право, защита прав кредиторов по обязательствам из договоров, недобросовестность осуществления субъективного гражданского права, недобросовестность защиты субъективного гражданского права, мотивы недобросовестной защиты договорных прав, формы недобросовестной защиты субъективного договорного права, способы недобросовестной защиты субъективного договорного права.

Столкнувшись с нарушением своего субъективного гражданского права, потерпевшие участники договорных отношений избирают различные формы и способы его защиты, однако, все их можно разделить на формы (и способы), избираемые добросовестно и способы, избираемые при недобросовестной защите.

Недобросовестная защита договорных прав до сих пор не была объектом глубокого теоретического исследования: В.П. Грибанов, например, провел наиболее серьезное исследование недобросовестного осуществления гражданских прав, сформировал основные подходы к анализу недобросовестности их осуществления, определил его как правонарушение, отделил в структуре субъективного права категорию осуществления (как реализацию субъективного правомочия действия и субъективного правомочия требования) от категории защиты (как реализацию правомочия защиты), но не рассматривал защиту прав с точки зрения недобросовестности. Реализация идей В.П. Грибанова произошла в Гражданском кодексе РФ 1994 года, который закрепил в статье 10 понятие недобросовестности осуществления гражданских прав [1]. Однако

Alexey I. Makarevich
Master of 2 courses,
Far East
Federal University
Milena.555@mail.ru

ACTUAL PROBLEMS OF PROTECTING THE RIGHTS OF PARTICIPANTS IN CONTRACTUAL OBLIGATIONS

Annotation. The article is devoted to topical issues and directions of improving the ways of protecting subjective civil rights arising from civil law contracts. The author identified the problem of conscientious and unfair protection of subjective civil rights arising from the contract, revealed a number of objective and subjective elements of unfair protection: its motives, features, its simultaneous focus on the protection of rights and the abuse of such protection.

Keywords: civil law, protection of creditors' rights under obligations from contracts, unfair exercise of subjective civil law, unfair protection of subjective civil law, motives for unfair protection of contractual rights, forms of unfair protection of subjective contractual law, methods of unfair protection of subjective contractual law.

В.П. Грибанов, полагая осуществление и защиту различными формами реализации субъективного гражданского права, не исследовал проблемы злоупотребления защитой гражданских прав. Не учел он и не закрепил понятия недобросовестности защиты субъективного гражданского права и Гражданский кодекс РФ.

Отсутствует данный вопрос и в известных автору научных исследованиях. Единственное исследование о злоупотреблении правом на защиту – проведенный А.С. Ворожевич анализ «патентного троллинга», т.е. скупки патентов «не с целью коммерциализации инноваций, а с тем, чтобы шантажировать эффективных участников рынка» [2, с. 152]. В данном случае, защита права на выкупленный патент выступает одновременно угрозой полной остановки производства для успешного участника, чего он допустить не может и, как следствие, предпочитает «откупиться» от внезапно возникшего патентообладателя. На возможность «злоупотребления правом на защиту исключительных прав» [3] указал и Верховный Суд РФ, оценив подобным образом действия субъекта предпринимательской деятельности.

В другом случае, специалисты рассуждают о защите корпоративных прав как форме «корпоративного шантажа» [4, с. 158], о защите корпораций и их мажоритарных участников от исков миноритарных участников путем исключения последних из корпораций и т.д. Однако и в этих случаях речь идет о злоупотреблениях защитой абсолютного гражданского права, а не договорного. Таким образом, теоретический институт недобросовестной защиты гражданских (и, в частности, договорных) прав к настоящему времени нельзя признать разработанным.

Тем не менее, в судебной практике встречаются случаи договорного злоупотребления защитой гражданских прав. Так, по одному из дел Президиум Высшего Арбитражного Суда констатировал, что «требование учредителя муниципального бюджетного учреждения о расторжении договора аренды и выселении учреждения из занимаемых помещений, направленное, по существу, на прекращение деятельности данного учреждения» [5], является злоупотреблением правом арендодателя на защиту своих прав. Уже из этого обзора можно заключить, что Высший Арбитражный Суд РФ, в принципе, допускал конструкцию злоупотребления договорным правом не при осуществлении его, а при его защите, однако развития данный вопрос ни в науке, ни в судебной практике так и не получил.

Прежде всего, особенностью недобросовестной защиты субъективного гражданского права является, при условии ее успеха, достижение двух результатов:

- восстановление нарушенного субъективного права. Это восстановление может быть как полным, так и частичным. В силу того, что недобросовестную защиту характеризуют не столько сами действия, сколько направленность этих действий, восстановления нарушенного права как результата деяния потерпевшего лица может и не быть вообще, но важно, что всякая, в том числе, недобросовестная, защита направлена, прежде всего, на восстановление нарушенного субъективного права: без такой направленности, т.е., без ее целевой установки деяния на восстановление нарушенного права, недобросовестные действия вообще не могут быть признаны защитой субъективного права;

- нарушение в результате недобросовестности субъективного права самого правонарушителя (должника по договорному обязательству).

С точки зрения цивилистической теории, возможен вопрос: Обязательно ли в результате недобросовестной защиты должно быть нарушено право самого нарушителя, или для констатации факта недобросовестной защиты достаточно нарушения прав третьих лиц? Представляется, что, с точки зрения отношений сторон в договорном обязательстве, данное деяние нельзя признать недобросовестной защитой, поскольку при восстановлении своего договорного права потерпевший не причинил своему контрагенту никакого вреда. Иначе говоря, в данном случае, нельзя констатировать договорного нарушения.

Однако в этом случае, будет иметь место внедоговорное, деликтное, совершенное недобросовестно причинение вреда третьим лицам.

Наиболее типичные мотивы недобросовестного поведения защищающегося лица:

- кажущаяся ему простота восстановления своего права. Такой мотив наиболее распространен в случаях превышения самозащиты, т.е., в случаях, когда, вопреки требованиям части второй статьи 14 ГК РФ, способы самозащиты не соразмерны нарушению и выходят за пределы действий, необходимых для его пресечения. Как отмечается в абзаце втором пункта 10 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 [6], самозащита может заключаться также в воздействии на имущество правонарушителя, в том случае если она обладает признаками необходимой обороны (статья 1066 ГК РФ) или совершена в состоянии крайней необходимости (статья 1067 ГК РФ). Превышение ее пределов означает, как правило, превышение защитного воздействия на имущество правонарушителя, приведшее к уничтожению или порче этого имущества;

- сокращенность применения того или иного способа во времени;

- корысть – как желание извлечь необоснованный доход из статуса потерпевшего (лица, чьи права по договору были нарушены). К таким случаям относится, например, требование залогодателя о взыскании с просрочившего должника неустойки, явно несоразмерной последствиям неисполнения им своего обязательства (ст. 333 ГК РФ), «злоупотребление бенефициаром своим правом на безусловное получение выплаты» [7];

- личностные (эмоциональные и иные психологические) составляющие.

При всех названных мотивах лицо осознает недобросовестность своего поведения, его направленность на противоправный результат, но все же совмещает свои недобросовестные действия с защитой своего субъективного договорного права. К недобросовестным защитным действиям могут относиться не только непосредственно защитные действия, но и «попытка получить защиту при отсутствии достойной защиты интереса (например, при имитации нарушения права)» [8]. По другому делу суд указал на то, что представитель стороны, в пользу которой состоялось решение, «через цепочку подконтрольных управляющих компаний наделен правами законного представителя общества и вправе действовать в его интересах без доверенности, основываясь на корпоративных взаимоотношениях» [9]. Поэтому договор оказания юридических услуг, заключенный с ним этим обществом, а также, оплата этих услуг «не отвечают принципу разумности и обычной деловой практике». Еще одним значимым обстоятельством, на основе которого суд счел злоупотребление правом на защиту, стало отсутствие на счету стороны, в пользу которой состоялось решение, денежных средств, которыми могла бы быть оплачена юридическая услуга этого представителя.

Наконец, в ряде случаев, возможно такое злоупотребление правом на защиту, которое подерживается обеими сторонами. Так, по одному из дел гражданин обратился с иском к организации с требованием о взыскании 9 млн рублей. Им были представлены квитанции, из которых, действительно, следовало, что данная сумма была передана гражданином в кассу организации. Однако у суда возникли сомнения в реальности данного займа, в связи с чем, им было предложено представить доказательства фактического наличия у истца суммы в 9 млн рублей. В решении суда приводятся неоднократные и неудачные попытки сторон убедить суд в реальности займа: истец пытался объяснить происхождение у него девяти млн. рублей выигрышами в букмекерских конторах, ответчик – пытался признать иск, обе стороны – пытались заключить мировое соглашение и т.п. Как заключил в итоге Президиум Верховного Суда РФ, «при таком положении суды признали договор займа мнимой сделкой,... а обращение гражданина с иском – злоупотреблением правом, что и повлекло отказ в судебной защите» [10].

В то же время, не всякий случай превышения пределов защиты субъективного права может рассматриваться как злоупотребление, что также не характерно для теории В.П. Грибанова. Так, согласно абзацу второму пункта 45 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» [11], размер компенсации морального вреда определяется судом независимо от размера возмещения имущественного вреда, в связи с чем, размер денежной компенсации, взыскиваемой в

возмещение морального вреда, не может быть поставлен в зависимость от стоимости товара (работы, услуги) или суммы подлежащей взысканию неустойки. Размер присуждаемой потребителю компенсации морального вреда в каждом конкретном случае должен определяться судом с учетом характера причиненных потребителю нравственных и физических страданий исходя из принципа разумности и справедливости. Данные положения означают, что потребитель как сторона по договору может заявить в суде о взыскании с предпринимателя любой суммы морального вреда, но ее конечный размер будет все же определяться судом, исходя из указанных в законе «каучуковых» критериев (в частности, такого, как характер причиненных страданий). Поэтому заявление потребителем в суде любой суммы морального вреда нельзя рассматривать как злоупотребление правом: пределы этого немущественного требования, в конечном счете, определяются после всестороннего анализа всех обстоятельств дела, объективно.

Таким образом, можно заключить, что основная особенность злоупотребления защитой договорных прав – его двойственная направленность: и на защиту, вытекающего из договора субъективного гражданского права, и на злоупотребление этой защитой и, в конечном счете, встречное причинение вреда нарушителю.

Можно также заключить, что в судебной практике категория злоупотребления защитой (а не осуществлением) субъективного гражданского права уже получила свое признание, что ставит вопрос о легальном закреплении данного понятия в Гражданском кодексе РФ, в качестве, например, части второй его статьи 12.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301 (с изм. от 31.12.2021).
2. *Ворожевич А.С.* Защита исключительных прав на патентоохраняемые объекты / А.С. Ворожевич. М. : Статут, 2020. 179 с.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2017): утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017 // СПС «КонсультантПлюс». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_219925
4. *Глазунов А.Ю.* Ответственность миноритарных участников корпораций за нарушение фидуциарных обязанностей: возможна ли такая конструкция? / А.Ю. Глазунов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 4. С. 138–179. С. 158.
5. Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.11.2008 № 127. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83961

Literature:

1. The Civil Code of the Russian Federation: feder. the law of 30.11.1994 № 51-FZ // *Sobr. legislation of the Russian Federation.* Federation. 1994. № 32.
2. *Vorozhevich A.S.* Protection of exclusive rights to patent-protected objects / A.S. Vorozhevich. Moscow: Statute, 2020. 179 p.
3. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 3(2017): approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 12.07.2017 // SPS «ConsultantPlus». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_219925
4. *Glazunov A.Yu.* Responsibility of minority participants of corporations for violation of fiduciary duties: is such a construction possible / A.Yu. Glazunov // *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation.* 2021. № 4. P. 138–179.
5. Review of the practice of application by arbitration courts of Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation: Informational letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 25.11.2008 № 127. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83961

6. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // СПС «КонсультантПлюс». URL : <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=z5jgiw&base=LAW&n>

7. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 05.06.2019) // СПС «КонсультантПлюс». URL : <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=WUVmcxSG6vPn8oax&>

8. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 15.06.2020 № С01-426/2020 по делу № А40-246916/2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL : <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=63332&dst=10>

9. Определение Верховного Суда РФ от 04.08.2021 № 306-ЭС21-12319 по делу № А65-35935/2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL : <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=O0bqcxS0r6bt6wzD&>

10. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2020 // СПС «КонсультантПлюс». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356732

11. О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 // СПС «КонсультантПлюс». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131885/

6. On the application by courts of Certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation: № 25 dated 23.06.2015. URL : <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=z5jgiw&base=LAW&n>

7. Review of judicial practice of dispute resolution related to the application of legislation on independent guarantee (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 05.06.2019) // SPS «ConsultantPlus». URL : <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=WUVmcxSG6vPn8oax&>

8. Resolution of the Intellectual Property Rights Court of 15.06.2020 № C01-426/2020 in the case № А40-246916/2019 // SPS «ConsultantPlus». URL : <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=63332&dst=10>

9. The ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 04.08.2021 № 306-ES21-12319 in the case № А65-35935/2019 // SPS «ConsultantPlus». URL : <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=O0bqcxS0r6bt6wzD&>

10. Review on certain issues of judicial practice related to the adoption of measures by courts to counteract illegal financial transactions: approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 08.07.2020. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356732

11. On the consideration by courts of civil cases on disputes on consumer rights protection: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 28.06.2012 № 17 // SPS «ConsultantPlus». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131885/

Мельниченко Николай Николаевич
аспирант кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
Milena.555@mail.ru

КВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ ВИДЫ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА СОХРАННОСТЬ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ: НАПРАВЛЕНИЯ ОПТИМИЗАЦИИ ИХ СИСТЕМЫ

Аннотация. В статье охарактеризована система признаков, квалифицирующих преступления, посягающие на сохранность объектов археологического наследия. Соглашаясь с обоснованностью их закрепления в уголовном законе, автор, тем не менее, высказывает некоторые критические замечания в адрес законодателя, связанные с недостаточной дифференциацией внутри самих этих признаков. В частности, речь идет об объединении в рамках одного обстоятельства указания на группу лиц, действующую по предварительному сговору, и организованную группу; на отсутствие дифференциации насилия по его интенсивности и последствиям (легкий, средней тяжести, тяжкий вред здоровью) внутри квалифицирующего признака «с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль». Кроме того, в статье, в том числе, с учетом зарубежного законодательного опыта, формулируются предложения по оптимизации системы квалифицированных видов посягательств на сохранность объектов археологического наследия.

Ключевые слова: преступления, посягающие на сохранность объектов археологического наследия, дифференциация уголовной ответственности, квалифицирующие признаки, организованная группа, преступное сообщество, применение насилия, должностное лицо, уничтожение или повреждение.

Одним из средств дифференциации уголовной ответственности, как известно, выступают квалифицирующие признаки. В специальной литературе отмечается двойственная их природа:

- 1) формируют качественно новую характеристику преступления [1, с. 56];
- 2) определяют более строгие пределы ответственности [2, с. 41].

Применительно к посягательствам на сохранность объектов археологического наследия, подобная дифференциация осуществлена лишь

Nikolay N. Melnichenko
Graduate Student of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
Milena.555@mail.ru

QUALIFIED TYPES OF CRIMES ENCROACHING ON THE SAFETY OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE SITES: DIRECTIONS FOR OPTIMIZING THEIR SYSTEM

Annotation. The article describes the system of signs that qualify crimes that encroach on the safety of archaeological heritage sites. While agreeing with the validity of their enshrining in the criminal law, the author, nevertheless, makes some critical remarks to the legislator related to insufficient differentiation within these features themselves. In particular, we are talking about the association, within the framework of one circumstance, of an indication of a group of persons acting by prior agreement and an organized group; on the lack of differentiation of violence in terms of its intensity and consequences (mild, moderate, severe harm to health) within the qualifying feature «with the use of violence against a person exercising customs or border control». In addition, the article, including taking into account foreign legislative experience, formulates proposals for optimizing the system of qualified types of encroachments on the safety of archaeological heritage sites.

Keywords: crimes encroaching on the safety of archaeological heritage sites, differentiation of criminal responsibility, qualifying signs, organized group, criminal community, the use of violence, executive, destruction or damage.

для части преступлений (ч. 2 ст. 164, ч. 2 ст. 226.1, ч. 2 и 3 ст. 243.2, ч. 2 ст. 243.3 УК РФ). Упущением следует признать отсутствие таковой в отношении преступлений, предусмотренных ст. 190 и 243.1 УК РФ. Анализ системы квалифицирующих признаков составов названных преступлений свидетельствует о наличии унифицированного законодательного подхода к ее формированию. В частности, обращает на себя внимание то, что все эти признаки относятся к объективной стороне состава преступления. В 3 нормах закреплен признак совершения деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (как квалифицирующий признак – в п. «а» ч. 2 ст. 164, п. «б» ч. 2 ст. 243.3 УК РФ; как

особо квалифицирующий (содержащий, однако, указание лишь на организованную группу) – в ч. 3, ст. 226.1, п. «в» ч. 3, ст. 243.2 УК РФ). Его закрепление в законе вполне обосновано, так как посягательства на объекты археологического наследия традиционно входят в систему организованной преступности, им присущи спланированные сложные формы совместной преступной деятельности. Данный факт объясняет обоснованность отказа от включения в указанный перечень квалифицирующих признаков группы лиц без предварительного сговора. В уголовно-правовой теории на повестку дня ставится вопрос о необходимости включения в систему дифференцирующих признаков для ряда преступлений и такого, как совершение деяния в составе преступного сообщества [3, с. 83–86]. Применительно к хищениям объектов археологического наследия, их контрабанде, незаконным раскопкам постановка такого вопроса вполне обоснована. По оценкам экспертов, торговля ворованными древностями как один из транснациональных преступных промыслов уступает в наши дни по выгоде и размаху лишь торговле наркотиками, оружием и отмыванию денег [4]. Преступные схемы посягательств на названные объекты достигли транснациональных масштабов. Все это приводит к выводу о целесообразности включения в систему квалифицирующих признаков ряда преступлений на сохранность объектов археологического наследия такого, как совершение деяния преступным сообществом [3, с. 83–86].

Второй унифицировано используемый законодателем квалифицирующий признак для дифференциации ответственности за рассматриваемые посягательства – их совершение «должностным лицом с использованием своего служебного положения» (п. «а» ч. 2 ст. 226.1, п. «а» ч. 2 ст. 243.3 УК РФ). В п. «б» ч. 3 ст. 243.2 УК РФ используется конструкция «лицом с использованием своего служебного положения». Его толкование не вызывает ни в теории, ни на практике особых дискуссий. В данном случае, на первый план выдвигается должностное положение, благодаря которому, виновный имеет доступ к информации, к помещениям, грузам, обладает необходимыми знаниями и т.п. Вместе с тем, как известно, в отечественной правовой доктрине на протяжении длительного времени остается крайне дискуссионным вопрос о признаках должностного лица. В действующей редакции уголовного закона примечание к ст. 285 УК РФ содержит широкое и внутренне противоречивое его определение. Достаточно перспективными, на наш взгляд, следует признать некоторые предложения В.А. Кочерги, в частности, его идею о привязке рассматриваемого определения к Сводному перечню государственных должностей РФ; Реестру должностей Федеральной государственной гражданской службы; Реестру должностей государственной гражданской службы субъекта РФ; Реестру должностей муниципальной службы в субъекте РФ, утверждаемому законом субъекта РФ [5, с. 8–9].

В ч. 2 ст. 164 УК РФ к числу квалифицирующих законодатель отнес такой признак, как «повлек-

шее уничтожение, порчу или разрушение предметов или документов, указанных в части первой настоящей статьи». Обращает на себя внимание использование законодателем столь близких по семантике категорий, как «уничтожение» и «разрушение». Применительно к специфике таких предметов, как объекты археологического наследия, надо говорить об их уничтожении и разрушении. От использования категории «порча» следует отказаться, поскольку несанкционированное воздействие на указанные объекты, как правило, в силу логики объективного развития ситуации приводит к их уничтожению или разрушению. Семантика слова «порча» выражается в приведении какого-либо предмета, имущества или документа в полную или частичную непригодность. В этой связи, на наш взгляд, синонимичными выступают категории «повреждение» и «порча». В научных источниках, напротив, авторы усматривают смысловую схожесть между уничтожением и порчей [6, с. 26; 7, с. 21]. Считаем обоснованным предложение об отказе от одновременного употребления в законе этих категорий. Большинство специалистов трактует уничтожение как приведение соответствующих предметов в полную негодность, выражающуюся в утрате их культурной ценности [8, с. 311; 9, с. 178]. На наш взгляд, уничтожение – это полная утрата первоначального свойства объекта археологического наследия, не позволяющая его восстановить (реставрировать). Поэтому следует сохранить в норме указание лишь на уничтожение или повреждение соответствующих предметов.

Достаточно спорный, с точки зрения его содержания, квалифицирующий признак закреплен в п. «б» ч. 2 ст. 226.1 УК РФ – «с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль». Прежде всего, категория насилия, обладая широким наполнением, включает в себя нанесение побоев, причинение легкого, средней тяжести и тяжкого вреда здоровью. В рассматриваемой же норме, вопреки логике, применение насилия любой интенсивности наказуемо в равной мере, что способствует повышению уровня виктимности сотрудников таможни. Виновное лицо не будет соизмерять степень воздействия, так как разница в наказании нивелирована. Кроме того, достаточно странным выглядит подход, в рамках которого причинение вреда здоровью сотрудника таможни, причем, вплоть до тяжкого, расценивается законодателем как менее общественно опасное деяние, нежели совершение контрабанды объектов археологического наследия в составе организованной группы. Таким образом, необходимо в ч. 2 ст. 226.1 УК РФ установить ответственность за контрабанду с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, а в ч. 3 – опасного.

К числу конструктивных признаков состава контрабанды культурных ценностей отнесен стоимостной критерий – крупный размер, составляющий сумму, превышающую 100 тыс. руб. (примечание 4 к ст. 226.1 УК РФ). Полагаем обоснованным предусмотреть в законе такой квалифицирующий признак, как контрабанда соответ-

ствующих объектов в особо крупном размере, определив его стоимостным эквивалентом сумму, превышающую 500 тыс. руб., коррелирующую с критериями крупного размера повреждения объекта археологического наследия, определенного в примечании к ст. 243.1 УК РФ.

Нуждается в оптимизации подход к дифференциации уголовной ответственности за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (ст. 243 УК РФ). Особо следует подчеркнуть ее отсутствие в зависимости от способа совершения преступного деяния. Например, подобная дифференциация осуществлена в ст. 330 УК Болгарии [10]. В ней усилено наказание за умышленное уничтожение или повреждение соответствующих предметов путем поджога, взрыва, иным общеопасным способом. Действительно, применение таковых позволяет охватить большие площади, причиняет вред значительному числу объектов, а процесс их уничтожения или повреждения делает необратимым. Кроме того, создается опасность наступления более тяжелых последствий, в том числе в виде причинения вреда здоровью или гибели людей. Полагаем, что следует и в УК РФ предусмотреть данное обстоятельство в качестве квалифицирующего признака для преступления, названного в ст. 243 УК РФ.

Обращает на себя внимание отсутствие дифференциации ответственности за указанное деяние на основе учета специфики субъективной стороны, в частности, мотива содеянного. Зарубежный опыт представляет примеры его учета. Так, в УК Болгарии совершение аналогичных посягательств на объекты археологического наследия по мотивам социальной, национальной, расовой или религиозной вражды влечет наступление более строгой ответственности (ч. 2 ст. 203). Думается, что, поскольку для России проблема сохранения межнационального и межконфессионального равновесия входит в число наиболее важных, актуальность включения подобного квалифицирующего признака имеет под собой активные основания. Подобный «окрас» рассматриваемых деяний всегда имеет более существенный общественный резонанс, что может быть использовано для дестабилизации социально-политической обстановки в РФ.

Литература:

1. *Кругликов Л.Л.* Квалифицирующие признаки как средство дифференциации уголовной ответственности: современное состояние / Л.Л. Кругликов // Вестник Ярославского государственного университета. 2007. № 4. С. 56.
2. *Бородин С.В.* Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М., 1994. С. 41.
3. *Мельниченко Н.Н.* Посягательства на объекты археологического наследия, совершенные в соучастии: проблемы правовой регламентации и квалификации / Н.Н. Мельниченко // Теория и практика общественного развития. 2020. № 12 (154). С. 83–86.

Установление более строгой ответственности за совершение незаконного поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания в границах территории объекта культурного наследия (ч. 2 ст. 243.2 УК РФ) соответствует более высокой степени общественной опасности данного деяния в привязке к указанным местам. Несомненно, осуществление раскопов в местах, наделенных государством особым статусом, обладает повышенным цинизмом, так как у виновного нет сомнений, что он посягает на культурное наследие народов РФ, но это его не останавливает. Аналогично к крайне пагубным и необратимым последствиям для культурных слоев и пластов приводит использование землеройных машин (п. «а» ч. 3 ст. 243.2 УК РФ). Вред от подобных действий катастрофичен, а потери от него невосполнимы. Использование специальных технических средств поиска и изъятия объектов археологического наследия тоже, безусловно, повышает степень общественной опасности деяния, так как позволяет виновному более эффективно действовать и достигать преступного результата. Кроме того, этот признак выступает косвенным критерием определения профессионализации преступной деятельности, требуя более жесткой ответственности.

Нуждается в решении и вопрос о дифференциации уголовной ответственности за преступления, в отношении которых она вообще не осуществлена. Так, не обоснован подобный подход в отношении невозвращения на территорию РФ объектов археологического наследия. Не вызывает сомнений более высокий уровень общественной опасности, свойственный совершению данного деяния группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, преступным сообществом с уничтожением или повреждением соответствующих объектов в особо крупном размере. В качестве критерия последнего предлагаем учитывать стоимость невозвращенных объектов, превышающую 500 тыс. руб.

Таким образом, анализ квалифицированных и особо квалифицированных составов названных преступлений свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования законодательного подхода к дифференциации ответственности за них.

Literature:

1. *Kruglikov L.L.* Qualifying signs as a means of differentiation of criminal responsibility: the current state / L.L. Kruglikov // Bulletin of the Yaroslavl State University. 2007. № 4. P. 56.
2. *Borodin S.V.* Responsibility for murder: qualification and punishment under Russian law. M., 1994. P. 41.
3. *Melnichenko N.N.* Encroachments on objects of archaeological heritage committed in complicity: problems of legal regulation and qualification / N.N. Melnichenko // Theory and practice of social development. 2020. № 12(154). P. 83–86.

4. Часть I. Контрабанда – ведущий международный криминальный промысел // Экономическая теория преступлений и наказаний. № 5-1. URL : <http://corruption.rsuh.ru/magazine>
5. *Кочерга В.А.* Халатность: содержательные, компаративистские, правоприменительные аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 8–9.
6. *Резван А.П.* Уголовно-правовые меры борьбы с хищениями предметов, имеющих особую ценность: лекция / А.П. Резван, А.С. Сенцов. Волгоград, 1999. С. 26.
7. *Ткачев Ю.Ю.* Хищение предметов, имеющих особую ценность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 21.
8. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Курс лекций : в 3 т. Т. 2: Особенная часть (главы I–X). М., 2007. С. 31.
9. *Северюков А.П.* Хищение имущества: криминологические и уголовно-правовые аспекты. М., 2004. С. 178.
10. Уголовный кодекс Республики Болгария // Lex.bg. Българският правен портал. URL : <https://www.lex.bg/bg/laws/ldoc/1589654529>
4. Part I. Smuggling is a leading international criminal trade // Economic theory of crimes and punishments. № 5-1. URL : <http://corruption.rsuh.ru/magazine>
5. *Kocherga V.A.* Negligence: substantive, comparative, law enforcement aspects : abstract. dis. ... cand. law sciences. Krasnodar, 2017. P. 8–9.
6. *Rezvan A.P.* Criminal legal measures to combat theft of objects of special value: lecture / A.P. Rezvan, A.S. Sentsov. Volgograd, 1999. P. 26.
7. *Tkachev Yu.Yu.* Theft of objects of special value : abstract. dis. ... cand. law sciences. P. 21.
8. *Naumov A.V.* Russian criminal law. Lectures : in 3 vol. Vol. 2: Special part (chapters I–X). M., 2007. P. 31.
9. *Sevryukov A.P.* Embezzlement: criminological and criminally-legal aspects. M., 2004. P. 178.
10. The criminal code of the Republic of Bulgaria // Lex.bg. Bylgarski rights to the portal. URL : <https://www.lex.bg/bg/laws/ldoc/1589654529>

Николаева Марина Игоревна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовно-правовых дисциплин,
Владимирский филиал
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
mar_niko@mail.ru

Рябчиков Вадим Вячеславович

доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
9040315660@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ
ХИЩЕНИЙ СРЕДСТВ
С БАНКОВСКОЙ КАРТЫ**

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы, касающиеся проблем правильной квалификации и отсутствие единообразия судебной практики по преступлениям, связанным с использованием банковских пластиковых карт. Как отмечают авторы, важность обозначенной проблемы проявляется также в том, что рассматриваемые преступления относятся к разным категориям: от преступлений небольшой тяжести до тяжких, что, безусловно, не отвечает принципам справедливости и равенства перед законом и судом.

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, квалификация деяний, мошенничество, хищение денежных средств, банковские пластиковые карты, судебная практика.

Преступления, связанные с использованием банковских пластиковых карт, уже давно широко распространены как в отечественной, так и зарубежной криминальной практике, однако, до настоящего времени возникают проблемы правильной квалификации этих деяний, при этом наблюдается отсутствие единообразия судебной практики как в судах первой инстанции, так и при пересмотре судебных решений в рамках апелляционного и кассационного производства.

До внесения Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ [1] в УК РФ статьи 159.3 (Мошенничество с использованием платежных карт) хищения денежных средств, совершенные с банковских карт, квалифицировались либо по

Marina I. Nikolaeva

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Criminal Law Disciplines,
Vladimir branch Russian Academy
of Folk Economy and Public Service
under the President
of the Russian Federation
mar_niko@mail.ru

Vadim V. Ryabchikov

Associate Professor of the Department
of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service
9040315660@mail.ru

**PROBLEMS OF QUALIFICATION
OF EMBEZZLEMENT
OF FUNDS FROM A BANK CARD**

Annotation. The article discusses some issues concerning the problems of proper qualification and the lack of uniformity of judicial practice on crimes related to the use of bank plastic cards. The importance of this problem is also manifested in the fact that the crimes in question belong to different categories: from minor crimes to serious ones, which, of course, does not meet the principles of justice and equality before the law and the court.

Keywords: crime, criminal liability, qualification of acts, fraud, embezzlement of funds, bank plastic cards, judicial practice.

ст. 158 УК РФ (Кража) либо по ст. 159 УК РФ (Мошенничество).

Действовавшим в тот период Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» разъяснялось, что безвозмездное обращение лицом в свою пользу или в пользу других лиц денежных средств, находящихся на счетах в банках, совершенное с корыстной целью путем обмана или злоупотребления доверием (например, путем представления в банк поддельных платежных поручений, заключения кредитного договора под условием возврата кредита, которое лицо не намерено выполнять) квалифицируется как мо-

шенничество (пункт 12), в то же время, не образует состава мошенничества хищение чужих денежных средств путем использования заранее похищенной или поддельной кредитной (расчетной) карты, если выдача наличных денежных средств осуществляется посредством банкомата без участия уполномоченного работника кредитной организации. В этом случае содеянное следует квалифицировать по соответствующей части статьи 158 УК РФ (пункт 13).

Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» уголовное законодательство дополнено специальными составами мошенничества, в том числе, ст. 159.3, которая в момент принятия называлась «Мошенничество с использованием платежных карт» и предусматривала уголовную ответственность за хищение чужого имущества, совершенное с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации.

На тот период времени продолжало действовать, указанное выше, постановление 2007 года, в соответствии с разъяснениями которого, и осуществлялась квалификация: если денежные средства обналичены через банкомат, то имеет место кража, если же виновное лицо осуществляло оплату товара посредством банковской карты в торговом зале – деяние рекомендовалось квалифицировать как мошенничество.

Подобный подход вызывал многочисленные дискуссии в научной литературе и среди практических работников.

Только в 2017 году было принято новое Постановление Пленума Верховного Суда № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [2], в пункте 17 которого разъяснялось, что действия лица следует квалифицировать по ст. 159.3 УК РФ в случаях, когда хищение имущества осуществлялось с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем сообщения уполномоченному работнику кредитной, торговой или иной организации заведомо ложных сведений о принадлежности указанному лицу такой карты на законных основаниях либо путем умолчания о незаконном владении им платежной картой.

Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ [3] внесены существенные изменения в установление оснований уголовной ответственности за рассматриваемые преступления. Так, ч. 3 ст. 158 (Кража) дополнена квалифицирующим признаком (пунктом «г») – кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 УК РФ). С вступлением в силу того же Федерального закона претерпела изменение и ст. 159.3 УК РФ: изменено ее наименование – Мо-

шенничество с использованием электронных средств платежа, которое продублировано и в диспозиции первой части ст. 159.3 УК РФ.

Еще одно нововведение этого же Федерального закона – дополнение части 3 ст. 159.6 УК РФ (Мошенничество в сфере компьютерной информации) пунктом «в» – с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств.

С принятием вышеуказанного Федерального закона актуализировалась проблема разграничения составов преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (кража с банковского счета, а равно электронных денежных средств) и ст. 159.3 УК РФ (мошенничество с использованием электронных средств платежа), когда хищение совершается с использованием платежной банковской карты.

Анализ судебной практики показал, что даже в одном регионе при наличии аналогичных обстоятельств, судами первой инстанции, а также судами апелляционной инстанции были приняты противоположные решения [6], что, безусловно, не отвечает принципам справедливости и равенства перед законом и судом.

Важность обозначенной проблемы проявляется также в том, что рассматриваемые преступления относятся к разным категориям: кража с банковского счета, а равно электронных денежных средств является тяжким преступлением (ч. 4 ст. 15 УК РФ), а мошенничество с использованием электронных средств платежа – преступление небольшой тяжести (ч. 1) и преступление средней тяжести (ч. 2).

Проблема разграничения при квалификации по смежным составам преступлений п. «г» ч. 3 ст. 158 и ст. 159.3 УК РФ отразилась на отсутствии единообразия судебной практики, в том числе при пересмотре приговоров, вступивших в законную силу, в кассационных судах общей юрисдикции. Точку в рассматриваемом вопросе поставил Верховный Суд РФ в Определении Судебной коллегии по уголовным делам от 20.09.2020 [4]. Учитывая резонансный характер указанного решения. Прокомментируем его более подробно. Гражданин К. в мае 2019 г. во дворе жилого дома на пешеходной дорожке нашел банковскую карту, принадлежащую И. оснащенную функцией бесконтактной оплаты. К. произвел оплату товаров в различных магазинах и кафе с использованием банковской карты потерпевшего, похитив денежные средства в размере 3026 руб. 54 коп., действия по хищению денежных средств не были доведены К. до конца по независящим от него обстоятельствам, поскольку банковская карта с остатком на счете в размере 3984 руб. была заблокирована потерпевшим. Суд первой инстанции квалифицировал действия К. по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 158 как покушение на кражу, совершенную с банковского счета, с причинением значительного ущерба гражданину, эту квалификацию в принципе поддержал и суд апелляционной инстанции (исключив признак причинения значительного ущерба гражданину). Однако суд кассационной инстан-

ции изменил приговор, переквалифицировал действия осужденного на ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 159.3 УК РФ как хищение чужого имущества, совершенное путем мошенничества с использованием электронных средств платежа. Свое решение суд кассационной инстанции аргументировал ссылкой на пункт 17 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 48. Однако судебная коллегия Верховного Суда РФ, рассмотрев кассационное представление заместителя Генерального прокурора Российской Федерации, отметил следующее: ст. 159.3 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за мошенничество, то есть, хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием с использованием электронных средств платежа. По смыслу уголовного закона, хищение денежных средств, совершенное с использованием виновным электронного средства платежа, образует состав данного преступления в тех случаях, когда изъятие денег было осуществлено путем обмана или злоупотребления доверием их владельца или иного лица. Однако как следует из материалов уголовного дела, К., найдя банковскую карту потерпевшего, оплачивал ею товары бесконтактным способом. Работники торговых организаций не принимали участия в осуществлении операций по списанию денежных средств с банковского счета в результате оплаты товара. Соответственно К. ложные сведения о принадлежности карты сотрудникам торговых организаций не сообщал, и в заблуждение их не вводил. Действующими нормативными актами на уполномоченных работников торговых организаций,

Литература:

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 03 декабря 2012 г. № 49. Ст. 6752.
2. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 // Российская газета. 2018. № 91. Ст. 231.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ // Российская газета от 25 апреля 2018 г. № 88.
4. Определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 сентября 2020 г. № 12-УДП20-5-К6.
5. О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2021 г. № 22 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, август 2021 г. № 8.

осуществляющих платежные операции с банковскими картами, обязанность идентификации держателя карты по документам, удостоверяющим его личность, не возлагается. Ссылка суда кассационной инстанции на разъяснения, содержащиеся в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 является необоснованной. Эти разъяснения были даны применительно к ранее действовавшей редакции ст. 159.3 УК РФ, в которую Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ были внесены изменения. Из диспозиции данной статьи исключено указание на то, что под таким мошенничеством понимается «хищение чужого имущества, совершенное с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации». Этим же законом введена уголовная ответственность по п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ за кражу с банковского счета.

Следует заметить, что соответствующие изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 48 были внесены только 29 июня 2021 г. [5].

Полагаем, в целях единообразия судебной практики и реализации принципов уголовного законодательства, руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ должны своевременно реагировать на нестабильное уголовное законодательство.

Literature:

1. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law № 207-FZ of November 29, 2012 // Collection of Legislation of the Russian Federation № 49 of December 03, 2012. Art. 6752.
2. On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 48 dated November 30, 2017 // Rossiyskaya Gazeta. 2018. № 91. Art. 231.
3. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law № 111-FZ of April 23, 2018 // Rossiyskaya Gazeta № 88 dated April 25, 2018.
4. Ruling of the Criminal Court of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 29, 2020 № 12-UDP20-5-K6.
5. On Amendments to Certain Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal cases: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 22 of June 29, 2021 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, August 2021. № 8.

6. Справка по результатам изучения судебной практики о рассмотрении судами Псковской области уголовных дел о хищениях с банковского счета и электронных денежных средств, а также о хищениях с использованием электронных средств платежа (статьи 158 Ч. 3 п. «г» УК РФ и ст. 159.3 УК РФ // Официальный сайт областного суда Псковской области.

6. Certificate based on the results of the study of judicial practice on the consideration by the courts of the Pskov region of criminal cases of embezzlement from a bank account and electronic funds, as well as embezzlement using electronic means of payment (Articles 158 P. 3 p. «g» of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation // Official website of the Regional Court of the Pskov region.

Прошин Владимир Михайлович

доктор юридических наук,
профессор,
кафедра уголовного процесса
и криминалистики,
Московский государственный
областной университет
advokat.proshin.v.m@gmail.com

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ
И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ
УСТАНОВЛЕНИЯ СОБЫТИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Аннотация. Законодательно установленный перечень обстоятельств, определяющих содержательную сторону события преступления, не является исчерпывающим. С точки зрения процессуальной, доказыванию подлежит каждое из обстоятельств события преступления, имеющих значение для уголовного дела, а с точки зрения криминалистической, следует получить сведения о каждом из обстоятельств, имеющих значение в воспроизведении наиболее точной криминалистической модели произошедшего события преступления. Значимость в процессе данного моделирования каждого из обстоятельств определяется в результате проверки и оценки сведений, полученных по результатам криминалистического исследования слеодообразования произошедших обстоятельств, формирующих содержательную сторону события преступления. В ходе моделирования события преступления совмещение криминалистического поиска и процессуального процесса доказывания позволяют увязать правовую значимость внешних текущих обстоятельств совершения преступления с причинно-следственной логикой развития криминальных закономерностей социального характера, обеспечивающих динамику течения социальных отношений в направлении объекта преступного посягательства.

Ключевые слова: уголовное дело, обстоятельства, подлежащие обязательному установлению по уголовному делу; событие преступления, уголовно наказуемое действие, криминалистический поиск, процессуальное доказывание, предмет доказывания, криминальные закономерности, привлечение к уголовной ответственности, слеодообразование, признаки преступления.

В правоприменительной практике и в научных публикациях учёных-юристов термин «событие преступления» используется и как юридически значимое основание возбуждения либо

Vladimir M. Proshin

Doctor of Law,
Professor,
Department of Criminal Procedure
and Criminology,
Moscow State Regional University
advokat.proshin.v.m@gmail.com

**FORENSIC AND PROCEDURAL
ASPECTS OF ESTABLISHING
A CRIME EVENT**

Annotation. The legally established list of circumstances that determine the substantive side of the crime event is not exhaustive. From a procedural point of view, each of the circumstances of a crime event that is important for a criminal case is subject to proof, and from a forensic point of view, information should be obtained about each of the circumstances that are important in reproducing the most accurate forensic model of the crime event that occurred. The significance in the process of this modeling of each of the circumstances is determined as a result of checking and evaluating the information obtained from the results of a forensic study of the trace formation of the circumstances that have occurred, which form the substantive side of the crime event. In the course of modeling the event of a crime, the combination of forensic search and the procedural process of proving makes it possible to link the legal significance of the external current circumstances of the commission of a crime with the causal logic of the development of criminal laws of a social nature that ensure the dynamics of the flow of social relations in the direction of the object of criminal encroachment.

Keywords: Criminal case; motive for committing a crime; circumstances that are subject to mandatory establishment in a criminal case; crime event; a criminally punishable act; forensic evidence; subject of proof; criminal patterns; social injustice; human needs; bringing to criminal responsibility.

прекращения уголовного дела [1], и как понятие, содержащие признаки преступления [2], и как свершившийся факт, определяющий предмет доказывания по делу [3], и как одно из обстоя-

тельств, подлежащих обязательному установлению по уголовному делу [4]. В соответствии с подп.1 части 1 ст. 73 УПК РФ событие преступления является обстоятельством, которое подлежит доказыванию при производстве по уголовному делу [5]. При этом, опираясь на буквальное прочтение подп. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, а именно: «событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства преступления)», – событие преступления следует понимать, как совокупность обстоятельств его формирующих. Учитывая, что перечень законодательно установленных обстоятельств, определяющих содержательную сторону события преступления не является исчерпывающим, то помимо времени, места и способа подлежат установлению все те обстоятельства события преступления, которые являются носителями сведений, отвечающих качеству процессуальных доказательств, и имеющих, по мнению суда, прокурора, следователя, дознавателя, значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 74 УПК РФ). Таким образом, вышеуказанные лица определяют значимость для уголовного дела обстоятельств, выступающих «архитектурными» элементами в криминалистическом моделировании события преступления.

Следовательно, с точки зрения процессуальной, доказыванию подлежит каждое из обстоятельств события преступления, имеющих значение для уголовного дела, а с точки зрения криминалистической, следует получить сведения о каждом из обстоятельств, имеющих значение в воспроизведении наиболее точной модели произошедшего события преступления. Значимость в процессе данного моделирования каждого из обстоятельств определяется в результате проверки и оценки сведений, полученных по результатам криминалистического исследования следообразования произошедших обстоятельств, формирующих содержательную сторону события преступления.

Направление и очерёдность сбора, проверки и оценки сведений о времени, месте, способе и иных значимых для уголовного дела обстоятельствах следователь (дознаватель) определяет на основе накопленного профессионального опыта о понимании им криминалистической характеристики расследуемого преступления, а также на основе уже имеющихся в его распоряжении данных о совершённом преступлении и производимых им же выводов на каждой стадии расследования о следственной ситуации и выдвинутых версиях.

Следовательно, с точки зрения общенаучной, процессуальный аспект установления события преступления заключается в сборе, проверке и оценке сведений о «кристаллизации» криминальных закономерностей в обстоятельствах социально значимых результатов движения и взаимодействия объектов живой и неживой материи, правовая квалификация пространственно-временного протекания которых указывает на признаки преступления. То есть, процессуальное доказывание события преступления всегда есть установление факта наличия или отсутствия совокупности сопрягающихся между собой об-

стоятельств, формирующих значимые признаки преступления (подп. 1 ч. 1 ст. 24; ч. 2 ст. 140 УПК РФ). Произошло событие преступления или таковое отсутствует, всегда есть результат оценки сведений об обстоятельствах произошедшего.

Криминалистика в рамках тактико-криминалистического обеспечения расследования преступлений предоставляет научно-практический инструментарий по поиску, фиксации и исследованию результатов следообразований каждого обстоятельства события преступления как отдельно, так и в совокупности. Тактико-криминалистические усилия фокусируются на получении сведений о преступлении из результатов отражательных процессов проявления причинно-следственных и криминальных закономерностей течения события преступления в его отдельных обстоятельствах. Именно итоги криминалистического исследования результатов следообразования каждого элемента произошедшего события дают процессуальную основу для оценочного суждения о наличии или отсутствии события преступления. Исследование события преступления в ходе производства по уголовному делу (расследования) в целях реализации назначения уголовного судопроизводства, установленного статьёй 6 УПК РФ, возможно исключительно за счёт методико-криминалистического обеспечения расследования преступлений, так как только криминалистика вооружает следователя (дознавателя) методами, способами, средствами и приёмами получения сведений о социально-материальном комплексе причинно-следственных криминальных закономерностей формирования события преступления.

В рамках методико-криминалистического обеспечения расследования преступления, криминалистический анализ причинно-следственной логики всего комплекса сопрягающихся обстоятельств исследуемого события позволяет обоснованно и законно собрать, проверить и оценить достоверность и достаточность сведений о всех юридически значимых обстоятельствах преступления, входящих в предмет доказывания по расследуемому уголовному делу (ч. 1 ст. 73 УПК РФ), используя в ходе этого объективно соответствующие установленным криминальным закономерностям совершённого преступления эффективные средства, способы и методы раскрытия преступления.

Правоприменительная практика даёт основание для вывода о том, что в большинстве случаев формирование события преступления является процессом планируемым. Тем не менее, не редкое событие преступления формируется в рамках текущего момента на основе сложившейся совокупности обстоятельств, естественное течение которых не предвиделось и не планировалось заранее, но используется как предоставленная возможность удовлетворить внезапно возникшую потребность путём совершения уголовно наказуемого действия (бездействия). То есть, ход течения события преступления либо подчинён интеллектуально-волевому стремлению субъекта к достижению преступного результата, либо сложившаяся совокупность обстоятельств,

не имеющая в основе своего развития криминальных закономерностей социального характера, осознается лицом, которого в недалёком будущем можно будет назвать субъектом преступления, как появившаяся благоприятная возможность достижения потребности в нарушение уголовного закона. И во втором случае правосознание лица как источник рождения криминальных закономерностей, подчиняя и используя текущие обстоятельства, формирует событие преступления. Поэтому правовая значимость внешних текущих обстоятельств совершения преступления увязана причинно-следственной логикой развития криминальных закономерностей социального характера, обеспечивающих динамику течения социальных отношений в направлении объекта преступного посягательства, в рождающемся событии преступления.

Следовательно, процессуальный успех доказанности обстоятельств, подлежащих установлению по делу (ч. 1 ст. 73 УПК РФ), основан на результатах криминалистического восстановления модели механизма совершённого преступления, установления сведений, являющихся элементами криминалистической характеристики данного вида преступлений. Путь к данному криминалистическому результату проложен криминалистикой через необходимость уяснение текущей следственной ситуации, выдвижение версий, определение порядка и очередности осуществления оперативно-следственных мероприятий и т.д. в рамках методико-криминалистического обеспечения расследования. Весь ход процессуального сбора, проверки и оценки доказа-

Литература:

1. Пункт 3 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 13.04.2021 г. № 13-П.
2. *Шеншин В.М.* Актуальные проблемы проведения проверки сообщения о событии с признаками преступления. *Право в Вооружённых Силах.* 2019. № 12.
3. *Обидит К.В.* Особенности предмета доказывания по делам о взяточничестве. *Уголовное судопроизводство.* 2017. № 4.
4. Статья «Пределы доказывания». 2021 г. Подготовлена для системы КонсультантПлюс на основе материала Н.А. Бортников, заместителя председателя Панинского районного суда Воронежской области.
5. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в редакции от 24.04.2020).

тельств по делу (ст. 85 УПК РФ) основан на познании логической обусловленности признаков расследуемого уголовного преступления результатами криминалистически полученных сведений о причинно-следственном взаимодействии обстоятельств события преступления.

Таким образом, в рамках методико-криминалистического обеспечения расследования преступлений событие преступления есть подлежащая правовой квалификации форма взаимодействия динамических процессов в социальной среде, где содержанием является пространственно-временное течение совокупности обстоятельств, вступающая во взаимодействие с которыми система социальных отношений как носитель криминальная закономерность, рождает сведения о логике причинно-следственного появления признаков преступления.

Предметом исследования любой методики расследования схожих групп преступлений являются закономерности действий по подготовке, совершению данных преступлений и действия по сокрытию следов преступления и противодействию расследованию, и на основе результатов этого исследования разработка методов, способов и средств эффективного раскрытия этих преступлений. Поэтому событие преступления, как носитель сведений о проявлении вышеуказанных закономерностей, входит в предмет исследования и анализа методико-криминалистического обеспечения расследования преступлений.

Literature:

1. Clause 3 of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 04.13. № 13-P.
2. *Shenshin V.M.* Actual problems of checking a message about an event with signs of a crime. *Law in the Armed Forces.* 2019. № 12.
3. *Obsidian K.V.* Features of the subject of evidence in bribery cases. *Criminal proceedings.* 2017. № 4.
4. Article «Limits of proof». 2021 Prepared for the ConsultantPlus system based on material by N.A. Bortnikov, Deputy Chairman of the Paninsky District Court of the Voronezh Region.
5. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 № 174-FZ (as amended on April 24, 2020).

Рыбалко Анастасия Анатольевна
адъюнкт кафедры криминалистики,
Краснодарский университет
МВД России
ribalo4ka@yandex.ru

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ПОБУЖДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО К СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА

Аннотация. Суицид несовершеннолетних стал одной из государственных проблем последнего десятилетия. В статье излагается авторская позиция по разработке криминалистической характеристики преступлений, направленных на побуждение несовершеннолетнего к совершению самоубийства. В статье рассматриваются характеристики, обосновывается перечень составов схожих преступлений, подлежащих учету в процессе эмпирической проработки исследуемого вопроса.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая характеристика преступления, структура криминалистической характеристики, несовершеннолетний, совершение самоубийства, побуждение к самоубийству, склонение к самоубийству, доведение до самоубийства, содействие самоубийству.

Суицид несовершеннолетних стал одной из государственных проблем последнего десятилетия. Наибольшее число несовершеннолетних, погибших от суицида в Российской Федерации, приходится на 2014 год (800 человек). В 2017 году со стороны несовершеннолетних совершено 692 факта суицида со смертельным исходом [1]. В 2018 году данная цифра составила 788 случаев [2]. При этом в отдельных регионах в 2021 году отмечается значительный рост числа суицидов, совершенных несовершеннолетними [3], а средний уровень подросткового суицида по России в 2021 году составляет 47,3 случая на 100 тысяч несовершеннолетних [4]. Столь высокие показатели требуют комплексных мер, направленных на предупреждение суицидального поведения, реализуемых не только отдельными государственными органами, но и обществом в целом.

Одним из направлений деятельности, в том числе, и ориентированном на предупреждение преступлений, является процесс отправления правосудия в тех случаях, когда самоубийство стало

Anastasia A. Rybalko
Adjunct
of the Department of Forensic Science,
Krasnodar University
Ministry of Internal Affairs of Russia
ribalo4ka@yandex.ru

STRUCTURAL ANALYSIS OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIMES AIMED AT INDUCING A MINOR TO COMMIT SUICIDE

Annotation. Suicide of minors has become one of the state problems of the last decade. The article presents the author's position on the development of criminalistic characteristics of crimes aimed at inducing a minor to commit suicide. The elemental composition of such a criminalistic characteristic is considered, the list of compositions of similar crimes to be taken into account in the process of empirical study of the issue under study is substantiated.

Keywords: forensics, criminalistic characteristics of crime, structure of criminalistic characteristics, minor, committing suicide, inducing suicide, inducing suicide, driving to suicide, facilitating suicide.

следствием криминального поведения отдельных субъектов.

Статистические данные, представленные Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, констатируют крайне низкий уровень раскрываемости таких преступлений. Так в 2018 году по ч. 2 ст. 110 УК РФ осуждено 2 лица, по ч. 3 и ч. 5 ст. 110.1 УК РФ – 4 лица, по ст. 110.2 УК РФ – 1 лицо; в 2019 году по ч. 2 ст. 110 УК РФ осуждено 10 лиц, по ч. 3 и ч. 5 ст. 110.1 УК РФ – 4 лица, по ст. 110.2 УК РФ – 1 лицо; в 2020 году по ч. 2 ст. 110 УК РФ осуждено 1 лицо, по ч. 3 и ч. 5 ст. 110.1 УК РФ – 1 лицо, по ст. 110.2 УК РФ – осужденных нет; в первом полугодии 2021 года по ч. 2 ст. 110 УК РФ осуждено 4 лица, по ч. 3 и ч. 5 ст. 110.1 УК РФ – осужденных нет, по ст. 110.2 УК РФ – 2 лица [5]. В своем интервью старший помощник Председателя Следственного комитета Российской Федерации Игорь Комиссаров отметил, что количество направленных в суд уголовных дел, возбужденных в связи с совершенной несовершеннолетним попыткой суицида, составляет не бо-

лее 2,5 % [6]. До настоящего времени все еще не выработан единый эффективный механизм действия правоохранительных органов, позволяющий добиться более высоких результатов раскрываемости таких преступлений. Одной из причин является отсутствие криминалистического представления о таких значимых криминалистических признаках преступлений, направленных на побуждение несовершеннолетнего к совершению самоубийства, как механизм совершения преступления, типичные следы преступления, особенности личности виновного, что не позволяет разработать действенные организационно-тактические рекомендации по расследованию данной категории преступлений.

Вопрос целесообразности разработки криминалистической характеристики преступления, выбора подходов и алгоритмов ее исследования является одним из краеугольных камней криминалистической методологии. До настоящего времени ведутся дискуссии относительно уровня эффективности использования знаний о криминалистической характеристике преступления в практике раскрытия и расследования уголовно наказуемых деяний [7, с. 466–471]. Также, различны и взгляды касательно выработки подходов и принципов формирования криминалистически значимых данных, признаков преступления, знания о которых будут способствовать процессу раскрытия и расследования преступлений [8, с. 163–168; 9, с. 52–57; 10, с. 7–18].

В научной литературе встречаются два близких друг к другу по смыслу понятия «криминалистическая характеристика преступления» и «информационная модель преступления», которые, на первый взгляд, могут представляться синонимичными, однако это не так и существует четкое различие. Так, по мнению Н.И. Малыхиной, криминалистическая характеристика преступления это преимущественно теоретически выстроенная модель преступления, содержащая описательные характеристики отдельных элементов преступного проявления и его последствий, основанные на эмпирическом наблюдении за таковыми. В свою очередь, информационная модель преступления, в отличие от криминалистической характеристики, более динамична и представляет собой симбиоз описательной характеристики отдельных элементов преступного проявления с выработанной технологией поиска и определения взаимосвязей между его элементами [11, с. 133–138].

Изложенная Н.И. Малыхиной точка зрения нами видится жизнеспособной и заслуживающей своего дальнейшего развития, что обуславливается самим процессом формирования представления о преступном проявлении и криминалистических возможностях его расследования. Так, возникновение нового общественно опасного деяния, признаваемого преступным в зависимости от частоты распространенности, изначально формирует только первоначальный базис знаний о нем. На этапе ограниченности статистической информации затруднительно говорить о должной степени репрезентативности получаемых сведений для решения вопроса об установлении

взаимосвязи между отдельными элементами признаков преступления. Отсюда становится очевидным, что процесс развития криминалистического знания о преступлении должен происходить от формирования криминалистической характеристики преступления (на этапе ограниченности статистической информации) к построению динамической информационной модели, разработка которой становится возможной при накоплении достаточного количества репрезентативного статистического материала.

Одним из сравнительно «молодых» преступлений, является признание таковым ряда действий, направленных в отношении несовершеннолетних, которые, в конечном итоге, ведут к совершению самоубийства или покушению на него. Так, в 2017 году законодателем предприняты действия по криминализации деяний, направленных на побуждение несовершеннолетнего к совершению самоубийства. 07 июня 2017 года принят Федеральный закон № 120-ФЗ «О противодействии деятельности, направленной на побуждение несовершеннолетних к суицидальному поведению», которым внесены изменения и дополнения в Уголовный кодекс Российской Федерации. В рамках статьи 110 УК РФ «Доведение до самоубийства» введены квалифицирующие признаки совершения преступления, в том числе совершения деяния в отношении несовершеннолетнего (п. «а» ч. 2). Законодательство дополнено статьями:

– 110.1 УК РФ «Склонение к совершению самоубийства или содействию самоубийства» в рамках которой одним из квалифицирующих признаков обозначено совершение деяния в отношении несовершеннолетнего (п. «а» ч. 3, ч. 5);

– 110.2 УК РФ «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства».

Как нам представляется, несмотря на отнесение действий злоумышленников, посягающих на жизнь и здоровье несовершеннолетних, побуждающих их к совершению суицида, к трем различным статьям УК РФ, их криминалистическое изучение на первых этапах формирования соответствующей частной криминалистической методологии следует осуществлять в комплексе по ряду причин:

1. Первоначальная информация о данных преступлениях, как правило, в правоохранительные органы поступает с момента совершения несовершеннолетним суицида, либо попытки суицида.

2. Алгоритм первоначальных следственных действий и мероприятий будет иметь много общего, так как процесс получения криминалистически значимой информации выстраивается по схеме от жертвы преступления к личности виновного.

3. Как правило, действия по склонению, содействию и доведению до совершения самоубийства нередко осуществляются в комплексе. Лицо, желающее вызвать у несовершеннолетнего

потерпевшего намерение совершить суицид, использует различные пути реализации преступного умысла, в том числе и подпадающие под толкование терминов «склонение», «содействий» и «доведение», используемых законодателем.

4. Данные преступления предусматривают единый объект преступного посягательства – жизнь несовершеннолетнего.

5. Лицо, совершающее данные преступления имеет умысел, направленный на побуждение несовершеннолетнего к совершению самоубийства.

Следует констатировать тот факт, что к настоящему времени все еще нет достаточной практики раскрытия и расследования таких преступлений; существующие статистические данные не позволяют говорить о возможности разработки с достаточной степенью точности динамической информационной модели таких преступлений. Однако существующий на данный момент эмпирический материал уже позволяет выстроить теоретическую модель преступления, которая будет содержать вполне конкретную детализацию и характеристику отдельных элементов преступного проявления, знание о которых непременно повысит эффективность расследования таких преступлений.

Разработка криминалистической характеристики конкретного преступления предусматривает под собой необходимость определения ее элементного состава. Как верно отмечено В.В. Радаевым, не существует единой структуры криминалистической характеристики преступления, так как ее элементный состав для отдельных категорий преступлений индивидуален [12, с. 5]. Индивидуальность же структуры обоснована процессом выделения из массы отдельных признаков объектов только тех из них, которые представляются существенными, могут быть использованы в процессе раскрытия и расследования преступления.

В одном из своих исследований профессор С.И. Коновалов излагает иерархическую структуру элементов криминалистической характеристики преступлений, в основе которой лежит частота их употребления при разработке частных криминалистических методик. Вершину такой иерархии формируют сведения о способе совершения преступления, особенностях личности преступника, обстановке совершения преступления, объекте (предмете) преступного посяга-

тельства, механизме слеодообразования, корреляционных связях между структурными элементами, личности жертвы преступления, мотивах и целях преступного поведения [13, с. 82–85]. Полагаем, что сведения относительно указанных структурных элементов преступления будут иметь существенное значение и при расследовании преступлений, направленных на побуждение несовершеннолетнего к совершению самоубийства. Вместе с тем, при их разработке, следует учитывать, что практическая ценность подобных знаний о криминалистической характеристике будет лишь тогда, когда ее элементы разрабатываются как взаимосвязанные и взаимообусловленные единицы. Сама же структура криминалистической характеристики преступлений выступает основополагающим началом разработки любой частной криминалистической методики.

Подводя краткий итог, считаем должным отметить ряд ключевых тезисов:

1. Преступления, направленные на побуждение несовершеннолетнего к совершению самоубийства, представляют существенную угрозу для стабильного развития общества и несут угрозу самому ценному человечеству – жизни их детей.

2. Существует потребность в разработке частной методики расследования преступлений, направленных на побуждение несовершеннолетнего к совершению самоубийства, к которым следует отнести преступления, ответственность за которые предусмотрена п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ, п. «а» ч. 3, ч. 5 ст. 110.1 УК РФ и ст. 110.2 УК РФ.

3. Совокупность существующей эмпирической базы расследования таких преступлений все еще не позволяет разработать информационную модель таких преступлений, однако уже достаточно для построения теоретической модели преступления, которая будет содержать вполне конкретную детализацию и характеристику отдельных элементов преступного проявления.

4. Криминалистическая характеристика преступлений, направленных на побуждение несовершеннолетних к совершению самоубийства, должна включать в себя сведения о: механизме совершения преступления, особенностях личности преступника, обстановке совершения преступления, объекте преступного посягательства, механизме слеодообразования, личности жертвы преступления, мотивах и целях совершения преступления.

Литература:

1. Интервью старшего помощника Председателя Следственного комитета Российской Федерации Игоря Комиссарова газете «Известия». URL : <https://sledcom.ru/press/interview/item/1276735/?pdf=1> (дата доступа 15.01.2022).

2. В России выросло число детских суицидов. URL : <https://tass.ru/obschestvo/6365110> (дата доступа 15.01.2022).

Literature:

1. Interview with Igor Komissarov, Senior Assistant to the Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, to the Izvestia newspaper. URL : <https://sledcom.ru/press/interview/item/1276735/?pdf=1> (access date 15.01.2022).

2. The number of child suicides has increased in Russia. URL : <https://tass.ru/obschestvo/6365110> (access date 15.01.2022).

3. Детский омбудсмен Петербурга обеспокоен ростом суицидальных настроений среди подростков. URL : https://www.interfax-russia.ru/northwest/news/detskiy-ombudsmen-peterburga-obes-pokoien-rostom-suicidalnyh-nastroeniy-sredi-podrostkov?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата доступа 15.01.2022).
4. Забайкальский край занял шестое место по числу подростковых суицидов в России в 2021 году. URL : https://www.chita.ru/news/167687/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата доступа 15.01.2022).
5. Данные судебной статистики по полугодиям и годам. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата доступа 15.01.2022).
6. Интервью старшего помощника Председателя Следственного комитета Российской Федерации Игоря Комиссарова газете «Известия». URL : <https://sledcom.ru/press/interview/item/1276735/?pdf=1> (дата доступа 15.01.2022 года).
7. *Алгазин И.И.* Об эффективности криминалистической характеристики преступлений отдельных видов и групп / И.И. Алгазин // Вестник Омской юридической академии. 2018. № 4. С. 466–471.
8. *Быстряков Е.Н.* Криминалистическая характеристика преступления: происхождение, современное состояние, перспективы развития / Е.Н. Быстряков, И.В. Усанов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 6. С. 163–168.
9. *Бессонов С.А.* К вопросу о структуре и природе криминалистической характеристики преступлений / С.А. Бессонов // Вестник Поволжского института управления. 2014. № 4. С. 52–57.
10. *Грибунов О.П.* Эволюция взглядов на понятие и структуру криминалистической характеристики преступлений / О.П. Грибунов, Н.А. Назырова // Известия Тульского государственного университета. 2020. № 2. С. 7–18.
11. *Малыхина Н.И.* Криминалистическая характеристика преступления и информационная модель преступления: соотношение понятий / Н.И. Малыхина // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. №3. С. 133–138.
12. *Радаев В.В.* Криминалистическая характеристика преступлений и ее использование в следственной практике: лекция. Волгоград, 1987. 24 с.
13. *Коновалов С.И.* Теоретико-методологические проблемы криминалистики : монография. Ростов-н/Д. : РЮИ МВД России, 2001. 208 с.
3. The Children's Ombudsman of St. Petersburg is concerned about the growth of suicidal thoughts among teenagers. URL : https://www.interfax-russia.ru/northwest/news/detskiy-ombudsmen-peterburga-obes-pokoien-rostom-suicidalnyh-nastroeniy-sredi-podrostkov?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (access date 15.01.2022).
4. The Trans-Baikal Territory ranked sixth in the number of teenage suicides in Russia in 2021. URL : https://www.chita.ru/news/167687/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (access date 15.01.2022).
5. Judicial statistics data for six months and years. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (access date 15.01.2022).
6. Interview of Igor Komissarov, Senior Assistant to the Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, to the Izvestiya newspaper. URL : <https://sledcom.ru/press/interview/item/1276735/?pdf=1> (access date 15.01.2022).
7. *Algazin I.I.* On the effectiveness of the forensic characteristics of crimes of certain types and groups / I.I. Algazin // Bulletin of the Omsk Law Academy. 2018. № 4. P. 466–471.
8. *Bystryakov E.N.* Forensic characteristics of the crime: origin, current state, development prospects / E.N. Bystryakov, I.V. Usanov // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2018. № 6. P. 163–168.
9. *Bessonov S.A.* To the question of the structure and nature of the forensic characteristics of crimes / S.A. Bessonov // Bulletin of the Volga Institute of Management. 2014. № 4. P. 52–57.
10. *Gribunov O.P.* Evolution of views on the concept and structure of the forensic characteristics of crimes / O.P. Gribunov, N.A. Nazyrova // News of the Tula State University. 2020. № 2. P. 7–18.
11. *Malykhina N.I.* Forensic characteristics of a crime and the information model of a crime: correlation of concepts / N.I. Malykhina // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2015. № 3. P. 133–138.
12. *Radaev V.V.* Forensic characteristics of crimes and its use in investigative practice: a lecture. Volgograd, 1987. 24 p.
13. *Konovalev S.I.* Theoretical and methodological problems of criminalistics : monograph. Rostov-on/D. : RUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2001. 208 p.

Савенков Дмитрий Александрович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
государства и права,
Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя
dmitryasavenkov@yandex.ru

Dmitry A. Savenkov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of Theory
States and Rights,
Moscow University
Ministry of the Interior
of the Russian Federation
named after V.Ya. Kikotya
dmitryasavenkov@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АРГУМЕНТЫ В ТЕОРИИ ПРАВА Н.М. КОРКУНОВА

Аннотация. В статье рассматриваются правовые взгляды одного из наиболее авторитетных и известных российских юристов конца XIX – начала XX в. Н.М. Коркунова, с именем которого связано существенное обновление подходов в отечественной юридической литературе к правовой проблематике. Одной из самых значительных заслуг данного ученого-юриста, анализируемых в настоящей статье, является разработка понятия права и принципов его изучения не только на основе, так называемой, позитивистской методологии, но и трактовка права как социально-психологического факта, попытка построения юридической теории на основе социально-психологических методов и приемов познания.

Ключевые слова: Коркунов, Конт, Меркель, Спенсер, понятие права, право как интерес, психология права, правовое общение, общая теория права.

Н.М. Коркунов относится к числу наиболее авторитетных русских юристов конца XIX – начала XX в. [8]. С его именем связаны многие творческие оригинальные решения и обновленческие подходы в формировании основ юридической теории, принципов познания права и др. Основу правовых взглядов Н.М. Коркунова в значительной степени составили труды немецких юристов, о чем наглядно свидетельствует его курс лекций по общей теории права [2]. Идеи интересов, их разграничения и возможного компромисса, – все это было заимствовано из трудов Р. Иеринга, А. Меркеля [1]. Вместе с тем, в методологической части он основательно разрабатывал идеи отчасти О. Конта, но еще больше Г. Спенсера. В частности, правоведение, по мысли Коркунова, хотя и абстрактная наука, которая работает с моделями житейских отношений, но в методологическом отношении должна строиться на обработке и обобщении эмпирического материала. В частности, история права является конкретной наукой, а именно – она работает с такими общими понятиями, которые служат «копиями действительных явлений». «Абстрактные, напротив, вырабатывают такие понятия, которые можно

PSYCHOLOGICAL ARGUMENTS IN N.M. KORKUNOV'S THEORY OF LAW

Annotation. The article considers the legal views of one of the most authoritative and famous Russian lawyers of the late XIX – early XX centuries. N.M. Korkunov, whose name is associated with a significant update of approaches in domestic legal literature to legal issues. One of the most significant achievements of this legal scientist analyzed in this article is the development of the concept of law and the principles of its study not only on the basis of the so-called positivist methodology, but also the interpretation of law as a socio-psychological fact, an attempt to build a legal theory based on socio-psychological methods and methods of cognition.

Keywords: Korkunov, Comte, Merkel, Spencer, the concept of law, law as an interest, psychology of law, legal communication, general theory of law.

назвать *моделями* и которые служат не отражением, не изображением действительных явлений, а как бы орудиями, с помощью которых исследователь может легче разобраться в пестром разнообразии действительных явлений» [3, с. 13]. «Правоведение есть наука абстрактная; ее задача заключается в построении, конструировании модели житейских отношений...» [3, с. 13]. Общее учение о праве, по мысли Коркунова, наука абстрактная, так как она работает не с понятиями-копиями, с понятиями-моделями, такими как понятие права, правомочия, правообязанности, юридическое отношения и т.п.

При этом совершенно неправомерно было бы упрекать Н.М. Коркунова лишь в пересказе в его ранних работах идей немецких юристов, так как, в частности, даже в 1880 гг. не было возможности вести речь о какой-то устоявшейся форме изучения права, его дисциплинарного оформления, поскольку, как показал сам Н.М. Коркунов, в этот период происходила основательная борьба между философией права, энциклопедией права, общим учением о праве, формирующимися социологическим версиями трактовки юридиче-

ской теории. Еще сравнительно недавно до появления лекций Коркунова, в середине 1870 г., А. Меркель пытался обосновать необходимую роль философии права как общей части отдельных юридических наук. Поэтому указанная работа Коркунова была вполне предсказуемо эклектичной, что, однако, не помешало ей стать одной из популярных и востребованных, например, в среде американских юристов реалистического направления. В начале XX в. его работа «Лекции по общей теории права» – была переведена на английский язык в США. Творческое наследие Н.М. Коркунова включает много замечательных и глубоких работ юридической проблематики. Вместе с тем, в контексте интересующей нас темы, необходимо отметить, что одной из главных смысловых идей всей совокупности правовых взглядов данного ученого была попытка построить теорию права и государства на психологической основе. Нельзя сказать, что психологизм был вынесен в заглавие и был прямо акцентирован. Психология, в целом, и психология права, в частности, не могли в этот период времени претендовать на некое образцовое посредничество в формировании общего учения о праве или теории права. Примеры акцентированной психологизации теории права уже принимались, в том числе, в отечественной юридической мысли. Например, в работах П.В. Деларова. Однако, тем не менее, ни европейская, ни российская юридическая мысли не могла служить надежной опорой в части разработки юридической проблематики на солидной и упорядоченной психологической основе. В основном, речь шла о психологических аргументах. Сравнивая Бирлинга как автора одной из первых психологических теорий права в немецкой литературе, и Коркунова, можно сказать, что менялась аргументация по сравнению с прежними авторами. Например, у Иеринга в начале 1870 г. используется тема мотивов правового поведения, а он сам подчеркивал, что в работе «Борьба за право» (1872 г.) им предпринималась попытка показать право с точки зрения юридико-психологической. Здесь, конечно, несмотря на заверения автора, вопросы социального и психологического далеко не всегда могут быть ограничены. Интерпретация носит скорее социально-психологический характер. В ней значительно проявляется еще философский подход к природе мотивов. Иеринговское нравственное должностное поведение правового поведения легко прямо увязывается с нравственным императивом Канта. Правда, сам Иеринга был скорее склонен в последующем усматривать связь данной им трактовки соотношения права и морали в связи с изучением природы правовых поступков с идеями Д. Локка.

В «Лекциях по энциклопедии права», которые появились раньше хорошо известной работы «Лекции по общей теории права», в 1879–1880 гг. впервые Коркуновым были сформулированные некоторые контуры психологического понимания права [3]. Он стремится построить науку о праве на основе требования точности и изучения эмпирического материала. Для этого им признаются значимыми два фактора – фактор психической обусловленности деятельности человека и

фактор среды. Причем психическая жизнь служит средством приспособления к среде внешней. Эту проблематику развивали многие юристы реалистического направления. Это, по существу, один из наиболее характерных симптомов реализма, сформированного в значительной степени парадигмой естественно-научного детерминизма. В последующем Л.И. Петражицкий активно развивал идею о праве как факторе психической жизни, и что право служит приспособлению человека к среде и вообще к тем закономерностям, которые обусловлены естественным ходом истории. Человек в этой концепции одновременно делается объектом познания, активно подчеркивается роль и значение психической деятельности, а сами психологические закономерности служат доказательством обусловленности социальных поступков и представлений человека конкретным эмпирическим материалом. С другой стороны, человек рассматривается как песчинка в мировой истории, все, что ему доступно, это лишь более или менее удачное приспособление к закономерному ходу всемирно-исторического процесса. Поэтому психологизм склонен описывать жизнь человека как обусловленную статистическим закономерностями. Глубокий психологизм, довлеющее влияние среды – это неперенные атрибуты реалистического представления социальных проблем, в частности. Вообще, следует отметить, что у представителей социологического и психологического направлений в правоведении по-разному лишь расставляют акценты. Для первого направления право представляет собой социальный факт, для второго – факт психологический. Например, Л.И. Петражицкий большее внимание уделял попыткам объяснить право как внутренний своего рода прибор, функцию, имеющую психофизиологическую природу. Эта функция лишь проецируется во внешнюю среду [6]. И в этой среде она проявляет себе как некая закономерность, которая, несмотря на своей конфликтный потенциал, становится элементом равнодействующей силы. Императивно-атрибутивный характер правовой психики, как уверял Петражицкий, ведет исключительно к мирному сосуществованию.

Н.М. Коркунов значительно раньше занимается указанной проблемой. Он пытался установить связь между психикой и внешней средой. В него в силу влияния Г. Спенсера социально-психологическая природа права носит еще значительной оттенок философии. Коркунов не пытается разобраться в основных психологических закономерностях, а лишь констатирует их открытие в «опытной психологии» Спенсера, из которой для его общего учения о праве извлекаются идеи психологической причинности, развития и наследственности.

По мнению Н.М. Коркунова, наука права, с методологической точки зрения, прежде всего, должна заниматься обобщением существующих фактических данных, добываемых прикладными науками. «Из всех отраслей науки именно в правоведении с особенной силой чувствуется потребность в обобщающей системе», и «дело в том, что мы вовсе не можем наблюдать право в

его целом» [2, с. 6]. Для юриста «непосредственному наблюдению доступны лишь отдельные законы да отдельные юридические сделки и только с помощью научного синтеза мы соединяем эти отдельные элементы в целостное представление юридического порядка, права, как особого фактора общественной жизни» [2, с. 6].

Н.М. Коркунов писал: «... Зарождающаяся на наших глазах общая теория права ставит себе задачей извлечь общие начала права из накопленного специальными юридическими науками эмпирического материала» [2, с. 7]; «философия из знания, имеющего свой особый источник, превращается лишь в более обобщенное знание, но опирающееся точно также на опытный материал, как и все другие науки. Задачей ее теперь является лишь обобщение того материала, какой представляют отдельные специальные науки» [2, с. 24–25].

Общественная жизнь или социальное общение, без которого невозможна жизнь человека, разъясняются популярным понятием «интерес». Для осуществления интересов требуется ограниченная сфера, служащая тому, чтобы разрешать конфликты, возникающие при неизбежном столкновении интересов. Если нормы нравственности служат для оценки интересов, то юридические нормы, как полагал Н.М. Коркунов, предназначены для того, чтобы разграничивать интересы. Для разграничения интересов, входящих в столкновение между собой, «человеческое сознание вырабатывает определенные нормы – нормы разграничения интересов, которые так же, как и нормы оценки, служат той же цели, совместному осуществлению всех разнообразных человеческих целей» [2, с. 39]. Отсюда, «нормы разграничения интересов определяют границу между правом и неправом и суть юридические нормы» [2, с. 39]. Задачей права, соответственно, является определение и установление принципа для разграничения интересов различных личностей.

Коркунов был эмпириком, реалистом. В его системе взглядов, в принципах построения науки о праве, в предлагавшейся им методологии легко просматривается влияние позитивизма, особенно взглядов О. Конта. Однако, вместе с тем, Коркунов считает правоведение, которое базируется на принципе обобщения, нормативной наукой. В связи с этим, он принципиально разграничивает естественную закономерность и этическую, для которой право и нравственность выступают соответствующим конституирующим началом. Правовые нормы, в этом смысле, не являются юридическим или нормативным фактом.

Рассматривая соотношение естественных закономерностей (законов) и волеустановленных норм, Коркунов приходит к выводу о том, что в праве следует видеть «только человеческую догадку о законах, управляющих человеческой деятельностью» [2, с. 51]; «...право не есть, помимо воли и сознания людей, существующий порядок, людьми только подмеченный... Если даже признать существование абсолютного и вечного права, все-таки действительное осу-

ществление его не совершается помимо сознания и воли людей. И абсолютное, вечное право мыслимо только, как требование соблюдения известного поведения людьми, а не как само собой устанавливающееся однообразие их поведения» [2, с. 51].

По мнению Коркунова, «где нет общения людей, где человек является обособленным, там нет места праву» [2, с. 183], «...развитие права не может не быть обусловленным общественной средой» [2, с. 183].

Разбирая популярное в то время представление об обществе как организме, причем со всеми атрибутами, присущими последнему в органической природе, в особенности, в социологическом учении Г. Спенсера, Коркунов приходил к выводу о том, что связь или закономерность, которая наиболее существенным образом раскрывает природу общества и, вместе с тем, социальной жизни человека имеет психологический характер. Так, он писал: «...Органическое воззрение на общество, как не объясняющее всех особенностей явлений общественности, должно быть заменено психическим, признающим в идеалах отличительный фактор общественных агрегатов и ставящим явления общественности наряду с явлениями неорганического и органического мира, как третью самостоятельную группы явлений мира неорганического» [2, с. 206].

Он, в частности, отмечал: «...Основанием всех особенностей явлений общественности мы признаем духовный характер связи, соединяющей людей в общество...» [2, с. 209].

Коркунов утверждает, что за основу может быть взята, так называемая, «опытная психология», притом в том виде, в каком она была развита английскими авторами. Заслуги данной психологической теории Коркунов усматривал в том, что она удовлетворительно объясняет характер психического развития и признает преемственность развития. Коркунову важно было показать, что право как фактор общественной жизни может познаваться не только как психическое явление, и в этом, по его мнению, заключалась собственная природа права, а то, что переход к психологической трактовке права не отказывается от достижений механистического и органического представлений об обществе и общественных явлений, а дополняет и исправляет их ошибки.

В работе «Указ и закон» он проводил мысль, что любая власть имеет психологическую природу, представляет собой своего рода психическую силу, осуществляющую воздействие на волю [4]. В том числе и государственная власть есть не что иное, как некоторая психическая сила.

«Понятие «власть» не представляет собой лишь обобщенного снимка с конкретного явления» [4, с. 177]. «Так как производящие причины всякого вообще действия мы представляем себе как силы, то и причину, производящую воздействие государства на составляющих его людей, мы мыслим как особую силу, обозначая ее государственной властью» [4, с. 177]. О свойствах дан-

ной силы, как полагал Коркунов, мы можем судить, лишь анализируя свойства производимых ею явлений. Она не может быть предметом непосредственного наблюдения. Здесь Коркунов прибегает таким сравнениям, которые ставят в один ряд психологическую силу, лежащую в основе понятия государственной власти, с такими физическими явлениями, как тяготение, свет, электричество т.п. Соответственно, государственная власть трактуется Коркуновым как «условное выражение для обозначения причины, производящей воздействие государства» [4, с. 178].

В другом сочинении «Русское государственное право» Коркунов писал, что «для властвования требуется только сознание зависимости, а не реальность ее», «если власть сила, обусловленная сознанием зависимости подвластного, госу-

Литература:

1. Горбань В.С. Правовое учение Иеринга и его интерпретации. М. : Университет, 2018. 353 с.
2. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб. : А. Ф. Цинзерлинг, 1886. 313. XI с.
3. Коркунов Н.М. Лекции по энциклопедии права, читанные проф. СПб. университета Н.М. Коркуновым в 1879/80 acad. году. СПб. : Лит. Пазовского, 1880. 231 с.
4. Коркунов Н.М. Указ и закон: Исслед. Н.М. Коркунова. СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1894. VIII. 408 с.
5. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Изд. 4-е. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1901–1903. Т. 1: Введение и общая часть. 1901. VIII. 573 с.
6. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности: эмоциональная психология. Изд. 2-е. М. : URSS, cop. 2010. 311 с.
7. Понтович Э.Э. Проблема государственной власти: [Философско-правовые этюды]. Петроград: [б. и.], 1919–1921. 1: Реализм в юриспруденции. 1919. 43 с.
8. Экимов А.И. Коркунов. М. : Юрид. лит., 1983. 96 с.

дарство может властвовать, не обладая ни волей, ни сознанием, лишь бы люди, его составляющие, сознавали себя зависимыми от него» [5, с. 24].

Э.Э. Понтович, анализируя психологизм в государственной теории Коркунова, писал по этому поводу: «Коркунов ... легитимировал с точки зрения права существующих фактических властителей, по законам психологии воздействующих на других людей, держащих в своем повиновении подвластных» [7, с. 13].

Психологические аргументы в теории права Н.М. Коркунова демонстрируют, что российская правовая мысль довольно рано откликнулась на вызовы времени и включила в повестку актуальной юридической теории вопросы социально-психологической интерпретации правовой проблематики.

Literature:

1. Gorban V.S. Ihering's legal doctrine and its interpretations. M. : University, 2018. 353 p.
2. Korkunov N.M. Lectures on the general theory of law. SPb. : A. F. Tsinslerling, 1886. 313. XI p.
3. Korkunov N.M. Lectures on the encyclopedia of Law, read by Prof. SPB. University of N.M. Korkunov in 1879/80 acad. year. SPb. : Lit. Pazovsky, 1880. 231 p.
4. Korkunov N.M. Decree and Law: N.M. Korkunov's research. SPb. : M.M. Stasyulevich's type, 1894. VIII, 408 p.
5. Korkunov N.M. Russian State law. Ed. 4-e. SPb. : Printing house of M.M. Stasyulevich, 1901–1903. Vol. 1: Introduction and general part. 1901. VIII. 573 p.
6. Petrazhitzky L.I. Introduction to the study of law and morality: emotional psychology. 2nd ed. M. : URSS, cop. 2010. 311 p.
7. Pontovich E.E. The problem of state power: [Philosophical and legal studies]. Petrograd: [b. i.], 1919–1921. 1: Realism in Jurisprudence. 1919. 43 p.
8. Ekimov A.I. Korkunov. M. : Legal lit., 1983. 96 p.

Савенков Дмитрий Александрович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
теории государства и права,
Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя
dmitryasavenkov@yandex.ru

Dmitry A. Savenkov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
Theories of State and Law,
Moscow University Ministry of the Interior
of the Russian Federation
named after V.Ya. Kikotya
dmitryasavenkov@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРАВА Л.И. ПЕТРАЖИЦКОГО

PSYCHOLOGICAL CONCEPT OF LAW BY L.I. PETRAZHITSKY

Аннотация. В статье рассматривается правовая концепция Л.И. Петражицкого, которая является одной из наиболее обсуждаемых и основательных психологических интерпретаций правовой проблематики и дисциплинарного содержания юридической теории. Основное внимание уделено тем аспектам, которые по-прежнему мало исследованы, особенно, месту разработанной данным ученым-юристом концепции в истории психологической теории права. Кроме того, востребованными для дальнейшей разработки психологического содержания правовых взглядов Петражицкого рассматриваются связи его учения с эмпириокритиками и феноменологами.

Annotation. The article examines the legal concept of L.I. Petrazhitzky, which is one of the most discussed and thorough psychological interpretations of legal issues and the disciplinary content of legal theory. The main attention is paid to those aspects that are still poorly researched, especially the place of the concept developed by this legal scientist in the history of psychological theories of law. In addition, the connections of his teaching with empirio-critics and phenomenologists are considered in demand for the further development of the psychological content of Petrazhitzky's legal views.

Ключевые слова: Петражицкий, Гуссерль, эмпирическая психология, понятие права, психология права, правовое общение, право как психологический факт, правовые эмоции.

Keywords: Petrazhitzky, Husserl, empirical psychology, the concept of law, psychology of law, legal communication, law as a psychological fact, legal emotions.

Правовые взгляды Л.И. Петражицкого не раз анализировались в отечественной юридической литературе. Многие аспекты его творческого наследия убедительно и обосновано разработаны с разных точек зрения. Однако по мере углубления представлений о развитии правовой мысли в России и в странах Западной Европы становятся возможными и необходимыми новые и уточненные характеристики содержания и характера взглядов данного ученого. Это важно по нескольким соображениям.

ской методологии имел разные характеристики и профили. Если речь идет о влиянии юмизма и позитивизма, то это может быть один профиль; если же речь идет о феноменологическом и эмпириокритическом понимании психологизма, то эту будет другой тип. Л.И. Петражицкий как раз пытался, с одной стороны, понимать право как психологическое явление, присущее только сознанию и независимое от какого-то внешнего признания, а с другой стороны, с методологических позиций он фокусировался на интерпретации права как феномена, рассматриваемого на основе феноменологического метода Э. Гуссерля. Эта комбинация феноменологии и психологии в трактовке права является определенной визитной карточкой Л.И. Петражицкого. В отличие от него, его предшественник, П.В. Деларов строил психологическую теорию права на основе принципов юмизма. Отчасти, то недостаточное внимание к феноменологической психологической трактовке права, которое было в последующем, можно объяснить теми причинами, которые вообще касались популярности феноменологического метода в правоведении.

Во-первых, речь идет о более глубокой разработке истории русской правовой мысли, особенно ее психологического направления.

Во-вторых, более точные сравнения и сопоставления правовых представлений Л.И. Петражицкого с идеями его европейских предшественников и современников позволяют точнее ответить на вопрос о роли его психологической теории права в общеевропейском контексте.

Например, характер и профиль психологизма в учении Л.И. Петражицкого остается в значительной степени неизученным. Ведь, психологизм в период его оформления в научной и философ-

Выше мы уже указывали на то, что априорное учение о праве Г. Гуссерля и А. Рейнаха не при-

обрело того успеха, на который они рассчитывали. Собственно говоря, и сам Г. Гуссерль признавал, что феноменологический метод с трудом может быть даже гипотетически применен к сложным объектам, в том числе к такому как право или нравственность. Ведь, сложные системы отличаются невероятным количеством связей и зависимостей, которые не могут быть легко подвергнуты «эйдетическому редуцизму». Успех феноменологии легче просматривается в отношении объектов, которые не имеют сложной структуры.

Л.И. Петражицкий писал: «Для установления понятия права и его распространения на соответствующие психические явления не имеет никакого значения не только признание и покровительство со стороны государства, но и какое бы то ни было признание со стороны кого бы то ни было. С точки зрения этого понятия, и те бесчисленные императивно-атрибутивные переживания, и их проекции, которые имеются в психике лишь одного индивида и никому другому в мире неизвестны, а равно все те, тоже бесчисленные переживания этого рода, суждения и т.д., которые, сделавшись известными другим, встречают с их стороны несогласие, оспаривание или даже возмущение, негодование, не встречают ни с чьей стороны согласия и признания, от этого отнюдь не перестают быть правом ...» [3, с. 99].

Л.И. Петражицкий традиционно рассматривается в литературе XX в. и сегодня как наиболее показательный пример ученого, с именем которого олицетворяется психологическое исследование права, воспринимаемое часто как самостоятельное направление в развитии юридической мысли. Его взгляды не раз исследовались в отечественной и даже в зарубежной литературе. Существуют и в новейшей литературе не только познавательные работы, освещающие моменты содержания и эволюции взглядов данного ученого, но и глубокие научные разработки методологии его учения, связей с идеями предшественников и современников, ставящие вопросы адекватной идентификации его взглядов в широком спектре различных направлений правовой мысли [4; 6]. Конечно же, творчество Л.И. Петражицкого – это весомый вклад в развитие правовой мысли, особенно с точки зрения интерпретации права как психологического, а точнее социально-психологического факта. Сложилось даже своего рода особое восприятие истории психологического направления в правовой мысли через работы Петражицкого. По нашему мнению, общее влияние Петражицкого на правовую мысль можно было бы сравнить с тем, как оценивалось творчество его современника Р. Штамллера, к славе которого сам Петражицкий относился с определенной долей ревности [2]. Так, Р. Штамллера, в силу его неокантианской логики философии права и определенной, совсем не новой для того времени трактовки естественного права как «естественного права с меняющимся содержанием» - парадокс для классической доктрины естественного права, которая никак не могла допустить релятивизм в содержании естественного права, - называли и называют инициа-

тором и сторонником «возрожденного естественного права». Эта формула весьма неоднозначна, а скорее даже неточна. Поэтому ее нельзя воспроизводить без дополнительных пояснений, раскрывающих суть понятия «естественное право» в социально-философском учении о праве Р. Штамллера. Это, как минимум, совсем не тот концепт, который связан с классической доктриной естественного права. Для Р. Штамллера естественное право не имеет материального или реального субстанционального выражения, оно представляет собой форму логически правильного отношения к предмету права, основанную на применении способа мышления, теоретически и методологически правильно упорядоченного и устроенного, конструкцию «правильного права» [9]. И будучи осмысленным в той искомой правильной форме, о которой говорили неокантианцы, право, а точнее набор определенных гносеологических постулатов, интерпретируемых как правильное право и есть, собственно говоря, то, что выступает в учении немецкого философа и юриста в качестве конструкта естественного права с меняющимся содержанием.

Аналогичным образом следует понимать и значение творчества Петражицкого, а именно, его психологическая теория не является синтезом современной ему психологии и правовых учений, она, будучи построенной на им же самим созданной концепции эмоциональной психологии, была в значительной степени смешанной социологической и психологической теорией права. Эта особенность не была какой-то исключительной чертой творчества Петражицкого, поскольку многие ученые XIX – начала XX в., в силу отсутствия единства в походах к пониманию социологии и психологии, прибегали к тому, чтобы создавать собственные психологические или социально-психологические основы для трактовки права. Причем, зачастую, социологическое и психологическое содержание в таких вариантах были с трудом различимыми [5; 6].

Нас в контексте проводимого исследования интересует, прежде всего, место психологической теории права Л.И. Петражицкого в истории правовой мысли. И этот вопрос, как правило, почти не разработан в юридической науке. В лучшем случае речь идет о разъяснении идейно-теоретических и методологических истоков взглядов данного ученого. Однако такие, безусловно, важные разъяснения часто сопровождаются некоей предпосылкой об уникальности и оригинальности подхода Петражицкого, что выводит за скобки вопрос о том, были ли его взгляды «открытием» психологической природы права, или же он все-таки представлял в своих работах более или менее удачные обобщения. Например, в одном из недавних фундаментальных исследований В.С. Груздев привел убедительные доводы и пояснения в пользу того, что в русской юридической мысли психологическое направление получило теоретическое оформление задолго до первых работ Петражицкого и что он может рассматриваться лишь в контексте эволюции психологических подходов к праву в отечественной или зарубежной литературе [1].

Следует отметить, что психологические теории права формировались в течение всего XIX в. В разной степени разработанности они представляли собой большой комплекс различных трактовок, логико-понятийных уточнений, интерпретаций предмета юридической науки и методов исследования права. Психологическое направление было тесно связано с распространением в сфере социального познания подходов естественных наук, философии позитивизма, перенесением понятий и методов исследования из области естественных наук в области правовых явлений. Субъективизм, артикулируемый в биологическом ключе, превращается в психологизм. Это легко обнаруживается, например, в случае с использованием различных примеров из области биологии в эмоциональной психологической концепции Петражицкого. Позиции психологического направления в юридической мысли укреплялись за счет влияния субъектоцентристских подходов в философии. Эта линия в философии была и остается весьма влиятельной в Новой и Новейшей истории со времени так называемого картезианского переворота, т.е. открытия Декартом сознания. Однако в части формирования психологических подходов к праву в рассматриваемый период наибольшее влияние в этом русле субъектоцентристской философии оказало на представления современников и последующих ученых творчество Канта. Несмотря на то, что сам Кант не признавал эмпирическое содержание достаточно закономерным, чтобы на его основе могла строиться наука; вместе с тем, именно его принципиальное разграничение логико-гносеологического и реально-эмпирического аспектов в познании стало лейтмотивом для последующих равно как идеалистов, так и эмпириков. Поэтому трактовка права как субъективного интеллектуального представления или реально-психического переживания – все это было поставлено как научная проблема еще в субъективном идеализме Канта. Правда, британская эмпирическая философия, а также, французская материалистическая школа внесли не меньший вклад в формирование философско-методологических оснований психологических теорий права.

Несмотря на весьма пафосную критику со стороны Петражицкого в адрес своих предшественников, которые все существовавшие к тому времени юридические теории называл либо «прыгающими», либо «хромающими»; его психологическая теория права не была открытием права как психологического факта, а лишь была одной из довольно большого количества концепций, который пытались трактовать таким образом проблему права и правовых явлений. С хронологической точки зрения можно сказать, что уже теоретические оформленные психологические теории права появились на рубеже 1870-1870 гг. Начиная от трудов Р. Иеринга о мотивах правовых поступков, Э. Цительмана, А. Штурма, Э. Бирлинга и др., в русской литературе – это произведения П.В. Деларова, К.Н. Яроша о чувстве законности – еще в середине XIX в. о чувстве законности писал выдающийся русский писатель Н.А. Добролюбов в критических заметках о персонажах произведений А.Н. Островского.

На рубеже XIX–XX в. и, особенно в первой четверти XX в., появилось большое количество работ, в которых звучали призывы перестроить всю теорию права на манер психологии и признать юриспруденцию чуть ли не разделом психологии. Причем, не только в России или в Европе, но далеко за их пределами, например, в Бразилии [8].

«Все явления человеческой и животной психики, имеющие ... двустороннюю пассивно-активную природу, мы объединяем в особый класс и называем этот класс импульсиями или эмоциями» – писал Л.И. Петражицкий [3, с. 22]. «Они – импульсии или эмоции – «играют в жизни животных и человека роль главных и руководящих факторов приспособления к условиям жизни; прочие односторонние элементы психической жизни играют при этом вспомогательную роль» [3, с. 23].

«Реально существуют только представления этических моторных возбуждений в связи с представлениями известного поведения...; в силу ... эмоциональной проекции человеку, переживающему такие процессы, кажется, что где-то, как бы в высшем пространстве над людьми имеется и царствует соответствующее категорическое и строгое веление или запрещение...» [3, с. 51].

В итоге, вся правовая материя представляется Петражицкому как эмоциональные фантазмы [3, с. 51].

«Вообще, человеческие склонности и привычки представления и мышления в этической области, а равно привычки называния, имена, и вообще склад человеческой речи покоятся на проекционной точке зрения, упорно исходят из реального существования проекций этических моторных раздражений: соответствующих запретов, велений, обязанностей (игнорируя подлежащие реальные психические процессы); и они так приноровлены к этой точке зрения, что применение при обсуждении вопросов этики иной, научно-психологической точки зрения, исходящей из несуществования подлежащих проекционно-фантастических величин, обязанностей ... , встречает особые мыслительные и лингвистические затруднения, представляет «речь на непонятном языке» [3, с. 52].

Аналогичным образом скандинавский современник Петражицкого А. Хегерштрем пытался упразднить весь «неподходящий» для «научно-психологического» анализа язык метафизики. Черты сходства в задачах принципиального обновления научного языка и снисходительного, вынужденного использования прежних понятий весьма показательны и типичны. Так, А. Хегерштрем считал, что во влиянии метафизики кроется сильнейшая опасность. Причем, «бессознательная» метафизика более опасна, чем сознательная. Последняя ясно высказывает свои выводы и тем самым дает ключ к критике, но бессознательная действует в темноте. Она скрывается под утверждениями, которые на первый взгляд кажутся совершенно недвусмысленными, носят чисто эмпирический характер. Хегерштрем

стремится проследить метафизику до ее мельчайших проявлений, и он обнаруживает ее в местах, где ее не следует искать. По его словам, она прочно укоренилась в обычном сознании, и поэтому, как завеса мысли, она распространяется не только на философию, но и вообще на все, что называется наукой. Так, Хэгерштрэм сетовал, что когда мы говорим о «вещах» и «свойствах» на языке повседневного общения, когда нам нужны понятия «материя» и «движение» в современной науке, когда мы говорим об объективных нормах в философии морали, когда мы основываем в области юриспруденции действующее право на государственной воле: так что, все это хотя и скрыто, но именно в этой оболочке только для того, чтобы быть более опасной метафизикой [7, р. 26, 34].

Литература:

1. *Груздев В.С.* Реализм в юриспруденции: теоретико-методологический и исторический аспекты. М. : [б. и.]; Саратов : Амирит, 2021. 426 с.
2. *Петражицкий Л.И.* Введение в изучение права и нравственности: эмоциональная психология. Изд. 2-е. М. : URSS, cop. 2010. 311 с.
3. *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. 608 с.
4. *Пяткина С.А.* Эмоционалистская теория Л.И. Петражицкого. Современное состояние проблемы : дис. ... докт. юрид. наук. М., 1994. 350 с.
5. *Савенков А.Н.* Л.И. Петражицкий как социолог права / А.Н. Савенков, В.С. Горбань // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 118–128.
6. *Тимошина Е.В.* Теория и социология права Л.И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 44 с.
7. *Hägerström A.* Hägerström. In R. Schmidt (Ed.), *Die Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen.* Leipzig: Meiner, 1929. P. 111–159.
8. *Miranda F.* Rechtsgefühl und Begriff des Rechts / F. Miranda // *Archiv für Rechts und Wirtschaftsphilosophie*, Vol. 16. № 2. 1922. P. 157–196.
9. *Stammler R.* Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin : Guttentag, 1902. VIII. 647 p.

Таким образом, психологическая концепция права Л.И. Петражицкого представляет собой тип научного редуционизма, одновременно и онтологического и методологического, который, следует отметить, был характерен для развития проблематики соотношения идеалистических и реалистических подходов в праве. Эмпирическая психология соединяется с логицизмом феноменологической школы, что порождает немало неясностей в интерпретации правовой проблематики. Одновременно с этим, такой подход позволял и позволяет сегодня отодвигать проблему ограниченности понятия права, а то и вовсе предпринимаются попытки упразднить понятие в праве, заменив ее «подходящей» методологией.

Literature:

1. *Gruzdev V.S.* Realism in jurisprudence: theoretical, methodological and historical aspects. M. : [b. i.]; Saratov : Amirit, 2021. 426 p.
2. *Petrazhitzky L.I.* Introduction to the study of law and morality: emotional psychology. 2nd ed. M. : URSS, cop. 2010. 311 p.
3. *Petrazhitzky L.I.* Theory of law and the state in connection with the theory of morality. SPb., 2000. 608 p.
4. *Pyatkina S.A.* L. I. Petrazhitzky's Emotionalist theory. The current state of the problem : dis. ... doct. law sciences. M., 1994. 350 p.
5. *Savenkov A.N.* L.I. Petrazhitzky as a sociologist of law / A.N. Savenkov, V.S. Gorban // *Sociological research.* 2019. № 3. P. 118–128.
6. *Timoshina E.V.* Theory and Sociology of Law by L.I. Petrazhitzky in the context of classical and post-classical legal understanding : auto-ref. dis. ... dr. law sciences. M., 2013. 44 p.
7. *Hägerström A.* Hägerström. In R. Schmidt (Ed.), *Die Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen.* Leipzig: Meiner, 1929. P. 111–159.
8. *Miranda F.* Rechtsgefühl und Begriff des Rechts / F. Miranda // *Archiv für Rechts und Wirtschaftsphilosophie*, Vol. 16. № 2. 1922. P. 157–196.
9. *Stammler R.* Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin : Guttentag, 1902. VIII. 647 p.

Савин Андрей Александрович
старший преподаватель кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Aasavin33@mail.ru

Цветкова Елена Владимировна
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Cvetcova-e@mail.ru

О ХУЛИГАНСТВЕ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. В настоящее время признаки состава «хулиганство» вызывают споры у авторов, что обусловлено, в том числе, изменениями, которые данный состав претерпел в последние годы. В действующей редакции статья, посвященная хулиганству, содержит в себе мотив, место, в также орудие совершения преступления, что делает ее в своем роде уникальной. При этом в доктрине уголовного права всегда было принято считать, что признаки, которые указаны в диспозиции статьи, должны наличествовать и в самом деянии, за исключением случаев, когда присутствует союз «либо». Однако в случае с хулиганством, данное правило было проигнорировано законодателем, что и стало основанием для нашего исследования.

Ключевые слова: уголовное законодательство, хулиганство, состав.

Хулиганство всегда имело место в России, однако, в разные времена название у этого деяния были разные. Так, ранее его называли самодурством, озорством или уличным безобразием; термин, употребляемый в настоящее время является для нашего законодательства относительно новым не только для правовых актов, но и в целом, для русского языка. Об этом факте свидетельствует отсутствие данного термина в старых словарях.

В словаре С.И. Ожегова указывается, что происхождение слова «хулиганство» связано с такими терминами, как «хула», «хулить», то есть поднимать шум, ругаться и браниться [1].

Широкое распространение понятие «хулиганство» получило в 19 веке, когда оно еще не было

Andrey A. Savin
Senior Lecturer of the Department
of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service
Aasavin33@mail.ru

Elena V. Tsvetkova
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Sentences
Cvetcova-e@mail.ru

ABOUT HOOLIGANISM IN RUSSIAN LEGISLATION

Annotation. Currently, the signs of the composition «hooliganism» cause controversy among the authors, which is due, among other things, to the changes that this composition has undergone in recent years. In the current edition, the article devoted to hooliganism contains a motive, a place, as well as a tool for committing a crime, which makes it unique in its kind. At the same time, it has always been assumed in the doctrine of criminal law that the signs indicated in the disposition of the article should also be present in the act itself, except in cases where the union «or» is present. However, in the case of hooliganism, this rule was ignored by the legislator, which became the basis for our study.

Keywords: criminal law, hooliganism, composition.

выделено в законе в качестве самостоятельного преступления, однако, вопросы, касающиеся его обособления начали подниматься в научных кругах, при этом, не все ученые разделяли целесообразность такого выделения [2].

В отечественном законодательстве термин «хулиганство» появился в УК РСФСР 1922 года, в нем данный термин определялся как озорные, бесцельные действия, которые сопряжены с проявлением неуважения ко всему обществу в целом или к отдельным его гражданам. Само преступление было включено в число преступлений против жизни, здоровья и чести, а наказание за данное преступление выступали принудительные работы или же лишение свободы сроком на один год [3].

Именно эта редакция уголовного кодекса отделила хулиганство от государственных преступлений, отнеся его к категории преступлений, посягающих на права. При этом в данной редакции наличествовала достаточно размытая объективная сторона у данного преступления, а именно «явное проявление неуважения к гражданам или к обществу», но, несмотря на неопределенность, такая формулировка с несущественными изменениями останется в действующем законодательстве.

За все время, которое норма, посвященная хулиганству, закреплена в ст. 213 УК РФ, она подвергалась множественным изменениям, однако, до сих пор некоторые формулировки вызывают трудности при квалификации деяния.

Одной из таких формулировок является такой признак хулиганства, как грубое нарушение общественного порядка, поскольку законодателем все еще не установлены критерии такого нарушения. Так, Пленум ВС РФ указал лишь необходимость судам указывать то, в чем было выражено такое нарушение, а также время, место, способ, интенсивность и продолжительность такого нарушения [4]. Так, в качестве примера из судебной практики, можно привести случай, когда судом был оправдан гражданин, который произвел выстрел в воздух. Суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что данными действиями подсудимый не создавал реальную угрозу жизни и здоровью окружающих, поэтому в нем отсутствуют признаки уголовно-наказуемого деяния [5].

Некоторые авторы попытались дать характеристику грубому нарушению общественного порядка. Так, В.М. Лебедев полагает, что грубым нарушением следует считать такие действия, которые причинят существенный ущерб личным или общественным интересам и выражаются в злостном нарушении общественной нравственности. Также, грубым нарушением могут являться такие деяния, которые являются посягательствами, но не предусмотрены в УК РФ в качестве отдельных составов преступлений [6].

А.В. Рагулин полагает, что грубым нарушением общественного порядка может являться существенное негативное отклонение от общепринятых правил и норм, установленных законодательством, обычаями и традициями, препятствующее нормальному функционированию общественных отношений, которые должны обеспечивать спокойствие и нормальную работу граждан, предприятий, организаций [7]. Полагаем, что в данном определении является лишним указание на традиции и обычаи, так как Россия – это многонациональное государство, а у каждой национальности свои обычаи и традиции, и выявить какие-то усредненные традиции не удастся.

Также, стоит обратить внимание на конструкцию «явное неуважение к обществу», которое также вызывает некоторые проблемы в практике. В связи с данным термином, как правило, встает вопрос о том, где и когда было совершено преступление, однако, публичность в качестве обя-

зательного признака хулиганства в УК РФ не фигурирует, что позволяет говорить о допустимости квалификации деяния в качестве хулиганства в отсутствии данного признака. То есть, хулиганство может совершено как в публичном, так и в безлюдном месте.

Мнения авторов разнятся. Так, А.В. Ростокинский полагает, что публичность – это неотъемлемая черта хулиганства, то есть, даже если деяние было совершено без очевидцев, то результаты хулиганских действий все равно должны стать общеизвестными, в таком случае между совершением деяния и общественно-опасными последствиями будет разрыв во времени, однако, последствия будут, и неизбежно с ними будут ознакомлены граждане [8].

Полагаем, что в УК РФ должно быть указано место совершения данного преступления, так как хулиганство предполагает нарушение общественного порядка, оно может быть совершено лишь в общественном месте. При этом в контексте рассматриваемой нормы должно быть указано не только на место совершения преступления, но и на присутствие граждан, тогда данное преступление будет иметь публичный характер.

Поскольку многие конструкции, указанные в норме, закрепляющей ответственность за хулиганство, вызывают вопросы и являются оценочными, некоторыми авторами были предприняты попытки определить сам термин «хулиганство». Например, Л.А. Есина определяла хулиганство как непристойные действия, которые связаны с посягательством на телесную неприкосновенность или свободу граждан, или же другие, охраняемые законом общественные отношения, которые грубо нарушают общественное спокойствие, совершены с применением насилия не опасного для жизни и здоровья или создают угрозу причинения вреда жизни или здоровью граждан в общественном месте [9].

Непристойным поведением в данном контексте являются действия лица, которые направлены на демонстрацию обществу пренебрежения к устоям правилам и нормам, а также, глумление над честью и достоинством граждан.

Таким образом, подводя итог рассмотрению хулиганства в уголовном праве, можно сделать вывод о том, что хулиганство имеет почти вековую историю в российском законодательстве, однако, четких понятий, которые характеризовали бы рассматриваемое преступление, юридической наукой и судебной практикой до сих пор не разработано. Многие признаки вызывают проблемы при применении, поскольку являются оценочными и не имеют четких критериев. Вследствие отсутствия определения многих понятий и их субъективный характер, отсутствует и единая дефиниция хулиганства. Мы полагаем, что под хулиганством следует понимать такое нарушение общественного порядка, которое негативно сказывается на функционировании общественных отношений, отклоняется от стандартных правил поведения и идет вразрез с нравственными нормами, а также действующим законодательством.

Литература:

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М. : Оникс, 2011. С. 628.
2. Буримов Р.Ю. Исторические аспекты уголовной ответственности за хулиганство / Р.Ю. Буримов // Государство и право: теория и практика: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Чита, март 2013 г.). Чита : Издательство Молодой ученый, 2013. С. 9.
3. Церенов И.А. Понятие «Хулиганские побуждения» в истории уголовного законодательства России / И.А. Церенов // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 4. С. 67.
4. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1.
5. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 15.04.2014 № 48-АПУ14-20 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.М. Лебедева. М. : Юрайт, 2013. С. 697.
7. Хулиганство: уголовно-правовые аспекты : автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.В. Рагулин. Челябинск, 2015. С. 11.
8. Ростокинский А.В. Преступление против общественной безопасности: современное состояние и развитие законодательного регулирования. М. : Наука, 2012. С. 201.
9. Есина Л.А. Квалификация хулиганства и иных преступлений, совершенных из хулиганских побуждений (уголовно-правовые и криминологические аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011.

Literature:

1. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. M. : Oniks, 2011. P. 628.
2. Burimov R.Y. Historical aspects of criminal liability for hooliganism / R.Y. Burimov // State and law: theory and practice: materials of the II Intern. nauch. Conf. (Chita, March 2013). Chita : publishing house of the Young scientist, 2013. P. 9.
3. Tserenov I.A. The Concept of «Hooliganism» in the history of the criminal law of Russia Gaps in the Russian legislation. 2011. № 4. P. 67.
4. On judicial practice in criminal cases of hooliganism and other crimes committed from hooligan motives: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 45 of 15.11.2007 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2008. № 1.
5. The appellate decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 15.04.2014 № 48-АПУ14-20 // SPS «ConsultantPlus».
6. Commentary on the Criminal code of the Russian Federation / Ed. by V.M. Lebedeva. M. : Yurayt, 2013. P. 697.
7. Hooliganism: criminal-legal aspects : abstract. dis. ... cand. law sciences: 12.00.08 / A.V. Ragulin. Chelyabinsk, 2015. P. 11.
8. Rostokinsky A.V. Crime against public safety: the current state and development of legislative regulation. M. : Nauka, 2012. P. 201.
9. Yesina L.A. Qualification of hooliganism and other crimes committed from hooligan motives (criminal law and criminological aspects) : autoref. dis. ... cand. law sciences. Chelyabinsk, 2011.

Степаненко Алексей Сергеевич

доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия
mail@esbrsuj.ru

Барашева Елена Викторовна

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия, Иркутск
barahevaev@bk.ru

Шипицина Полина Андреевна

студентка 1 курса,
Российский государственный
университет правосудия
shipitsina.polina@bk.ru

**ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ
ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА
В РОССИИ**

Аннотация. Избирательный процесс в Российской Федерации – это деятельность субъектов избирательного права, направленная на избрание депутатов представительных органов и выборных должностных лиц, согласно последовательным стадиям. Данное определение актуально и для 21 века. Избирательная система России находится в процессе постоянного изменения законодательства о выборах. Данная статья посвящена исследованию понятия «избирательный процесс», его истории развития в России. Помимо теоретических материалов, в работе представлены предложения специалистов о необходимых дополнениях в законодательство, регулирующее текущий избирательный процесс.

Ключевые слова: избирательный процесс, Россия, избирательное право, законодательство о выборах, местное самоуправление.

Участие в избирательном процессе вне зависимости от формы участия это важный аспект жизни любого человека, обладающего правами избирателя. Важность данного процесса заключается, в первую очередь, в том, что от нашего выбора зависит будущее муниципалитета, города или страны, в зависимости от разновидности выборов.

Избирательный процесс в Российской Федерации – это деятельность субъектов избирательно-

Alexey S. Stepanenko

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Humanities
and Socio-economic Disciplines,
Russian State
University of Justice
mail@esbrsuj.ru

Eleva V. Barasheva

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Public Law Disciplines,
Russian State
University of Justice, Irkutsk
barahevaev@bk.ru

Polina A. Shipitsina

Student of the 1st year,
Russian State
University of Justice
shipitsina.polina@bk.ru

**THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT
OF THE ELECTORAL PROCESS IN RUSSIA**

Annotation. The electoral process in the Russian Federation is the activity of the subjects of electoral law aimed at electing deputies of representative bodies and elected officials, according to successive stages. This definition is also relevant for the 21st century. Russia's electoral system is in the process of constantly changing its electoral legislation. This article is devoted to the study of the notion of the electoral process, its history of development in Russia. In addition to theoretical materials, the work presents short proposals of specialists on the necessary amendments to the legislation governing the current electoral process.

Keywords: electoral process, Russia, electoral law, electoral legislation, local self-government.

го права, направленная на избрание депутатов представительных органов и выборных должностных лиц, согласно последовательным стадиям [5]. Данное определение актуально для 21 века и является ознакомительным для читателя.

Манифест Екатерины II от 14 декабря 1766 года «Об учреждении комиссии для составления нового свода законов и о выборах в нее депутатов» регламентировал проведение первых общенациональных выборов. Манифест закрепил ос-

новые направления развития избирательного права в России.

Следующим шагом развития выборной системы в России является создание выборного органа на уровне местного самоуправления, иными словами муниципалитета. Так, в 1775 году по распоряжению Екатерины II было создано учреждение для управления губерний Всероссийской империи.

В 1785 году были изданы «Жалованная грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» и «Жалованная грамота на права и выгоды городам Российской империи». На основании этих двух ключевых юридических актов были созданы новые выборные городские учреждения, и расширился круг избирателей.

Следующее критически важное изменение в выборной системе было произведено только в 1861 году. На фоне отмены крепостного права центральная власть многократно расширила круг избирателей, за счет привлечения широких масс населения к решению вопросов местного назначения.

Реформа местного самоуправления началась 01 января 1864 года с принятия Александром II «Положения о губернских и уездных земских учреждениях». К 25 Мая были подготовлены и приняты «Правила о порядке приведения в действие Положения о земских учреждениях», которые подробно регламентировали процедуры подготовки к выборам и их проведения. Эти юридические акты сформировали систему земского избирательного права. Фактически реформа была закончена в 1870 году, после принятия Александром II «Городового положения», на основании которого в 44 городах Российской империи были созданы все сословные органы городского самоуправления. К этим органам относятся: городская дума (представительный орган) и городская управа (исполнительный орган).

Революционные настроения 1905 года стали одной из основных причин создания общероссийского представительного органа. Так, 06 августа 1905 года Николай II обнародовал Высочайший манифест «Об учреждении Государственной Думы». 17 октября 1905 года был издан манифест, в котором населению были дарованы «основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». В декабре 1905 года был издан закон о порядке выборов в Государственную думу. На основании этого закона были учреждены 4 избирательные курии: землевладельческая, городская, крестьянская и рабочая. 20 февраля 1906 года было принято новое «Учреждение Государственной Думы». Государственный Совет превратился в верхнюю палату российского парламента, половина членов которого назначалась императором, а половина – избиралась. Государственная Дума стала полностью выборной.

Роспуск двух Дум уже к 1907 году привел к необходимости реформы избирательного законодательства. 02 июня 1907 года Николай II подписал

манифест «О роспуске Государственной Думы и времени созыва новой Думы и об изменении порядка выборов в Государственную Думу». Система выборов приобрела многоступенчатый характер.

Следующий важнейший этап развития избирательного процесса начался с революции 1917 года. После свержения действующей власти временное правительство начало разработку проекта «Положения о выборах во Всероссийское учредительное собрание». Проект был закончен в августе и включал невероятно прогрессивные положения, можно сказать, что этот проект стал отправной точкой для установления демократии в нашей стране. Положения проекта заключались в установлении:

- всеобщего равного избирательного права;
- прямых выборов и тайного голосования;
- пропорциональной системы выборов.

Не менее важным этапом развития избирательного процесса стало принятие 04 ноября 1926 года «Инструкции о выборах в Советы». Этот юридический акт закрепил основные избирательные процедуры, установил сроки организации и проведения выборов, тем самым утвердив все организационные сложности.

Принятие Конституции РСФСР 1937 года изменило избирательную систему. Была создана Центральная избирательная комиссия по выборам в Верховный Совет СССР. Также были сформированы республиканские (областные) и окружные избирательные комиссии по выборам в Совет Национальностей Верховного Совета СССР, а в каждом избирательном округе по выборам в Совет Союза была создана окружная избирательная комиссия. На низовом уровне были сформированы участковые избирательные комиссии, обслуживающие территории избирательных участков.

После окончания Второй мировой войны советское государство тяжело и долго восстанавливалось, по этой причине весомых нововведений в избирательное право не было довольно долго. Нововведения несли скорее вынужденный характер, а не инновационный или революционный. Так 12 декабря 1945 года «Постановлением Президиума Верховного Совета СССР» была введена новая форма голосования вне избирательных участков. В 1946 году к выборам были допущены советские граждане, находящиеся за пределами СССР. В этом же году была санкционирована возможность голосования лиц, находящихся под следствием, если они не были лишены избирательных прав по приговору суда.

Конституция СССР 1977 года закрепила основные принципы избирательного права: всеобщее равное и прямое избирательное право при тайном голосовании, а также, внесла определенные изменения в избирательную систему. Закон 1987 года «О выборах народных депутатов СССР» ввел в обиход принцип состязательности кандидатов.

Закон «О выборах народных депутатов СССР» был принят 01 декабря 1988 года, на его основании 26 марта 1989 года в СССР состоялись выборы народных депутатов, впервые в советской практике проходившие на альтернативной основе, то есть с участием нескольких кандидатов.

Закон «О выборах народных депутатов РСФСР» был принят 27 октября 1989 года, на его основании 04 и 18 марта 1990 года состоялись выборы народных депутатов. По результатам выборов был сформирован Съезд народных депутатов РСФСР, а затем и Верховный Совет РСФСР, состоящий из двух палат – Совета Республики и Совета Национальностей.

12 июня 1991 года состоялись выборы Президента РСФСР, им был избран Б.Н. Ельцин.

Заключительный этап развития избирательного процесса начался в 1993 году с апрельского референдума, суть которого заключалась в обсуждении двух проектов избирательной системы. Обсуждения продлились до 21 сентября, и спор был разрешен указом президента РФ «О поэтапной конституционной реформе в РФ». На основании указа Съезд народных депутатов РФ и Верховный Совет РФ были распущены и учреждено Федеральное Собрание РФ, состоящее из двух палат – Совета Федерации и Государственной Думы.

Указ Президента РФ от 01 октября «Положения о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 году» закрепил отредактированный проект Шейниса. В положении впервые был реализован принцип открытости и гласности выборов посредством установления института общественного контроля. 12 декабря 1993 года состоялись выборы депутатов Государственной Думы [6].

После принятия Конституции началось ее дополнение и уточнение за счет принятия ФЗ. Так 6 декабря 1994 года был принят ФЗ № 56 «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации». Этот закон послужил основой для формирования множества специальных федеральных законов о выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ и о выборах Президента РФ, а также, соответствующих ему избирательных законов субъектов РФ.

Следующим шагом стало принятие 21 июня 1995 года ФЗ № 90 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и 17 мая 1995 г. № 76ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации». Принятые ФЗ завершили первичное формирование федеральной подсистемы избирательного законодательства в Российской Федерации.

Дальнейшее развитие было направлено на региональную систему избирательного процесса. Так, 26 ноября 1996 года был принят ФЗ № 138 «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления». Этот ФЗ закрепил законодательные гарантии назначения и проведения выборов в органы местного самоуправления, реализации избирательных прав граждан на этих выборах.

В дальнейшем, система избирательного права была дополнена понятием «референдум», и развитие правовой системы шло именно по пути объединения и согласования этих схожих понятий.

К развитию избирательного процесса вернулись спустя 3 года. Так, 24 июня 1999 года был принят ФЗ № 121 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и 31 декабря 1999 года был принят ФЗ № 228 «О выборах Президента Российской Федерации». Оба ФЗ, по сути, незначительно дополнили предшествующие им юридические акты, регулирующие эти вопросы.

2000 год ознаменовался не только началом нового века, но и началом создания действующей по сей день избирательной системы. Доклад ЦИК России «О развитии и совершенствовании законодательства РФ о выборах и референдуме», определил основные направления работы по дальнейшему совершенствованию системы правового регулирования выборов и референдума в России. На основании тезисов этого доклада было сформировано множество ФЗ, регулирующих избирательный процесс уже более 20 лет с незначительными правками и изменениями. В качестве гарантии избирательных прав граждан РФ была введена система – ГАС «Выборы», позволяющая получить доступ к достоверной и полной информации о выборах любому человеку в любой момент времени. ФЗ от 10 января 2003 года № 20 «О государственной автоматизированной системе РФ «Выборы»» урегулировал порядок применения этой системы.

Дальнейший анализ правоприменительной практики выявил ряд существенных проблем избирательного процесса и системы в целом. Для разрешения этих проблем были приняты 18 мая 2005 года ФЗ № 51 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ» и 21 июля 2005 года ФЗ № 93 «О внесении изменений в законодательные акты РФ о выборах и референдумах и иные законодательные акты РФ».

Последующие годы развитие избирательной системы заключается во внесении правок и изменений в действующее законодательство. Эти изменения корректируют многие аспекты правового регулирования [2].

Избирательная система России находится в процессе постоянного изменения законодательства о выборах. В.П. Казимирчук высказывается об этом как о «неконтролируемой правовой инфляция» [4].

А.Г. Головин, который уже ранее упоминался в работе, предполагает, что тенденция развития избирательного законодательства ожидает дальнейшее усложнение и эрозию системной основы [1].

Помимо этого, в работе по теме совершенствования системы избирательного законодатель-

ства А.Г. Головин совместно с Е.И. Козловой уже давно высказались о необходимости придания системности и стабильности избирательному

законодательству. Однако их идеи и предложения до сих пор остаются неактуальными [3].

Литература:

1. Головин А.Г. Эволюция системы избирательного законодательства РФ: тенденции и перспективы. М., 2008. С. 312.
2. Головин А.Г. Избирательное право и избирательный процесс в РФ. Норма, 2016. С. 351.
3. Козлова Е.И. Направления дальнейшего совершенствования системы избирательного законодательства в РФ / Е.И. Козлова, А.Г. Головин // Избирательное законодательство и выборы в регионах: теория и практика. М., 2005. С. 59–67.
4. Кудрявцев В.Н. Конфликт закона и правовая реформа / В.Н. Кудрявцев // Государство и право. 1997. № 12. С. 544.
5. Нарутто С.В. Конституционное право России / С.В. Нарутто, Н.Е. Таева. РИОР, 2021. С. 488.
6. Соловьев Д.В. Выборы в Ленинградской области: от прошлого к будущему! / Д.В. Соловьев, А.А. Смирнова. СПб., 2017. С. 117.

Literature:

1. Golovin A.G. Evolution of the system of electoral legislation of the Russian Federation: trends and prospects. M., 2008. P. 312.
2. Golovin A.G. Electoral law and electoral process in the Russian Federation. Norma, 2016. P. 351.
3. Kozlova E.I. Directions for further improvement of the electoral legislation system in the Russian Federation / E.I. Kozlova, A.G. Golovin // Election legislation and elections in the regions: theory and practice. Moscow, 2005. P. 59–67.
4. Kudryavtsev V.N. Conflict of the law and legal reform / V.N. Kudryavtsev // State and law. 1997. № 12. P. 544.
5. Naruto S.V. Constitutional law of Russia / S.V. Naruto, N.E. Taeva. RIOR, 2021. P. 488.
6. Soloviev D.V. Elections in the Leningrad Region: from the past to the future! / D.V. Soloviev, A.A. Smirnova. SPb., 2017. P. 117.

Тушев Александр Александрович

доктор юридических наук,
профессор,
заведующий кафедрой
уголовного процесса,
Кубанский государственный
аграрный университет
tushev-a@mail.ru

Кuemжиева Светлана Александровна

доктор юридических наук,
профессор,
заведующая кафедрой
международного частного
и предпринимательского права,
Кубанский государственный
аграрный университет
kgau-uf@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПЕРЕМЕЩЕНИИ ЛИЦ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В МЕСТАХ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ

Аннотация. В статье на межотраслевом уровне на основе анализа уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства исследуются проблемы перемещения лиц, задержанных в качестве подозреваемых, подозреваемых и обвиняемых, заключенных под стражу, осужденных, содержащихся в местах лишения свободы и привлеченных по новому уголовному делу в качестве подозреваемых, обвиняемых и заключенных под стражу, а также привлеченных в качестве свидетелей и потерпевших. Предлагается внести дополнение в нормативные акты о порядке перемещения, конвоирования указанных лиц и их ответственности за правонарушения, допускаемые во время их перемещения.

Ключевые слова: места содержания под стражей, перемещение обвиняемых, подозреваемых, лишенных свободы в другие регионы, транспортные средства, конвой.

Как известно, лица, задержанные в качестве подозреваемых, обвиняемые и подозреваемые, в отношении которых избрана мера пресечения в виде содержания под стражей, содержатся в местах, перечень которых определен ст. 7 Закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (в дальнейшем ФЗ О содержании под стражей) – это – следственные изоляторы (далее – СИЗО), изоляторы временного содержания (далее – ИВС). В случаях, предусмотрен-

Alexander A. Tushev

Doctor of Law,
Professor,
Head of Department
Criminal Proceedings,
Kuban State
Agrarian University
tushev-a@mail.ru

Svetlana A. Kuemzhieva

Doctor of Law,
Professor,
Head of the Department
of International
Private and Business Law,
Kuban State Agrarian University
kgau-uf@mail.ru

SOME PROBLEMS THAT ARISE WHEN MOVING PERSONS HELD IN PLACES OF DETENTION

Annotation. At the intersectoral level, based on the analysis of criminal procedure and penal enforcement legislation, the article examines the problems of the movement of persons detained as suspects, suspects and accused, remanded in custody, convicted persons held in places of deprivation of liberty and involved in a new criminal case as suspects, accused and remanded in custody, as well as those involved as witnesses and victims. It is proposed to make an addition to the regulations on the procedure for moving, escorting these persons and their responsibility for offenses committed during their movement.

Keywords: places of detention, transfer of accused persons, suspects deprived of liberty to other regions, vehicles, convoy.

ных законом, местами содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых могут являться учреждения УИС, исполняющие уголовное наказание в виде лишения свободы (далее – учреждения, исполняющие наказания), и гауптвахты [1].

При необходимости, данные лица могут перемещаться из указанных мест в помещения судов, переводиться из СИЗО и мест лишения свободы за пределы населенных пунктов, где они расположены, в другой регион в СИЗО или ИВС на

судебные заседания, для производства следственных действий, для производства судебной экспертизы, оказания медицинской помощи (ст. 10, 28 ФЗ О содержании под стражей) и обратно. Также, к месту производства следственных действий могут перемещаться осужденные к лишению свободы, привлеченные в качестве свидетелей, потерпевших (ст. 77.1 УИК РФ).

Данные лица перевозятся под конвоем в автомобилях, поездах, самолетах, речных и морских судах. Условия их перемещения (раздельное содержание мужчин и женщин, несовершеннолетних и взрослых, обеспечение необходимых материально-бытовых и санитарно-гигиенических условий, обеспечение одеждой по сезону, питанием и т.д.) регулируется как вышеназванными законами, так и ведомственными актами

Перемещаемые лица могут допускать всевозможные нарушения условий содержания. Нередки случаи, когда перемещаемые лица совершают в отношении лиц конвойного подразделения провокационные действия с целью вызвать их ответную реакцию в виде применения физической силы, спец. средств, допускают неповиновение (выкрикивают нецензурные слова, оскорбляют, угрожают, расшатывают спец. автомобиль, прыгают в нем и т.п.).

Масштабы скрытых правонарушений при конвоировании в точности никому не известны. По некоторым оценкам, незаявленные правонарушения, совершаемые спецконтингентом при конвоировании, составляют около 80 % и более от фактически совершенных правонарушений [2, с. 10–11]. Применение к подобным лицам мер взыскания, предусмотренных ФЗ О содержании под стражей, должностными лицами органа дознания (начальником органа дознания, который руководит соответствующими конвойными структурами или соответствующими должностными лицами), не представляется возможным.

На сегодняшний день сложилась практика, основанная на «закрытых» предписаниях МВД РФ, при которой к перемещаемым лицам, допустившим нарушения порядка содержания при конвоировании, применяются меры взыскания по прибытии подозреваемых, обвиняемых, осужденных в стационарные места своего пребывания. Должностные лица конвойных подразделений, выявившие правонарушение, применить самостоятельно меру взыскания не вправе. Они передают соответствующие материалы должностным лицам стационарных мест для проведения соответствующей проверки и принятия решения о мере взыскания.

Таким образом, имеет место ситуация, при которой сотрудники органа дознания выявляют правонарушения при конвоировании, а другие органы, не выполняющие эту функцию, а осуществляющие функцию содержания под стражей, проводят проверки по выявленным правонарушениям и накладывают дисциплинарные взыскания.

Отсутствие у должностных лиц конвоя полномочий своевременно «наказать» правонарушителя

порождает у последнего чувство безнаказанности при осуществлении, например, повторного перемещения.

Полагаем, что необходимо урегулировать данный вопрос нормами ФЗ О содержании под стражей и УИК РФ, предоставив полномочия должностным лицам конвойных подразделений проводить проверку по выявленному правонарушению, с последующей передачей материалов начальнику органа дознания, в ведении которого находятся конвойные подразделения (в случае перемещения лиц в СИЗО), или начальнику исправительного учреждения (в случае перемещения их в исправительные учреждения) для наложения взыскания. Копию постановления о наложении взыскания немедленно направлять надзирающему прокурору.

В целях изменения для себя «обстановки» по причинам конфликта или просто развлечься, некоторые осужденные, которые, как правило, используют «явку с повинной», сознаваясь в тех преступлениях, которые они не совершали, оговаривая себя для того, чтобы быть этапированными к месту производства расследования по уголовному делу, а затем переведенными в другие места для отбывания лишения свободы.

После перевода в СИЗО в качестве подозреваемого и проведения с их участием следственных действий, например, проверки показаний на месте, выясняется их непричастность к расследуемому преступлению. Такие осужденные «катаются по этапам», используют материальные ресурсы, занимают служебное время должностных лиц уголовно-исполнительной системы, должностных лиц конвойных подразделений, а также, должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование. «Комфортную обстановку», дозволенную законом, несмотря на «жесткие» условия содержания в СИЗО, а также, при конвоировании, подобные лица создают для себя за счет государства, отвлекая из бюджета значительные средства. Но, с точки зрения законодательных предписаний, они не являются нарушителями установленного порядка исполнения и отбывания наказания и не могут быть привлечены к дисциплинарной или материальной ответственности [3, с. 41–50]. В этой связи, относительно необоснованно «катающихся по этапам», как нам представляется, следует привлекать к материальной ответственности по основанию «за ущерб, причиненный иными действиями осужденных, – в размерах, предусмотренных гражданским законодательством Российской Федерации», в соответствии с ч. 1 ст. 102 УИК РФ и ст. 41 ФЗ О содержании под стражей. Размер материального ущерба, причиненного государству подозреваемым или обвиняемым, определяется постановлением начальника места содержания под стражей (ст. 41 ФЗ О содержании под стражей).

На основании проведенного исследования предлагается:

1. Наделить определенный круг должностных лиц конвойных подразделений проводить про-

верки по фактам совершения правонарушений во время конвоирования и регламентировать процессуальный порядок такой проверки.

2. В качестве ответственности за правонарушения, совершаемые лицами во время их перемещения, не предоставлять им права льготного зачета срока содержания под стражей в срок уголовного наказания, предусмотренный ст. 72 УК РФ [4, с. 45–50].

3. В ФЗ О содержании под стражей внести новый раздел под наименованием «Особенности содержания под стражей перемещаемых лиц».

Обозначить в нем:

– что понимается под этими местами; при каких основаниях, условиях подозреваемые, обвиняемые могут в них содержаться;

– каковы условия содержания, их права и обязанности, а также, виды применяемых к ним запретов;

Литература:

1. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: ФЗ от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ. URL : <http://base.garant.ru/1305540>

2. Александров А.С. Некоторые особенности привлечения к юридической ответственности осужденных, подозреваемых и обвиняемых, совершивших нарушения установленного порядка при конвоировании / А.С. Александров, В.В. Бочкарев // Вестник Кузбасского института. 2019. № 2 (39).

3. Малин П.М. Оставление осужденного в следственном изоляторе либо его перевод в следственный изолятор из исправительного учреждения в порядке статьи 77.1 уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в аспекте прогрессивной системы исполнения и отбывания лишения свободы / П.М. Малин // Уголовно-исполнительное право. 2020. т. 15. № 1.

4. Дашин А.В. Зачет времени содержания под стражей, домашнего ареста и запрета определенных действий в срок наказания в аспекте прогрессивных систем исполнения и отбывания уголовных наказаний и мер уголовно-правового характера / А.В. Дашин, П.М. Малин, А.В. Пивень // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 1.

– кого следует понимать под начальником конвоя, в чем особенности его правового статуса и иных лиц, имеющих отношение к выполнению функции конвоирования;

– каковы правила наложения взысканий к лицам, допустившим нарушения в период конвоирования; в чем особенности привлечения к материальной ответственности перемещаемых лиц за причиненный государству материальный ущерб и т.п.

Кроме этого, регламентировать порядок пребывания под конвоем в специальных транспортных средствах, помещениях суда, иных помещениях лиц, осужденных к лишению свободы, признанных по новому уголовному делу подозреваемыми, обвиняемыми, свидетелями и потерпевшими и переведенных в данное учреждение в порядке ст. 77.1 УИК РФ для производства следственных действий или участия в судебном разбирательстве.

Literature:

1. On the detention of suspects and accused of committing crimes: Federal Law № 103-FZ dated 15.07.1995. URL : <http://base.garant.ru/1305540>

2. Alexandrov A.S. Some features of bringing to legal responsibility convicts, suspects and accused who committed violations of the established order during escorting / A.S. Alexandrov, V.V.Bochkarev // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2019. № 2(39).

3. Malin P.M. The abandonment of a convicted person in a pre-trial detention facility or his transfer to a pre-trial detention facility from a correctional institution in accordance with Article 77.1 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation in the aspect of a progressive system of execution and serving of imprisonment / P.M. Malin // Penal Enforcement Law. 2020. Vol. 15. № 1.

4. Dashin A.V. Offset of the time of detention, house arrest and prohibition of certain actions during the term of punishment in the aspect of progressive systems of execution and serving of criminal penalties and measures of a criminal legal nature / A.V. Da-shin, P.M. Malin, A.V. Piven // Bulletin of the Samara Law Institute. 2019. № 1.

Чимаров Сергей Юрьевич

доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры управления
персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
serg120756@gmail.com

Тонышев Александр Владимирович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры управления
персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
alben2011@mail.ru

Косолапов Алексей Дмитриевич

кандидат педагогических наук,
доцент,
начальник кафедры управления
персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
a.kosolapov@mail.ru

**ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ
ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ
НОРМАТИВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ
ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ПРОБАЦИИ**

■ ■ ■

Аннотация. В статье представлен анализ сущностных аспектов нормативного правового закрепления отдельных положений зарубежного законодательства для сферы пробации, применение которой способствует решению вопросов ресоциализации, социальной адаптации и реабилитации субъектов, относящихся к разряду клиентов пробации. Выявляя роль полицейской институции в общей конструкции зарубежного механизма пробации, авторы выдвигают гипотезу о сопряженности правоохранительной миссии полиции с решением комплекса правозащитных действий, осуществляемых на государственном уровне, что позволяет оценивать полицейскую службу с позиций ее обязательной нацеленности на решение социально-значимых задач, стоящих перед обществом.

Ключевые слова: права человека, пробация, полиция, закон, нормативное положение, условное осуждение, этика.

■ ■ ■

Sergey Yu. Chimarov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
serg120756@gmail.com

Alexander V. Tonyshev

Candidate of of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
alben2011@mail.ru

Alexey D. Kosolapov

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Personnel
Management and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
a.kosolapov@mail.ru

**ISSUES OF ENSURING HUMAN
RIGHTS IN THE CONTEXT
OF NORMATIVE PROVISIONS
OF FOREIGN LAW ON PROBATION**

■ ■ ■

Annotation. The article presents an analysis of the essential aspects of the normative legal consolidation of particularly aggressive legislation for the range of probation, the application of which significantly affects the resocialization of the decision, social adaptation and the development of phenomena arising from the category of probation among clients. The role of the design of police institutions in the general foreign probation mechanism is revealed, the authors put forward a suspicion of the danger of an emergency in the field of human rights protection, emergencies at the state level, which allows evaluating the police service with its positions of mandatory responsibility in solving socially important tasks facing society.

Keywords: human rights, probation, police, law, regulation, probation, ethics.

■ ■ ■

Появившаяся в России (январь 2022 г.) официальная информация относительно работы над проектом Федерального закона «О системе пробации в Российской Федерации» и сопутствующая ей серия публикаций в печатных СМИ и социальных сетях об эвентуальном изменении системы работы с лицами, в отношении которых применяются конкретные нормы уголовного законодательства, способствовали формированию нового «всплеска внимания» к проблеме защиты прав и свобод человека и гражданина в нашей стране. Согласно сообщению Минюста России, интегрирование в область работы с людьми, нарушившими действующее законодательство и в силу означенного заслуживающими уголовного наказания, новых подходов к их исправлению, позволит стандартизировать общий порядок организации и осуществления контроля за лицами, которые в судебном порядке:

- 1) осуждены к наказаниям, не предполагающим безусловную изоляцию этих лиц от «открытого» нахождения в социуме;
- 2) осуждены условно или освобождены от наказания условно-досрочно [3].

Апеллируя к вопросу пробации, мы замечаем, что в теории и практике зарубежной правозащитной деятельности термин «пробация» как форма условного осуждения (от англ. «probation» - испытание) понимается в трех измерениях:

1. Метод обращения с правонарушителями, виновными в незначительных преступлениях или первых правонарушениях, и которым разрешено выйти на свободу под надзор сотрудника службы пробации.
2. Состояние условно-освобожденного лица.
3. Отсрочка исполнения приговора лицу, осужденному, но еще не отбывающему наказание, при условии хорошего поведения и регулярной явки к сотруднику службы пробации [6].

В уголовном праве термин «пробация» применяется к уголовному сроку как периоду надзора за правонарушителем, назначаемому судом вместо уголовного наказания в виде лишения свободы. Указанная форма условного осуждения и соответствующего испытания, в плане исправления конкретными лицами из числа правонарушителей своего поведения под контролем служащих института пробации, широко практикуется во многих зарубежных странах. Принимая во внимание нормативные положения в части регламентирования системы пробации в ряде данных стран, мы акцентируем внимание на опыте реализации отмеченного в Республике Филиппины, Республике Казахстан и Кыргызской Республике. В Республике Филиппины действие механизма пробации закреплено в 33 секциях Декрета Президента Республики Филиппины № 969 «О пробации» (1976 г.) [5], последующие изменения в который внесены Актом Республики № 10707 (2015 г.) [8] и рядом других нормативных правовых актов. Основная терминология Декрета №

969 закреплена в пунктах а) – с) секции 3 Декрета № 969. В частности, термин «пробация» означает положение, согласно которому подсудимый после осуждения и вынесения приговора освобождается на условиях, установленных судом, и под надзором сотрудника службы пробации. Под термином «испытуемый» (англ. «Probationer») понимается лицо, проходящее испытательный срок. Термин «сотрудник службы пробации» (англ. «Probation Officer») относится к лицу, которое готовит обоснование для направления лица на испытательный срок в судебном порядке или руководит испытуемым в ходе прохождения им этого срока. Согласно нормам секции 14, испытательный срок подсудимого, осужденного к лишению свободы на срок до одного года, не может превышать двух лет, а во всех остальных случаях указанный срок не может превышать шести лет. Если приговором предусмотрен только штраф и правонарушитель приговорен к дополнительному тюремному заключению в случае неплатежеспособности, испытательный срок не может быть меньше и не более чем двукратное общее количество дней дополнительного тюремного заключения, рассчитанное по ставке, установленной в ст. 139 Уголовного кодекса.

В Кыргызской Республике Законом от 24 февраля 2017 г. № 34 «О пробации» [6] закреплён следующий свод вопросов об институте пробации:

- 1) целеполагание и задачи;
- 2) правовая база, основные понятия и принципы;
- 3) перечень клиентов и их правовой статус;
- 4) основные формы и виды;
- 5) положения о видах пробации (досудебная; исполнительная; пенитенциарная; постпенитенциарная).

Важное место в указанном законодательном акте отведено вопросам воспитательной работы с лицами, подпадающими под действие режима пробации и их социальной реабилитации, трудовой деятельности клиентов пробации, а также оказания им правовой, психологической и медицинской помощи, и ряд других вопросов.

Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 г. № 38-VI «О пробации» в основе своей повторяет отмеченные нормативные положения кыргызской правовой парадигмы института пробации, акцентируя при этом дополнительное внимание на субъектах, осуществляющих пробацию в пределах их полномочий и пробационный контроль по отношению к несовершеннолетним клиентам [1]. В русле темы нашего исследования, особое значение имеет фактор законодательного закрепления в ст. 8 Закона № 38-VI компетенции органов внутренних дел, в части реализации профилактической, аналитической, контрольной и профилактической функций по отношению к клиентам пробации, включая несовершеннолетних. По нашему мнению, учет фактора интегри-

рования органов внутренних дел в механизм практического воплощения пробационной миссии различных государственных институций, способствует проявлению особого внимания к вопросу общественного доверия национальной полиции. Данный тезис корреспондирует второму принципу «правоприменения», который сформулировал выдающийся английский полицейист Р. Пиль: «Способность полиции к выполнению своих обязанностей зависит от фактора доверия общества к необходимости существования полиции, ее действиям и поведению» (4, р. 33).

На наш взгляд, отдельного внимания заслуживает британская практика учреждения:

1) специального негосударственного органа в виде «Института пробации», предназначенного для поддержки практикующих специалистов в сфере пробации и общественного правосудия Великобритании [9];

2) профильного журнала, обобщающего достижения пробационного характера [10].

Литература:

1. Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 г. № 38-VI «О пробации» / Сайт официальных документов «§». URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36232217&pos=1;5#pos=1;5 (дата обращения 11.02.2022).
2. Закон Кыргызской Республики от 24 февраля 2017 г. № 34 «О пробации» / Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL : <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111517> (дата обращения 11.02.2022).
3. Минюст разрабатывает законопроект о системе пробации в РФ. 19 января 2022 г. // Официальный сайт «РАПСИ». URL : http://rapsinews.ru/legislation_news/20210119/306667782.html (дата обращения 04.02.2022).
4. *Чимаров С.Ю.* К вопросу о «принципах правоприменения» Роберта Пила в деятельности полиции / С.Ю. Чимаров // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3(75). С. 33–34.
5. Presidential Decree № 968 «Probation Law of 1976». Philippines. URL : <https://probation.gov.ph/wp-content/uploads/2016/10/References.pdf> (date of application 08.02.2022).
6. Probation in British English / Официальный сайт английского словаря Коллинза «Collins». URL : <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/probation> (date of application 14.02.2022).
7. Probation Institute. Code of Ethics. Revised December 2020. URL : <https://static1.squarespace.com/static/5ec3ce97a1716758c54691b7/t/6077fcc51b514306fac41ebb/1618476230561/Code+of+Ethics.pdf> (date of application 18.02.2022).

Наряду с отмеченным, небезынтересным является британский опыт по разработке «Кодекса этики», которым руководствуется профессиональная корпорация специалистов, занятых в сфере пробации [7].

Подводя итог изложенному, мы приходим к следующим выводам:

– во-первых, задействие в области защиты прав человека института пробации выступает свидетельством упрочения позиций государства на пути его движения по направлению гарантированного обеспечения прав человека, что неотделимо от соблюдения в обществе ценностей демократии;

– во-вторых, несмотря на национальные особенности нормативного правового закрепления сущностных параметров института пробации в каждом отдельном государстве, общие контуры решения вопросов, сопряженных с реализацией государственной политики в сфере пробации, соответствуют универсальным мировым стандартам отмеченного направления деятельности по обеспечению прав человека.

Literature:

1. Republic of Kazakhstan № 38-VI «On Probation» dated December 30, 2016/Website of official documents «§». URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36232217&pos=1;5#pos=1;5 (date of application 11.02.2022).
2. Law of the Kyrgyz Republic of February 24, 2017 № 34 «On probation» / Official website of the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic. URL : <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111517> (date of application 11.02.2022).
3. The Ministry of Justice is developing a bill on the probation system in the Russian Federation. January 19, 2022//Official website of RAPS. URL : http://rapsinews.ru/legislation_news/20210119/306667782.html (date of application 04.02.2022).
4. *Chimarov S.Yu.* To the question of the «principles of law-application» of Robert Peel in police activities / S.Yu. Chimarov // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 3(75). P. 33–34.
5. Presidential Decree № 968 «Probation Law of 1976». Philippines. URL : <https://probation.gov.ph/wp-content/uploads/2016/10/References.pdf> (date of application 08.02.2022).
6. Probation in British English / Официальный сайт английского словаря Коллинза «Collins». URL : <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/probation> (date of application 14.02.2022).
7. Probation Institute. Code of Ethics. Revised December 2020. URL : <https://static1.squarespace.com/static/5ec3ce97a1716758c54691b7/t/6077fcc51b514306fac41ebb/1618476230561/Code+of+Ethics.pdf> (date of application 18.02.2022).

8. Republic Act № 10707 «Amending Presidential Decree № 968». 2015. URL : <https://probation.gov.ph/wp-content/uploads/2016/01/Republic-Act-No.-10707-Probation-Law-as-Amended-PD-968.pdf> (date of application 05.02.2022).

9. *Ritchie B.* The Probation Institute: support for professionals in probation and community justice / B. Ritchie, C. Sinclair. URL : <https://www.cep-probation.org/the-probation-institute-support-for-professionals-in-probation-and-community-justice/> (date of application 17.02.2022).

10. The Probation Institute: More than an afterthought? // Probation Journal. 2014. Vol. 61(1). P. 3–7.

8. Republic Act № 10707 «Amending Presidential Decree № 968». 2015. URL : <https://probation.gov.ph/wp-content/uploads/2016/01/Republic-Act-No.-10707-Probation-Law-as-Amended-PD-968.pdf> (date of application 05.02.2022).

9. *Ritchie B.* The Probation Institute: support for professionals in probation and community justice / B. Ritchie, C. Sinclair. URL : <https://www.cep-probation.org/the-probation-institute-support-for-professionals-in-probation-and-community-justice/> (date of application 17.02.2022).

10. The Probation Institute: More than an afterthought? // Probation Journal. 2014. Vol. 61(1). P. 3–7.

Шеховцов Виктор Афанасьевич

Заслуженный юрист
Российской Федерации,
кандидат юридических наук,
профессор кафедры конституционного
и административного права,
Юридическая школа Дальневосточного
федерального университета
parlament6348@mail.ru

Козгова Светлана Ивановна

магистрант 2 курса,
Дальневосточный
федеральный университет
svetlana.19-98@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. На основе проведенного анализа авторы рассматривают основные черты и специфические особенности правового регулирования общественных отношений, возникающих в ходе конституционного судопроизводства, предлагают пути решения проблем. Процессуальные нормы, регламентирующие работу Конституционного суда и судей, характеризуются существенными особенностями, в том числе, специфической терминологией, субъектами, стадиями. Конституционной практике в России необходимы дальнейшие исследования, научно-обоснованные предложения способов решения актуальных вопросов с целью оптимизации, повышения эффективности работы Конституционного суда Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституционный суд Российской Федерации, конституционное правосудие, конституционно-процессуальные нормы Конституции Российской Федерации и Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации», стадии конституционного судопроизводства, принципы конституционного судопроизводства, субъекты стадий конституционного судопроизводства.

Более четверти века действует Конституция Российской Федерации, изменившая в значительной степени судебную систему нашей страны. Впервые за всю историю государства судебные органы превратились в органы реальной судебной власти, независимой ни от монарха, ни от политической партии. Независимость судебной власти, без которой создатели теории разделения властей не мыслили правового госу-

Viktor A. Shekhovtsov

Honored Lawyer
of the Russian Federation,
Candidate of Legal Sciences,
Professor of the Department
of Constitutional and Administrative Law,
Far Eastern Law School
of the Federal University
parlament6348@mail.ru

Svetlana I. Kozgova

Master of 2 courses,
Far East Federal University
svetlana.19-98@mail.ru

CURRENT ISSUES OF PROCEEDING ACTIVITIES OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. On the basis of the analysis, the authors consider the main features and specific features of the legal regulation of social relations arising in the course of constitutional proceedings, suggest ways to solve problems. The procedural norms governing the work of the Constitutional court and judges are characterized by significant features, including specific terminology, subjects, and stages. The constitutional practice in Russia needs further research, evidence-based proposals for ways to solve pressing issues in order to optimize and increase the efficiency of the work of the Constitutional court of the Russian Federation.

Keywords: Constitutional court of the Russian Federation, constitutional justice, constitutional procedural norms of the Constitution of the Russian Federation and the Federal Constitutional Law «On the Constitutional court of the Russian Federation», stages of constitutional legal proceedings, principles of constitutional legal proceedings, subjects of stages of constitutional legal proceedings.

дарства, реализована в том числе и в ее организации – в структурном построении ее органов. Как отмечалось в одном из посланий Президента Российской Федерации, роль «судебной системы» состоит в том, чтобы оградить экономику, граждан от мошенничества и преступников и защитить права, собственность, достоинство всех, кто соблюдает закон, честно ведёт своё дело» [1, с. 2]. Сказанное относится в первую очередь к

Конституционному Суду РФ – новому для организации российского государства органу судебной власти. Его основная функция – «осуществление конституционного контроля в целях защиты... основных прав и свобод человека и гражданина» [2, с. 539]. Содержание конституционного контроля, осуществляемого Конституционным судом РФ, состоит в определении соответствия правовых актов нормам, установленным в Конституции Российской Федерации, а также в восстановлении режима конституционного правового регулирования (при обнаружении этого несоответствия). Полномочия, порядок образования и деятельности Конституционного Суда устанавливаются федеральным конституционным законом (ст. 128 Конституции РФ [3]).

Основная проблема современного законодательства (или законодателей) – падение качества принимаемых законов, стремление закрепить неправильные варианты решения сложных проблем, а также, порой, интересы отдельных лоббирующих групп. К сожалению, противники цивилизованного правового регулирования лоббистских общественных отношений до сих пор препятствуют созданию законодательства о лоббизме (на рассмотрение Государственной Думы Российской Федерации в разное время были внесены пять законопроектов, но ни один из них не был принят) [4, с. 36]. Такое отношение к федеральному правотворчеству должно лишь усилить значение органа, сдерживающего появление в федеральных законах норм, противоречащих основам конституционализма, ущемляющих конституционные права личности в России. Конституционный Суд РФ приобретает в современной судебной системе России особое значение, актуальное для специального исследования.

Конституционалисты указывают на некоторые, на их взгляд, недостатки правового регулирования. Например, Г.А. Марокко отмечает, что ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – ФКЗ) [5], вопреки нашей правовой традиции, не содержит единого института подведомственности. Этот институт определяется через систему категорий, в отношении которых возникает ощущение их заимствования: «поводы», «основания» к рассмотрению дела в Суде; «допустимость» обращения в Суд; «пределы проверки» и т.п. Таким образом, субъективное «право на обращение» (еще одна категория данного ФКЗ), опосредованное еще целой системой внутриорганизационных категорий, заменяет достаточно давно сложившийся и устоявшийся отечественный институт подведомственности, что, как представляется, не способствует защите прав граждан, а лишь усложняет ее. Это же обстоятельство «порождает широкое «усмотренческое» начало» [6, с. 14–21]. То обстоятельство, что в результате долгой правоприменительной практики отечественной юриспруденции все же удалось выработать единые стандарты обращения в Конституционный Суд РФ, никак не оправдывает те сложности защиты в нем политических и социальных прав, на которые давно указывали специалисты [7, с. 25; 8, с. 33]. Таким образом, налицо актуализация как объективных,

так и субъективных, теоретико-познавательных предпосылок для изучения полномочий Конституционного Суда РФ.

Нельзя также не отметить, что судебная власть не может оказаться в стороне от процессов изменения государственного аппарата, процессов организационного совершенствования правоприменительной деятельности. В рамках оптимизации судебной деятельности до сих пор остается нереализованной Концепция судебной реформы, предполагавшая появление самостоятельного института исполнения судебных актов, вынесенных Конституционным судом РФ.

Актуальность данной проблеме придают и изменения в федеральное конституционное законодательство, установивших, по существу, новый институт сокращенного (или «письменного» [8, с. 1581]) конституционного судопроизводства, основанного на применении судом ранее сформулированных правовых позиций [9]. Между тем, эти изменения нуждались в отдельном и специальном исследовании – тем более, что они попали под критику Венецианской Комиссии как связанные с «возможным нарушением принципа справедливого судебного разбирательства» и, соответственно, ослабившие «защиту положения граждан» [10].

Одна из основных проблем Общей части конституционного судопроизводства – компетенция Конституционного Суда РФ. С момента принятия нового законодательства 1994 г., она постепенно расширяется. Возможно, это вызвано тем авторитетом и правовым значением его актов, которые приобрел Конституционный Суд РФ. Для дальнейшего расширения компетенции Конституционного Суда РФ, если предпринимать ее с необходимой мерой осторожности, целесообразно следующее.

Во-первых, в настоящее время нормативные акты государственных органов и договоры проверяются Конституционным Судом не в целом (без ограничений), а лишь на определенные критерии:

- 1) по характеру (содержанию) акта;
- 2) по форме правового акта;
- 3) по порядку соблюдения правил правотворческого процесса, установленного для принятия проверяемого акта;
- 4) с позиций соответствия принципу разделения властей;
- 5) с позиций территориального (Федерация и ее субъекты) разграничения полномочий;
- 6) с позиций разграничения полномочий между высшими органами Федерации.

Возможно, правильно было бы устранить любые пределы или ограничивающие критерии для проверки Конституционным Судом РФ указанных актов.

Во-вторых, запрос на предмет конституционности не вступившего в силу международного соглашения также возможен, если оно должно быть ратифицировано органом государственной власти или если заявитель полагает его неконституционным. Однако правильнее было бы согласиться со специалистами, полагающими необходимым проверку на конституционность в порядке абстрактного нормоконтроля всех заключаемых международных договоров [11, с. 97], как это включено, например, в компетенцию Конституционного Совета Франции.

В-третьих, несмотря на наличие в административном и уголовном законодательстве общих санкций, налагаемых за неисполнение судебных актов, целесообразным нам представляется установление специального состава правонарушений, выражающегося в неисполнении любым гражданином или должностным лицом судебного акта Конституционного Суда РФ, поскольку, по данным Министерства юстиции, до сих пор неисполненными остаются порядка 50 его актов.

Рассматриваемый ФКЗ выделяет несколько стадий конституционного судопроизводства, посвящая каждой из них отдельную главу: стадия обращения в Конституционный Суд РФ регулируется Главой V, стадия предварительного рассмотрения обращения – Главой VI, стадия рассмотрения дела Конституционным Судом – Главой VII (что, очевидно, не соответствует общепринятой в российском судебном процессе стадии судебного разбирательства).

Стадия принятия обращения к рассмотрению в конституционном судопроизводстве – это деятельность не только Конституционного Суда РФ, но и Секретариата Конституционного Суда РФ по разрешению вопроса о возможности начала по такому обращению конституционного судопроизводства, состоящая в оценке законности формы, порядка подачи, соблюдения заявителем всех иных необходимых условий подачи обращения, а также, по оценке содержания жалобы с точки зрения ее допустимости, которая завершается вынесением решения по вопросу о принятии (непринятии) обращения.

Особый интерес представляет третья стадия – судебное разбирательство – центральная стадия любого судопроизводства. Однако рассматриваемый ФКЗ, основанный на принципах краткости и процессуальной экономии, принятых в конституционном судопроизводстве более, чем в каком-либо другом, фактически не упоминает данную стадию, регулируя лишь судебное заседание Конституционного Суда РФ и принятые по делу решения.

Между тем, с точки зрения теории познания, данная стадия – важнейшая для принятия решения по делу, рассматриваемому Конституционным Судом РФ. На этой стадии заслушиваются стороны, окончательно формулируются аргументы за и против противоположных точек зрения, происходит непосредственное восприятие судьями конкретной спорной ситуации, выносятся коллективное решение, формулируется особое,

отличное от общего, мнение того или иного судьи, которое также подлежит опубликованию наряду с решением большинства.

Проблема состоит еще и в том, что, получая примерно по 12–14 тысяч жалоб в год, Конституционный Суд РФ в настоящее время назначает рассмотрение дел почти на год вперед, что также не способствует эффективности судебной защиты и даже ставит вопрос о соблюдении разумного срока рассмотрения дел данным Судом с позиций прав человека. Следовательно, развитие правового регулирования стадии судебного разбирательства в конституционном судопроизводстве должно поставить одной из своих задач дальнейшую оптимизацию судебной процедуры, с сохранением требований состязательности и непосредственности.

Само это понятие применяется лишь раз, к принципу устности судебного разбирательства. Поэтому выделение данной стадии в конституционном судопроизводстве возможно не на основе закона, а лишь на основе общетеоретических положений судебного процесса.

Эта стадия характеризуется следующими специальными, т.е. присущими только ей (но закрепленными наряду с общими) принципами конституционного судопроизводства: коллегиальность, гласность, устность разбирательства, непрерывность судебного заседания, состязательность и равноправие сторон. В частности, статья 35 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» устанавливает, что стороны пользуются равными правами и возможностями по отстаиванию своей позиции на основе состязательности в заседании Суда, а также в случае разрешения дел Судом в порядке ст. 47.1 данного ФКЗ.

Также, нельзя не отметить, что, несмотря на все значение стадии судебного разбирательства, рост числа правовых позиций Конституционного Суда РФ позволяет ему прибегнуть к отступлению от принципа устности и непосредственности, состоящему в переходе, при разрешении дел, по которым уже существуют правовые позиции, ранее высказанные Конституционным Судом РФ, в, так называемой, письменной форме. Решение по таким делам выносится на основе уже существующих правовых позиций, высказанных по прежде рассмотренным Конституционным Судом РФ («прецедентным») делам. Соответственно, рост числа прецедентов Конституционного Суда РФ приводит к росту числа дел, которые могут быть рассмотрены без проведения судебного разбирательства.

В то же время, значение устного и непосредственного контакта сторон в судебном разбирательстве между собой и с Конституционным Судом нельзя недооценивать:

– во-первых, устное разбирательство в ряде случаев способно ускорять производство (для чего и установлены правила объяснений сторон Суду, вопросов Суда сторонам);

– во-вторых, такое разбирательство создает открытость, информационную прозрачность, ясность как фактической, так и правовой ситуации, которую разрешает Суд, равно как и открытость, прозрачность и самого процесса принятия решения (что в Европе охватывается принципом транспарентности);

– в-третьих, непосредственность восприятия фактов, которых лишено письменное производство, безусловно, улучшает качество судебных решений.

Литература:

1. Послание Президента России Федеральному Собранию на 2016 год // Российская газета. 2015. 03 дек. С. 2.

2. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Отв. ред. Л.А. Окуньков. М. : Ось-89, 2008. С. 539.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Текст: электронный.

4. *Шеховцов В.А.* Правовое регулирование лоббистской деятельности в России и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона / В.А. Шеховцов, А.Д. Яворский // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 8. С. 36.

5. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федер. конституц. закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 29 июля 2018 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Текст: электронный.

6. *Марокко Н.А.* О разграничении компетенции в сфере конституционного судопроизводства / Н.А. Марокко // Российский судья. 2006. № 10. С. 14–21.

7. *Пустоваров В.М.* Роль Конституционного суда Российской Федерации в процессе формирования государственных политических институтов российского общества с точки зрения теории разделения властей / В.М. Пустоваров // Вопросы судебной реформы: право, экономика, управление. Научно-практический журнал. Ростов-н/Д., 2009. № 2. С. 24–26.

8. *Боброва Т.М.* Проверка Конституционным Судом РФ конституционности законов в процедуре письменного производства (2011 и 2012 гг.) / Т.М. Боброва // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12. С. 1580–1587.

9. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Федер. конституц. закон от 03 ноября 2010 г. № 7-ФКЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Текст: электронный.

10. Окончательное заключение по поправкам в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации

Конституционной практике в России необходимы дальнейшие исследования, научно-обоснованные предложения способов решения актуальных вопросов с целью оптимизации, повышения эффективности работы Конституционного Суда Российской Федерации. Реализация важных конституционных новелл, «поправок 2020», норм обновлённой ст. 125 Конституции Российской Федерации дали мощный живительный импульс процессу совершенствования отечественного конституционного правосудия.

Literature:

1. Message of the President of Russia to the Federal Assembly for 2016 // Rossiyskaya Gazeta. 2015. 03 Dec. P. 2.

2. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / Editor-in-chief L.A. Okunkov. M. : Os-89, 2008. P. 539.

3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the national vote on July 01, 2020). Access from the ATP «Consultant-Plus». Text : electronic.

4. *Shekhovtsov V.A.* Legal regulation of lobbying activities in Russia and in the countries of the Asia-Pacific region / V.A. Shekhovtsov, A.D. Yavorsky // Constitutional and municipal law. 2018. № 8. P. 36.

5. On the Constitutional Court of the Russian Federation: Feder. constitutional Law of July 21, 1994 № 1-FKZ (as amended on July 29, 2018). Access from the SPS «ConsultantPlus». Text: electronic.

6. *Morocco N.A.* On the delimitation of competence in the field of constitutional proceedings / N.A. Morocco // Russian judge. 2006. № 10. P. 14–21.

7. *Pustovarov V.M.* The role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the process of formation of state political institutions of the Russian society from the point of view of the theory of separation of powers / V.M. Pustovarov // Issues of judicial reform: law, economics, management. Scientific and practical journal. Rostov-on/D., 2009. № 2. P. 24–26.

8. *Bobrova T.M.* Verification by the Constitutional Court of the Russian Federation of the constitutionality of laws in the procedure of written proceedings (2011 and 2012) / T.M. Bobrova // Actual problems of Russian law. 2013. № 12. P. 1580–1587.

9. On Amendments to the Federal Constitutional Law «On the Constitutional Court of the Russian Federation: Feder. constitutional Law of November 03, 2010 № 7-FKZ – Access from the SPS «ConsultantPlus». Text: electronic.

10. Final Opinion on Amendments to the Federal Constitutional Law «On the Constitutional Court of the Russian Federation (CDL-AD(2016)016) (to-

(CDL-AD (2016)016) (вместе с «Промежуточным заключением...» (CDL-AD(2016)005)): заключение № 832/2015 Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии). Принято в г. Венеция 10.06.2016 – 11.06.2016 на 107-ой пленарной сессии Венецианской комиссии. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Текст: электронный.

11. *Григорьев К.Е.* Реализация полномочий Конституционного Суда Российской Федерации: теория и практика / К.Е. Григорьев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2016. № 3. С. 92–104.

gether with the Interim Opinion...» (CDL-AD (2016)005)): Opinion № 832/ 2015 European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). Adopted in Venice 06/10/2016 – 06/11/2016 at the 107th plenary session of the Venice Commission. Access from the SPS «ConsultantPlus». Text: electronic.

11. *Grigoriev K.E.* Implementation of the powers of the Constitutional Court of the Russian Federation: theory and practice / K.E. Grigoriev // Bulletin of the Voronezh State University. Series «Right». 2016. № 3. P. 92–104.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
профессор Института права
и национальной безопасности,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
isriu.ranera.ru

Понеделков Александр Васильевич

доктор политических наук,
профессор,
заведующий лабораторией,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Кондратенко Евгения Николаевна

кандидат политических наук,
доцент,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru
isriu.ranera.ru

Батов Алим Тимурович

магистр политологии,
председатель регионального
общественного совета
Федерального партийного проекта партии,
«Единая Россия», «Народный контроль»
в Ростовской области
isriu.ranera.ru

**УРОВЕНЬ ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ
НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ
ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА**

Аннотация. Пандемия коронавируса оказала заметное влияние на все стороны жизни мирового сообщества. Не миновали эти проблемы и нашу страну. В частности, помимо проблем, связанных со здоровьем населения, пандемия отразилась на качестве жизни российских граждан. С учетом этого обстоятельства, авторами данной статьи проводится анализ изменения уровня денежных доходов населения в сложившихся эпидемиологических условиях в Российской Федерации и, в частности, заработной платы, оплаты труда работников социальной сферы и науки, пенсий, социальных выплат.

Alexander N. Averin

Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor at the Institute of Law
and National Security,
Russian Academy of Folk
Economy and Public Service under
the President of the Russian Federation
isriu.ranera.ru

Aleksandr V. Ponedelkov

Doctor of Political Science,
Professor,
Head of Laboratory,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy of Folk
Economy and Public Service
President of the Russian Federation
isriu.ranera.ru

Evgenia N. Kondratenko

Candidate of Political Sciences,
Associate Professor,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy of Folk
Economy and Public Service
President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru
isriu.ranera.ru

Alim T. Batov

Master of Political Science,
Chairman of the Regional
Public Council
Federal Party Project,
United Russia, People's Control
in the Rostov region
isriu.ranera.ru

**THE LEVEL OF MONETARY INCOME
OF THE POPULATION IN THE CONTEXT
OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC**

Annotation. The coronavirus pandemic has had a noticeable impact on all aspects of the life of the entire world community. Our country has not been spared these problems. In particular, in addition to problems related to public health, the pandemic has affected the quality of life of Russian citizens. Taking into account this circumstance, the authors of this article analyze the changes in the level of monetary incomes of the population in the current epidemiological conditions in the Russian Federation and, in particular, wages, wages of workers in the social sphere and science, pensions, social payments.

Ключевые слова: денежный доход, заработная плата, оплата труда работников социальной сферы и науки, пенсия, социальные выплаты.

Keywords: cash income, wages, remuneration of workers in the social sphere and science, pension, social payments.

В условиях пандемии коронавируса в 2020 году среднедушевые денежные доходы населения по сравнению с 2019 годом увеличились с 35338 рублей до 36073 руб. [1; 2]. В процентах к 2019 году реальные располагаемые денежные доходы составили 98 %, реальная начисленная заработная плата – 103,8 %, реальный размер назначенных пенсий – 102,3 %, величина прожиточного минимума – 103,9 %, величина прожиточного минимума пенсионера – 103,4 %, численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума – 98,3 %. Насчитывалось 17,8 млн человек, имеющих денежные доходы ниже величины прожиточного минимума, 12,1 % от общей численности населения. Соотношение с величиной прожиточного минимума для среднедушевых денежных доходов – 319 %, среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций – 420 %, среднего размера назначенных пенсий – 161 %. При этом следует принимать во внимание, что в абсолютных цифрах размеры показателей незначительны:

- среднедушевые денежные доходы населения в месяц составили 36073 рубля;
- среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций – 51344 руб.;
- средний размер назначенных пенсий – 14986 руб.;
- соотношение среднего размера назначенных пенсий со средним размером начисленной заработной платы – 29,2 %;
- величина прожиточного минимума в среднем на душу населения в месяц составила 1131 руб.;
- величина прожиточного минимума пенсионера составила 9308 руб.

Правительством в сложившихся условиях установлены основные социальные гарантии. Их соотношение с величиной прожиточного минимума следующее – минимальный размер оплаты труда (100,7 %), ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет (62,7 %), ежемесячное пособие на ребенка военно-служащего, проходящего военную службу по призыву – 113,4 %, ежемесячные выплаты неработающим трудоспособным лицам, осуществляющим уход за ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет или инвалидом с детства I группы родителю, усыновителю или опекуну, попечителю – 78,7%, другим лицам – 9,4 %, минимальный размер пособия по безработице – 11,8 %, размер государственных академических стипендий студентов, обучаю-

щихся по образовательным программам высшего (11,7 %) и среднего профессионального (4,2 %) образования.

Существовали различия по среднедушевым денежным доходам населения по федеральным округам: в Центральном округе – 48226 рублей, в Северо-Западном округе – 39366 руб., в Южном федеральном округе – 30678 руб., в Северо-Кавказском округе – 24427 руб., в Приволжском округе – 28555 руб., в Уральском округе – 37204 руб., в Сибирском округе – 27972 руб., в Дальневосточном округе – 39051 руб.

Регионы различались не только по среднедушевым денежным доходам, но и по доле численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. В Центральном федеральном округе самая высокая доля была в Смоленской области (15,7 %), самая низкая – в Москве (6,1 %) и Московской области (6,8 %), соответственно, в Северо-Западном округе – в Псковской области (16,2 %) и Санкт-Петербурге (5,9 %); в Южном округе – в Калмыкии (22,7 %) и Краснодарском крае (10,6 %); в Северо-Кавказском округе – в Ингушетии (30 %) и Северной Осетии-Алании (13,9 %); в Приволжском округе – Марий Эл (19,5 %) и Татарстане (6,6 %); в Уральском округе – в Курганской области (19,3 %) и Ямало-Ненецком автономном округе (4,9 %); в Сибирском округе – в Тыве (31,7 %) и Кемеровской области (13,2 %); в Дальневосточном округе – Еврейской автономной области (23,7 %) и Сахалинской области (7,7 %).

Медианное значение среднедушевого денежного дохода населения – 27036 рублей в месяц, модальное значение – 15497 руб. При медианном доходе одна половина населения имеет значение среднедушевых денежных доходов ниже медианы, другая половина – выше медианы, модальное значение отражает среднедушевой денежный доход, который наиболее часто встречается в распределении населения по величине среднедушевых денежных доходов. Ежемесячный денежный доход, в среднем, члена домохозяйства, составлял 30963,9 рубля, в том числе, доход от трудовой деятельности – 76,5 %, от собственности – 1,1 %, полученные трансферты – 22,4 %, социальные выплаты – 20,7 %.

Распределение общего объема денежных доходов населения свидетельствует о его преобладании в пятой группе с наибольшими доходами (46,4 %), из нее 10 % населения с наивысшими доходами – 29,8 %. По другим 20-процентным группам населения наблюдается следующее распределение:

- первая группа с наименьшими доходами (5,5 %);
- вторая (10,2 %);

- третья (15,2 %);
- четвертая (22,7).

Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов) равен 14,8 раза, коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) – 0,406, децильный коэффициент – 6,8 раза.

Средняя заработная плата году была равна 56280 рублей в месяц, медианное значение заработной платы – 40245 руб., модальное значение – 27639 руб. Численность работников организаций с начисленной заработной платой ниже величины прожиточного минимума – 0,7 млн руб., 2,7млн руб. от общей численности работников организаций.

Существовала дифференциация по общей сумме начисленной заработной платы: первая группа – наименее оплачиваемые работники (6,2 %), вторая (10,3 %), третья (14,4 %), четвертая (20,7 %), пятая – наиболее оплачиваемые работники (48,4 %), по коэффициенту фондов (13,5 раза), коэффициенту Джини (0,414), децильному коэффициенту (5,8 раза).

По видам экономической деятельности среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций значительно отличалась по своим размерам. Более 100 тыс. рублей она была в таких видах экономической деятельности, как добыча сырой нефти и природного газа (142175 руб.), деятельность финансовая и страховая (112680 руб.), производство табачных изделий (112017 руб.), менее 30 тыс. руб. – производство одежды (20927 руб.), производство кожи и изделий из кожи (26913 руб.), деятельность гостиниц и предприятий общественного питания (27411 руб.), производство мебели (27786 руб.), деятельность почтовой связи и курьерская деятельность (29465 руб.).

Соотношение размеров средней заработной платы 10 % наиболее и 10 % наименее оплачиваемых работников – 13,5 раза, у 10 % наименее оплачиваемых работников – 14015,5 руб., наиболее оплачиваемых работников – 189337,6 руб.

Соотношение по видам экономической деятельности различно. В водоснабжении, водоотведении, организации сбора и утилизации отходов, деятельности по ликвидации загрязнений оно равно 7,9 раза, финансовой и страховой, профессиональной, научной и технической деятельности – 18,9.

Имелись различия в среднем размере по видам назначенных пенсий: по старости (16790 руб.), по инвалидности (10332,2 руб.), по случаю потери кормильца на каждого нетрудоспособного члена семьи (10715,6 руб.), пострадавшие в результате радиационных и техногенных катастроф и члены их семей (13854,3 руб.), федеральные государственные гражданские служащие (22792,2 руб.), за выслугу лет (511435 руб.), летчики-испытатели (105431 руб.), социальные пенсии (9848,1 руб.). Средний размер пенсий

неработающих пенсионеров составляет 16296 руб., работающих пенсионеров – 13632 руб. Получали социальную доплату к пенсии 6 млн 219 тыс. 817 пенсионеров, 14,5 % численности пенсионеров, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда, из них 2 млн 863 тыс. 358 руб. – федеральную и 3 млн 356 тыс. 459 руб. – региональную доплату. В системе негосударственного пенсионного обеспечения 1 млн 571 тыс. человек получали негосударственную пенсию, 3,7 % общей численности пенсионеров, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда, сумма пенсионных выплат в среднем в месяц на одного получателя – 3925,5 руб.

Доля социальных выплат в денежных доходах домашних хозяйств составила 20,7 %. Средний размер единовременного пособия женщинам, вставшим на учет в медицинских учреждениях в ранние сроки беременности до 12 недель, подлежащим обязательному социальному страхованию, равен 734,7 рубля, единовременного пособия при рождении ребенка работающим женщинам – 19578,5 руб., ежемесячного пособия по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет, гражданам, подлежащим обязательному социальному страхованию, по уходу за первым ребенком – 11801,7 руб., вторым и последующими детьми – 11485,7 руб. Государственный сертификат на материнский (семейный) капитал за первого ребенка составляет 483881,8 руб., за второго, третьего и последующих детей – 639431,8 руб.

Следует отметить, что в определенные периоды осуществлялась социальная поддержка населения с целью компенсировать возникшие потери в связи с распространением коронавирусной инфекции. Ежемесячная выплата на детей в возрасте до трех лет составила 5 тыс. руб., единовременная выплата на детей в возрасте от 3 до 16 лет – 10 тыс. руб., единовременная выплата на детей в возрасте до 16 лет – 10 тыс. руб., доплата к пособию по безработице гражданам, признанным безработными и имеющим детей в возрасте до 18 лет – 3 тыс. руб. Туристический кешбэк составил 20 % от стоимости поездки.

Осуществлялась государственная поддержка медицинских работников, заболевших коронавирусом. Единовременная страховая выплата в случае смерти медицинского работника составила 2752452 руб., единовременная страховая выплата в случае временной нетрудоспособности медицинского работника – 68811 руб., единовременная страховая выплата в случае стойкой утраты трудоспособности медицинского работника с присвоением I группы инвалидности – 2064339 руб., II группы – 1376226 руб., III группы – 688113 руб.

Уровень денежных доходов определяют наличие малоимущего и крайне бедного населения. В 2019 году среднедушевые денежные доходы по малоимущим домашним хозяйствам были равны 7903 руб., по крайне бедным домашним хозяйствам – 4077,1 руб. От общей численности малоимущего населения 31,5 % проживало в городских населенных пунктах и 68,5 % – в сель-

ских. В городских населенных пунктах насчитывалось 46,6 % малоимущего населения и 28,8 % крайне бедного, в сельских населенных пунктах – 53,4 % и 71,2 %. Дети в возрасте до 16 лет составили, соответственно, 41 % и 47,5 %, молодежь в возрасте от 18 до 29 лет – 10,6 % и 10,6 %, люди в трудоспособном возрасте – 52 % и 49,3 %, старше трудоспособного возраста – 6,9 % и 3,2 %; занятые в экономике (работающие) – 28,9 % и 19,1 %, не занятые в экономике (не работающие) – 30,1 % и 33,4 %. 604856 человек охвачено 181981 чел. заключенными социальными контрактами, средний размер регулярной денежной выплаты – 12960 рублей, единовременной денежной выплаты – 81683 руб.; преодолели трудную жизненную ситуацию 167632 человека. При расчете уровня бедности вводится вместо прожиточного минимума новый показатель – граница бедности. Для расчета взят прожиточный минимум четвертого квартала 2020 года. Этот показатель будет ежеквартально увеличиваться на уровень инфляции. Граница бедности не федеральном уровне рассчитывается ежеквартально, на региональном – ежегодно.

В 2021 году разница между 10 % низкооплачиваемых и 10 % высокооплачиваемых работников составила 13,5 раза. Наибольшая разница была в Москве (17,9), в Санкт-Петербурге (12), в Московской области (11,9), наименьшая – в Тыве (5,9), в Алтайском крае, Карелии, Мордовии (6,6) [3]. Самый высокий разрыв в оплате труда отмечен в рыболовстве (28,8), в научной деятельности (19,3), в информационных технологиях (17,6), самый низкий – в производстве транспортных средств (7,1), в текстильной промышленности (7,2). Разрыв в оплате труда в государственных и муниципальных предприятиях – 10,5 раза, в частных – 13,9 [4].

Имеются существенные региональные различия в среднемесячной номинальной заработной плате работников организаций. В первом полугодии 2021 года она была равна 54595 руб., самая высокая – в Чукотском автономном округе (129293 руб.), самая низкая – Чечне (29770 руб.) [5].

Значительно различается заработная по регионам в одной и той же сфере. Так, средняя заработная плата учителей в стране была 44 тыс. руб. В Чукотском автономном округе учителя получали 112 тыс. руб., в Москве – 100 тыс. руб., в Северной Осетии (Алании) – 25 тыс. руб., в Ингушетии – 22 тыс. руб. [6]. В настоящее время разрабатывается новая система оплаты труда педагогов, которая будет введена в 6 пилотных регионах. Должны быть приведены к общему знаменателю оклады как гарантированную часть зарплаты, четко определена схема начисления дополнительных выплат.

Необходимо продолжать работу по поднятию уровня средней заработной платы работников социальной сферы и науки до показателей, определенных в указе Президента Российской Федерации 2012 года [7]. По некоторым показателям в январе – сентябре 2021 года она не выполнена [8]. Отношение средней заработной платы педагогических работников дошкольных

образовательных организаций государственной и муниципальной форм собственности к средней заработной плате в сфере общего образования было равно 91,8 %, в муниципальной собственности – 88,7 %, педагогических работников организаций дополнительного образования детей к средней заработной плате учителей в субъекте Российской Федерации – 97,8 %, в муниципальной – 91,9 %.

К оценке среднемесячной начисленной заработной платы наемных работников в организациях, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц отношение средней заработной платы педагогических работников образовательных организаций общего образования – 97,6 %, преподавателей и мастеров производственного обучения образовательных организаций начального и среднего профессионального образования – 97,5 %, среднего медицинского (фармацевтического) персонала (персонала, обеспечивающего условия для предоставления медицинских услуг) организаций собственности субъектов Российской Федерации – 99,1 %, муниципальной – 67,7 %, младшего медицинского персонала (персонала, обеспечивающего условия для предоставления медицинских услуг) – 84,6 %, федеральной – 99,2 %, субъектов Российской Федерации – 82,5 %, муниципальной – 60,9 %, социальных работников – 83,9 %, федеральной – 84,6 %, субъектов Российской Федерации – 86,2 %, муниципальной – 74,2 %, учреждений культуры – 97,5 %, муниципальной – 79,8 %, педагогических работников образовательных, медицинских организаций или организаций, оказывающих социальные услуги детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей – 91,3 %, субъектов Российской Федерации – 93,8 %, муниципальной – 84,1 %.

Задача решена только по показателю отношения средней заработной платы к оценке среднемесячной начисленной заработной платы наемных работников в организациях, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц преподавателей образовательных организаций высшего образования (в 2,1 раза), научных сотрудников (в 2,3 раза). Высокое значение показателя у врачей и работников медицинских организаций, имеющих высшее медицинское (фармацевтическое) или иное высшее образование, предоставляющих медицинские услуги (обеспечивающих предоставление медицинских услуг), – 199,8 %.

В 2022 году установлен прожиточный минимум на душу населения – 11950 руб., для трудоспособного населения – 13026 руб., для пенсионеров – 10277 руб., для детей – 11592 руб. [9]. Прожиточный минимум устанавливается один раз в год и составляет 44,2 % от медианного среднедушевого дохода. На основе федерального прожиточного минимума устанавливается региональный прожиточный минимум. Минимальный размер оплаты труда равен 13890 рублей в месяц [10]. Он составляет 42 % величины медианной заработной платы.

Для государственных и муниципальных учреждений Российская трехсторонняя комиссия по

регулированию социально-трудовых отношений утвердила Единые рекомендации по установлению на федеральном, региональном и местном уровнях систем оплаты труда работников [11]. Рекомендации предназначены для обеспечения единых подходов к регулированию заработной платы работников бюджетной сферы. В них сформулированы принципы формирования федеральной, региональных и муниципальных систем оплаты труда; определен перечень норм и условий оплаты труда, регламентируемых федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации; изложено содержание системы оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений, федеральных государственных учреждений, руководителей государственных и муниципальных учреждений, их заместителей и главных бухгалтеров, государственных учреждений субъектов Российской Федерации и муниципальных учреждений; формирования фондов оплаты труда в государственных и муниципальных учреждениях. Показаны особенности формирования систем оплаты труда работников сферы образования, государственных и муници-

Литература:

1. Российский статистический ежегодник. 2021. Статистический сборник. URL : https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2021.pdf
2. Социальное положение и уровень жизни России. 2021. Статистический сборник. URL : https://gks.ru/bgd/regl/b21_44/Main.htmhttps://gks.ru/bgd/regl/b21_44/Main.htm
3. От зарплаты до зарплаты // Российская газета. 2021. 11 августа.
4. *Выжutowич В.* Зарплатное неравенство: минимум и максимум / В. Выжutowич // Российская газета. 2021. 19 ноября.
5. Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в I полугодии 2021 года // Российская газета. 2021. 10 сентября.
6. Из класса – в кассу // Российская газета. 2022. 15 февраля.
7. Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2012 года № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 19. Ст. 2334.
8. Итоги федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки за январь-сентябрь 2021 года. URL : <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/itog-monitor03-21.htm>
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2021 года № 1070 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-

пальных учреждений здравоохранения, культуры, физической культуры и спорта, государственных учреждений ветеринарии.

Уровень денежных доходов населения влияет на его денежные расходы.

Расходы на потребление в среднем на одного члена домашнего хозяйства в месяц составили 19180,8 рубля, из них расходы на питание – 37 %, на непродовольственные товары – 36 %, на алкогольные напитки – 1,8 %, оплату услуг – 24,9, стоимость услуг, предоставленных работодателем бесплатно или по льготным ценам, – 0,3 %.

Таким образом, в период пандемии коронавируса государство взяло на себя широкий круг обязательств по обеспечению материальных условий жизни всего населения страны в этих крайне сложных экономических условиях и, в первую очередь, его наименее социально защищенному слою, тем самым, продемонстрировав в своей политике и достаточно успешно реализовав такую конституционно закрепленную функцию, как социальное государство.

Literature:

1. Russian Statistical Yearbook. 2021. Statistical collection. URL : https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2021.pdf
2. Social status and standard of living in Russia. 2021. Statistical collection. URL : https://gks.ru/bgd/regl/b21_44/Main.htmhttps://gks.ru/bgd/regl/b21_44/Main.htm
3. From salary to salary // Rossiyskaya gazeta. 2021. August 11.
4. *Vyzhutovich V.* Salary inequality: minimum and maximum / V. Vyzhutovich // Rossiyskaya gazeta. 2021. November 19.
5. The main indicators of the socio-economic situation of the subjects of the Russian Federation in the first half of 2021 // Rossiyskaya Gazeta. 2021. September 10.
6. From Class to Cash Desk // Rossiyskaya gazeta. 2022. February 15.
7. Edict of the President of the Russian Federation of May 07, 2012 № 597 «On measures for the implementation of the state social policy» // Collected legislation of the Russian Federation. 2012. № 19. Vol. 2334.
8. The results of federal statistical observation in the sphere of remuneration of certain categories of workers of the social sphere and science for January-September 2021. URL : <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/itog-monitor03-21.htm>
9. Resolution of the Government of the Russian Federation of June 30, 2021 № 1070 «On establishing the value of the subsistence minimum per capita and for the main socio-demographic groups of the

демографическим группам населения в целом по Российской Федерации на 2022 год» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (Ч. III). Ст. 5446.

10. Федеральный закон от 06 декабря 2021 года № 406-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 50 (Ч. III). Ст. 8413.

11. Единые рекомендации по установлению на федеральном, региональном и местном уровнях систем оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений на 2022 год // Российская газета. 2022. 14 января.

population as a whole for the Russian Federation for 2022» // Collected legislation of the Russian Federation. 2021. № 27 (Part III). Art. 5446.

10. Federal Law of December 06, 2021 № 406-FZ On Amendments to Article 1 of the Federal Law «On the Minimum Wage» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. № 50 (Part III). Art. 8413.

11. Unified recommendations for the establishment at the federal, regional and local levels of remuneration systems for employees of state and municipal institutions for 2022 // Rossiyskaya Gazeta. 2022. 14 yanvarya.

Мамедова Эльмира Фармановна
аспирантка базовой кафедры
цифровых финансовых технологий
Сбербанка России,
Сибирский федеральный университет
emamedovasfu@gmail.com

Янкина Ирина Александровна
доктор экономических наук,
профессор базовой кафедры
цифровых финансовых технологий
Сбербанка России,
Сибирский федеральный университет
yankina_ia@mail.ru

АЛГОРИТМ УПРАВЛЕНИЯ ОПЕРАЦИОННЫМИ РИСКАМИ БАНКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. Управление операционными рисками банков давно не теряет своей актуальности, более того, в условиях пандемии в финансовых учреждениях возросло их общее количество и объем потерь, в том числе ущерб от новых видов операционных рисков. Целью данной статьи является представление исследовательских материалов по проблемам операционных рисков банков в условиях цифровизации. Авторы предлагают использовать усовершенствованный алгоритм на основе искусственных нейронных сетей для повышения эффективности управления рисками, создания динамичной и адаптивной системы и минимизации ущерба. Особенность этого алгоритма заключается в синтезе потребностей банка и клиента в безопасных финансовых операциях, когда учитываются внешние и внутренние факторы, влияющие на выбор для каждого конкретного клиента с его личными характеристиками продукта, который в текущих условиях принесет меньше рисков, а для банка этот вариант соотносится с его склонностью к риску.

Ключевые слова: банки, искусственный интеллект, управление операционными рисками.

Актуальность углубленного исследования управления операционными рисками банка обусловлена недостаточными разработками, как отдельных методологических аспектов, так и целостного алгоритма такого управления. Согласно заявлениям многих исследователей среди операционных рисков на протяжении длительного времени лидирующие позиции занимают риски, связанные с использованием информационных технологий и работой банковских

Elmira F. Mamedova
Graduate Student of the Basic Department
Digital Financial Technologies
Sberbank of Russia,
Siberian Federal University
emamedovasfu@gmail.com

Irina A. Yankina
Doctor of Economics,
Professor of the Basic Department
Digital Financial Technologies
Sberbank of Russia,
Siberian Federal University
yankina_ia@mail.ru

OPERATIONAL RISK MANAGEMENT ALGORITHM FOR BANKS IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Annotation. Operational risk management of banks has not lost its relevance for a long time, moreover, in the context of a pandemic in financial institutions, their total number and volume of losses have increased, including damage from new types of operational risks. The purpose of this article is to present research materials on the problems of operational risks of banks in the context of digitalization. The authors propose the use of a refined algorithm based on artificial neural networks to improve the efficiency of risk management, create a dynamic and adaptive system, and minimize damage. The peculiarity of this algorithm lies in the synthesis of the needs of the bank and the client in safe financial transactions, when external and internal factors are considered that influence the selection for each specific client with his personal characteristics of the product that in the current conditions will bring less risks, and for the bank this option is correlated with his risk appetite. The possibilities of practical application of the proposed version of the operational risk management algorithm are not limited to systemically important and large banks. For many financial institutions, proposals to refine the considered algorithm are acceptable.

Keywords: banks, artificial intelligence, operational risk management.

сотрудников с базами данных. Сегодня сложно вести дискуссию относительно значимости цифрового аспекта управления рисками, так как масштабы их ущерба невозможно прогнозировать со стопроцентной точностью, однако вопрос эффективного управления не теряет своей актуальности (табл. 1) [9].

Одним из последних масштабных инцидентов, подтверждающих сказанное выше, является ата-

ка вредоносного программного обеспечения SUNBURST, посредством которой произошла утечка данных правительственных организаций разных стран. При этом началась атака приблизительно за год до самого инцидента, когда преступники разместили вредоносный код в пакете обновлений программного обеспечения, а далее

распространили до уровня пользователей, многие из которых занимали должности на государственной службе. Таким образом, под угрозой оказались не только частные фирмы, но и государственная структура. И это лишь один пример из множества инцидентов разного масштаба.

Таблица 1

Лидирующие операционные риски

Место	2021	2020	2019	2018	2017
1	Сбой в ИТ	Сбой в ИТ	Компрометация данных	Сбой в ИТ	Сбой в ИТ
2	Компрометация данных	Компрометация данных	Сбой в ИТ	Компрометация данных	Компрометация данных
3	Риск устойчивости	Кражи и мошенничество	Ошибки ИТ	Регуляторный риск	Регуляторный риск
4	Кражи и мошенничество	Аутсорсинг и риск третьей стороны	Организационные изменения	Кражи и мошенничество	Аутсорсинг
5	Риск третьей стороны	Риск устойчивости	Кражи и мошенничество	Аутсорсинг	Неверные продажи
6	Риск проведения	Организационные изменения	Риск третьей стороны	Неверные продажи	Несанкционированная торговля
7	Регуляторный риск	Риск проведения	Регуляторный риск	Таланты	Организационные изменения
8	Организационные изменения	Регуляторный риск	Управление данными	Организационные изменения	Кражи и мошенничество
9	Геополитический риск	Таланты	Brexit	Несанкционированная торговля	Таланты
10	Благополучие сотрудников	Геополитический риск	Неверные продажи	Модели	

Более того, проблема обостряется в условиях пандемии COVID-19, которая спровоцировала увеличение числа пользователей онлайн-продуктов, соответственно, и подъем цифровых инфраструктур организаций финансовых рынков.

Ускорение внедрения цифровых платформ при недостаточной финансовой поддержки, на наш взгляд, влечет за собой серьезные угрозы и препятствует процессу управления операционными рисками банка.

Государственные регулирующие органы, желая взять ситуацию под контроль и обеспечить реализацию превентивных мер и мер борьбы на разных этапах столкновения с рисками, требуют учитывать цифровые и технологические риски с большей точностью, усиливают контроль и регулирование над ними, процесс нормотворчества в свою очередь проходит достаточно активно.

Предполагается, что финансовые организации, в частности, банки, должны незамедлительно уведомлять регулирующие органы о произошедших инцидентах. В США регулирующие органы установили срок 36 часов для наиболее эффективного реагирования на кейс. Банки на ежедневной основе сталкиваются с утечкой данных, сбоями систем и прочими угрозами. Следовательно, реагирование на инциденты должно совершенствоваться, быть динамичным и гибким, чтобы была возможность зафиксировать большее число этих инцидентов, а также принять относительно них соответствующие меры [7].

Однако не стоит забывать о том, что совершенствование технического оснащения финансового сектора влечет за собой как положительные

эффекты в виде защиты базы данных, упрощения работы с операциями, увеличения их объема; так и негативные, отражающиеся в подверженности используемых систем нападениям киберпреступников, мошенничеству и кражам баз данных. Чем более совершенными становятся способы защиты, тем более изощренные инструменты применяют и преступники.

Соответственно, банки, как и любой участник финансового рынка, должны оценивать риски применяя наиболее эффективные и современные модели, уделяя особое внимание ключевым рискам, не забывая при этом про менее масштабные угрозы, поэтому процесс риск-менеджмента должен быть максимально гибким и способным перестраиваться, отвечая на внешние и внутренние изменения.

Сегодня одним из приоритетных направлений в управлении рисками является машинное обучение. Основанные на искусственный нейронных сетях (ИНС) модели позволяют оперативно отреагировать на возникающие угрозы, а также с меньшими временными затратами перестроить обучающиеся и самообучающиеся модели. Полномасштабное применение моделей ИНС позволяет минимизировать угрозы и потери от них, выстроить эффективный agile-подход. Именно модели на основе ИНС позволят учесть многофакторное влияние как внешних, так и внутренних событий на конечный объем ущерба и на прогнозирование в дальнейшем.

Операционные риски, в свою очередь, имеют свою специфику, определяющую способы их оценки, а также – динамику изменений. Сцена-

рии могут развиваться по-разному, однако, финансовые организации должны рассматривать максимально возможное их количество, учитывая вероятные изменения нормативно-правовой базы, поведение и предпочтения как потребителей банковских продуктов, так и персонала, а также угрозы систем безопасности и прочее.

Фундаментальное значение имеет процесс легитимации цифровых инструментов, а также, установление компетенций и порядка действия в тех или иных ситуациях. Так, как во всем мире, в частности, на территории России, борьба с кибератаками стала повседневным явлением на финансовых рынках, вышеуказанные процессы сопровождаются бесконечной чередой совершенствования и модернизации.

Однако не все коммерческие банки имеют достаточно мощностей для того, чтобы обеспечить максимально возможно эффективную работу и внедрить новейшие разработки, в том числе, и модели на основе ИНС, позволяющие работать с большими данными, создавать модели прогнозирования и превентивные механизмы. Поэтому инициатива должна идти по нисходящей, от государства, через аппарат Банка России до коммерческих банков и соответственно в итоге доходить до потребителя банковского продукта.

В качестве ориентира для банковского сектора может выступать ФинЦЕРТ, департамент информационной безопасности Банка России, который ведет работу по противодействию кибермошенничеству, корректируя законодательную базу, а также практическую деятельность.

У Центрального Банка ресурсов на осуществление подобной деятельности больше, при этом, он одновременно выступает проводником и регулятором, поэтому может захватить больше сфер для реорганизации, начиная с нормотворчества, заканчивая применением на практике.

Вышедший в июне 2018 г. Федеральный закон № 167-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия хищению денежных средств» повлек за собой ряд изменений [1]. Так, была законодательно закреплена правовая база, способствующая обмену информацией о лицах, вовлеченных в схемы хищения денежных средств с использованием платежных услуг. Также, создана легальная основа для механизма, предотвращающего проведение незаконных платежей и способствующая возврату денежных средств настоящим владельцам во внесудебном и оперативном порядке.

У Банка России теперь больше полномочий по регулированию информационной безопасности. Кроме того, был легализован в полном объеме антифрод, представляющий собой мониторинг с целью выявления мошеннических действий в сфере электронных платежей.

На сегодняшний день ФинЦЕРТ ставит перед собой ряд актуальных задач, в число которых

сходит отлаживание информационного обмена, касающегося вопросов противодействия компьютерным атакам, более того, ФинЦЕРТ обеспечивает мониторинг, оперативное реагирование и анализ данных об инцидентах, связанных с компьютерными атаками на кредитно-финансовые организации, а как итог считает важным предоставлять аналитические материалы.

Сложно представить процедуру информационного обмена в рамках изолированной системы, поэтому ключевым фактором является взаимодействие различных структур, например, взаимодействие с правоохранительными органами в расследовании преступлений в сфере компьютерной информации.

Помимо мер воздействия на непосредственных участников кредитно-финансовой сферы, основной задачей является проведение мероприятий по повышению уровня финансовой грамотности различных слоев населения и сотрудничество с ведущими вузами страны по подготовке специалистов в области обеспечения ИБ.

Для реализации всех задач в наши дни невозможно обойтись без автоматизированных процессов обработки информации, в связи с этим одним из наиболее значимых событий в деятельности ФинЦЕРТ стало внедрение автоматизированной системы обработки инцидентов, также известной как АСОИ ФинЦЕРТ.

С 01 июля 2018 г., в соответствии с указанием Банка России № 4793-У «О внесении изменений в Положение Банка России № 382-П», для операторов платежных систем, операторов услуг платежной инфраструктуры, операторов по переводу денежных средств предусмотрена обязательность информирования о выявленных инцидентах, связанных с нарушением требований к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств.

Таким образом, от добровольного характера информирования об инцидентах перешли к обязательному, территория действия расширилась платёжной системы Банка России до всех технологических участков, а слабо защищенный канал взаимодействия в виде электронной почты был заменен на сервис личных кабинетов АСОИ ФинЦЕРТ, обладающий персонифицированным доступом и криптографической защитой канала связи, привели к существенному увеличению (более чем в четыре раза) потока сообщений о событиях и инцидентах, получаемого ФинЦЕРТ.

Помимо превентивных мер, ФинЦЕРТ эффективно работает с текущими инцидентами: случаи фишинговых атак, ликвидации последствий компьютерных атак разного рода, содействие банкам в выявлении точек вывода и обналичивания денежных средств, помощь в организации взаимодействия с правоохранительными органами с целью возбуждения уголовных дел, и многое другое, что свидетельствует о неизбежности возникновения рисков, в том числе операционных. Именно поэтому, для достижения эффективных результатов, необходимо иметь четкий

порядок действий и структуру, иначе говоря, алгоритм.

В целом, алгоритм управления операционными рисками банков можно охарактеризовать, как целостную структуру, инициатива в рамках которой принадлежит Банку России, как регулятору, посреднику и гаранту в одном лице. Ранее перечисленные роли Банка России дают возможность создать единую базу данных, которая охватит бесчисленное множество сопряженных с

операционными рисками инцидентов разного характера, информация о которых предположительно поступает от коммерческих банков (рис. 1). Далее происходит обмен открытой информацией об инцидентах, но, что еще более важно, появляется возможность выстроить определенный порядок управленческих решений при столкновении с риском, банки смогут решить, например, принять или передать риск, полагаясь на массив данных о подобных инцидентах.

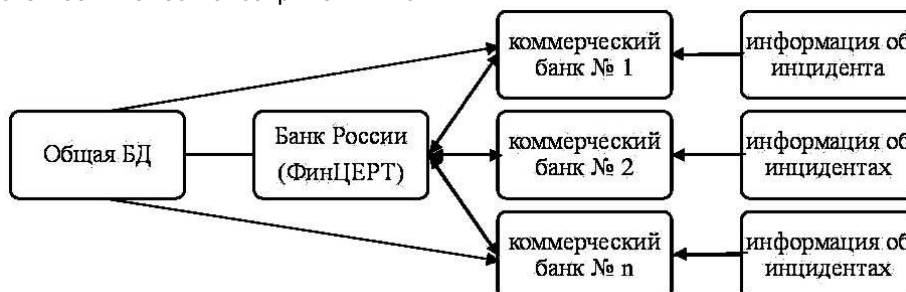

Рисунок 1 – Алгоритм управления операционными рисками банка

Базельским комитетом в 2004 году было сформулировано определение операционного риска: «риск убытков, возникающих в результате неадекватных или ошибочных внутренних процессов, действий сотрудников и систем или внешних событий».

В свою очередь, в соответствии со стратегией управления рисками и капиталом Группы ПАО Сбербанк от 17 апреля 2018, появляется иное понятие «операционный риск»:

Операционный риск – риск возникновения убытков в результате недостатков или ошибок во внутренних процессах, в действиях сотрудников или третьих лиц, в работе информационных систем или вследствие внешних событий.

Оба понятия имеют очевидные сходства, несмотря на временной шаг, да и сегодня, остаются актуальными, ведь все еще указанные причины и следствия продолжают существовать. Тем не менее, методы оценки и управления рисками требуют изменений.

Существует определенная вариация методов оценки операционных рисков финансовых организаций. В частности, для банков Basel III выделяет в качестве основных [8]:

базовый метод показателей (BIA – Basic Indicator Approach), в соответствии с которым банки обязуются резервировать объем капитала на операционный риск – в размере фиксированного процента (α) от среднего годового валового дохода за последние три года. Данный подход весьма примитивный, дорогостоящий, не позволяет учесть все многообразие инцидентов и управленческих решений;

стандартизованный метод (TSA – Standardised Approach), согласно которому деятельность банка разделяется на восемь бизнес-линий, по каждой из которых определяют сумму аллоцируемых для возможных убытков от операционных

рисков, исходя из фиксированного для каждой бизнес-линии процента от валового дохода. Далее отчисления капитала по каждой бизнес-линии складываются и получают общую сумму. Ограничение в виде восьми бизнес-линий подходит далеко не каждому банку и вряд ли может быть названо приемлемым в условиях развертывания кросс-цифровых бизнес-линий;

усовершенствованный метод измерения (AMA – Advanced Measurement Approaches) пока наиболее гибкий, позволяющий выбирать комфортный и эффективный инструментарий при оценке и управлении операционных рисков. Почему пока? Базельский комитет оставляет для банков возможность самостоятельно изменять и улучшать методику на основе существующих требований и принципов. Данный метод включает выделение типовых направлений деятельности и определение типового вида убытков для каждого из них, а также расчет размера резервируемого капитала под возможные убытки при наступлении рискованных событий.

Нами предлагается внедрение машинного обучения для оценки операционных рисков и управления ими вместо традиционных способов обработки статистической информации. Это положительно скажется на результативности и работе в рамках AMA метода. Машинное обучение позволяет выявить те шаблоны (типологии), которые ранее даже не рассматривались. Более того, экспертная оценка как сопутствующий процесс, поможет скорректировать выстраиваемые алгоритмы работы обучающихся нейронных сетей. Машинное обучение на основе ИНС и экспертная оценка положительно повлияют на формирование стратегии управления операционными рисками финансовой организации.

Комбинируя два выше указанных элемента в рамках AMA подхода, применяя продвинутый инструментарий и техники, представляется возможным построение более сильной предска-

тельной модели, повышение показателей эффективности без увеличения рисков.

Усовершенствованный алгоритм управления операционными рисками банков с применением АМА-метода на основе ИНС представляет собой информационную цепь из множества параметров, где на входе подключается общая для банковского сектора база данных АСОИ ФинЦЕРТ, на выходе относительно каждой операции мы имеем проанализированную выборку из массива данных, максимальное исполнение по операции и минимально возможные последствия от рисков.

Анализ может быть весьма комплексным, поэтому для его проведения мы предлагаем остановиться на одной из категорий банковских продук-

тов, для наглядности выбор пал на кредитные продукты.

Уникальная особенность такого алгоритма заключается в синтезе потребностей банка и клиента в безопасных финансовых операциях. Так, множество факторов влияет на построение модели и анализ данных, поэтому особый алгоритм обработки данных, позволяющий учесть внешние и внутренние факторы, влияющие на подбор для каждого конкретного клиента с его личными особенностями и потребностями того продукта, который в текущих условиях будет максимально соответствовать его потребностям и принесёт меньше риски, а также учесть риск-аппетит у банка по сопряжённым операциям (рис. 2).

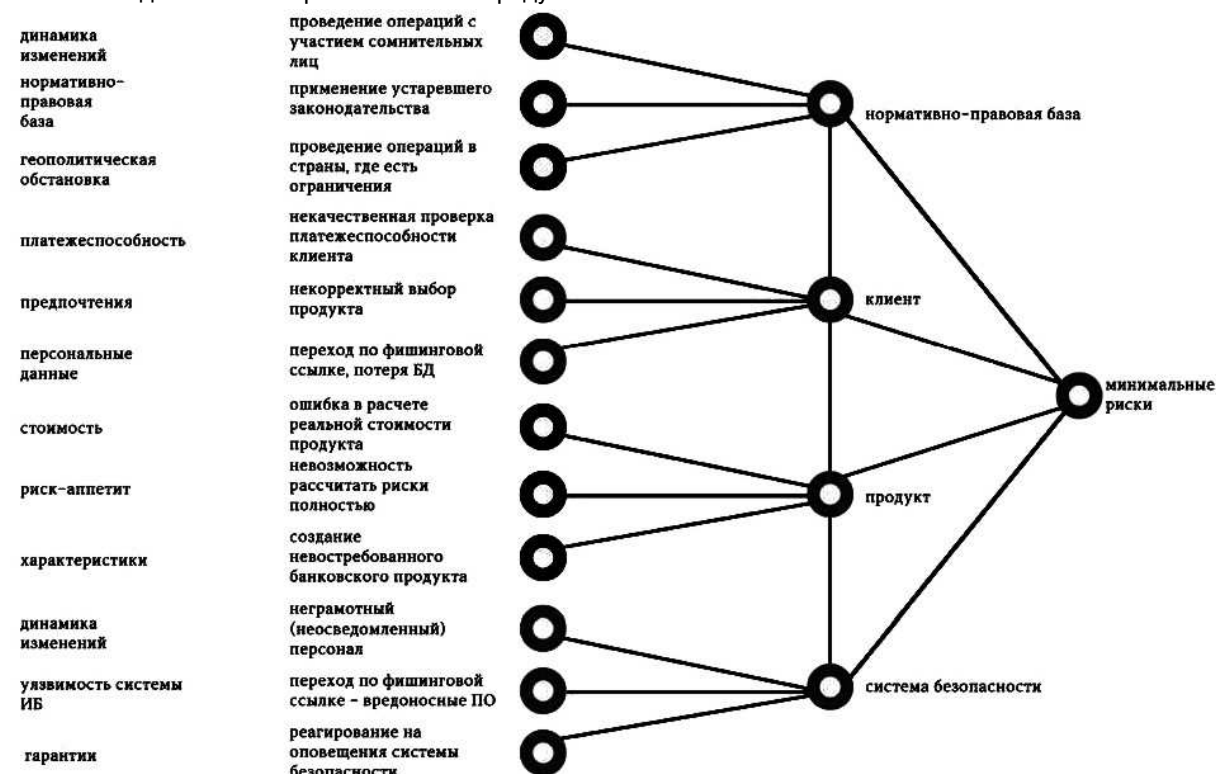

Рисунок 2 – Упрощенная схема учета факторов в рамках работы ИНС

Необходимо отметить, что условия, в рамках которых осуществляется подбор, не ограничиваются нормативно-правовой базой и используемой системой безопасности. Факторы могут быть разнообразны, вплоть до социальных особенностей. В зависимости от операции и типа финансовой организации значимость учитываемых факторов может отличаться, более того, с течением времени, в ходе естественных сдвигов в разных сферах человеческой жизни, некоторые факторы могут исчезать, а другие появляться. Поэтому банку целесообразно осуществлять мониторинг значимости инцидентов для перенастройки машинного обучения и принятия управленческих решений в порядке их значимости.

Для наглядности представим матрицу значимых рисков, где красным выделены наиболее значимые (с высоким уровнем уязвимости и значительной суммой ущерба), желтым средней значимости, а зеленым менее значимые. Результаты исследований по уровням значимости опера-

ционных рисков в условиях перехода банков на цифровые услуги и продукты позволили сформировать градацию значимости операционных рисков банков на 2021 год (табл. 2).

Таким образом, построение усовершенствованного алгоритма управления операционными рисками банка на основе внедрения машинного обучения и моделей ИНС, подключения к базе данных АСОИ ФинЦЕРТ, мониторинга значимости инцидентов благоприятно скажется на финансовых результатах отдельных банков и банковской системе в целом. Возможности, предлагаемые моделями ИНС и регулированием и помощью со стороны государства, способствуют не только улучшению показателей одной конкретной финансовой организации, но в целом гарантируют более качественную работу за счет взаимодействия и открытости. Создание общей базы данных способствует оперативно реагировать на инциденты, посредством накопления все большего знания о них.

Значимость инцидентов

нормативно-правовая база	клиент	продукт	система безопасности
проведение операций с участием сомнительных лиц	некачественная проверка платежеспособности клиента	ошибка в расчете реальной стоимости продукта	неграмотный (неосведомленный) персонал
применение устаревшего законодательства	некорректный выбор продукта	невозможность рассчитать риски полностью	переход по фишинговой ссылке – вредоносные ПО
проведение операций в страны, где есть ограничения	переход по фишинговой ссылке, потеря БД	создание невостребованного банковского продукта	несвоевременное реагирование на оповещения системы безопасности

Литература:

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия хищению денежных средств : Федеральный закон от 27 июня 2018 г. № 167-ФЗ. – Текст: электронный // Гарант: справочно-правовая система. URL : <https://base.garant.ru/71975424/> (дата обращения 16.01.2021).

2. О требованиях к системе управления операционным риском в кредитной организации и банковской группе : Положение Банка России от 08 апреля 2020 г. № 716-П. Текст: электронный // Гарант : справочно-правовая система. URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74179372/>(дата обращения 16.01.2022).

3. Внедрение Директивы SolvencyII (Официальный сайт Банка России). URL : https://old.cbr.ru/finmarket/solvency_II/ (дата обращения 21.01.2021). Текст : электронный.

4. Помулев А.А. Методологические аспекты управления операционным риском при кредитовании корпоративных заемщиков / А.А. Помулев // Теневая экономика. 2019. Т. 3. № 1. С. 67–79. URL : https://www.researchgate.net/publication/332256281_Metodologiceskie_aspekty_upravlenia_operacionnym_riskom_pri_kreditovanii_korporativnyh_zaimnikov (дата обращения 12.01.2021). Текст: электронный.

5. Ganguly, Saptarshi Digital risk: Transforming risk management for the 2020s / Holger Harreis, Ben Margolis, Kayvaun Rowshankish URL : <https://www.mckinsey.com/business-functions/risk/our-insights/digital-risk-transforming-risk-management-for-the-2020s> (date of application 10.01.2021). Текст: электронный.

6. Martinez Arroyo, Javier A fast-track risk-management transformation to counter the COVID-19 crisis / Marc Chiapolino, Matthew Freiman, Irakli Gabruashvili, Luca Pancaldi. URL : <https://www.mckinsey.com/business-functions/risk/our-insights/a-fast-track-risk-management-transformation-to-counter-the-covid-19-crisis> (date of application 10.01.2021). Text: electronic.

7. May M.A Risk agenda for boards of directors at US banks / Michael May, Olivia White, Greg Wilson. 2021. URL : <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/a-2021-risk-agenda-for-boards-of-directors-at-us-banks#> (date of application 10.01.2021). Text: electronic.

Literature:

1. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in terms of countering the theft of funds: Federal Law of June 27, 2018 № 167-FZ. Text: electronic // Garant: legal reference system. URL : <https://base.garant.ru/71975424/> (date of application 16.01.2021).

2. On the requirements for the operational risk management system in a credit institution and a banking group: Bank of Russia Regulation № 716-P dated April 08, 2020. Text: electronic // Garant: legal reference system. URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74179372/> (date of application 16.01.2022).

3. Implementation of the Directive Solvency II (Official Website of the Bank of Russia). URL : https://old.cbr.ru/finmarket/solvency_II/ (date of application 21.01.2021). Text: electronic.

4. Pomulev A.A. Methodological aspects of operational risk management during lending to corporate borrowers / A.A. Pomulev // Shadow economy. 2019. Vol. 3. № 1. P. 67–79. URL : https://www.researchgate.net/publication/332256281_Metodologiceskie_aspekty_upravlenia_operacionnym_riskom_pri_kreditovanii_korporativnyh_zaimnikov (date of application 12.01.2021). Text: electronic.

5. Ganguly, Saptarshi Digital risk: Transforming risk management for the 2020s / Holger Harreis, Ben Margolis, Kayvaun Rowshankish URL : <https://www.mckinsey.com/business-functions/risk/our-insights/digital-risk-transforming-risk-management-for-the-2020s> (date of application 10.01.2021). Text: electronic.

6. Martinez Arroyo, Javier A fast-track risk-management transformation to counter the COVID-19 crisis / Marc Chiapolino, Matthew Freiman, Irakli Gabruashvili, Luca Pancaldi. URL : <https://www.mckinsey.com/business-functions/risk/our-insights/a-fast-track-risk-management-transformation-to-counter-the-covid-19-crisis> (date of application 10.01.2021). Text: electronic.

7. May M.A Risk agenda for boards of directors at US banks / Michael May, Olivia White, Greg Wilson. 2021. URL : <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/a-2021-risk-agenda-for-boards-of-directors-at-us-banks#> (date of application 10.01.2021). Text: electronic.

8. High-level summary of Basel III reforms. URL : https://www.bis.org/bcbs/publ/d424_hlsummary.pdf (date of application 17.01.2022).

9. Top 10 operational risks for 2020. URL : <https://www.risk.net/risk-management/7450731/top-10-operational-risks-for-2020> (date of application 10.01.2021).

8. High-level summary of Basel III reforms. URL : https://www.bis.org/bcbs/publ/d424_hlsummary.pdf (date of application 17.01.2022).

9. Top 10 operational risks for 2020. URL : <https://www.risk.net/risk-management/7450731/top-10-operational-risks-for-2020> (date of application 10.01.2021).

Новоселов Иван Александрович
аспирант,
Финансовый университет
при Правительстве РФ
ianovoselov.articles@gmail.com

Ivan A. Novoselov
Postgraduate Student,
Financial University under the Government
of Russian Federation
ianovoselov.articles@gmail.com

ДОСРОЧНОЕ ПОГАШЕНИЕ ИПОТЕЧНОГО ПОКРЫТИЯ ОБЛИГАЦИЙ С ПОРУЧИТЕЛЬСТВОМ ДОМ.РФ И СПРЕДЫ ОФЗ

Аннотация. В статье рассматривается феномен досрочного погашения в пулах ипотечных кредитов, являющихся обеспечением по ипотечным ценным бумагам (ИЦБ), на примере облигаций с поручительством ипотечного агентства ДОМ.РФ. Рассмотрена структура досрочного погашения (CPR), разделяемого на два вида: частичное досрочное погашение и полное досрочное погашение ипотечных кредитов. Произведён анализ наличия коинтеграционных связей между CPR и частичным CPR кредитов и динамикой спреда между 10-летними и 2-летними ОФЗ, а также с показателем Остаток основного долга/Стоимость обеспечения (LTV). Обнаружена коинтеграция рядов CPR и частичного досрочного погашения с временными рядами спреда и LTV, а также с их комбинацией.

Ключевые слова: ипотека, ипотечные ценные бумаги, соотношение Кредит/Залог, ДОМ.РФ, спред ОФЗ, коинтеграция временных рядов.

Введение. Одним из основных источников для приобретения жилой недвижимости на протяжении последних десятилетий является ипотечное кредитование. Постоянный рост объёмов кредитования на российском рынке наблю-

ANALYSIS OF REGIONAL STRUCTURE OF REGISTERS OF MORTGAGE COLLATERAL OF MBS COVERED BY DOM.RF MORTGAGE AGENCY

Annotation. In this article, we consider the prepayment phenomenon in the MBS collateral pools using the example of MBS covered by DOM.RF mortgage agency. We analyze the structure of mortgage prepayment (CPR) and divide it into two types: partial prepayment and full prepayment of individual mortgage loans. We also analyze the presence of cointegration relations between CPR and partial CPR of individual mortgages and the dynamics of spread between 10-year and 2-year OFZ, also considering the relations with Loan-to-Value (LTV). We find the cointegration of both CPR and partial CPR for pairs with OFZ spread and LTV time series and also for their combination.

Keywords: mortgage, MBS, LTV, DOM.RF, OFZ spread, time series cointegration.

дается на протяжении последнего десятилетия, за исключением снижения на 2,5 % в 2019 году, а объём ипотечной задолженности в минувшем году оценивается в 11,8 трлн руб. (рис. 1).

Задолженность по ипотечным жилищным кредитам, трлн руб.

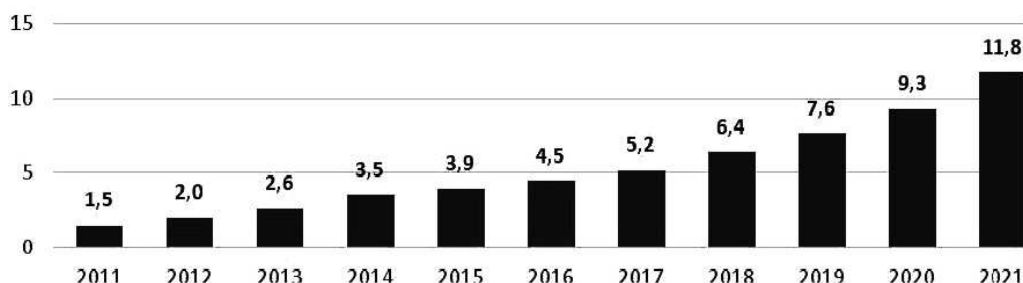

Рисунок 1 – Доля задолженности по ипотечным жилищным кредитам к ВВП.
Источник: Русипотека, ДОМ.РФ

Рост ипотечного кредитования является источником для развития ипотечной секьюритизации –

выпуска облигаций, обеспеченных ипотечными вкладными. Банки-оригинаторы совершают пе-

реуступку прав требования части своего ипотечно-го портфеля, передавая его специализированному юридическому лицу, называемому ипотечным агентом. Ипотечный агент является эмитентом облигаций, приобретаемых инвесторами. Таким образом, инвесторы имеют возможность получать денежные потоки от портфелей высоко диверсифицированных и обеспеченных недвижимостью активов, в то время как банк-оригинатор получает дополнительную ликвидность. Помимо рисков, присущих всем облигациям, таким как риск дефолта, процентный риск и т.п., существует ряд специфических рисков, характерных для ипотечных облигаций. Одним из главных рисков является неопределённость временной структуры денежного потока по таким облигациям: у физических лиц, кредиты которых выступают обеспечением таких облигаций, как правило есть возможность досрочного погашения таких кредитов. Это приводит к ускоренной амортизации основного долга облигаций, уменьшая её дюрацию и снижая объём будущих процентных платежей по ней. [1, с. 1] Этот риск возрастает в период снижения процентных ставок, когда у всё большего числа заёмщиков появляется возмож-

ность рефинансировать кредит, погасив предыдущий. В связи с этим, возникает задача прогнозирования уровня досрочного погашения.

Виды досрочного погашения и показатели, влияющие на него.

Можно разделить денежный поток от досрочного погашения на две составляющие: полное досрочное погашение и частичное досрочное погашение. [3, с. 2]. На рисунке 2 видно, что частичное досрочное погашение на рассматриваемом временном промежутке колеблется в диапазоне 5,0–9,2 %, в то время как колебания полного досрочного погашения составляют от 7,4 % до 28,4 %. Можно предположить, что основная часть полных досрочных погашений обеспечивается не за счёт собственных денежных средств, а при помощи рефинансирования кредита, в то время как частичное досрочное погашение в большей мере связано с образованием свободного денежного потока у заёмщиков, например, из-за накоплений, появляющихся после оплаты основных расходов, а также, за счёт разовых выплат, таких как премии, наследства и т.п. [6, с. 178].

Динамика досрочного погашения РИП ДОМ.РФ, %

Рисунок 2 – Доля задолженности по ипотечным жилищным кредитам к ВВП.
Источник: ДОМ.РФ

В таком случае, можно предположить, что на рефинансирование в первую очередь влияет снижение процентных ставок, влияние которого переплетается с другими факторами пула ипотечных закладных, например, его выдержанностью [5, с. 81], в то время как частичное досрочное погашение подвержено значительно влиянию факторов экономической активности, например, динамике реальных заработных плат. Поскольку оба вида досрочного погашения связаны со стремлением снизить объём будущих процентных выплат, вероятно их связь с показателем Остаток основного долга/Стоимость обеспечения (LTV). В качестве одного из индикаторов бизнес-циклов принято использовать различные спреды по государственным облигациям, которые позволяют оценить структуру ставок в экономике [2, с. 14]. В России применяются спреды между ОФЗ. В этой работе использованы данные о кривой доходностей ОФЗ, публикуемые Московской биржей на ежедневной основе, усреднённые ежемесячно. Данные CPR основаны

на публикуемой ДОМ.РФ информации об ипотечных закладных, включённых в портфели обеспечения по облигациям с поручительством ДОМ.РФ. Эти данные представлены на рисунке 3, количество наблюдений составляет 48 месяцев в период с января 2018 г. по декабрь 2021 г.

Было выдвинуто предположение о коинтеграционной связи между двумя рядами, а также между частичной составляющей досрочных погашений и рассматриваемым спредом, а также показателем LTV. Подтверждение этого предположения подразумевает одновременную интегрированность обоих рассматриваемых рядов и существование вектора $a = (a_1, a_2, \dots, a_k)^T$, такого что временной ряд $\varepsilon_t = a^T y_t$ является стационарным процессом. Для проверки рядов на интегрированность был применён расширенный тест Дики-Фуллера. Результат теста представлен в таблице 1. Гипотеза о нестационарности всех представленных рядов не отклоняется.

Рисунок 3 – Доля задолженности по ипотечным жилищным кредитам к ВВП.
Источник: Московская Биржа, ДОМ.РФ

Таблица 1

Результаты выполнения расширенного теста Дики-Фуллера для спреда ОФЗ 10-2 лет, CPR, частичного CPR и LTV

	DF-статистика	p-значения	Количество использованных лагов	Критические значения		
				1 %	5 %	10 %
CPR	-0,3544	0,5548	12	-2,6326	-1,9507	-1,6109
Спред ОФЗ 10-2 лет	-0,1176	0,6438	10	-2,6288	-1,9501	-1,6111
CPR (частичное)	0,2532	0,7620	11	-2,6306	-1,9504	-1,6110
CPR (полное)	-0,7561	0,3890	1	-2,6161	-1,9481	-1,6120
LTV	-0,1774	0,6222	0	-2,6150	-1,9480	-1,6122

Для проверки отсутствия коинтеграционной связи между рядами используется тест Энгла-Грейнджера. [4] Результат выполнения теста представлен в таблице 2. Гипотеза об отсутствии коинтеграции между LTV и полным досрочным погашением подтверждается при всех уровнях значимости. Гипотеза об отсутствии коинтеграции между рядами спреда и CPR отклоняется при уровнях значимости 5 % и 10 %.

то же время гипотеза об отсутствии коинтеграции между рядами спреда и частичного досрочного погашения не отклоняется при всех уровнях значимости, как и для частичного досрочного погашения и LTV. Проверка коинтеграции частичного досрочного погашения и комбинации спреда ОФЗ 10⁻² лет и LTV даёт аналогичный результат.

Таблица 2

Результаты выполнения теста Энгла-Грейнджера для 1) спреда ОФЗ 10⁻² лет и CPR, 2) спреда ОФЗ 10⁻² лет и CPR (частичное), 3) LTV и CPR (частичное), 4) LTV и CPR (частичное), 5) CPR (частичное) и комбинации спреда ОФЗ 10⁻² лет и LTV

	t-статистика	p-значения	Критические значения		
			1 %	5 %	10 %
Спред ОФЗ 10 ⁻² лет и CPR	-3,737	0,0164	-4,1446	-3,4692	-3,1359
Спред ОФЗ 10 ⁻² лет и CPR (частичное)	-6,8101	2,4 × 10 ⁻⁸	-4,1446	-3,4692	-3,1359
LTV и CPR (частичное)	-5,9050	2,59 × 10 ⁻⁶	-4,1446	-3,4692	-3,1359
LTV и CPR (полное)	-2,2735	0,3869	-4,1446	-3,4692	-3,1359
CPR (частичное) и комбинация спреда ОФЗ 10 ⁻² лет и LTV	-6,7251	1,79 × 10 ⁻⁷	-4,6154	-3,9274	-3,5861

Таким образом, можно сделать вывод о наличии коинтеграционной связи между уровнем досрочного погашения по облигациям с поручительством ДОМ.РФ и спреда между 10-летними и 2-летними ОФЗ, а также наличие коинтеграционной связи между уровнем частичного досрочного погашения и аналогичным спредом и показате-

лем LTV в различных вариациях. Это позволяет в дальнейшем применять эти временные ряды для создания авторегрессионных моделей, таких как модель коррекции ошибок ЕСМ, прогнозируя досрочное погашение в пулах обеспечения ИЦБ с поручительством ДОМ.РФ.

Заключение.

В данной публикации был рассмотрен феномен досрочного погашения ипотечных кредитов, выступающих в качестве обеспечения по ипотечным облигациям. На основе данных, публикуемых ипотечным агентством ДОМ.РФ, были проанализированы временные ряды досрочного погашения ипотечного покрытия, среднемесячного спреда между 10-летними и 2-летними ОФЗ

Литература:

1. *Anderson G.A.* Prepayment Risk and the Duration of Default-free Mortgage-backed Securities / G.A. Anderson, J.R. Barber, C. Chang // *The Journal of Financial Research*. 1993. Vol. XVI. № 1. P. 9.
2. *Boyarchenko N.* Understanding Mortgage Spreads / N. Boyarchenko, A. Fuster, D.O. Lucca // *Federal Reserve Bank of New-York Staff Reports*. 2014. № 674. P. 55.
3. *Deng Y.* Reinforcement learning and mortgage partial prepayment behavior / Y. Deng, Q. Gu, J. He // *Pacific-Basin Finance Journal*. 2021. № 68. P. 21.
4. *Engle R.F.* Co-Integration and Error Correction: Representation, Estimation, and Testing / R.F. Engle, C.W.J. Granger // *Econometrica*. 1987. Vol. 55. № 2. P. 251–276.
5. *Артименя Д.* Амортизация ИЦБ ДОМ.РФ: оценка и влияние досрочного погашения ипотеки. / Д. Артименя, П. Довбня // *Энциклопедия Российской Секьюритизации*. 2021. С. 76–84.
6. *Камышев А.* Об оценке ипотечных ценных бумаг / А. Камышев. // *Энциклопедия Российской Секьюритизации*. 2019. С. 174–183.

и показателя LTV за период с 2018 по 2021 год. В ходе анализа были произведены статистические тесты Дики-Фуллера и Энгла-Грейнджера, свидетельствующие как об интегрированности (наличии единичного корня) рассматриваемых рядов, так и о наличии коинтеграционных связей между ними. Данная работа служит основой для дальнейшего изучения динамики досрочного погашения и применения ряда авторегрессионных моделей для её прогнозирования.

Literature:

1. *Anderson G.A.* Prepayment Risk and the Duration of Default-free Mortgage-backed Securities / G.A. Anderson, J.R. Barber, C. Chang // *The Journal of Financial Research*. 1993. Vol. XVI. № 1. P. 9.
2. *Boyarchenko N.* Understanding Mortgage Spreads / N. Boyarchenko, A. Fuster, D.O. Lucca // *Federal Reserve Bank of New-York Staff Reports*. 2014. № 674. P. 55.
3. *Deng Y.* Reinforcement learning and mortgage partial prepayment behavior / Y. Deng, Q. Gu, J. He // *Pacific-Basin Finance Journal*. 2021. № 68. P. 21.
4. *Engle R.F.* Co-Integration and Error Correction: Representation, Estimation, and Testing / R.F. Engle, C.W.J. Granger // *Econometrica*. 1987. Vol. 55. № 2. P. 251–276.
5. *Artimania D.* Amortization of ICB DOM.RF: assessment and impact of early mortgage repayment. / D. Artimania / D. Artimania, P. Dovbnya // *Encyclopedia of Russian Securitization*. 2021. P. 76–84.
6. *Kamyshev A.* On the evaluation of mortgage securities / A. Kamyshev. // *Encyclopedia of Russian Securitization*. 2019. P. 174–183.

Пастухов Максим Андреевич
старший преподаватель кафедры
транспортных сооружений
имени профессора К.А. Дарагана,
Кубанский государственный
технологический университет
m.pastuxoff@yandex.ru

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА АПК КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ НА ОСНОВЕ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОГО ЗОНИРОВАНИЯ ФАКТОРОВ РЕНТООБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена оценке влияния факторов, оказывающих влияние на экономический потенциал бизнес субъектов хозяйствования в агропромышленном комплексе региона. Были проанализированы доходность сельскохозяйственных производителей, рельефные условия, плотность населения и плотность распределения дорожной инфраструктуры. На основе анализа было проведено зонирование территории Краснодарского края и выявлены районы с наибольшим экономическим потенциалом для осуществления сельскохозяйственной деятельности.

Ключевые слова: экономический потенциал, агропромышленный комплекс, зонирование, факторы рентообразования, доходность, рельеф, плотность дорог, плотность населения.

Управляемость страны по всем сферам деятельности является наиболее сложной задачей из-за большой территории. Для того, чтобы принимать более грамотные управленческие решения любого уровня, в том числе, отдельными бизнес субъектами хозяйствования (БСХ), необходимо иметь карты и схемы зонирования территории, которые позволяют выявлять закономерности проявления различных признаков, процессов, происходящих изменений и условий их определяющих, оказывающих воздействия на различные сферы деятельности. Особенно подвержены подобным влияниям отрасли имеющие пространственную локализацию, и в частности агропромышленный комплекс (АПК), несомненно, связанный с пространственно-экономическими факторами территории размещения средств производства.

Применение геоинформационных систем (ГИС) с целью увязки между собой пространственных факторов с их количественными величинами, а также, связи социальных, экономических и географических факторов позволят производить

Maksim A. Pastukhov
Senior Lecturer of the Department
Transport Facilities
named after Professor K.A. Daragan,
Kuban State Technological University
m.pastuxoff@yandex.ru

ASSESSMENT OF THE ECONOMIC POTENTIAL OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE KRASNODAR TERRITORY ON THE BASIS OF DIFFERENTIAL ZONING OF RENT FORMATION FACTORS

Annotation. The article is devoted to the assessment of the influence of factors influencing the economic potential of business entities in the agro-industrial complex of the region. The profitability of agricultural producers, relief conditions, population density and distribution density of road infrastructure were analyzed. Based on the analysis, the zoning of the territory of the Krasnodar Territory was carried out and the areas with the greatest economic potential for agricultural activities were identified.

Keywords: economic potential, agro-industrial complex, zoning, rent formation factors, profitability, relief, road density, population density.

дифференциальное зонирование территории, с целью оценки синергетических эффектов воздействия на АПК региона [1; 2], что, в свою очередь, позволяет различным субъектам экономической деятельности в АПК принимать стратегические решения по повышению экономической эффективности и развития инвестиционных проектов.

Для выполнения дифференциального зонирования анализировались показатели, которые позволяют определить наличие факторов рентообразования [3], а именно: доходность; рельеф; транспортная связь; численность населения.

Доходность – обобщающий показатель экономической эффективности с/х производства. Она рассчитывается путём сопоставления валового дохода или прибыли с затратами или используемыми ресурсами.

На основе анализа можно определить, какие виды продукции и какие хозяйственные подразделения обеспечивают большую доходность.

Это становится особенно важным в современных, рыночных условиях, где финансовая устойчивость предприятия зависит от специализации и концентрации производства. Рассмотрим уровень доходности районов Краснодарского края.

На рисунке 1 показана карта зонирования доходности сельскохозяйственных земель Краснодарского края.

дарского края. Относительный показатель доходности был получен в результате анализа районов Краснодарского края по общему объему валового сбора всех сельскохозяйственных культур, произрастающих в крае, и общей доходности в фактически действовавших ценах всех категорий хозяйств.

Карта зонирования доходности сельскохозяйственных земель за 1 га.

Рисунок 1 – Карта зонирования доходности сельскохозяйственных земель по районам Краснодарского края

С точки зрения общей производительности было выделено 5 категорий. К лидерам относятся районы: Куцевский, Каневской, Гулькевичский, Новокубанский.

Неотъемлемой частью в зонировании территории является рельеф исследуемой территории.

Территория Краснодарского края делится на две части: северную (равнинную) и южную (горную). Естественной границей между ними является долина Кубани. Северные и центральные просторы региона заняты равнинами, а южная часть края предгорной полосой и горными хребтами Большого Кавказа – крупнейшей складчатой страны Европы.

С точки зрения возможности вовлечения земель в сельскохозяйственное производство как основополагающую сферу АПК, крутизна склона является важным геоморфологическим показателем, поскольку на участках местности с большой крутизной ведение механизированной обработки сельскохозяйственных угодий затрудняется или становится вовсе невозможным. На рисунке 2

показана карта уклонов поверхности рельефа Краснодарского края.

Изучив карту, можно сделать вывод о том, что южная часть, вблизи гор, имеет большой уклон, что является плохим показателем, так как рельеф влияет на производительность труда и эффективность использования машинно-тракторных агрегатов, на величину стока поверхностных вод и увлажнение склонов, развитие процессов эрозии почв, а, следовательно, на урожайность сельскохозяйственных культур. В рельефе с большим уклоном и с большим количеством гор, меньше чернозема и тепла, а в впадинах много влаги, что может негативно сказаться на производстве. Большая часть в Краснодарском крае – равнинная. В этой части, сельское хозяйство развивается значительно лучше.

Для зонирования был проведен анализ транспортной инфраструктуры. Дорожная сеть – важный элемент в сельскохозяйственном производстве. Это подтверждается тем, что дороги обеспечивают связь между отдельными субъектами рыночных взаимоотношений, способствуют пе-

редвижению товаров и потока пассажиров между населенными пунктами и внутри них [4, 5]. Так же важность и влияние транспортной инфраструктуры оказывает влияние на работу транспорта предприятий АПК, что подтверждается ис-

следованиями авторов Т.В. Коноваловой, С.Л. Надирян, М.П. Мироновой на примере Агрокомплекса [6]. На рисунке 3 представлена карта распределения дорог в районах Краснодарского края.

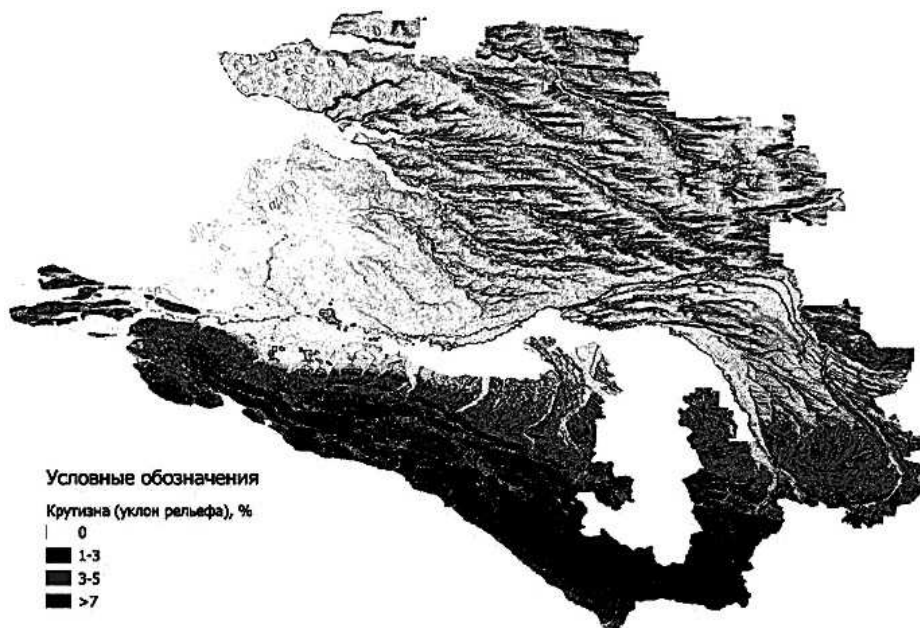

Рисунок 2 – Карта уклонов поверхности рельефа Краснодарского края

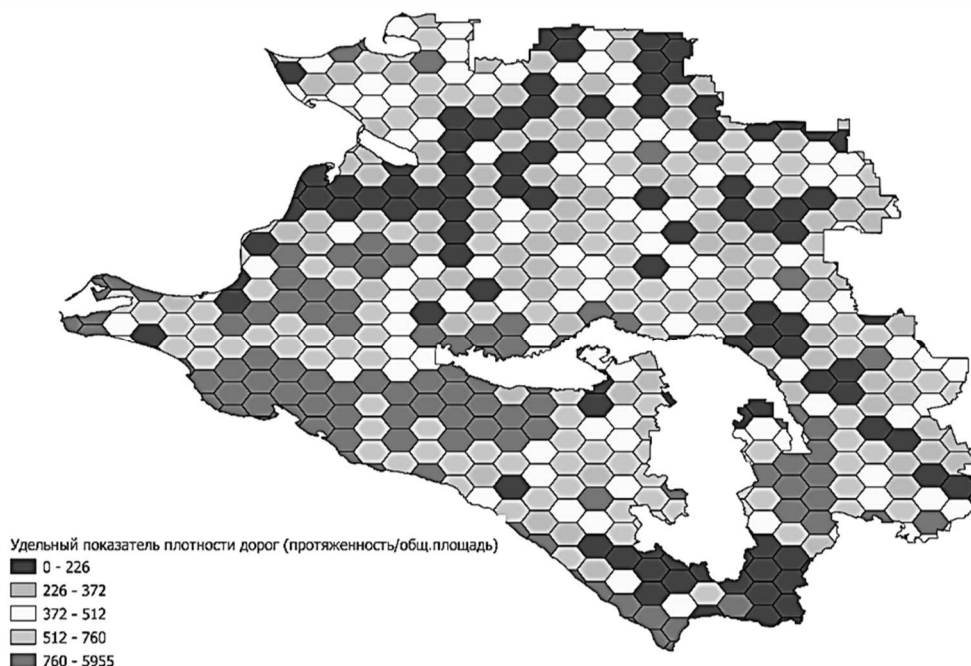

Рисунок 3 – Карта плотности дорог Краснодарского края

Фактически сложившаяся ситуация показывает, что в северо-западной и восточной частях, а также – в горах, мы наблюдаем низкую плотность дорожной сети. Плотность дорожной сети определялась по соотношению протяженности к площади сегментов. На данной карте учитывались только межселенные дороги, то есть полевые дороги для передвижения с/х техники к с/х угодьям.

Для зонирования территории была проанализирована численность населения Краснодарского края. Население является основным потребителем сельскохозяйственной продукции и обеспечивает воспроизводство рабочей силы для отрасли. В зависимости от наличия трудовых ресурсов (с учетом трудовых навыков населения) развивается то или иное производство сельско-

хозяйственной продукции. Для сельского хозяйства оптимальной является численность населения, когда все работоспособное население занято на максимально возможном числе рабо-

чих мест. Это делает наиболее эффективным труд работников. На рисунке 4 показана карта численности населения по населенным пунктам Краснодарского края.

Карта численности населения по населенным пунктам Краснодарского края

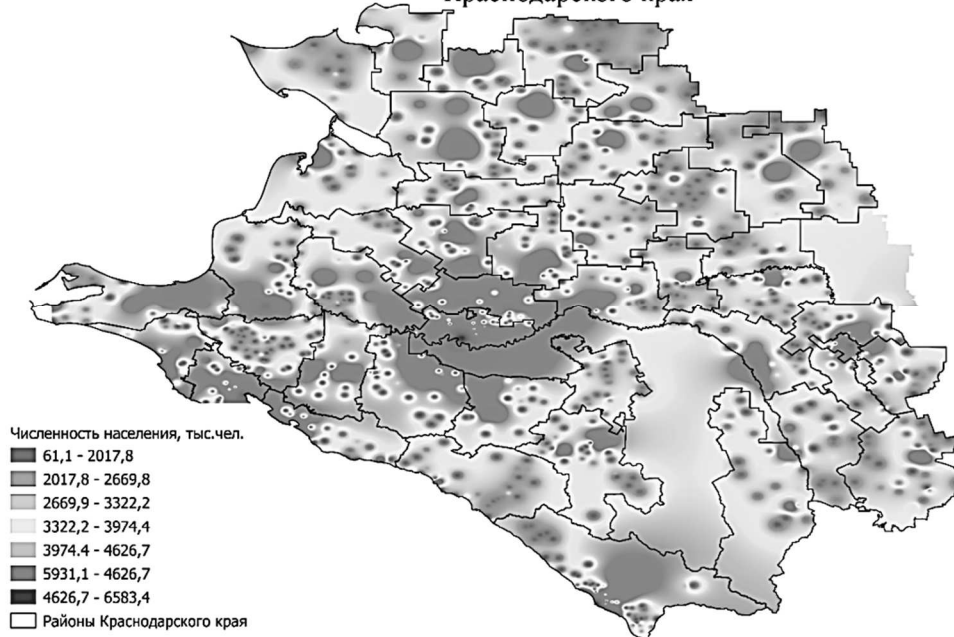

Рисунок 4 – Карта численности населения по населенным пунктам Краснодарского края

Изучив вышеизложенные показатели по отдельности, проанализировав ситуацию в целом по сельскому хозяйству Краснодарского края, и по пространственным факторам, оказывающим

наибольшее влияние на сельское хозяйство, было выполнено дифференциальное зонирование Краснодарского края (рис. 5).

Рисунок 5 – Дифференциальное зонирование территории Краснодарского края

При осуществлении зонирования принимались во внимание все параметры, их воздействие друг на друга и на основные результирующие показатели производства и использования земли.

Данное зонирование может служить инструментом принятия управленческих и инвестиционных решений для различных субъектов, взаимосвязанных с АПК:

– органов гос. власти на уровне суб. РФ позволит принимать решения по развития инфра-

структуры и социальной сферы территорий – субсидированию в отрасли или иным мерам экономической поддержки отрасли для отдельных территорий;

– органов гос. власти на уровне суб. РФ позволит определить конкурентные преимущества и недостатки с целью привлечения инвестиций в развитие отрасли;

– БСХ позволит определять для себя наиболее привлекательные территории для осуществления деятельности.

Литература:

1. *Пастухов М.А.* Анализ возможностей применения ГИС для целей определения дифференциальной ренты I / М.А. Пастухов, В.В. Афанасьева // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2020. № 8. С. 1038–1046.

2. *Пастухов М.А.* Применение геоинформационных систем для дифференциации районов Краснодарского края по объемам производства сельскохозяйственной продукции в сфере растениеводства / М.А. Пастухов, В.В. Афанасьева // Современные проблемы и перспективы развития земельно-имущественных отношений: Сборник статей по материалам II Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 24 апреля 2020 года Краснодар. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2020. С. 629–634.

3. *Пастухов М.А.* Факторная модель ренто-определения. Вестник евразийской науки. 2019. Т. 11. № 2. С. 40.

4. *Коновалова Т.В.* Пути повышения эффективности использования автотранспорта производственных предприятий / Т.В. Коновалова, А.Ф. Гусикова, С.Л. Надирян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 8. С. 188–191.

5. *Коновалова Т.В.* Особенности управления региональной транспортно-логистической системой / Т.В. Коновалова, С.Л. Надирян, И.С. Сенин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 5. С. 310–313.

6. *Коновалова Т.В.* Анализ показателей работы транспорта на предприятии агрокомплекса / Т.В. Коновалова, С.Л. Надирян, М.П. Миронова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 9. С. 183–187.

Literature:

1. *Pastukhov M.A.* Analysis of the possibilities of using GIS for the purposes of determining differential rent I / M.A. Pastukhov, V.V. Afanasyeva // Electronic network polythematic journal «Scientific works of KubSTU». 2020. № 8. P. 1038–1046.

2. *Pastukhov M.A.* Application of geoinformation systems for differentiation of districts of the Krasnodar Territory in terms of agricultural production in the field of crop production / M.A. Pastukhov, V.V. Afanasyeva // Modern problems and prospects for the development of land and property relations : A collection of articles based on the materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, Krasnodar, April 24, 2020 Krasnodar. Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, 2020. P. 629–634.

3. *Pastukhov M.A.* Factor model of rent determination. Bulletin of Eurasian Science. 2019. Vol. 11. № 2. P. 40.

4. *Konvalova T.V.* Ways to improve the efficiency of the use of motor transport of industrial enterprises / T.V. Konvalova, A.F. Gusikova, S.L. Nadiryan // Humanities, socio-economic and social sciences. 2019. № 8. P. 188–191.

5. *Konvalova T.V.* Management features of the regional transport and logistics system / T.V. Konvalova, S.L. Nadiryan, I.S. Senin // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. № 5. P. 310–313.

6. *Konvalova T.V.* Analysis of transport performance indicators at the agrocomplex enterprise / T.V. Konvalova, S.L. Nadiryan, M.P. Mironova // Humanities, socio-economic and social sciences. 2021. № 9. P. 183–187.

Польская Светлана Игоревна
ассистент кафедры государственного
и муниципального управления,
Институт экономики и управления
Крымского федерального университета
имени В.И. Вернадского
svet1k-pol@mail.ru

КЛАСТЕРЫ КАК ФОРМА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СЕТИ

Аннотация. Данная статья рассматривает подходы зарубежных и отечественных исследователей к определению кластеров, как формы предпринимательских сетей, условия сетевого взаимодействия, а также, преимущества и недостатки в таких объединениях. Анализируется практика кластерного взаимодействия в России, принципы поддержки и сферы функционирования. Автор также указывает на проблемы, с которыми сталкиваются кластерные объединения в РФ.

Ключевые слова: кластеры, предпринимательские сети, предпринимательство, сетевое взаимодействие, карта кластеров России.

Введение.
«Одной из форм крупных сетей предпринимательского типа являются кластеры; они охватывают широкий спектр социально-экономических аспектов, выступают следствием распределения производительных сил и территориально-отраслевого деления» [1].

Кластеры отражают региональные, межрегиональные, национальные, межнациональные процессы, объективируют сетевой подход, являются самой распространенной формой предпринимательской сети с целью эффективного взаимодействия всех факторов производства, как на региональном, так и на государственном уровне.

Постановка задачи.

Проанализируем накопленный отечественными и зарубежными исследователями опыт кластерных подходов.

Ход исследования.

Огромный вклад в развитие кластерных образований внес американский ученый М. Портер, именно его считают основателем кластерной теории, согласно которой: «кластер – это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний (поставщики, производители, посредники) и связанных с ними организаций (образовательные заведения, органы государственного

Svetlana I. Polskaya
Assistant of the Department of State
and Municipal Administration,
Institute of Economics and Management
Crimean Federal University
named after V.I. Vernadsky
svet1k-pol@mail.ru

CLUSTERS AS A FORM OF AN ENTREPRENEURIAL NETWORK

Annotation. This article considers the approaches of foreign and domestic researchers to the definition of clusters as a form of entrepreneurial networks, the conditions for network interaction, formation and functioning, as well as the advantages and disadvantages of the association. The practice of cluster interaction in Russia, the principles of support and areas of operation are analyzed. The problems faced by cluster associations in the Russian Federation are given.

Keywords: clusters, entrepreneurial networks, entrepreneurship, networking, map of Russian clusters.

управления, инфраструктурные компании), действующих в определенной сфере и взаимодействующих друг друга» [2]. По мнению М. Портера, конкурентоспособность страны следует рассматривать, как совокупность организаций из различных экономических сфер, причем принципиальное значение имеет их способность эффективно использовать внутренние ресурсы.

К. Бюдри и С. Бреши исследовали инновационное развитие организаций в кластере, и сделали вывод, что объединение не является катализатором инновационной деятельности, инновации зарождаются там, где накоплен достаточный запас знаний [3].

В исследованиях М. Делгадо, С. Стема рассматривалось кластерное влияние на предпринимательство, и им удалось доказать их положительный эффект, рост, развитие и удержание конкурентных преимуществ, и выживание на рынке [4].

Отечественные ученые, изучающие кластеры, были ориентированы на концентрацию производства по географическому принципу, минимизацию за счет этого издержек, решение сложностей связанных с транспортировкой товаров.

Так, О.В. Несмачных, В.В. Литовченко отмечали в кластерных объединениях стратегический уровень менеджмента, нацеленный на управление с учетом потребностей и ожиданий партнеров деловой конъюнктуры [5].

В.П. Третьяк указывает на отраслевую и географическую концентрацию предприятий кластера, которые объединены с целью производства, продаж, товаров и услуг совместными усилиями, так их могут объединять финансы, ведение совместной бухгалтерии, использование технического оборудования, общие технологические процессы [6].

В.П. Захаров отмечал, что кластерные объединения облегчают доступ к ресурсам, повышают частоту и взаимодействие между предприятиями, таким образом, создавая дополнительный «общественный капитал» [7].

Так, кластерное объединение сетевых партнеров – малого и среднего бизнеса на долгосрочной основе, осуществляется для кооперации ресурсов, снижения затрат, реализации инноваций, реализации совместных проектов с обоюдной выгодой для всех и достижения устойчивого конкурентного положения на рынке.

Сетевое взаимодействие происходит на следующих условиях:

- совместно реализуемые проекты;
- ресурсы;
- синергия от взаимодействия;
- общая институциональная основа взаимодействия [8];
- общее информационное пространство.

Наряду с этим, у кластерных объединений присутствуют, как преимущества, так и недостатки.

Преимущества сетевого взаимодействия:

- минимизация затрат в производстве продукции или услуг;
- рациональное использование территориальных ресурсов;
- защита меновых сделок с участниками кластерного объединения;
- позволяет регионам за счет кластерного объединения малых и средних предприятий реализовывать программы экономического развития национальных систем;
- повышает адаптивную реакцию участников кластерных объединений к нестабильности внешней среды и рыночным условиям;
- синергия взаимодействия и объединения ведет к созданию новых товаров и услуг;
- в процессе кластерного взаимодействия создаются новые знания, новые управленческие подходы, происходит динамическое развитие.

Недостатки сетевого взаимодействия:

- участники кластерных объединений могут столкнуться с трудностью сохранения полной автономии;

- кластерные объединения способны деформировать конкурентное пространство рынка, не учет этой особенности ведет к серьезным ошибкам в принятии хозяйственных и управленческих решений;

- кластерные объединения можно рассматривать как неформальную экономику;

- ослабляется внутриорганизационная, межорганизационная субординация;

- хозяйственная деятельность не всегда отражается в формальных договорах между организациями;

- кластерные объединения ускоряют процессы нововведений, что не всегда позитивно сказывается на территориальном развитии.

Анализируя практику кластерного взаимодействия, мы видим, что по данным проекта «Карта кластеров России» в России функционирует 119 кластерных образований, которые объединяют от 10 до 227 участников с уровнем организованности от начального до высокого [9].

Кластеры поддерживаются центром кластерного развития в рамках программы Минэкономразвития России по поддержке малого и среднего предпринимательства, включены в перечень промышленных кластеров, утверждаемый Минпромторгом России и в перечень пилотных инновационных территориальных кластеров [9].

Кластеры специализируются в таких сферах, как:

- ядерные и радиационные технологии;
- химическое производство;
- фармацевтика;
- туризм;
- судостроение;
- сельское хозяйство;
- промышленные биотехнологии;
- производство ювелирных изделий;
- производство электроэнергии и электрооборудования;
- производство одежды и обуви;
- производство строительных материалов;
- производство пищевых продуктов;
- производство мебели;
- производство машин и оборудования;
- оптика и фотоника;
- образовательные услуги;
- оборонная промышленность;

- новые материалы;
- микроэлектроника и приборостроение;
- металлургия;
- медицинская промышленность;
- лесоводство и деревообработка;
- целлюлозно-бумажное производство;
- космическая промышленность;
- информационно-коммуникационные технологии;
- защита окружающей среды и переработка отходов;
- добыча сырой нефти и природного газа;
- бизнес-услуги;
- автомобилестроение;
- авиастроение [9].

К сожалению, внедрение кластерной практики в РФ сталкивается с рядом проблем, среди которых можно выделить:

1. Недостаточную кластерную поддержку на региональном уровне со стороны органов власти, как следствие недостаточно проработанная

Литература:

1. Асаул А.Н. Методологические аспекты формирования и развития предпринимательских сетей / А.Н. Асаул, Е.Г. Скуматов, Г.Е. Локтеева; Под ред. д-р. экон. наук, проф. А.Н. Асаула. СПб. : «Гуманистика», 2004. 256 с.
2. Porter M.E. The Competitive Advantage of Nations: With a New Introduction. N.Y. : The Free Press, 1990, Palgrave Tenth Edition, 1998. 855 p.
3. Beaudry C. Are firms in clusters really more innovative? / C. Beaudry, S. Breschi // Economics of Innovation and New Technology. 2003. № 12(4). P. 325–342.
4. Delgado M. Clusters, convergence, and economic performance / M. Delgado, M. Porter, S. Stern // Research Policy. 2014. № 43(10). P. 1785–1799.
5. Несмачных О.В. Природа возникновения синергетического эффекта в промышленном кластере и оценка его воздействия / О.В. Несмачных, В.В. Литовченко // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2014. № 1. С. 27–35.
6. Семенов Е.В. Инновационный путь развития: кластерный вектор / Е.В. Семенов, В.П. Третьяк // Наука. Инновации. Образование. 2008. Т. 3. № 4. С. 7–8.
7. Захаров В. Промышленные кластеры и экономический рост / В. Захаров // Проблемы теории и практики управления. 2006. № 12. С. 19–20.

концепция региональных кластеров, отмечается слабый контакт в таких объединениях.

2. Механизм кластерного управления. Кластеры плохо поддаются централизованному управлению, этим структурам необходима скоординированная деятельность, основанная на простроенном контакте между сетевыми элементами, в силу этого разработка адаптированных механизмов управления имеет приоритетное значение.

3. Квалификацию кадров. Требуются высококвалифицированные управленцы с высокой степенью мотивации для развития и построения кластерного взаимодействия в регионах страны. В учреждениях высшего образования отмечается несоответствие образовательных программ данному требованию, отсутствуют механизмы непрерывного образования и повышения квалификации [10].

4. Отсутствие инновационной ориентации у организаций. Низкая восприимчивость предприятий к инновациям, чрезвычайно медленные темпы обновления ассортимента продукции, недостаточный уровень потребительских качеств тормозят процессы кластеризации [11].

5. Инфраструктуру. Несмотря на принимаемые меры по развитию и обновлению инфраструктуры, проблема в отдаленных от центра регионах остается в транспортной, инженерной, цифровой, инновационной инфраструктуре.

Literature:

1. Asaul A.N. Methodological Aspects of the Formation and Development of Entrepreneurial Networks / A.N. Asaul, E.G. Skumatov, G.E. Lokteeva; Ed. by Doctor of Economics, Professor A.N. Asaula. SPb. : «Humanistika», 2004. 256 p.
2. Porter M.E. The Competitive Advantage of Nations: With a New Introduction. N.Y. : The Free Press, 1990, Palgrave Tenth Edition, 1998. 855 p.
3. Beaudry C. Are firms in clusters really more innovative? / C. Beaudry, S. Breschi // Economics of Innovation and New Technology. 2003. № 12(4). P. 325–342.
4. Delgado M. Clusters, convergence, and economic performance / M. Delgado, M. Porter, S. Stern // Research Policy. 2014. № 43(10). P. 1785–1799.
5. Nesmachnykh O.V. The nature of the occurrence of a synergistic effect in an industrial cluster and its impact assessment / O.V. Nesmachnykh, V.V. Litovchenko // Scientific Review. Series 1: Economics and Law. 2014. № 1. P. 27–35.
6. Semenov E.V. Innovative way of development: cluster vector / E.V. Semenov, V.P. Tretyak // Nauka. Innovation. Education. 2008. Vol. 3. № 4. P. 7–8.
7. Zakharov V. Industrial clusters and economic growth / V. Zakharov // Problems of theory and practice of management. 2006. № 12. P. 19–20.

8. Грекова Г.И. Кластер как форма сетевого взаимодействия предпринимательских структур и инструмент управления региональным развитием / Г.И. Грекова, О.А. Фихтнер // Вестник Новгородского государственного университета. 2013. № 74-1. С. 44-49.

9. Карта кластеров России. М. : НИУ ВШЭ – Москва, 2019. URL : <http://map.cluster.hse.ru> (дата обращения 12.02.2022).

10. Неустроева Н.А. Теоретические подходы и принципы формирования кластерных структур / Н.А. Неустроева // Российское предпринимательство. 2013. № 10(232). С. 114-126.

11. Молчанов И.Н. Финансовый аспект в управлении формированием и развитием территориальных кластеров / И.Н. Молчанов, Н.П. Молчанова // Вопросы управления. 2016. № 1(38). С. 132-141.

8. Grekova G.I. Cluster as a form of business entities` network interaction and managing instrument of the regional development / G.I. Grekova, O.A. Fichtner // Bulletin of the Novgorod State University. 2013. № 74-1. P. 44-49.

9. Map of Russian clusters. M. : NRU HSE Moscow, 2019. URL : <http://map.cluster.hse.ru> (date of application 12.02.2022).

10. Neustroeva N.A. Theoretical approaches and principles of formation of cluster structures / N.A. Neustroeva // Russian entrepreneurship. 2013. № 10 (232). P. 114-126.

11. Molchanov I.N. Financial aspect in the management of the formation and development of territorial clusters / I.N. Molchanov, N.P. Molchanova // Management issues. 2016. № 1(38). P. 132-141.

Сандлер Даниил Геннадьевич

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры международной
экономики и менеджмента,
в.н.с. научно-исследовательской
лаборатории по проблемам
университетского управления,
первый проректор по экономике
и стратегическому развитию,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента Б.Н. Ельцина
d.g.sandler@urfu.ru

Daniil G. Sandler

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of International Economics and Management,
v.n.s. of the Research Laboratory
on the Problems of University Administration,
First Vice-Rector for Economics
and Strategic Development,
Ural Federal University named
after the First President B.N. Yeltsin
d.g.sandler@urfu.ru

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВУЗА
ЗА СЧЕТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ОРГАНИЗАЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ
ПРОЦЕССАМИ ВЕРХНЕГО УРОВНЯ**

**ENSURING THE COMPETITIVENESS
OF THE UNIVERSITY BY IMPROVING THE
ORGANIZATION AND MANAGEMENT
OF TOP-LEVEL PROCESSES**

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, посвященного освещению проблематики повышения конкурентоспособности высшего учебного заведения на основе совершенствования организации и управления процессами верхнего уровня. Автором предлагается концептуальный подход к определению понятия «конкурентоспособность вуза» с позиции универсально-сущностного и дескриптивно-отраслевого подходов. Предложенное уточнение существующих определений позволило автору провести моделирование процессов верхнего уровня в логике IDEFO, ключевой процесс – достижение преимущества за счет создания потока успешных выпускников на основе привлечения и учета требований заинтересованных сторон.

Ключевые слова: конкурентоспособность вуза, квазиконкуренция, моделирование процессов высшего образования, траекторно-карьерный контекст.

Annotation. The article presents the results of a study devoted to highlighting the issues of improving the competitiveness of higher education institutions based on improving the organization and management of top-level processes. The author proposes a conceptual approach to the definition of the concept of «university competitiveness» from the standpoint of universal-essential and descriptive-branch approaches. The proposed clarification of the existing definitions allowed the author to model top-level processes in the logic of IDEFO, the key process is to achieve advantages by creating a stream of successful graduates based on attracting and taking into account the requirements of stakeholders.

Keywords: university competitiveness, quasi-competition, modeling of higher education processes, trajectory and career context.

Введение.

Повышение конкурентоспособности российского высшего образования на международной арене в начале XXI века стало одной из ключевых национальных стратегических задач. Приоритетность развития данного направления зафиксирована Указом Президента РФ [1] и Паспортом национального проекта «Наука» [2]. Полемика по поводу достижения поставленных целей выходит за рамки академического сообщества, продолжаясь и среди руководящего состава в сфере высшего образования, и в социуме. По нашему мнению, трактовка результатов проекта нередко является доста-

точно односторонней, не принимающей во внимание ту или иную специфику сферы. Зачастую критика политики вузов связана с тем, что в стремлении к достижению стратегических целей по повышению конкурентоспособности университеты в той или иной степени игнорируют интересы социума или региона, в котором они базируются.

Документация программ развития и результаты исследований указывают, однако, на то, что конкурентоспособные образовательные организации высшего образования являются необходимым условием благополучия региона и страны [3]. Отметим, что указанное влияние не всегда

имеет характер эксплицитный, а следовательно, необходимо проведение дополнительных исследований проблематики.

В академической среде в дискуссии по теме повышения конкурентоспособности высшего образования консенсус относительно достаточности широты охвата реализованных мер в рамках программ повышения конкурентоспособности не достигнут. Существуют позиции, согласно которым происходит недооценивание важных аспектов деятельности университетов.

Наличие подобных рассогласований указывает на актуальность заявленной проблематики, необходимости уточнения содержания дефиниции «конкурентоспособность университета».

В отечественных и зарубежных публикациях достаточно обширно представлена проблематика сущности понятия «конкурентоспособность университетов». Уточнению исследуемого понятия способствовало также изучение работ, посвященных более широкой дефиниции «конкурентоспособность организации», здесь нельзя не отметить работы классиков по тематике М. Портера, Ф. Котлера и П. Друкера. К числу мировых экспертов, посвятивших свои исследования тематике непосредственно конкурентоспособности высших учебных заведений, относятся Л. Амстронг, П. Альтбах, Дж. Бранковик, Дель Рей, К. Кларк, Дж. Ломбарди, С. Маргинсон, Дж. Салми, А. Тейч, А. Хоббс, Г. Хорта, Й. Уанг.

Анализ содержания понятия «конкурентоспособность университета» среди отечественных авторов изучали Д.А. Бончукова, А.А. Бравермана, Ю.Б. Винслав, Р.А. Искандарян, А.А. Кондратьева, С.В. Лисов, А.А. Мамонтова, Е.Л. Молокова, С.В. Мохначев, Н.И. Пащенко, Ю.Б. Рубин, О.В. Сагинова, Ю.С. Савенкова и А.А. Советкина, В.Л. Устюжанин, Р. Фатхутдинов, Т.С. Шипунова. Вопросам интегральной оценки конкурентоспособности посвящены работы М. Аграновича, Т.В. Бизекиной, С.С. Донецкой, И.В. Захаровой, Т.А. Лоскутовой, М. Подцероба, В.И. Сацка и многих других авторов. Особого внимания заслуживает точка зрения, согласно которой, на протяжении последних десятилетий происходит поэтапное усложнение конкуренции в сфере высшего образования: «В настоящее время происходит формирование четвертого этапа развития системы высшего образования в Российской Федерации, характеризующегося тем, что конкурентная борьба между образовательными организациями перешла в новую плоскость – конкуренции отдельных образовательных программ» [4, с. 393]. Однако исследователями до сих пор отмечается недостаточный уровень проработки концепции конкурентоспособности университетов «концепция конкурентоспособности вузов и ее показателей зачастую оставляет недопонимание, либо представляется в общем виде, т.е., не является действенным инструментом, обеспечивающим конкурентоспособность вузов, и не дает необходимой информации для принятия решений заинтересованными лицами» [5, с. 46].

Материалы и методы.

Целью данного исследования было развитие теоретических основ проблематики конкурентоспособности университета, а также, моделирование организации процессов высшего образования, оказывающих влияние на конкурентоспособность высшего учебного заведения.

Для достижения поставленной цели был проведен анализ литературных источников, в том числе, традиционный анализ, в результате которого было предложено уточнение определения понятия конкурентоспособность за счет включения ключевой, по мнению автора исследования, характеристики – фокусирование на достижении стратегических целей. Кроме того, управление в сфере услуг высшего образования, основанное на авторском определении, направлено на разрешение проблемы критики со стороны внутренних и внешних стейкхолдеров, готовых участвовать в достижении стратегических целей и обеспечивать собственными ресурсами решение совместных задач и реализацию проектов.

На втором этапе исследования было проведено моделирование IDEF0 (ICAM Definition), основанный в свою очередь на подходе SADT (Structure Analysis & Design Technique), позволяющий обследовать структуры, параметры и характеристики не только производственно-технических, но и организационно-экономических систем [6].

Детализируем исследовательскую логику и полученные результаты.

Результаты.

Понятие «конкурентоспособность» представляется в теоретических источниках, зачастую, довольно сложным и комплексным, выступая фундаментально сложным показателем, вместе с тем, способностью к поддержанию долгосрочной прибыльности, соответствующим состоянием, императивным требованием и основой устойчивого развития [7, с. 312]. Единое мнение относительно понятия «конкурентоспособность университета» вместе с тем, на данный момент в теории отсутствует, нередко методологической основой для исследований становятся подходы, применяемые к традиционным рынкам товаров и услуг, не учитывающих специфику высшего образования.

Обзорные работы, структурирующие накопленный понятийный аппарат [8], не содержат однозначных рекомендаций по его использованию. По нашему мнению, существующие подходы справедливо разделять на универсально-сущностные и дескриптивно-отраслевые. Первая группа включает описание общего подхода, применимого в различных ситуациях и рынках, вторая – содержит достаточно конкретное описание конкурентоспособного вуза, релевантное заданному социально-экономическому контексту и периоду времени.

В литературе встречаются различные варианты выделения нескольких уровней конкуренции и

конкурентоспособности, в частности: глобальный (экономики), отраслевой (системы высшего образования) и микроуровень (университет) [9, с. 7]. При этом для нашего исследования мы используем иное разделение подходов по уровням системы – национальный (глобальная конкурентоспособность системы высшего образования страны), региональный (конкурентоспособность сети или системы региона относительно других территорий) и уровень конкретного образовательного учреждения. Условия российского рынка высшего образования, которые обозначены автором как открытая детерминированная квазиконкуренция [10], не позволяют исключить из рассмотрения верхние уровни с целью упрощения решения исследовательских задач. Однако именно изучение понятия «конкурентоспособность», затрагивающего все указанные уровни, позволяет сформулировать подход, оптимальный относительно кооперативной составляющей.

Акцентируя внимание на конкурентоспособности именно образовательной организации высшего образования, стратегия достижения которой должна быть уникальной, конкретной и соотносится с национальными задачами и поведением и интересами партнеров, мы сталкиваемся с необходимостью определить сущность рассматриваемого понятия с позиции как универсально-сущностного, так и дескриптивно-отраслевого подходов.

На определение содержания понятия «конкурентоспособность» в значительной степени оказывает влияние взгляд того или иного автора на сущность конкуренции, существующие подходы можно разделить на три группы:

- как борьба за ресурсы, тогда конкурентоспособность воспринимается как способность лучшим образом получать доступ к ограниченным ресурсам;
- как борьба за потребителей, конкурентоспособность – набор характеристик, который позволяет создавать товары или услуги наилучшим образом удовлетворяющие потребности и нужды потребителей;
- как борьба за оценку и статус, конкурентоспособность в рамках данного подхода является относительной конкурентов величиной, позволяет организации, ее продуктам и услугам быть более предпочтительными и высокого оцениваемыми.

Указанные подходы имеют ограничение, связанное с тем, что практическая деятельность университетов в части формирования конкурентной позиции основана на выборе целевых сегментов, приоритетных исследовательских тематик и иных зон фокусировки. Способность академической культуры осознать и найти решение практически на любой вызов приводит к недооценке потребности в компетенциях и привлечении значительных ресурсов.

Усилить существующие подходы представляется возможным за счет включения ключевой универсальной составляющей конкурентоспособности –

способности фокусироваться на целях, выбирая приоритетные направления деятельности и целевые рынки. Вопрос привлечения необходимых компетенций и ресурсного обеспечения может быть решен через включение в сущность конкурентоспособности интересов стейкхолдеров, готовых вовлекаться и поддерживать ресурсами достижение общих целей и реализацию проектов.

Таким образом, под конкурентоспособностью университета (региональной или национальной системы высшего образования) нами предлагается понимать способность фокусироваться на стратегических целях, привлекать ресурсы и развивать компетенции, необходимые для достижения поставленных целей в условиях конкурентной среды, с учетом интересов ключевых заинтересованных сторон и потребителей.

В группе дескриптивных определений также можно выделить подгруппы подходов, которые акцентируют внимание на различных элементах деятельности вуза [11; 12; 13; 14]: акцент на компетенциях, на характеристиках образовательных продуктов (услуг), на конкурентоспособности на рынке труда выпускников.

Кроме того, дескриптивные определения отличаются друг от друга по полноте включения различных аспектов деятельности вуза, акцентированию внимания на том или ином виде деятельности в большей степени. Отметим, что в данную группу определений справедливо включить те, которые совершают попытку дать интегральную оценку уровня конкурентоспособности. Данный вид определений базируются на восприятии конкурентоспособности как способности вуза занять и удерживать более высокие позиции в рейтингах. Попытка учесть интересы ряда стейкхолдеров реализуется через предложение формировать потребительские рейтинги [15], акцент именно на потребителях обоснован экспертами тем, что для вузов, особенно региональных, образовательная, а не исследовательская деятельность является более доходной. Однако большинство государственных программ сконцентрированы на научно-исследовательской деятельности.

Большинство встречающихся в теоретических источниках определений исключает из рассмотрения деятельность университетов как социальных институтов сфокусированным на образовании и исследованиях, что представляется нам неточным. Сформировавшийся подход приводит к усугублению проблем высшего образования, включая снижение качества и престижности образования [16]. Так, современная программа академического лидерства Приоритет-2030 включает такой аспект деятельности, как работа с молодежью в качестве ключевой.

Осознавая необходимость регулярной детализации и уточнения дескриптивных определений, которые, как было отмечено нами ранее, существенно зависят от социально-экономического и временного контекстов, мы предлагаем под конкурентоспособностью в рамках данного исследования и текущего контекста университетской деятельности понимать способность выделять

целевые сегменты рынка и готовить для них успешных выпускников, реализовывать НИОКР, научно-технологические и социальные проекты, наращивая и поддерживая необходимые компетенции, осуществляя привлечение талантов и ресурсов из различных источников. Согласно данному определению, ключевым драйвером повышения конкурентоспособности является формирование потока успешных на рынке труда выпускников через активное вовлечение стейкхолдеров, повышение успешности академического персонала, работодателей и иных заинтересованных сторон. Предложенное определение будет использовано нами как методологическая основа для дальнейшего моделирования процессов высшего образования.

Для построения контекстной диаграммы – начальной точки моделирования на первом этапе, согласно логике IDEF0, необходимо определить контекст, границы исследуемого процесса, цель моделирования и позиционную точку, с которой происходит рассмотрение процесса.

Основной процесс, который будет располагаться в центре модели – создание потока успешных выпускников посредством повышения вовлеченности стейкхолдеров. Логикой метода моделирования IDEF0 предусмотрено отображение четырех групп внешних обстоятельств:

- управляющие воздействия и ограничения со стороны внешней среды (предпочтения стейкхолдеров, параметры конкурентной среды, нормативно-правовые документы);

- механизмы – используемые элементы инфраструктуры и капитала (академический состав, методический инструментарий, независимые лаборатории, образовательные и промышленные партнеры, управляющая команда). Отметим, что ключевым механизмом является управляющая команда – группа руководителей разной степени разобщенности, действующая в собственных интересах, в том числе, на благо образовательного учреждения. Формирование такой команды требует дополнительных управленческих усилий и решений, ответов на вопросы: Происходит ли формирование эволюционно или под влиянием специальных кадровых технологий и бюджета? Какой состав команды должен быть?;

- выходы – результаты деятельности, процесса (параметры преимущества – значимые для конкурентоспособности вуза параметры, которые должны быть зафиксированы в документе «Карта преимуществ» и предложены на согласование стейкхолдерам – успешные выпускники, фонды инвестирования и увеличения доходов НПР вуза);

- входы – входные потоки, которые преобразуются или используются в процессе (поток абитуриентов, бюджетные и внебюджетные поступления, информационные потоки).

Второй этап моделирования подразумевает выделение шести процессов первого уровня:

- планирование достижения преимущества;
- привлечение и подготовка абитуриентов;
- обучение выбранной специальности;
- сопровождение выпускников и привлечение на программы дополнительного профессионального образования;
- распределение текущего финансирования и инвестиций.

Обсуждение.

При планировании достижения преимущества, особое внимание вузам необходимо уделять постановке стратегических целей и другим инструментам стратегического управления, что не всегда делается университетами надлежащим образом: «вузы часто формально воспринимают этот этап стратегического планирования, совершая существенную ошибку» [17, с. 6].

Схематично результаты моделирования представлены на рисунке 1.

Установки и ограничения исполняющих процессов, согласно семантике IDEF0, устанавливаются планирующим процессом. В организациях длинного производственного цикла, к которым относятся образовательные организации высшего образования, они документируются и фиксируются в «Политиках» [18]. Предлагаемая автором модель предусматривает разработку пяти политик для процессов управляющего, контролирующего, трех образовательных, модель достижения преимуществ фиксируется в стратегии вуза.

Взаимодействие между процессами характеризуется также обратными связями сильными и слабыми. К сильным обратным связям рассматриваемой модели относятся:

- отчетность об исполнении стратегии – результаты контроля, периодическая отчетность, периоды и содержание разнообразны и должны учитывать специфику вуза и его обязательства перед внешними стейкхолдерами;

- аналитический отчет о составе и подготовке абитуриентов, формирование предложений о необходимых характеристиках поступающих;

- оценки для корректировки траекторий – информация, которая позволит скорректировать образовательную траекторию студентов, использовать образовательный кредит, нивелировав изменения, которые невозможно было предугадать в начале обучения.

К нормальным обратным связям модели достижения преимущества за счет создания потока успешных выпускников включают:

- отчетность о численности студентов по формам и направлениям подготовки, видам возмещения затрат, курсам по основным образовательным программам и программам ДПО;

сирования на целях, а также учет требований и интересов заинтересованных сторон, в том числе вовлеченных в ресурсное обеспечение достижение общих задач и реализацию проектов.

На основе предложенного автором определения построена в логике IDEFO (в согласовании с методологией SADT) модель достижения преимуществ за счет создания потока успешных выпускников на основе привлечения и учета требований заинтересованных сторон, повышения успешности профессорско-преподавательского

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2018 года № 204 О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года // Сайт Президента Российской Федерации. URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027/page/1> (доступ 04.05.2021).

2. Паспорт национального проекта «Наука» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) // СПС «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319304/ (доступ 04.05.2021).

3. *Mas-Verdu F.* (2020). Competitiveness in European Regions and Top-Ranked Universities: Do Local Universities Matter? / F. Mas-Verdu, N. Roig-Tierno, P.A. Nieto-Aleman & J.-M. Garcia-Alvarez-Coque // Journal of Competitiveness. №12(4). P. 91–108. URL : <https://doi.org/10.7441/joc.2020.04.06> (access date 23.05.2021).

4. *Стукалова А.А.* Конкурентоспособность и критерии выбора образовательных программ / А.А. Стукалова, И.Б. Стукалова // Маркетинг MBA. Маркетинговое управление предприятием. 2019. Т. 10. № 4. С. 382–398.

5. *Сагинова О.В.* Показатели конкурентоспособности в программах развития вузов / О.В. Сагинова, А.А. Кондратьева, Р.А. Искандарян, Т.С. Шипунова // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. № 1. С. 44–55.

6. Р 50.1.028-2001 Информационные технологии поддержки жизненного цикла продукции. Методология функционального моделирования. Официальное издание.

7. *Dimitrova G.* Competitiveness of the universities: measurement capabilities, Trakia Journal of Sciences / G. Dimitrova, T. Dimitrova. 2017. Vol. 15. Suppl. 1. P. 311–316.

8. *Савенкова Ю.С.* Управление конкурентоспособностью вуза в современных социально-экономических условиях / Ю.С. Савенкова, А.А. Советкина // Вопросы образования. 2009. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-konkurentosposobnostyu-vuza-v-sovremennyh-sotsialno-ekonomicheskikh-usloviyah>

состава, работодателей и иных стейкхолдеров. Модель отражает организацию процессов верхнего уровня, включает требования траекторно-карьерного контекста, индивидуальные и профессиональные траектории. В качестве ключевых выделены процессы сопровождения профессиональных траекторий. Описаны основные взаимосвязи процессов, в том числе сильные и нормальные обратные. Обозначена настоятельная потребность и направление дальнейшего исследования в части разработки и детализации архитектура информационной среды.

Literature:

1. Decree of the President of the Russian Federation № 204 of May 07, 2018 On National goals and Strategic objectives of the Development of the Russian Federation for the period up to 2024 // Website of the President of the Russian Federation. URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027/page/1> (accessed 04.05.2021).

2. Passport of the national project «Science» (approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects, Protocol № 16 dated 12/24/2018) // ConsultantPlus. Electronic resource. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319304/ (accessed 04.05.2021).

3. *Mas-Verdu F.* (2020). Competitiveness in European Regions and Top-Ranked Universities: Do Local Universities Matter? / F. Mas-Verdu, N. Roig-Tierno, P.A. Nieto-Aleman & J.-M. Garcia-Alvarez-Coque // Journal of Competitiveness. №12(4). P. 91–108. URL : <https://doi.org/10.7441/joc.2020.04.06> (access date 23.05.2021).

4. *Stukalova A.A.* Competitiveness and criteria for choosing educational programs / A.A. Stukalova, I.B. Stukalova // Marketing MBA. 2019. №. 4. P. 382–398.

5. *Saginova O.V.* Indicators of competitiveness in university development programs / O.V. Saginova, A.A. Kondratieva, R.A. Iskandaryan, T.S. Shipunova // Bulletin of the Russian State University. Series: Economics. Management. Pravo. 2019. № 1. P. 44–55.

6. Р 50.1.028-2001 Information technologies for product lifecycle support. Methodology of functional modeling. Official publication.

7. *Dimitrova G.* Competitiveness of the universities: measurement capabilities, Trakia Journal of Sciences / G. Dimitrova, T. Dimitrova. 2017. Vol. 15. Suppl. 1. P. 311–316.

8. *Savenkova Yu.S.* University competitiveness management in modern socio-economic conditions / Yu.S. Savenkova, A.A. Sovetkina // Education issues. 2009. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-konkurentosposobnostyu-vuza-v-sovremennyh-sotsialno-ekonomicheskikh-usloviyah>

9. *Стукалова И.Б.* Мировые рейтинги и конкурентоспособность российских университетов / И.Б. Стукалова, А.В. Шишкин, А.А. Стукалова // Международная торговля и торговая политика. 2019. № 3(19). С. 5–18.
10. *Судакова А.Е.* Конкуренция между вузами: концептуальный анализ / А.Е. Судакова, Д.Г. Сандлер, Т.В. Тарасьева // Университетское управление: практика и анализ. 2020. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/konkurenciya-mezhdu-vuzami-kontseptualnyy-analiz>
11. *Пащенко Н.И.* Конкурентоспособность вузов и стратегии их деятельности в условиях региональной конкуренции : дис ... канд . экон. наук / Н.И. Пащенко. Уфа, 1999.
12. *Фатхутдинов Р.* Управление конкурентоспособностью вуза / Р. Фатхутдинов // Высшее образование в России. 2006. № 9. С. 37–38.
13. *Сагинова О.В.* Показатели конкурентоспособности в программах развития вузов / О.В. Сагинова [и др.] // Вестник РГГУ. Серия Экономика. Управление. Право. 2019. №1. С. 44–55. URL : <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2019-1-44-55>
14. *Кузнецов Д.Л.* Факторы конкурентоспособности вуза / Д.Л. Кузнецов // Инновации и инвестиции. 2021. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-konkurentosposobnosti-vuza>
15. *Захарова И.В.* Конкурентоспособность региональных вузов: учет мнений потребителей / И.В. Захарова // Вестник ГУУ. 2019. № 11. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/konkurentosposobnost-regionalnyh-vuzov-uchet-mneniy-potrebiteley>
16. *Молокова Е.Л.* К сравнительной характеристике национальных моделей организации высшего образования / Е.Л. Молокова, В.Л. Устюжанин // Российский экономический журнал. 2021. № 1.
17. *Сагинова О.В.* Стратегическое планирование в вузе / О.В. Сагинова // Экономика образования. 2007. № 3(40). С. 4–18.
18. ГОСТ Р 52614.2-2006 Системы менеджмента качества. Руководящие указания по применению ГОСТ Р ИСО 9001-2001 в сфере образования.
19. *Винслав Ю.Б.* К формированию организационно-экономического механизма обеспечения интеграции производственной и научно-образовательной сфер / Ю.Б. Винслав, С.В. Лисов // Российский экономический журнал. 2018. № 1.
9. *Stukalova I.B.* World rankings and competitiveness of Russian universities / I.B. Stukalova, A.V. Shishkin, A.A. Stukalova // International trade and trade policy. 2019. № 3(19). P. 5–18.
10. *Sudakova A.E.* Competition between universities: conceptual analysis / A.E. Sudakova, D.G. Sandler, T.V. Tarasyeva // University management: practice and analysis. 2020. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/konkurenciya-mezhdu-vuzami-kontseptualnyy-analiz>
11. *Pashchenko N.I.* Competitiveness of universities and strategies of their activities in the conditions of regional competition : dis cand. econ. / N.I. Pashchenko. Ufa, 1999.
12. *Fatkhutdinov R.* University competitiveness management / R. Fatkhutdinov // Higher education in Russia. 2006. № 9. P. 37–38.
13. *Saginova O.V.* Competitiveness indicators in university development programs / O.V. Saginova [et al.] // Bulletin of the Russian State University. Economics series. Management. Right. 2019. № 1. P. 44–55. URL : <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2019-1-44-55>
14. *Kuznetsov D.L.* Factors of university competitiveness / D.L. Kuznetsov // Innovations and investments. 2021. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-konkurentosposobnosti-vuza>
15. *Zakharova I.V.* Competitiveness of regional universities: taking into account consumer opinions / I.V. Zakharova // Bulletin of GUU. 2019. № 11. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/konkurentosposobnost-regionalnyh-vuzov-uchet-mneniy-potrebiteley>
16. *Molokova E.L.* On comparative characteristics of national models of higher education organization / E.L. Molokova, V.L. Ustyuzhanin // Russian Economic Journal. 2021. № 1.
17. *Saginova O.V.* Strategic planning in higher education / O.V. Saginova // Economics of education. – 2007. № 3(40). P. 4–18.
18. GOST R 52614.2-2006 Quality management systems. Guidelines for the application of GOST R ISO 9001-2001 in the field of education.
19. *Vinislav Yu.B.* Towards the formation of an organizational and economic mechanism for ensuring the integration of industrial and scientific and educational spheres / Yu.B. Vinislav, S.V. Lisov // Russian Economic Journal. 2018. № 1.

Таранов Петр Владимирович

доктор экономических наук,
профессор кафедры международной
торговли и таможенного дела,
Ростовский государственный
экономический университет
kmtitd@yandex.ru

Басенко Александр Михайлович

доктор экономических наук,
профессор кафедры международной
торговли и таможенного дела,
Ростовский государственный
экономический университет
kmtitd@yandex.ru

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ XXI ВЕКА

Аннотация. Как отмечают авторы, развитие инновационных технологий в XXI веке оказало существенное влияние на всю мировую экономику. В статье анализируются аспекты крупных экономических преобразований в рамках мирового экономического пространства. Big Data являются первоисточником всех новейших технологий, в числе которых авторами выделяются: Интернет вещей; виртуальная, дополненная и смешанная реальность; роботизацию; голограммы; 3D-печать; искусственный интеллект; блокчейн.

Ключевые слова: мировое экономическое пространство, инновационные технологии, мировая экономика, большие данные, Интернет вещей, виртуальная реальность, роботизация, голограммы, 3D-печать, искусственный интеллект, блокчейн.

В последнее десятилетие XX века цифровые технологии и глобальная сеть Интернет привели к технологическим прорывам, в результате которых мировое экономическое пространство ощутило зарождение новых технологий XXI века, ворвавшихся во многие сферы [1; 2; 3], в числе которых можно назвать, как минимум, семь ключевых инновационных технологий: Интернет вещей; виртуальную, дополненную и смешанную реальность; роботизацию; голограммы; 3D-печать; искусственный интеллект; блокчейн. Инновационные технологии «как новая комбинация производственных и интеллектуальных ресурсов открывают дорогу новым товарам и услугам, методам производства, источникам сырья и технологиям» [4, с. 187].

В стратегии инновационного развития США и стран ЕС большое место отводится механизмам стимулирования технологических нововведений в предпринимательском секторе. «Современная

Petr V. Taranov

Doctor of Economics,
Professor of the Department
of International Trade and Customs,
Rostov State
University of Economics
kmtitd@yandex.ru

Alexander M. Basenko

Doctor of Economics,
Professor of the Department
of International Trade and Customs,
Rostov State
University of Economics
kmtitd@yandex.ru

INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN THE WORLD ECONOMY XXI CENTURY

Annotation. The development of innovative technologies in the 21st century has had a significant impact on the entire world economy. The article analyzes aspects of major economic transformations within the global economic space. Big Data is the primary source of all the latest technologies, including the Internet of things; virtual and augmented reality; robotization; holograms; 3D printing; artificial intelligence; blockchain.

Keywords: global economic space, innovative technologies, world economy, big data, Internet of things, virtual reality, robotics, holograms, 3D printing, artificial intelligence, blockchain.

мировая экономика характеризуется, с одной стороны, фрагментированной, с другой – мобильной производственной деятельностью» [5, с. 42]. В этих условиях международный обмен инновационными технологиями представляется главным фактором технологической модернизации и распространения современных знаний, а также инновационных технологий, в первую очередь, цифровых технологий в глобальном мировом сообществе [5, с. 42].

Прежде чем вести речь о ключевых инновационных технологиях, зададимся вопросом: А какие аспекты крупных экономических преобразований в рамках мирового экономического пространства можно выделить?

Во-первых, в мировой экономике XXI века наблюдается процесс международного технологического трансфера (МТТ), представляющий собой международный процесс обмена знания-

ми, технологиями и навыками экономических агентов определенной страны с экономическими агентами других стран, причем этот процесс приводит к приобретению и применению этих знаний, технологий и навыков в рамках мирового взаимодействия [5, с. 44].

Во-вторых, процесс эволюционного развития техники и инновационных технологий имеет одно основание – общедоступные большие данные для всего мирового экономического пространства.

В-третьих, происходит процесс перехода к инновационному типу мировой экономики, для которого характерна коммерциализация нового научно-технического знания как доминирующего фактора мирового производства [6].

В-четвертых, процесс «уберизации» Uber Technologies («Убер») мировой экономики, активно и молниеносно развивающийся в сфере услуг. Г.Л. Подвойский подчеркивает: «Uber называют убийцей посредников, поскольку его технологическая интернет-платформа напрямую соединяет потребителей и поставщиков товаров и услуг и позволяет выполнить сразу несколько операций – поиск, выбор, заказ, поставка и оплата» [7, с. 9]. «Уберизация» быстро распространяется на новые мировые рынки сферы услуг, создает мировую «экономику совместного потребления» с ее потенциальными вызовами и угрозами [8]. Уберизацию также называют «мировой экономикой свободного заработка», ибо она вовлекает значительное число индивидуальных предпринимателей [7, с. 10].

В-пятых, в результате «новой промышленной революции» наблюдается процесс перехода к новой умной экономике, влекущей за собой целый комплекс изменений в мировой экономике (технологических, политических, социально-экономических).

Ведя речь о новой промышленной революции, экономист Давосского форума Дженифер Бланке замечает, что имеет в виду компьютеризацию, цифровую эпоху, которая наступила примерно в середине 20-го века. А то, что мы видим сейчас, – «это четвертая промышленная революция; она связана с тем, что мы можем создать с помощью новых великолепных технологий, будь то нано – или биотехнологии, искусственный интеллект, 3D-принтеры – все эти разные вещи объединяют технологии» в мировой экономике [9].

А какие аспекты оказывают воздействие на долгосрочные перспективы инновационного развития мировой экономики в свете формирования и внедрения инновационных стратегий и технологий?

Е.С. Аكوпова и Т.В. Панасенкова выделяют два значимых аспекта:

1) глобальный аспект: инновационный сектор мировой экономики в области зарождения новых технологий становится глобальным;

2) стоимостный инвестиционный аспект: «усложнение инноваций, межотраслевой харак-

тер которых делает инвестиции дороже» [4, с. 190].

Как известно, фундаментом инновационных технологий являются Большие данные (Big Data) – технологии, используемые для сбора, обработки, поиска, передачи и представления большого объема информации. Это релевантный и ценный колоссальный массив информации, который, по мнению В. Майера и К. Куэе, «соответствует растущей способности сжимать огромное количество информации, мгновенно анализировать и извлекать» множество разноплановых выводов [10]. При этом стоит обратить внимание на тот факт, что существуют две кардинально противоположные точки зрения на Big Data. Одни экономисты полагают, что это благо для мирового экономического пространства, т.к. Big Data помогут бороться с мошенничеством, отслеживать террористов, получать и применять преимущества лучших способов обслуживания клиентов, предвосхищать и предотвращать пандемии и пр. Другая же точка зрения демонстрирует отрицательное влияние Big Data на мировое сообщество, т.к. они представляют угрозу образу жизни и свободе населения, они могут быть использованы для покровительства и манипулирования людьми, мировыми бизнес-моделями и целыми сообществами. Выражая свое мнение по поводу Big Data, В. Йонген цитирует слова основателя США Т. Джефферсона: «Информация – это валюта демократии», указывая при этом на серьезную проблему для всего социально-экономического пространства как результат влияния больших данных: «огромное количество данных, новый капитал, находится в руках узкого круга людей» [1, с. 31].

Именно Big Data являются первоисточником всех новейших технологий, в числе которых:

- Интернет вещей;
- виртуальная, дополненная и смешанная реальность;
- роботизация;
- голограммы;
- 3D-печать;
- искусственный интеллект;
- блокчейн – именно об этих технологиях и пойдет далее речь.

Интернет вещей (IoT) – технология подключения к Интернету разнообразных вещей и устройств, образующих локальную сеть и взаимодействующих друг с другом и с мировой экономической средой (автомобили, бытовая техника, медицинские приборы и т.д.). Происходит обмен данными, на основе которых техника обретает способность «самостоятельно совершать какие-либо действия без участия человека. Эта идея реализована в виде «умных домов», «умных ламп и розеток», «умных весов», «умных часов», следящих за здоровьем, и т.д.» [7, с. 10]. Все это – пример «умной» мировой экономики, в рамках которой такие технологические мировые гиганты

как Amazon, Alibaba, Apple, Facebook, Google и Microsoft будут проникать в жизнь людей, используя их данные во всем мировом экономическом пространстве [1, с. 37].

Виртуальная реальность (VR) – технология компьютерной симуляции, искусственный мир, в котором имитируется трехмерное пространство. VR имеет два свойства: человек может с помощью своих органов чувств воспринимать виртуальный мир посредством чувственной сферы (в визуальных, аудиальных, тактильных и обонятельных образах); а также вступать в интерактивное взаимодействие. Дополненная реальность (AR) – компьютерная технология моделирования трехмерного изображения или пространства, генерирующая не новую реальность, а добавляющая виртуальные объекты на объекты реального мира; AR представлена в основном в формате приложений для смартфонов. В качестве примеров можно привести интерактивную навигацию на выставках и в музеях, примерку одежды, или развлекательные истории с масками в Instagram, TikTok, Snapchat. Изображение с камеры мобильного телефона – принципиально отличный от привычных новостных лент и страниц сайтов способ получения информации. Смешанная реальность (MR) – технология пересечения VR и AR – это сочетание физического и цифрового миров, обеспечивающее взаимодействие между человеком, компьютером и средой. Такого рода новая реальность стала возможной благодаря развитию систем компьютерного зрения (VR-очки), графической обработки, технологий для дисплеев, систем ввода и облачных вычислений. Так, шопинг – это вариант MR: названия предметов в списке покупок потребителя будут загораться, когда он проходит через ряды супермаркета при условии, что потребитель надел VR-очки либо выставил контакты в MR.

Следующая инновационная технология в мировой экономике XXI века – роботизация – робототехника (промышленные роботы), представляющая собой производственные системы, построенные на основе ИИ и сенсорной техники. Это новая составная часть технологической автоматизации, которая «подразумевает под собой замену работы, выполняемой человеком, на процессы, осуществляемые в автоматическом порядке какими-либо роботизированными системами на уровне промышленных масштабов» [11].

Новая технология голограмм – это опция, позволяющая вызывать 3D-проекцию товаров и услуг везде и всюду и в любое время. Голограммы, например, позволяют размещать модели, позирующие в стеклянных витринах на улице или улучшить упаковку и сделать ее интерактивной.

Следующая новейшая технология – 3D-печать – технология умной экономики, используя 3D-печать, управляемые компьютерами машины могут производить уникальные предметы любой

возможной формы. Например, Siemens, применяет 3D-принтеры для производства деталей машин, имея возможность печатать их на месте, что позволяет экономить время и ресурсы. В силу быстрого, дешевого и качественного производства товаров, 3D-печать уже стала наиболее привлекательным и обсуждаемым примером в рамках мировой умной экономики.

Искусственный интеллект (ИИ) – система программных и аппаратных средств, наделенная способностью с той или иной степенью автономности воспринимать информацию. В основе ИИ лежит машинное обучение, это технология создания компьютерных алгоритмов и программ, функционирующих по принципу интеллектуальных систем: обучаются и сохраняют информацию на основе опыта, оценивают и применяют абстрактные концепции, используют полученные знания, чтобы оказывать влияние на мировое экономическое пространство. Так, чат-боты становятся все более распространенными в новых мировых центрах обслуживания клиентов, а цифровые консультанты исключительно быстро и отлично справляются с большим количеством несложных запросов. По мнению ведущих экономистов, ИИ – хороший помощник розничным продавцам, т.к. позволяет «не только улучшать обслуживание и привлекать клиентов», но повышать «ключевые показатели эффективности: маркетинг, сроки поставки, затраты на выполнение, аналитику» и пр. [1, с. 45].

Технология распределенного реестра блокчейн (Blockchain) – еще одна современная технология XXI века, представляющая собой алгоритмы и протоколы децентрализованного хранения и обработки транзакций, структурированных в виде последовательности связанных блоков. Это – технология, лежащая в основе цифровой валюты Bitcoin – децентрализованная публичная книга глобальных экономических сделок. Как подчеркивает В. Йонген, блокчейн – это «механизм, автоматически гарантирующий подлинность и целостность транзакций», реализуемых через открытую сеть (аналогичную сети Интернет) в облаке. Блокчейн доступен для всех, но при этом никто за него не отвечает, не контролирует и не может претендовать на обладание им [1, с. 47].

Все вышеперечисленные новейшие технологии XXI века уже получили широкое применение на практике. В сетевой торговле, страховании, банковском деле, туристской отрасли все чаще применяются ИИ для определения интеллектуальных алгоритмов поведения потребителей, основанных на Big Data, что позволяет учесть индивидуальные предпочтения клиентов при производстве товаров и услуг [12].

Таким образом, инновационные технологии были и будут в перспективе пусковым механизмом глубоких изменений, оказывающих беспрецедентное влияние на все мировое экономическое пространство.

Литература:

1. *Йонген В.* Onlife. Ритейл будущего: что нужно сделать сегодня, чтобы быть лидером отрасли

Literature:

1. *Jongen V.* Onlife. Retail of the future: what needs to be done today to be the industry leader to-

завтра / В. Йонген; Пер. Д.А. Шалаевой. М., 2021. 320 с.

2. Applying of information and communication technologies in the education process / Collection: E3S Web of Conferences / N. Gafiatulina [et al.]. 13. Ser. «13th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTERAGROMASH 2020». 2020. P. 15031.

3. Cyber socialization as a factor of influence on the social health of student youth in a modern educational environment under the development of a global information society / E.A. Karapetyan [et al.] // Revista Gênero e Direito. 2020. Vol. 9. № 4. P. 830–845.

4. Акопова Е.С. Инновационная парадигма развития мировой экономики / Е.С. Акопова, Т.В. Панасенкова // Мировая экономика и международные экономические отношения. 2012. № 8 (93). С. 186–191.

5. Интернациональное и национальное в экономическом развитии в XXI веке (в свете экономической теории) : коллективная монография / Под ред. А.А. Пороховского, А.В. Сорокина. М., 2021. 374 с.

6. Таранов П.В. Мировая экономика и особенности ее глобализации / П.В. Таранов, Л.Х. Попова, И.В. Куликова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 1. С. 146–150.

7. Подвойский Г.Л. Роль новых технологий в экономике XXI века / Г.Л. Подвойский // Мир новой экономики. 2016. № 4. С. 6–15.

8. Акопова Е.С. Глобальная экономика совместного потребления: потенциальные угрозы и вызовы / Е.С. Акопова, С.С. Кравцов, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 12.

9. Euronews. URL : <http://ru.euronews.com/2016/01/19/what-is-the-4th-industrialrevolution>

10. Big Data: A Revolution That Will Transform How We Live, Work, and Think, Viktor Mayer-Schonberger and Kenneth Cukier, Houghton Mifflin Harcourt, 2013.

11. URL : <https://vektor.ru/blog/robotizatsiya.html>

12. Gartner Hype Cycle: Big Data is Out, Machine learning is in, Bhavya Geethika URL : www.kdnuggets.com, August 2015.

morrow / V. Jongen; Transl. by D.A. Shalaeva. M., 2021. 320 p.

2. Applying of information and communication technologies in the education process / Collection: E3S Web of Conferences / N. Gafiatulina [et al.]. 13. Ser. «13th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTERAGROMASH 2020». 2020. P. 15031.

3. Cyber socialization as a factor of influence on the social health of student youth in a modern educational environment under the development of a global information society / E.A. Karapetyan [et al.] // Revista Gênero e Direito. 2020. Vol. 9. № 4. P. 830–845.

4. Akopova E.S. Innovative paradigm of the development of the world economy / E.S. Akopova, T.V. Panasenkovna // World economy and international economic relations. 2012. № 8(93). P. 186–191.

5. International and national in economic development in the XXI century (in the light of economic theory) : collective monograph / Ed. A.A. Porohovsky, A.V. Sorokin. M., 2021. 374 p.

6. Taranov P.V. The world economy and features of its globalization / P.V. Taranov, L.Kh. Popova, I.V. Kulikova // State and municipal management. Scientists notes. 2019. № 1. P. 146–150.

7. Podvoisky G.L. The role of new technologies in the economy of the XXI century / G.L. Podvoisky // World of New Economics. 2016. № 4. P. 6–15.

8. Akopova E.S. Global sharing economy: potential threats and challenges / E.S. Akopova, S.S. Kravtsov, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2021. № 12.

9. Euronews. URL : <http://ru.euronews.com/2016/01/19/what-is-the-4th-industrialrevolution>

10. Big Data: A Revolution That Will Transform How We Live, Work, and Think, Viktor Mayer-Schonberger and Kenneth Cukier, Houghton Mifflin Harcourt, 2013.

11. URL : <https://vektor.ru/blog/robotizatsiya.html>

12. Gartner Hype Cycle: Big Data is Out, Machine learning is in, Bhavya Geethika URL : www.kdnuggets.com, August 2015.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 21.02.2022
Подписано в печать 25.02.2022
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 13
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 84

e-mail: id.yug2016@gmail.com